ПАНТЕЛЕЙМОНЪ РОМАНОВЪ

ТРИ ПАРЫ ШЕЛКОВЫХЪ ЧУЛОКЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА"

ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ РОМАНОВЪ

ТРИ ПАРЫ ШЕЛКОВЫХЪ ЧУЛОКЪ

(ТОВАРИЩЪ КИСЛЯКОВЪ)

РОМАНЪ

ИЗД-ВО „ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА“, РИГА

Типографія Акц. Общ. «РИТИ», Рига.
1930

Слѣдствіе по дѣлу о загадочной драмѣ на Садовой улицѣ 1-го октября въ квартирѣ научнаго работника Аркадія Незнамова не могло установить, было это убійство или самоубійство.

За убійство говорило то обстоятельство, что старенькій кавказскій кинжалъ, который нашли въ комнатѣ подъ большимъ орѣховымъ кресломъ, оказался принадлежащимъ сотруднику Центральнаго Музея, часто бывавшему въ этой квартирѣ.

Катастрофа произошла какъ разъ въ то время, когда онъ былъ въ комнатѣ. И к р и к ъ послышался изъ той комнаты п о с л ѣ того, какъ онъ вошелъ туда.

Но вся совокупность условій все-таки говорила противъ его причастности къ убійству.

Нѣкоторые завязку драмы относили къ среднимъ числамъ августа, т.-е. за полтора мѣсяца до катастрофы, но нельзя же въ самомъ дѣлѣ в с т р ѣ ч у дѣйствующихъ лицъ считать завязкой. А если допустить невиновность подозрѣваемаго лица, тогда, можетъ быть, станетъ болѣе понятной роль остальныхъ лицъ этой драмы: вѣдь въ обнаруженныхъ слѣдствіемъ письмахъ съ достаточной ясностью вскрылась роль другихъ лицъ — Доронина и Фомина, — именовавшихся въ семьѣ Аркадія Незнамова дядей Мишукомъ и Левочкой. Кромѣ того, причастность къ этой трагедіи нѣкоего иностранца Миллера также даетъ возможность дѣлать совершенно опредѣленные выводы.

Если принять во вниманіе все это, тогда станетъ ясно, что завязка, можетъ быть, началась не въ августѣ въ Москвѣ, а гораздо раньше, еще въ Смоленскѣ . . .

Можетъ быть, въ этомъ отношеніи ближе къ правдѣ была пресса, которая прежде всего отмѣчала, что исчерпывающихъ объясненій этого случая нужно искать не въ уголовномъ планѣ, а въ какомъ-то другомъ.

Она указывала на то, что «основное настроеніе (выявившееся въ найденныхъ трехъ письмахъ) обнаруживаетъ глубоко-скрытую страшную болѣзнь, которая разъѣдаетъ «душу» интеллигенціи, даже работающей съ нами, и является для нея грознымъ предостереженіемъ».

«Условія эпохи, — говорилось дальше въ газетѣ, — требуютъ, чтобы интеллигенція окончательно, разъ и навсегда пересмотрѣла свои политическія позиціи. Въ историческій моментъ соціалистическаго наступленія и обостренія классовой борьбы нужно стать или активнымъ бойцомъ, или совсѣмъ сойти со сцены въ самомъ буквальномъ смыслѣ».

Однако, несмотря на всѣ усилія слѣдственной власти, уголовная сторона этого трагическаго случая осталась неразгаданной.

I.

Въ тотъ годъ въ августѣ стояла жаркая, совсѣмъ лѣтняя погода. Москва на утреннемъ солнцѣ сквозь дымку синеватаго тумана блестѣла и сверкала золотыми главами церквей, крышами и окнами безчисленныхъ домовъ.

Политыя съ утра, подметенныя мостовыя въ тѣни дышали августовскимъ холодкомъ, а на солнечной сторонѣ сверкали мокрымъ глянцемъ камней и быстро высыхали отъ начинавшаго печь солнца.

Изъ вокзала періодически, съ каждымъ приходящимъ дачнымъ или дальнимъ поѣздомъ высыпали, какъ игрушки изъ игрушечнаго ящика, пассажиры на площадь съ дорожными корзинами, сундучками и чемоданами. Поражало почти полное отсутствіе интеллигентныхъ лицъ, буржуазныхъ шляпокъ, зонтиковъ и котелковъ: преобладали красные платки, кепки, которые облѣпляли проходившіе трамваи, торговались съ наѣхавшими извозчиками и медленно растекались по всѣмъ направленіямъ среди уличнаго шума и грохота столицы.

Каждаго пріѣхавшаго послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія изъ Москвы непривычно поражалъ этотъ шумъ: по улицамъ съ непрерывными гудками проносились толстобокіе автобусы, безъ умолку звенѣли на запруженныхъ народомъ перекресткахъ трамваи. Сотрясая мостовую, съ звенящимъ грохотомъ везлись на дрогахъ куда-то желѣзныя рельсы, откуда-то слышался лязгающій звонъ желѣзныхъ балокъ, по которымъ били тяжелымъ молотомъ, — и эти удары глухо отдавались въ ближнемъ переулкѣ.

А среди этого шума, звона и грохота по обѣимъ сторонамъ улицы двигался непрерывный потокъ людей.

Иногда какой-нибудь пріѣзжій, въ картузѣ, съ мѣшками, останавливался въ узкомъ мѣстѣ тротуара, чтобы пропустить встрѣчныхъ, но не могъ дождаться, такъ какъ навстрѣчу ему безъ конца выливался и выливался потокъ людей.

— Да что же это, мои матушки, — прорвало, что ли, ихъ! — говорилъ онъ, въ отчаяніи оглядываясь по сторонамъ.

Очевидно, было какое-то торжество, потому что часто попадались шедшія со знаменами процессіи молодежи. Передніе шли со строгими, серьезными лицами, въ серединѣ и сзади переговаривались и перебѣгали изъ ряда въ рядъ.

Надъ улицей часто попадались протянутыя красныя полотнища, привязанныя веревками за фонари. И всѣ пѣшеходы, проходя подъ ними, поднимали головы и читали:

«Желѣзной волей рабочато класса построимъ соціализмъ», или: «Вычистимъ изъ нашего аппарата враждебные и чуждые элементы».

— Проходите, не зѣвайте, дома прочтете! — кричали задніе. Но сейчасъ же сами останавливались, такъ какъ посерединѣ улицы стояла какая-то странная машина съ заграничными клеймами, и около нея возились два выпачканныхъ въ нефть человѣка въ брезентовыхъ куртках. Машина ломала старый асфальтъ

на ремонтируемой улицѣ, собирая вокругъ себя зрителей.

Въ одномъ изъ переулковъ, среди сваленныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и желѣзныхъ балокъ возвышался строящійся гигантскій домъ, весь, какъ коробка, обшитый фанерой. Отсюда слышались дробный стукъ топоровъ, крикъ и брань возчиковъ, запрудившихъ проходъ и проѣздъ по переулку подводами съ тесомъ.

— Подвинь впередъ! — кричалъ одинъ. — Что растопырился на дорогѣ!

— Куда же я подвину, по воздуху, что ли, полечу! — отвѣчалъ другой. Третій тоже что-то кричалъ, но его голосъ заглушался грохотомъ падающихъ сверху бревенъ и скрежещущимъ визгомъ отдираемыхъ досокъ, прибитыхъ длинными гвоздями къ подмосткамъ.

— Вотъ чортовъ Содомъ-то! — говорилъ первый возчикъ, плюнувъ и отходя отъ своей лошади къ тротуару.

Проходившій отрядъ піонеровъ въ синихъ майкахъ, съ барабанщикомъ впереди, въ нерѣшительности остановился передъ повозками.

— Куда вы прете! — закричалъ возчикъ. — Не видите, что прохода нѣтъ. Расходились! Только и дѣлаютъ, что ходятъ!

II.

Только одинъ домъ, находившійся въ самомъ центрѣ стройки, поражалъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ этой напряженностью жизни.

Высокія стрѣльчатыя окна съ рѣшотками, угрюмый, молчаливый видъ дѣлали его похожимъ на церковь, а безконечное количество башенокъ, шпилей на крышѣ еще болѣе увеличивало это сходство.

Тяжелыя дубовыя двери съ витыми ручками открывались съ большимъ усиліемъ и, разъ открывшись, тянули своей тяжестью входившаго внутрь такъ, что ему приходилось упираться.

До десяти часовъ утра двери этого страннаго учрежденія, какъ бы въ противовѣсъ жизни и шуму улицы, оставались закрытыми и нѣмыми.

И только въ десять одна тяжелая половина ихъ открылась благообразнымъ старичкомъ, швейцаромъ въ бѣломъ китель и вычищенныхъ штиблетахъ. Онъ положилъ подъ дверь обломокъ кирпича, чтобы она не закрывалась, — передвинувъ очки съ переносицы на лобъ, выпрямилъ спину и оглянулся на синѣвшее надъ деревьями и крышами небо.

— Какова погода-то стоитъ, — сказалъ онъ, обратившись къ вышедшему на улицу дворнику съ метлой и желѣзнымъ совкомъ на рукѣ для уличнаго сора.

— Погодка — на что лучше, — отвѣтилъ тотъ, тоже осмотрѣвшись кругомъ.

— Да, благодать, — сказалъ швейцаръ и пошелъ внутрь зданія по твердымъ пенечнымъ коврикамъ читать свѣжую газету къ своему столику, стоявшему у колонны.

Огромное антрэ съ высокими колоннами и сводчатыми расписными потолками, безконечно уходящая вверхъ широкая лѣстница съ бѣлыми статуями по сторонамъ подавляли посѣтителя своимъ мрачнымъ, молчаливымъ величіемъ.

Скудные лучи свѣта проходили откуда-то сверху, — очевидно, черезъ разноцвѣтныя стекла, — и освѣщали колонны и бѣлыя ступени отлогой лѣстницы.

Каждый звукъ голоса или кашля глухо отдавался подъ сводами, какъ въ церкви, и человѣкъ, произведшій этотъ шумъ, самъ пугался его.

Прохлада каменныхъ сводовъ послѣ уличной духоты и какой-то церковный запахъ, исходившій, вѣроятно, отъ масляной краски на стѣнахъ и потолкахъ, неподвижность каменныхъ массивовъ колоннъ какъ бы говорили о вѣчной неподвижности, враждебной буйному движенію улицы.

Это было зданіе Центральнаго Музея.

Въ началѣ одиннадцатаго стали собираться сотрудники. Они въ подавляющемъ большинствѣ имѣли нѣчто

общее съ самимъ учрежденіемъ. Если на улицѣ преобладали шумныя кепки, красные платки, сапоги, то здѣсь были сплошь интеллигентныя лица: мужчины въ шляпахъ, въ пальто, дамы въ скромныхъ закрытыхъ платьяхъ и съ сѣдыми прическами, которыя они оправляли передъ зеркаломъ прежде, чѣмъ подняться наверхъ.

Швейцаръ Сергѣй Ивановичъ, поспѣшно снявъ очки со своей почтенной лысой головы, съ особеннымъ удовольствіемъ бросался раздѣвать входившихъ и непремѣнно обращался къ кому-нибудь съ почтительной фразой:

— Погодку-то какую Богъ посылаетъ.

Мужчины всѣ были одѣты въ пиджакахъ съ лѣтними сорочками въ полосочку, непремѣнно съ галстукомъ и запонками. Изъ интеллигентовъ не было ни одного, который рѣшился бы нарушить общій тонъ и притти въ рубашкѣ съ открытымъ воротомъ и съ засученными за локоть рукавами.

Только нѣсколько человѣкъ совсѣмъ иного вида, не заходя въ раздѣвальню, прошли прямо наверхъ, такъ какъ были безъ пальто и безъ шапокъ. Это были комсомольцы и выдвиженцы изъ рабочихъ.

Имъ молча посмотрѣли вслѣдъ.

Обыкновенно всѣ приходили въ хорошемъ настроеніи, привѣтливо, какъ хорошіе господа въ своей вотчинѣ, задавали нѣсколько вопросовъ Сергѣю Ивановичу; напримѣръ, кто-нибудь говорилъ:

— Что новаго въ газетахъ, Сергѣй Ивановичъ?

— Все строятся, — отвѣчалъ тотъ нѣсколько иронически, въ тонъ задаваемому вопросу.

Мужчины, вѣжливо здороваясь, цѣловали у дамъ ручки, у пожилыхъ и старыхъ съ особенной вѣжливостью и почтительностью. Видно было, что здѣсь не молодежь, а старыя дамы поддерживали разъ установленный порядокъ и давали всему тонъ. И тонъ былъ самый вѣжливый. Всегда говорилось: «Вы изволили сказать», «Будьте добры передать», и т. д.

Сергѣй Ивановичъ любилъ свое учрежденіе и гордился имъ. Гордился его чистотой, благообразіемъ и тѣмъ, что служащіе всѣ вѣжливые, обходительные, настоящіе интеллигентные господа, понимающіе порядокъ: никто въ грязную погоду не приходитъ безъ калошъ, не бросаетъ окурковъ, не плюетъ, и каждый даетъ на чай въ концѣ мѣсяца.

Но сегодня не было обычнаго спокойствія на лицахъ сотрудниковъ, они не спѣшили подняться наверхъ, а собирались группами подъ колоннами и о чемъ-то тревожно говорили негромкими голосами.

Среди всѣхъ выдѣлялась полная, величественная женщина съ сѣдыми завитыми волосами, съ лорнеткой, мотавшейся ниже пояса на длинномъ шнуркѣ. Она больше всѣхъ волновалась, разводила недоумѣвающе руками и пожимала плечами, при чемъ брови у нея поднимались вверхъ съ выраженіемъ неразрѣшимаго тревожнаго вопроса. Это была Марья Павловна Бахмутова, работавшая въ иностранномъ отдѣлѣ библіотеки.

Около нея стоялъ высокій, барскаго вида, старикъ съ сѣдой раздвоенной на концѣ бородкой, въ шляпѣ и въ старинной накидкѣ, которыхъ еще не успѣлъ снять, — Андрей Игнатьичъ Андріевскій, завѣдывавшій отдѣленіемъ картинъ и фарфора.

Къ нему, какъ къ авторитетному лицу, обращались за объясненіями.

— Я не понимаю, что же это можетъ быть? — говорила Марья Павловна.

— Продолженіе и углубленіе того, что уже давно началось, — отвѣчалъ Андрей Игнатьичъ.

— Гдѣ же Ипполитъ Григорьевичъ Кисляковъ? Можетъ быть, онъ что-нибудь знаетъ болѣе подробно. Сергѣй Ивановичъ, Кисляковъ еще не приходилъ?

— Никакъ нѣтъ.

Но вдругъ всѣ замолчали. Въ подъѣздъ вошелъ странный человѣкъ въ сапогахъ, двубортномъ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ синей косоворотки, лѣтъ тридцати пяти, съ худымъ, бритымъ лицомъ. На вискѣ у него

былъ шрамъ, очевидно — отъ пули, разбившей кость виска и выбившей глазъ, такъ что одинъ глазъ у него былъ стеклянный. Благодаря этому у него было особенно жесткое выраженіе лица, такъ какъ къ обыкновенному взгляду живого глаза присоединялся немигающій, острый взглядъ стекляннаго.

Странная тишина наступила въ подъѣздѣ, когда этотъ человѣкъ не спѣша вытиралъ пыльные сапоги о коврикъ у дверей. Потомъ онъ отдалъ свою сѣрую кепку Сергѣю Ивановичу, сказавъ:

— Здравствуйте, товарищъ Морошкинъ.

Сергѣй Ивановичъ принялъ кепку и, поклонившись, отвѣтилъ:

— Добраго здоровья, Андрей Захаровичъ.

Онъ поднесъ кепку къ вѣшалкѣ и при этомъ переглянулся съ сотрудниками.

Пришедшій съ нѣкоторымъ удивленіемъ оглядѣлъ стоявшія группы сотрудниковъ, какъ-то неловко, рѣзкимъ кивкомъ головы, молча поклонился и сталъ подниматся по лѣстницѣ наверхъ.

Марья Павловна посмотрѣла черезъ лорнетъ ему въ спину и на сапоги.

— Между прочимъ, объявленьице повѣшено въ библіотечномъ залѣ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, выждавъ, когда человѣкъ съ стекляннымъ глазомъ скрылся за поворотомъ.

— Ну и что же? — спросила тревожно Марья Павловна, направивъ лорнетъ на Сергѣя Ивановича.

— Назначено на завтра.

— Началось, — сказала она, бросивъ лорнетку и безсильно опустивъ руки. — Ну, что же, господа, пойдемте. Кисляковъ, очевидно, не придетъ.

Всѣ стали подниматься наверхъ; дамы впереди, мужчины, вѣжливо пропуская ихъ, шли позади.

При входѣ наверхъ открывался длинный рядъ большихъ залъ съ каменнымъ поломъ и сводчатыми потолками, расписанными золотымъ орнаментомъ. Эти залы были наполнены огромными желтыми шкафами; въ нихъ

за стеклами стояли человѣческія фигуры съ восковыми лицами во всевозможныхъ одеждахъ. Въ другихъ мѣстахъ виднѣлись древнія колесницы, предметы царскаго обихода и стариннаго крестьянскаго хозяйства. У стѣнъ стояли стеклянныя витрины съ табакерками, осыпанными алмазами, въ углахъ — высокія мраморныя и яшмовыя вазы. Были залы, сплошь уставленныя мебелью эпохи Павла и Александра Перваго. Въ другихъ мѣстахъ стояли каменныя бабы, какіе-то предметы всевозможныхъ видовъ и формъ, частью разобранные и размѣщенные вдоль стѣнъ, частью еще неразобранные и просто сваленные въ углахъ. При чемъ было особенно много деревянныхъ рѣзныхъ солонокъ и ковшей, какіе можно видѣть на сценѣ въ картинахъ боярскихъ пировъ.

Угольная зала была полна картинъ стариннаго русскаго письма, потемнѣвшихъ отъ времени, похожихъ на иконы, другая — наполнена самими иконами въ старинныхъ, шитыхъ жемчугомъ ризахъ, а третья — въ два свѣта — была уставлена безконечными полками древнихъ книгъ съ тѣмъ ихъ особеннымъ, стариннымъ запахомъ, который бываетъ у столѣтнихъ книгъ съ ихъ мягкой, негремящей, всегда точно сыроватой толстой бумагой.

Въ этой-то залѣ и висѣло объявленіе, о которомъ говорилъ Сергѣй Ивановичъ.

Въ немъ ничего не заключалось на первый взглядъ особеннаго. Просто было сказано, что въ пятницу всѣмъ сотрудникамъ предлагается притти на собраніе. И подпись: «Директоръ музея Андрей Полухинъ».

Сотрудники смотрѣли на это объявленіе съ такимъ растерянным выраженіемъ, съ какимъ новобранцы смотрятъ на неожиданно расклеенныя объявленія о мобилизаціи, и всѣ молчали, такъ какъ за столикомъ пропусковъ сидѣлъ въ синемъ фартукѣ новый, недавно назначенный, ч у ж о й. И только въ глазахъ дамъ отражалось, насколько сильно онѣ переживали. Большинство же мужчинъ стояло съ какимъ-то покорнымъ, бездѣйственнымъ выраженіемъ, какое бываетъ у иноковъ.

А высокій, черный, въ мѣшковатомъ пиджакѣ, висѣвшемъ, какъ на вѣшалкѣ, Галаховъ дѣйствительно былъ похожъ на монаха со своей узкой, рѣденькой бородкой и всегда опущенными глазами.

Дѣло было въ томъ, что неприкосновенному до сего времени островку интеллигенціи, которымъ являлось это учрежденіе, грозило быть затопленнымъ волнами современности. Мѣсяцъ тому назадъ былъ назначенъ новый директоръ — товарищъ Полухинъ, а вмѣстѣ съ нимъ стала проникать сюда «улица», какъ говорила Марья Павловна, т.-е. появились комсомольцы и выдвиженцы изъ рабочихъ.

На-дняхъ же былъ пущенъ кѣмъ-то слухъ, что готовится о р а б о ч и в а н і е персонала, что директоръ въ ближайшіе дни созоветъ собраніе и открыто поставитъ вопросъ объ этомъ.

Слухъ этотъ теперь подтверждался появленіемъ на стѣнѣ загадочной бумажки за подписью директора.

— Ипполиту Григорьевичу письмецо, — сказалъ вошедшій съ письмомъ въ рукахъ Сергѣй Ивановичъ. Ему никто ничего не отвѣтилъ, и онъ, осмотрѣвшись кругомъ, положилъ письмо на одинъ изъ столовъ, съ усмѣшкой покачавъ головой на адресъ, который былъ написанъ не просто, а наискось изъ угла въ уголъ.

— Ну, что же, господа, надо приниматься за работу, — сказалъ кто-то. — Будемъ ждать событій.

III.

Ипполитъ Кисляковъ, о которомъ спрашивала Марья Павловна, бывшій инженеръ, а въ настоящемъ сотрудникъ Центральнаго Музея, запоздалъ въ этотъ день на службу по двумъ причинамъ: изъ-за жилищныхъ неурядицъ и потому, что заходилъ къ доктору, который нашелъ у него расшатанную нервную систему и ранній склерозъ. Онъ поспѣшно шелъ, чтобы притти хотя бы къ 11 часамъ. На немъ было прорезиненное пальто, порыжѣвшее отъ солнца, фуражка и на ногахъ

вмѣсто сапогъ краги бутылочной формы съ ремешками, надѣвавшіяся какъ голенища къ башмакамъ.

Иногда онъ останавливался при переходѣ черезъ улицу, когда ему пересѣкали дорогу извозчики и автомобили, ѣхавшіе часто непрерывной вереницей. Тогда онъ снималъ фуражку, торопливо проводилъ платкомъ по взмокшему отъ быстрой ходьбы бобрику и сквозь пенснэ нетерпѣливо и раздраженно смотрѣлъ на перерѣзавшіе ему дорогу экипажи.

У него были маленькія, плотно прижатыя уши и остренькая бородка. Блѣдное, нервное лицо съ манерой быстро, точно испуганно, оглядываться говорило о какой-то неуравновѣшенности, зыбкости и легкости перехода отъ одного состоянія къ совершенно противоположному. Если онъ кого-нибудь нечаянно толкалъ, онъ съ испуганной поспѣшностью извинялся. А когда его одинъ разъ толкнулъ ломовой извозчикъ ящикомъ, который несъ съ телѣги въ магазинъ, у Кислякова вдругъ появилась на лицѣ судорога страданія и безсильнаго раздраженія.

Впереди себя онъ замѣтилъ высокую старуху-нищую, бывшую аристократку, которая стояла съ палочкой, не поднимая глазъ и не прося.

Онъ вынулъ двугривенный и подалъ ей. Старуха подняла голову и растроганнымъ голосомъ сказала:

— Благодарю васъ.

Кисляковъ почувствовалъ щекотанье въ горлѣ, и сейчасъ же ему стало досадно, что онъ мало ей далъ. Онъ пошелъ дальше и сталъ думать о томъ, какъ бы она была поражена и счастлива, если бы онъ далъ ей цѣлый рубль или даже пять рублей. Непремѣнно надо это сдѣлать. Онъ оглянулся. Старуха смотрѣла ему вслѣдъ. Ему стало почему-то очень пріятно отъ сознанія своей доброты. Но на перекресткѣ онъ увидѣлъ другую нищую старушку такого же вида. Ей онъ всегда подавалъ, и она уже ждала его приближенія. У него оставалась только рублевка и никакой мелочи. Если ничего не дать — неловко, а рублевку — жалко. И онъ сдѣлалъ видъ, что ищетъ какой-то магазинъ, пе-

рѣшелъ на другую сторону, не дойдя до нищей. По мѣрѣ приближенія къ музею у него начало зарождаться неопредѣленно тревожное состояніе, — быть можетъ — отъ того, что онъ опоздалъ и помнилъ, что около столика пропусковъ сидитъ человѣкъ въ синемъ фартукѣ, который всегда оглядываетъ всѣхъ проходящихъ мимо него, быть можетъ — отъ чего-нибудь другого. Но ужъ каждая мелочь выводила его изъ равновѣсія, — напримѣръ, то, что впереди него шли два человѣка, занимая тротуаръ, и онъ никакъ не могъ ихъ обойти, потому что все мѣшали встрѣчные, — и это раздражало до послѣдней степени. Даже то, что его пальто было на спинѣ разорвано и заштопано рукой жены, заставляло его съеживаться, такъ какъ ему казалось, что всѣ идущіе сзади него смотрятъ на это заштопанное мѣсто и думаютъ: «Вонъ общипанный интеллигентъ идетъ».

Въ одномъ мѣстѣ ему пришлось вернуться изъ переулка назадъ и обойти кругомъ, такъ какъ тамъ съ разбираемой церкви снимали колокола, и милиціонеръ не пропускалъ никого. Въ другомъ колонна комсомольцевъ, отправлявшихся куда-то съ дорожными мѣшками за плечами, загородила ему дорогу, и ему пришлось дожидаться, когда они пройдутъ. Онъ нетерпѣливо смотрѣлъ на ихъ веселыя загорѣлыя лица, а самъ думалъ о томъ, что человѣкъ въ синемъ фартукѣ, навѣрно, уже поглядываетъ на его пустой столъ...

Наконецъ, онъ выбрался на свободное мѣсто; его лицо приняло болѣе спокойное выраженіе.

Войдя въ подъѣздъ, онъ, не доходя до Сергѣя Ивановича, самъ на ходу снялъ съ себя пальто и вывернулъ его подкладкой наверхъ, чтобы тотъ не замѣтилъ заштопаннаго мѣста. На немъ былъ синій, очевидно — давнишній, отъ хорошаго портного, пиджакъ съ мягкимъ воротникомъ и сѣрые, въ мелкую клеточку штаны съ пуговичками у колѣнъ. Сергѣй Ивановичъ при его появленіи снялъ очки, торопливо положилъ ихъ на газету и принялъ пальто и шляпу. Когда входили сотрудники попроще, дававшіе въ концѣ мѣсяца серебряную мелочь, Сергѣй Ивановичъ только передвигалъ очки съ

переносицы на лобъ. Если же входили болѣе важные, дававшіе по рублю и по два, — передъ тѣми онъ всегда совсѣмъ снималъ очки. И степенью его поспѣшности при раздѣваніи опредѣлялось его уваженіе къ данному лицу.

Кисляковъ нервно пригладилъ передъ зеркаломъ свой остриженный бобрикъ, посмотрѣвъ на себя сквозь пенснэ, потомъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и сначала прошелъ мимо дверей библіотечнаго зала, чтобы посмотрѣть, гдѣ человѣкъ въ синемъ фартукѣ.

Тотъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Кисляковъ прошелъ въ залъ, но сдѣлалъ такой видъ, какъ будто онъ уже давно пришелъ и только выходилъ куда-то по дѣлу, а теперь возвращается къ оставленной работѣ.

Головы сидѣвшихъ за столомъ сотрудниковъ поднялись, и всѣ посмотрѣли на него. Въ это время человѣкъ въ фартукѣ вышелъ. Кисляковъ подошелъ поздороваться съ Марьей Павловной и поцѣловалъ ее ручку. Она поцѣловала его въ голову.

Происходя самъ изъ бѣдной разночинной семьи и будучи въ свое время очень радикально и демократически настроенъ, Ипполитъ Кисляковъ теперь чувствовалъ большое удовольствіе, когда онъ, какъ человѣкъ хорошего общества, подходилъ къ ручкѣ почтенной дамы. И она, какъ бы вполнѣ признавая въ немъ человѣка своего общества, цѣловала его въ голову. Также онъ чувствовалъ большое удовольствіе отъ французскаго языка Марьи Павловны, къ которому она часто прибѣгала.

Марья Павловна, задержавъ его руку въ своей и посмотрѣвъ ему въ глаза (она сидѣла, онъ стоялъ), сказала:

— Вы ничего не знаете?

— Нѣтъ, а что? — спросилъ Кисляковъ.

Марья Павловна на французскомъ языкѣ объяснила ему, въ чемъ дѣло, выговоривъ по-русски слово орабочиваніе. И указала на вывѣшенное объявленіе.

Кисляковъ выслушалъ новость молча и внѣшне спокойно, но сердце, которое у доктора билось едва слыш-

но, вдругъ такъ заколотилось, что онъ поблѣднѣлъ уже не отъ извѣстія, а отъ испуга за сердце. Онъ подумалъ, что неужели вся его внутренняя т р а г е д і я — это еще малая цѣна за спокойствіе, на которое онъ разсчитывалъ?

И, какъ всегда при всякомъ ощущеніи гибели, онъ вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ исполненія всякихъ обязанностей — служебныхъ, семейныхъ. Какія тутъ могутъ быть теперь служебныя обязанности. Объ этомъ даже смѣшно говорить! У него не было даже страха, а скорѣе сладострастная радость гибели оттого, что сразу уже в с е в ы я с н и л о с ь.

Кисляковъ подошелъ къ своему столу и, посмотрѣвъ на него вкось, мимо стеколъ пенснэ, увидѣлъ письмо съ косымъ адресомъ. Онъ сразу узналъ почеркъ самаго близкаго своего друга Аркадія Незнамова, съ которымъ не видѣлся уже нѣсколько лѣтъ, такъ какъ Аркадій работалъ въ провинціи, въ одномъ изъ біологическихъ институтовъ.

Кисляковъ оглянулся по столу, ища разрѣзной ножъ, но не нашелъ его. Тогда онъ вынулъ старенькій кавказскій кинжалъ, который всегда носилъ на брючномъ ремнѣ подъ пиджакомъ, и распечаталъ имъ конвертъ. Онъ невольно улыбнулся на знакомую ему черту Аркадія — итти во всемъ противъ установившагося, общепринятаго, даже въ такой мелочи, какъ адресъ на конвертѣ.

Аркадій писалъ:

«Здравствуй, старина! Случайно узналъ, что ты устроился въ Москвѣ. Устроился, измѣнивъ себѣ или измѣнивъ с е б я? Вотъ вопросъ, который хочется тебѣ задать. Вѣдь мы, интеллигенты, не можемъ дѣлать просто д ѣ л о, а дѣлаемъ только дѣло, въ которое в ѣ р у е м ъ. Такъ какъ честность мысли и чувства — это одна изъ великихъ нашихъ традицій. Такъ вотъ — кто ты и ч т о ты теперь? Попрежнему свой или уже ч у ж о й?

Но объ этомъ надѣюсь услышать отъ самаго тебя устно, такъ какъ я въ качествѣ профессора или, какъ

теперь называется, научнаго работника, перебираюсь въ Москву и даже имѣю квартирку изъ двухъ комнатъ на Садовой, которую мнѣ обладилъ одинъ изъ моихъ пріятелей, тоже перебравшійся въ Москву, милѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ, «дядя Мишукъ», какъ мы его зовемъ.

Внѣшне я устроенъ хорошо; кромѣ того, мнѣ предоставлены широкія возможности заниматься своей любимой наукой. Но . . . тутъ-то вотъ и мѣшаетъ честность мысли и чувства. Чувствуешь, что не имѣешь права спокойно работать, когда все, чѣмъ мы жили... Однимъ словомъ — объ этомъ при встрѣчѣ. Буду радъ, что 1-го октября свой день рожденія (уже сорокъ) проведу вмѣстѣ съ тобой.

Въ заключеніе скажу, что у меня (какая неожиданность для тебя!) красивая, молодая жена. Ну, ты самъ увидишь. Можетъ быть, это и неблагоразумно въ 40 лѣтъ сходиться съ молоденькой дѣвушкой такому медвѣдю, какъ я. Но ты увидишь, какая это дѣвушка, поймешь меня и простишь мнѣ мое неблагоразуміе».

Кисляковъ въ этомъ мѣстѣ письма почему-то вспомнилъ свою, уже немолодую, ревнивую и излишне полную жену Елену Викторовну. Ему вдругъ стало завидно, что Аркадій, хотя и прекрасной души человѣкъ, но мѣшковатый, застѣнчивый, всетаки оказался въ этомъ отношеніи удачливѣе него.

Онъ почувствовалъ жгучее нетерпѣніе увидѣть друга и его молодую жену. У него уже заочно, на правахъ близкаго Аркадію человѣка, появилось къ ней какое-то нѣжное, полуродственное чувство. Мелькнула мысль о томъ, что его жизнь въ осенніе вечера будетъ уже не такъ безпросвѣтна, а согрѣта дружбой и романтической полуродственной нѣжностью къ красивой молодой женщинѣ.

Онъ дочиталъ письмо. Къ нему въ это время подошелъ Андрей Игнатьевичъ и, потрепавъ его по плечу, сказалъ:

— Ну, какъ же, батюшка, вы думаете о настоящемъ положеніи?

— Я о немъ уже давно думаю, — отвѣтилъ Кисляковъ.

— Да, но это, такъ сказать, отвлеченно, а теперь мы, очевидно, будемъ поставлены передъ реальнѣйшими фактами.

— Э, теперь все равно, — сказалъ Кисляковъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ махнувъ рукой.

Эта нелѣпая тревога была тѣмъ болѣе досадна, что сегодня были именины жены; она просила его пригласить товарищей, а черезъ два дня уѣзжала на мѣсяцъ къ роднымъ на Волгу. Онъ разсчитывалъ безъ нея побыть спокойно въ одиночествѣ и какъ-то собрать себя и провѣрить свою внутреннюю наличность.

Теперь же вмѣсто этого опять безпокойство и нервное ожиданіе, что стало въ послѣднее время основной чертой его жизни.

Послѣ службы онъ пошелъ получить жалованье. Ему причиталось 200 рублей и предстояло получить дополнительно 50 рублей за давнишнюю командировку. Эти пятьдесятъ рублей онъ хотѣлъ оставить для себя и не отдавать женѣ, чтобы хоть немного болѣе свободно пожить безъ копѣечныхъ расчетовъ и обращеній къ женѣ за каждыми тремя рублями. Она была очень аккуратна въ денежныхъ вопросахъ и вела счетъ каждому рублю.

И тутъ же пожалѣлъ, что напрасно какъ-то разсказалъ ей (желая сдѣлать ей пріятное), что ему предстоитъ получить эти 50 рублей. Но онъ рѣшилъ, что она не вспомнитъ о нихъ, такъ какъ онъ говорилъ объ этомъ довольно давно.

Когда онъ стоялъ въ очереди у кассы, у него появилось знакомое ему противное ощущеніе, которое въ послѣднее время особенно часто бывало у него. Ему стало стыдно передъ кѣмъ-то, что онъ стоитъ въ очереди. Онъ, личность, особая, ни на кого не похожая индивидуальность — въ очереди...

Что тутъ было стыднаго — онъ не зналъ, но это чувство было настолько же сильно и невыносимо, какъ

и то, когда онъ чувствовалъ заштопанную дыру на своей спинѣ.

Можетъ быть, это былъ результатъ того, что въ послѣдніе годы, со времени оставленія имъ своего настоящаго дѣла и поступленія въ этотъ музей, онъ чувствовалъ себя какимъ-то дезертиромъ, у котораго ушло изъ жизни все большое и значительное. И каждый толчокъ болѣзненно напоминалъ ему объ этомъ и о внутреннемъ ничтожествѣ его настоящей жизни.

На именины онъ пригласилъ Андрея Игнатьевича, Галахова и Гусева.

— Что, съ горя? — сказалъ Гусевъ, засмѣявшись. — Во всякомъ случаѣ — спасибо, — это какъ нельзя болѣе кстати. Съ женой приходить?

— Конечно, конечно! — сказалъ поспѣшно Кисляковъ и пошелъ домой.

IV.

Огромный домъ, въ которомъ жилъ Ипполитъ Кисляковъ, поражалъ своимъ величественнымъ фасадомъ. На всѣхъ его пяти этажахъ, начиная съ бельэтажа, лѣпились красивые балкончики съ фигурными — въ видѣ листьевъ — оградками, похожіе на цвѣточныя корзины. Весь онъ блисталъ снаружи чистотой нѣжно-розовой свѣжей краски. По тротуару были разставлены урны для окурковъ. А по вечерамъ онъ весь горѣлъ огнями своихъ пяти этажей.

Въ огромномъ парадномъ съ зеркальными стеклами всякаго входящаго поражали наставленныя въ большомъ количествѣ дѣтскія колясочки, висѣла, какъ полагается, черная разграфленная доска съ фамиліями жильцовъ, а около нея былъ привѣшенъ листъ бумаги, засиженный мухами, на которомъ было написано:

«Граждане, берегите силы, пользуйтесь лифтомъ».

На самомъ же лифтѣ висѣла такая же давняя бумажка съ такимъ же количествомъ мушиныхъ слѣдовъ; на ней было лаконически написано:

«Лифтъ не работаетъ».

Ею какъ пустили послѣ ремонта, такъ на другой день и сломали, потому что какимъ-то жильцамъ, возвращавшимся въ веселомъ настроеніи цѣлой гурьбой, вздумалось посмотрѣть, не можетъ ли онъ поднять тяжести больше, чѣмъ это обозначено у него на табличкѣ. Благодаря этому всѣ жильцы теперь путешествовали наверхъ пѣшкомъ, а по вечерамъ, если лампочки, освѣщающія лѣстницу, оказывались сворованными, двигались ощупью, сталкиваясь въ темнотѣ и пугаясь другъ друга.

Эти лампочки, — несмотря на то, что ихъ запрятывали въ проволочную сѣтку и пристраивали на невѣроятной высотѣ, — все равно крали. Домоуправленіе ужъ давно махнуло на нихъ рукой, а самимъ жильцамъ покупать не хотѣлось.

На каждой двери висѣла очень изящная картонная табличка, на которой былъ длинный списокъ жильцовъ и противъ фамиліи жильца стояла цифра, указывающая, сколько разъ къ кому звонить.

Обыкновенно звонки переживали четыре стадіи. Вначалѣ у двери красовалась новенькая деревянная лакированная розетка съ бѣлой кнопкой въ серединѣ. Потомъ розетка съ кнопкой исчезали, оставались только двѣ мѣдныхъ пластинки на деревянномъ кружочкѣ. Затѣмъ исчезалъ и кружочекъ, мотались лишь концы проволокъ. Звонили, уже соединяя эти концы. А когда исчезали и концы, то вмѣсто звонка всѣ приходящіе колотили напропалую кулаками въ дверь. Тутъ количество ударовъ уже совсѣмъ путалось, и изъ-за этого была постоянная ругань.

Кисляковъ подошелъ съ улицы къ парадному, чтобы быстро взбѣжать по лѣстницѣ на третій этажъ (докторъ, между прочимъ, предписалъ медленный подъемъ) и, наскоро пообѣдавъ, отдохнуть послѣ службы.

Но, подойдя къ двери вплотную, онъ съ озлобленіемъ плюнулъ: парадное было заперто, и на стеклѣ двери съ внутренней стороны была прилѣплена бумажка, на которой корявыми буквами значилось:

«Парадный закрытъ по случаю мытья лѣстницы. Ходъ съ чернаго».

Хотя лѣстницу мыли только разъ въ недѣлю — у Кислякова было впечатлѣніе, что ее моютъ каждый Божій день.

Онъ пошелъ черезъ дворъ на черный ходъ.

Дворъ этого дома былъ съ четырехъ сторонъ окруженъ пятиэтажными домами, и, чтобы со двора увидѣть небо, нужно было всякій разъ задирать голову, какъ на колокольню.

Во дворѣ первое, что бросалось въ глаза, это — протянутыя по всѣмъ направленіямъ веревки съ сушившимся бѣльемъ и невѣроятное количество дѣтей и собакъ. При чемъ почти всѣ дѣти были пролетарскаго происхожденія (такого же происхожденія были и колясочки на парадномъ), а собаки исключительно буржуазнаго вида: легкомысленные фоксы, выписывающіе круги по всему двору, важные бульдоги, нѣмецкія овчарки, безпокойно бѣгающія по двору, какъ волки, — потомъ шли какіе-то коричневые длинношерстные, бѣлые нарядные шпицы, похожіе на комки пуха, непремѣнно съ голубыми бантами, и ужъ на худой конецъ — вульгарные мопсы.

Домъ былъ населенъ наполовину интеллигенціей всякихъ сортовъ, наполовину — пролетаріатомъ. У пролетаріата были въ изобиліи дѣти, у интеллигенціи — собаки.

И въ тѣ часы, когда собакъ выводили на прогулку, дворъ превращался въ какой-то вертепъ. Собаки, вырвавшись на свободу, начинали носиться по двору, какъ оголтѣлыя. Неосторожный посѣтитель, сунувшій носъ въ калитку, съ испугомъ захлопывалъ ее опять, когда передъ нимъ въ тотъ же моментъ выростала собачья стая душъ въ пять-шесть, а хозяева въ нѣсколько голосовъ кричали на нихъ и предлагали войти, такъ какъ «собаки не кусаются».

Если посѣтитель нерѣшительно вступалъ во дворъ, на него со всѣхъ сторонъ бросалось еще столько же псовъ всѣхъ породъ и мастей. Одни виляли хвостами,

другіе нюхали полы, третьи, закинувъ вверхъ головы, лаяли. А хозяева продолжали убѣждать, что собаки не тронутъ и лаютъ въ видѣ привѣтствія, а не со зла, въ доказательство чего просили погладить.

На черной лѣстницѣ посѣтителя сразу, какъ паръ на банномъ полкѣ, покрывали съ головой кухонный дымъ и сковородный чадъ. А въ углу на каждой площадкѣ, противъ раскрытой въ кухню двери, стояли ящики и ведра, переполненныя всякой кухонной благодатью — огуречными очистками, яичной скорлупой и арбузными корками. Нѣкоторые не могли вмѣстить всего изобилія, и очистки всѣхъ видовъ накапливались уже кругомъ нихъ на полу и даже распространялись по всей лѣстницѣ, когда ребятишки, затѣявъ игру, начинали поддавать ногами попавшуюся арбузную корку, перебивая ее другъ у друга.

Тутъ же всегда шныряли грязныя, отрепанныя кошки.

Квартира, въ которой жилъ Ипполитъ Кисляковъ, вмѣщала въ себя десять семействъ, что составляло двадцать семь человѣкъ.

Огромный коридоръ съ дверями по обѣимъ сторонамъ былъ сплошь заставленъ сундуками, корзинами, шкафами.

Благодаря обилію вещей, въ коридорѣ было темно, и проходившіе изъ уборной или кухни къ себѣ въ комнаты жильцы то и дѣло сажали шишки на лобъ или синяки на колѣнку, поминая при этомъ подходящими словами тѣхъ, кто наставилъ тутъ этой благодати, хотя и ихъ собственныя вещи занимали здѣсь немалую долю, и еще было неизвѣстно, о чужое онъ ушибся или о свое. Квартира въ противовѣсъ фасаду дома производила впечатлѣніе мебельнаго или ломбарднаго сарая, гдѣ послѣ аукціона валятъ все къ кучу.

Около парадной двери висѣлъ телефонъ, и вся стѣна около него была исписана номерами телефоновъ и изрисована женскими головками. Вѣшалка стояла пустая, такъ какъ на нее боялись вѣшать платья изъ опасенія, что украдутъ.

Въ маленькомъ коридорчикѣ передъ кухней помѣщалась уборная, которая была вѣчно кѣмъ-то занята. Утромъ занята, днемъ занята и ночью занята.

— Какой чортъ только тамъ сидитъ! — говорилъ кто-нибудь въ отчаяніи и злобѣ, избѣгавшись взадъ и впередъ — изъ комнаты до уборной и обратно. Объяснялось это отчасти тѣмъ, что вмѣстѣ съ уборной была и ванная.

Обитатели квартиры были такого разнообразнаго состава, такихъ различныхъ занятій и положеній, какъ будто они во время случившагося потопа бросились сюда и наспѣхъ захватили, кому что пришлось. Но въ общемъ здѣсь было двѣ трети интеллигенціи, одна треть пролетаріата.

Изъ пролетаріата здѣсь жили два слесаря съ семьями и партія штукатуровъ, отъ которыхъ постоянно была бѣлая дорога изъ ихъ слѣдовъ по коридору по направленію къ уборной.

Около самой парадной двери, рядомъ съ телефономъ, была комната мѣщанки по фамиліи Печонкина. Въ раскрытую почти всегда дверь виднѣлась желѣзная кровать съ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ, со множествомъ пуховыхъ подушекъ горкой, комодъ съ гипсовой кошкой и увеличенная супружеская фотографія, засиженная мухами. Мѣщанка на каждый звонокъ высовывала изъ дверей голову и всегда знала, кто у кого бываетъ.

Рядомъ съ ней — Кисляковы, рядомъ съ Кисляковыми — молодая пара по фамиліи Звенигородскіе, очень интеллигентные люди, слывшіе въ квартирѣ, примѣрными супругами. Оба высокіе, стройные. Онъ — по профессіи архитекторъ — всегда ходилъ въ шляпѣ, перекинувъ черезъ руку пальто, она — въ маленькой надвинутой низко на глаза шляпѣ и строгомъ синемъ костюмѣ. Ихъ звали неразлучниками, они всегда ходили вмѣстѣ и отличались необыкновенной корректностью и вѣжливостью.

Слѣдующая за ними была комната Дьяконовыхъ, бывшихъ хозяевъ этой квартиры. Мужъ, высокій мол-

чаливый и покорный мужчина, ходилъ въ лавочку, кипятилъ кофе въ кухнѣ у плиты. Жена, высокая полная дама, вставала поздно, и день у нея начинался крикомъ. Кричала она на всѣхъ: на тѣхъ, что долго сидятъ въ уборной, на тѣхъ, что ошибаются въ количествѣ звонковъ. Она была раздражена на всѣхъ за то, что они жили въ ея квартирѣ. Безъ конца боролась и судилась съ мѣщанкой изъ-за темнаго чуланчика, который та заняла и не хотѣла уступать. У нихъ былъ сынъ лѣтъ пятнадцати (единственный отпрыскъ интеллигенціи во всей квартирѣ), съ нимъ не знали, что дѣлать, такъ какъ его никуда не принимали; онъ былъ явно преступный типъ, убѣжденіямъ не поддавался, наказаній не боялся и даже грозилъ родителямъ, что зарѣжетъ ихъ.

Дальше жилъ пожилой профессоръ съ женой. Онъ былъ низенькій, лысый, всегда ходилъ въ низко сползшихъ штанахъ. Былъ непріятенъ тѣмъ, что по утрамъ вытрясалъ свои штаны въ дверь, бывшую какъ разъ противъ комнаты Кисляковыхъ. Это больше всего выводило изъ себя Елену Викторовну. А у профессорши были двѣ маленькихъ тупорылыхъ, безносыхъ японскихъ собачки съ длинными висячими ушами. Онѣ были очень безобидны, пугливы и только тихо гадили по всѣмъ угламъ.

На другой сторонѣ коридора обиталъ статистикъ, — высокій мужчина, выходившій по утрамъ изъ ванной съ такими всклокоченными волосами, что на него лаяли всѣ большія собаки, а маленькіе японцы опрометью бросались въ свою комнату.

Послѣднія двѣ комнаты, за № 9 и 10, по коридору занимали какая-то красивая дама, всегда проходившая въ ванную по утрамъ подъ лиловымъ шарфомъ, и еще другая дама, пенсіонерка. Она все боялась, что у нея могутъ отнять пенсію. Отнять могли, по ея соображеніямъ, въ двухъ случаяхъ: если при переосвидѣтельствованіи найдутъ ее трудоспособной и если увидятъ, что въ комнатѣ у нея хорошая обстановка. Поэтому она цѣлые дни курила, не выпуская папиросы изо рта,

чтобы было хуже сердце, и держала свою комнату въ невозможномъ видѣ, отдавъ всѣ лучшія вещи изъ обстановки женѣ профессора. Полъ въ ея комнатѣ весь заросъ, потому что она боялась его натирать.

А сама ходила всегда нечесаная, въ туфляхъ на босу ногу и въ рваномъ капотѣ съ завернутыми рукавами. Для полученія пенсіи у нея существовалъ особый костюмъ: какая-то десятилѣтняя кофточка и черная косынка. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ она надѣвала, — правда, не новое, но на шелковой подкладкѣ, — пальто и шляпу.

И совсѣмъ уже отдѣльно, съ ходомъ черезъ маленькій коридорчикъ, помѣщался, очевидно — крупный совѣтскій работникъ Натансонъ. За нимъ каждое утро пріѣзжалъ автомобиль и долго гудѣлъ подъ окнами. Къ нему относились почтительно и осторожно.

День начинали собаки. Едва только по черной лѣстницѣ раздавались шаги молочницъ, какъ натансоновскія собаки поднимали лай и скребли въ дверь передними лапами.

Имъ вторили японцы, — сначала изъ-за запертой двери, потомъ, когда ихъ выпускали, они на своихъ коротенькихъ лапкахъ выбѣгали въ коридоръ и, оглядываясь на обѣ стороны, лаяли, закинувъ вверхъ головы.

Въ отвѣтъ на это съ остервенѣніемъ хлопала чья-нибудь плохо прикрытая дверь, сквозь которую лай достигалъ ушей обладателя комнаты и будилъ его. Большей частью это былъ статистикъ. Онъ кричалъ при этомъ:

— Развели псарню! Ни днемъ ни ночью покоя нѣтъ.

Проходила въ кухню мѣщанка въ старомъ ситцевомъ платьѣ, безъ пояса, въ туфляхъ на босу ногу и съ жидкими волосами, сошпиленными пучкомъ на затылкѣ.

Почему-то всегда въ точномъ соотвѣтствіи съ ея прослѣдованіемъ открывалась дверь профессорской комнаты, высовывались руки профессора, и онъ начиналъ вытрясать свои штаны въ коридоръ. Обыкновенно у

него всегда бывали схватки съ тѣмъ изъ жильцовъ, кто въ это время проходилъ по коридору и на кого онъ вытрясалъ, такъ какъ самъ профессоръ, стоя въ одномъ нижнемъ, скрывался въ комнатѣ и наружу выставлялъ только руки съ вытряхиваемыми штанами и потому не могъ видѣть проходящихъ.

Потомъ начинали одна за другой отворяться двери комнатъ и показываться всѣ жильцы.

Проходилъ высокій, унылый Дьяконовъ, мужъ бывшей хозяйки квартиры, съ кофейникомъ въ кухню. Изъ двери пенсіонерки выметалась черезъ порогъ гора накопившихся за ночь окурковъ.

Съ утра всѣ обитатели квартиры бывали особенно чувствительны ко всякимъ неудобствамъ, ко всякимъ замѣчаніямъ сосѣдей, какъ будто они, витая во время сна въ эмпиреяхъ, проснувшись, видѣли себя опять въ опостылѣвшемъ обществѣ самыхъ разнообразныхъ сожителей.

На статистика почти каждое утро лаяли собаки, едва только видѣли его показывающуюся изъ ванной всклокоченную голову съ накинутымъ на шею полотенцемъ. А онъ, весь покраснѣвъ, кричалъ на мадамъ Натансонъ:

— Если ваши собаки будутъ на меня лаять, я подамъ на васъ въ судъ.

— Да вѣдь онѣ васъ не кусаютъ.

— Еще бы онѣ кусали. Чортъ знаетъ что, развели псарню. Нанимайте отдѣльный коттеджъ, тамъ и обнимайтесь со своими собаками.

Потомъ кто-нибудь, идя по коридору, вдругъ поскользывался и, оглянувшись позади себя на полъ, начиналъ тревожно осматривать свой башмакъ и кричать кому-то въ пространство:

— Вы эту свою гадость, этихъ японцевъ, убирайте лучше, а то я ихъ собственными руками придушу.

Японцы, если они были тутъ же, въ коридорѣ, и принимали посильное участіе въ начавшейся жизни, сразу соображали, къ кому относится это восклицаніе, и, прижавъ уши, бросались къ своей двери. Тамъ ихъ

уже принимала, какъ обиженныхъ дѣтей, профессорша, открывшая дверь на крикъ, раздавшійся въ коридорѣ.

Въ кухнѣ начиналась жизнь полнымъ ходомъ. Разливали по кастрюлькамъ принесенное молочницей молоко. Зажигали примусы. А если приносили счетъ за электричество, то атмосфера въ кухнѣ сразу сгущалась и слышался визгливый, невѣроятно звонкій голосъ мѣщанки.

Въ этой тѣснотѣ, попадаясь всѣмъ подъ ноги, толкались собаки и ребятишки.

Иногда раздавался звонокъ. Если онъ былъ долгій и властный, то нѣкоторые изъ жильцовъ почему-то блѣднѣли, въ особенности пенсіонерка и Софья Павловна. Иногда звонокъ былъ короткій, нерѣшительный, потомъ за нимъ еще два поспѣшныхъ, испуганныхъ. Это какой-то ранній посѣтитель, блуждая въ темнотѣ на лѣстницѣ, звонилъ, не разобравшись какъ слѣдуетъ въ нужномъ количествѣ звонковъ.

Сейчасъ же ему въ отвѣтъ внутри квартиры начиналось препирательство, кому итти открывать: одинъ былъ звонокъ или два? Или цѣлыхъ три?

Въ концѣ концовъ кто-нибудь шелъ и, если оказывалось, что это не къ нему, кричалъ:

— Что вы, ослѣпли, что ли? Не видите: къ Дьяконовымъ три звонка.

— Я и звонилъ три звонка.

— Чортъ васъ разберетъ, сколько вы звоните. — И захлопывалъ передъ носомъ дверь. — Всѣ пятки прошмыгаешь, бѣгавши открывать!

Были только двѣ вещи, которыя соединяли жильцовъ. Первая — это книга для чтенія. Такъ какъ, повидимому, было не по средствамъ покупать, то брали у сосѣдей, которые получали въ свою очередь у знакомыхъ. Эти книги, преимущественно иностранныхъ авторовъ (своимъ не вѣрили), скоро превращались въ рыхлыя замасленныя лепешки.

Второю вещью, соединявшей всѣхъ, была посуда, которую занимали другъ у друга въ случаѣ прихода гостей.

Вся же остальная область жизни была постояннымъ источникомъ раздоровъ.

Въ смыслѣ отношеній между жильцами это была не квартира, а пороховой погребъ. Не проходило ни одного дня, чтобы въ томъ или другомъ мѣстѣ порохъ не взрывался, такъ какъ всѣ его держали сухимъ.

Предлоги для взрыва являлись сами собой на каждомъ шагу. Во-первыхъ, та же уборная: съ утра около нея выстраивалась цѣлая очередь торопившихся на службу гражданъ, при чемъ нѣкоторые выказывали особенную нетерпѣливость, и, не успѣвалъ очередной войти и затвориться, какъ черезъ минуту уже десятокъ кулаковъ стучали въ дверь и напоминали ему, что онъ не у себя въ гостиной.

Когда же туда скрывался тотъ, кто иногда кричалъ больше всѣхъ, и застревалъ тамъ, то кричали уже на него.

Ванная совокупными усиліями всѣхъ жильцовъ уже давно была приведена въ такое состояніе, что каждый желавшій помыться подозрительно и осторожно заглядывалъ въ нее, но сейчасъ же, махнувъ рукой, отходилъ. Да и все равно онъ не успѣлъ бы раздѣться, какъ въ дверь, навѣрное, забарабанили бы человѣка два и напомнили бы насчетъ гостиной.

Кромѣ того, въ ней было темно, а съ потолка, гдѣ была уборная верхняго этажа, постоянно капала на голову вода, и на полу была лужа, доходившая своей глубиной иногда до уровня порога. Поэтому тамъ всегда были набросаны кирпичи. Каждый становился на нихъ и, стараясь сохранить равновѣсіе, дѣлалъ, что ему было нужно.

Сходить за водопроводчикомъ никто принципіально не хотѣлъ: «онъ будетъ ходить, а остальные гадить?» Бывшая же хозяйка въ этомъ случаѣ только торжествовала и говорила, что съ этими свиньями иного ничего и быть не можетъ, [illegible]ватили чужую квартиру, а жить по-человѣчески не умѣютъ!

Слѣдующимъ пунктомъ раздоровъ была кухня, гдѣ съ самаго утра, какъ на хорошей фабрикѣ, шла работа,

шумѣли разомъ штукъ шесть примусовъ. Въ чаду виднѣлись только спины и засученные локти хозяекъ въ капотахъ и въ туфляхъ на босу ногу. Тутъ схватки были почти ежеминутныя — изъ-за посуды, изъ-за пролитыхъ помоевъ. Когда же на аренѣ появлялась бывшая хозяйка, поднимался настоящій содомъ.

Но главною причиной раздоровъ всегда была грязь въ квартирѣ которую никто не хотѣлъ убирать, и не производившійся ремонтъ въ мѣстахъ общаго пользованія. Если только кого захватывали на мѣстѣ преступленія, тогда заставляли убирать насорившаго. А если было неизвѣстно, кто насорилъ — соръ такъ и оставался.

Потомъ не проходило дня, чтобы чего-нибудь не пропадало у того или иного изъ жильцовъ. Исчезали даже примусы, и тогда всѣ говорили, что это сынъ бывшей хозяйки укралъ. Но вещи пропадали даже тогда, когда его не было дома.

Тогда всѣ подѣлали себѣ ящики въ кухнѣ съ замочками и все туда запирали — кастрюли, сковородки. Или же послѣ готовки каждый, захвативъ въ охапку весь этотъ ассортиментъ, уносилъ его къ себѣ въ комнату.

Наконецъ, какъ мѣру противъ грязи и пропажи вещей, установили дежурство въ квартирѣ, которое долженъ былъ отбывать каждый жилецъ по очереди.

V.

Когда Ипполитъ Кисляковъ поднялся по черной лѣстницѣ и остановился на площадкѣ, держась за сердце, онъ вдругъ услышалъ крикъ въ квартирѣ. Первая его мысль была о томъ, что у него отбираютъ комнату, такъ ясно слышался среди прочихъ крикъ его жены. А такъ какъ ихъ комната по своей величинѣ была бельмомъ на глазу у всѣхъ квартирантовъ, то онъ уже привыкъ къ постояннымъ налетамъ.

Но когда онъ вошелъ, дѣло оказалось проще: жена профессора, высокая худощавая старомодная дама въ

пенснэ, выкупала въ ваннѣ своихъ японцевъ. Ее застали въ тотъ моментъ, когда она, закутавъ ихъ въ простынку, несла въ комнату.

— Мы дѣтей моемъ, а ты — собакъ купать?! Стерва! — кричала жена слесаря.

— Провалитесь вы съ своим дѣтьми! — не помня себя отъ злобы, крикнула профессорша, прижимая къ груди насмерть перепуганныхъ японцевъ, прикрытыхъ простыней, откуда только торчали ихъ носы и полные страха глаза.

Елена Викторовна, еще съ утра за хозяйскими хлопотами не успѣвшая одѣться, небольшого роста, полная, стояла въ розовомъ капотѣ и съ широкой зеленой лентой, которую она повязывала на лобъ, и тоже кричала.

Увидѣвъ мужа, она сейчасъ же перестала кричать и пошла въ комнату.

По ея спинѣ и по тому, что пошла впереди него, не дожидаясь, когда онъ поравняется съ ней, Кисляковъ почувствовалъ, что она чѣмъ-то взволнована еще и кромѣ собачьей исторіи.

— Деньги получилъ? — спросила она, едва онъ вошелъ вслѣдъ за ней въ комнату.

— Получилъ, — сказалъ Кисляковъ, съ недоброжелательнымъ чувствомъ отмѣтивъ про себя, что она прежде свего освѣдомляется о деньгахъ и, конечно, все до копѣйки заберетъ себѣ. И не догадайся онъ отложить эти пятьдесятъ рублей, ему пришлось бы послѣ ея отъѣзда жить на то, что она ему оставитъ, разсчитавъ все до послѣдней копѣйки.

Успокоившись положительнымъ отвѣтомъ, Елена Викторовна вдругъ сказала съ раздраженіемъ, котораго, очевидно, не могла подавить:

— До чего распустились люди. Представь, эта наша идеальная пара-то! Развелись! Онъ отыскалъ себѣ какую-то даму сердца и развелся. Жена требуетъ съ него 250 рублей въ мѣсяцъ, онъ даетъ только 150. Что же, пожилъ съ женой, теперь нашелъ себѣ молоденькую. Никакихъ обязанностей, никакого долга. Еще хорошо, что дѣтей нѣтъ.

Капотъ у нея распахнулся оттого, что она жестикулировала руками, она съ раздраженіемъ запахнула его и продолжала:

— Она ли съ нимъ не няньчилась! Но теперь думаютъ только о себѣ, о своемъ брюхѣ. Какіе мерзавцы! — сказала она съ излишней горячностью, отъ которой Кисляковъ вдругъ почувствовалъ раздраженіе противъ жены и сочувствіе и даже зависть къ Звенигородскому, который развелся и «завелъ себѣ молоденькую». Но онъ только посмотрѣлъ на нее сквозь пенснэ и ничего не сказалъ.

И тутъ же почему-то вспомнилъ, что Елена Викторовна старше его на цѣлыхъ пять лѣтъ, да еще полная, низенькая для своей толщины, вѣчно съ этой зеленой лентой и розовымъ капотомъ, — вѣроятно, думаетъ, что она въ этомъ нарядѣ очаровательная.

А въ ея рѣзкихъ выпадахъ противъ разведшагося мужа онъ чувствовалъ косвенно выпадъ противъ себя самого, такъ какъ она говорила вообще о мужчинахъ. Какъ будто она была увѣрена въ своемъ непререкаемомъ правѣ на постоянное обожаніе и преданность, даже будучи толстою да еще перевалившею на пятый десятокъ.

Всѣ эти мысли только промелькнули въ его головѣ, какъ онѣ всегда мелькали, когда начинался разговоръ въ повышенномъ тонѣ. Если же высказать хоть сотую долю этихъ мыслей — онъ зналъ, чѣмъ это кончится ... Это будетъ драма на цѣлую недѣлю. И потому онъ приберегалъ высказываніе этихъ мыслей къ какому-то послѣднему случаю, чтобы накопилось побольше раздраженія отъ сѣрости этой жизни. Когда придетъ этотъ послѣдній случай и въ какомъ видѣ, онъ не зналъ.

Въ это время пришла съ рынка тетка Елены Викторовны, съ двумя ихъ собаками — мрачнымъ бульдогомъ и юркимъ, шумнымъ фоксомъ. Тетка, вся высохшая, съ накладными волосами, въ старомодномъ крашеномъ платьѣ, быстро юркнула за свою ширму.

Она всякій разъ, когда слышала повышенный разговоръ между супругами, уходила къ себѣ за ширму.

— Ну, давай деньги, — сказала Елена Викторовна, видимо, перебитая приходомъ тетки въ своемъ возбужденіи.

Кисляковъ опустилъ руку въ карманъ и чуть было по ошибкѣ не вынулъ отложенные пятьдесятъ рублей вмѣсто двухсотъ.

— Вотъ двѣсти рублей, — сказалъ онъ и тутъ же убѣдился, что отъ Елены Викторовны нельзя утаить ничего. Ужъ сколько у него было попытокъ въ этомъ направленіи, и всѣ они кончались крахомъ.

— А гдѣ же еще пятьдесятъ?

— Какіе пятьдесятъ?

— А тѣ, что ты долженъ былъ получить за командировку.

— Ахъ да, эти... Эти здѣсь. Я ихъ отложилъ отдѣльно, — сказалъ Кисляковъ и по подозрительному молчаливому взгляду Елены Викторовны, которымъ она смотрѣла на него, пока онъ лѣзъ въ карманъ и доставалъ деньги, понялъ, что она относится къ нему, какъ къ жулику, и даже не раздражается, не приходитъ въ ужасъ отъ лжи, а просто рѣшаетъ, что съ нимъ нужно быть на-чеку, учитывать каждую копѣйку.

Это сразу привело его въ состояніе крайняго раздраженія и безпросвѣтнаго отчаянія отъ своей полной зависимости и унизительной поднадзорности.

Но онъ опятъ ничего этого не высказалъ. Только лицо его было совершенно разстроенно и сердце непріятно-болѣзненно билось.

— А гостей позвалъ?

— Позвалъ.

— Сколько?

— Съ нами и съ тетей всего будетъ девять человѣкъ.

— Только чтобы не больше девяти, — сказала почему-то Елена Викторовна. — Ну, садитесь обѣдать. Тетя, садитесь. Садитесь, послѣ сдѣлаете.

Кисляковъ, сохраняя недовольно-молчаливый видъ, сѣлъ. Кромѣ непріятнаго осадка отъ разговора съ же-

ной, у него было раздраженіе отъ присутствія собакъ и тетки.

Можетъ быть, пятьдесятъ процентовъ его нервности и склероза нужно было отнести за счетъ присутствія въ комнатѣ тетки и собакъ.

Одна собака, фоксъ Джери, бѣлая съ черными пятнами, изводила своимъ пронзительнымъ лаемъ. Стоило только услышать ей хотя бы самый отдаленный звукъ или звонокъ, какъ она вскакивала съ своего матрасика и, поднявъ переднюю ногу и одно ухо (другое у нея всегда завертывалось), пронзительно, звонко лаяла, забросивъ вверхъ голову, такъ, что Кисляковъ каждый разъ вздрагивалъ, точно ему въ бокъ сунули каленое желѣзо.

Другая собака, мрачный большеголовый бульдогъ съ отвисшей губой, съ переломленнымъ хвостомъ, отличался какимъ-то загадочнымъ взглядомъ. Онъ портилъ жизнь тѣмъ, что всегда лежалъ въ креслѣ сбоку письменнаго стола. Когда Кисляковъ подходилъ къ нему, чтобы прогнать, тотъ загадочно-мрачно смотрѣлъ на него, и можно было опасаться, что онъ еще, чего добраго, укуситъ, такъ какъ онъ иногда даже начиналъ рычать.

Только изрѣдка, очевидно — будучи въ хорошемъ настроеніи, онъ подходилъ къ хозяину и, подсунувъ подъ его руку свою толстую морду, настойчиво требовалъ ласки. И Кисляковъ гладилъ его, а самъ съ непріятнымъ чувствомъ думалъ о томъ, что ему еще какъ-то приходится заискивать передъ этой гадиной.

За обѣдомъ онъ всегда садился на полъ сбоку Кислякова, въ нѣкоторомъ разстояніи, и, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него, ожидая подачки.

Тетка угнетала своей кротостью и униженностью. Она, очевидно, чувствовала незаконность своего существованія въ одной комнатѣ съ супругами и потому какъ бы старалась каждую минуту уничтожиться. Ходила едва слышно, говорила только съ собаками и то шопотомъ. Такъ какъ ей хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь оправдать свое существованіе (чтобы не подумали, что

она даромъ ѣстъ хлѣбъ), она постоянно стремилась быть занятой, то и дѣло подметала полъ, осторожно гремѣла въ шкафу посудой. Она все время старалась показать, какъ она мало тратитъ денегъ и какъ мало стоитъ. Даже когда Елена Викторовна давала ей на рынокъ и спрашивала, сколько нужно, она изо всѣхъ силъ старалась сказать меньше, какъ будто даже чувствовала себя виноватой за тѣ деньги, что даются ей на провизію. Обыкновенно это кончалось тѣмъ, что ей нехватало, и она приходила дополнительно за деньгами. При этомъ получала нагоняй отъ Елены Викторовны за то, что не умѣла сразу разсчитать. Кашляла она тихо, каждый разъ испуганно прикрывая ротъ рукой. А когда ее разбирало чиханье, она торопливо уходила въ коридоръ и чихала тамъ. Это у нея случалось обыкновенно по вечерамъ.

Кислякова, — при сознаніи всей безвыходности ея положенія, при всей ея деликатности, — невыразимо раздражало ея присутствіе. Раздражало то, что она за обѣдомъ при первой ложкѣ супа непремѣнно поперхнется и закашляется.

И все старается показать, какъ она мало ѣстъ, какъ мало кладетъ сахару въ стаканъ. Сначала, когда она только переѣхала къ нимъ жить, Кислякова трогала такая деликатность, и онъ считалъ долгомъ угощать ее и даже самъ подкладывалъ ей сахару въ чашку, такъ какъ она сыпала только полъ-ложечки, да и то еще, подумавъ, высыпала нѣсколько обратно въ сахарницу. Но потомъ онъ привыкъ и испытывалъ отъ этого только раздраженіе.

Ему казалось, что онъ насквозь видитъ всю ее. Все она дѣлаетъ только съ тѣмъ, чтобы показать, какъ она въ сущности мало мѣшаетъ, какъ самоотверженно выполняетъ все, чтобы оправдать свое существованіе. И ея безкорыстіе, приниженность начинали ему казаться насквозь пронизанными грошевымъ, копѣечнымъ разсчетомъ.

А хуже всего было то, что, когда она оставалась съ нимъ одна и они пили чай, она каждую минуту стара-

лась занимать его разговоромъ, чтобы онъ не подумалъ, что она чуждается его и неблагодарна за хлѣбъ и за уголъ.

Разговоры же были такіе:

— Сегодня потеплѣе, чѣмъ вчера.

— Да, потеплѣе.

— Вчера было очень холодно.

— Да, вчера было холоднѣе.

— Какая-то погода будетъ завтра.

Сейчасъ, когда все сѣли за столъ, тетка долго еще возилась у окна, штопала чулокъ, поднеся его поближе къ свѣту. Это она дѣлала для того, чтобы показать, что она не обжора и не стремится поскорѣе сѣсть за столъ.

— Тетя, да будетъ вамъ, еще успѣете сдѣлать, — сказала Елена Викторовна. Кисляковъ не сказалъ ни слова и только почувствовалъ приливъ раздраженія.

Садясь за столъ, тетка разсказала, что ничего въ лавкахъ нѣтъ, что она съ пяти часовъ стала въ очередь и только тогда достала.

Кисляковъ подумалъ, что она это говоритъ для того, чтобы показать, какъ она работаетъ и какъ старается угодить.

— Нѣтъ, я все-таки не понимаю ее, — сказала Елена Викторовна, не отвѣтивъ теткѣ (на ея реплики обыкновенно не обращалось вниманія). — Я не понимаю ее. Разъ духовная связь порвалась, какія тутъ можно еще спрашивать деньги?!

Она, очевидно, никакъ не могла успокоиться по поводу развода Звенигородскихъ и вернулась опять къ этой темѣ.

— Женщины-то потеряли всякое чувство достоинства. Вѣдь тутъ нужно все бросить и, закрывъ глаза и уши, чтобы не видѣть, не слышать, — бѣжать, бѣжать! Наняться въ прачки, въ судомойки, но не просить у этого негодяя.

— Почему же «н е г о д я я?» — подумалъ про себя Кисляковъ. — Не хочетъ жить, вотъ и все.

— Вотъ ужъ за меня ты можешь быть спокоенъ, — сказала Елена Викторовна. — Если я только почувствую, что между нами вотъ настолько ослабѣетъ духовная связь, я уйду сейчасъ же и никакихъ, она подчеркнула это слово, — ни упрековъ, ни денежныхъ требованій къ тебѣ предъявлять не буду.

У Кисѣякова шевельнулось чувство признательности и даже нѣжности къ женѣ за то, что она сказала, что уйдетъ отъ него, не сказавъ ни слова и не предъявивъ никакихъ требованій. Какъ будто въ немъ постоянно, даже въ періоды полнаго мира и согласія, жила тайная надежда освободиться отъ нее. Онъ даже погладилъ ея руку.

Тетка при словахъ Елены Викторовны о Звенигородскихъ хотѣла было вставить свое замѣчаніе, но, увидѣвъ, что рѣчь повернула въ сторону ихъ личныхъ отношеній, остановилась на полусловѣ и поперхнулась супомъ.

Кисляковъ кончилъ супъ и хотѣлъ сѣсть посвободнѣе, бокомъ въ своемъ креслѣ, но въ упоръ встрѣтился съ молчаливымъ взглядомъ бульдога и съ досадой отвернулся въ другую сторону.

Онъ рѣшилъ ни слова не говорить женѣ о переживаемой тревогѣ по поводу предстоящаго орабочиванія персонала, такъ какъ она эту тревогу раздуетъ до невозможныхъ предѣловъ, воспримете это какъ окончательную гибель и наведетъ такую тоску, что будетъ впору хоть удавиться. Поэтому ограничился только сообщеніемъ о предполагаемомъ пріѣздѣ Аркадія Незнамова.

— Да, знаешь, у меня большая радость. Въ Москву пріѣзжаетъ изъ Смоленска лучшій и единственный другъ моей юности Аркадій Незнамовъ, про котораго я столько тебѣ говорилъ.

Елена Викторовна приняла это извѣстіе совсѣмъ безъ того подъема, съ какимъ сказалъ о немъ Кисляковъ. Она почему-то нѣкоторое время молчала, потомъ только спросила:

— Онъ одинъ пріѣзжаетъ?

Кисляковъ хотѣлъ сказать: «Въ томъ-то и дѣло, что этотъ отшельникъ удивилъ меня, женившись на молоденькой женщинѣ», — но какое-то сложное чувство удержало его. И онъ сказалъ, что Аркадій пріѣзжаетъ одинъ.

Елена Викторовна опять ничего не отвѣтила и стала ѣсть жаркое. А Кисляковъ подумалъ по поводу умолчанія о женѣ Аркадія, что постоянно приходится вести скрытую политику съ человѣкомъ, съ которымъ живешь бокъ-о-бокъ и который каждую минуту заявляетъ о своей къ тебѣ любви, преданности и общности духовныхъ интересовъ. Про пріѣздъ Аркадія онъ могъ бы въ такихъ тонахъ сказать женѣ: «Я счастливъ, что пріѣдетъ тотъ человѣкъ, который своими бесѣдами оживитъ то, что, кажется, уже умерло во мнѣ, — мое собственное духовное начало, — поможетъ мнѣ найти утраченную вѣру въ себя».

Но первымъ, что услышалъ бы онъ при такомъ заявленіи отъ Елены Викторовны, былъ бы ея вопросъ:

— «А я, значитъ, для тебя ничто? Со мной ты только теряешь вѣру?»

— Мы сейчасъ пойдемъ въ городъ, — сказала послѣ продолжительнаго молчанія Елена Викторовна,— нужно купить все къ вечеру, и я хотѣла бы себѣ выбрать что-нибудь на платье для поѣздки. Ты пойдешь со мной?

Несмотря на то, что Кисляковъ не любилъ ходить съ ней, онъ сказалъ, что пойдетъ. И рѣшилъ во имя ея скораго отъѣзда запастись всей силой терпѣнія, чтобы не раздражаться на нее дорогой, не спорить и не вернуться, вдребезги переругавшись изъ-за какого-нибудь пустяка, какъ часто случалось.

Но у него ни на минуту не выходила мысль о главной тревогѣ, и онъ былъ такъ задумчивъ и разсѣянъ, что жена, подозрительно посмотрѣвъ на него, даже спросила:

— Да что съ тобой сегодня? Или какая непріятность на службѣ?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ Кисляковъ.

VI.

Елена Викторовна пошла за ширму одѣться, а Кисляковъ рѣшилъ въ это время написать письмо Аркадію. Ему хотѣлось какъ-нибудь, намекомъ выразить, что онъ очень ждетъ свою новую духовную сестру, какъ онъ про себя назвалъ жену Аркадія, и шлетъ ей самыя нѣжныя братскія привѣтствія. Онъ оглянулся на тетку. Она маленькой ложечкой доѣдала кисель съ молокомъ, потомъ начала осторожно, точно въ комнатѣ былъ больной, собирать со стола, шопотомъ разговаривая съ собаками. У нея дрогнули рѣсницы, когда онъ на нее посмотрѣлъ, и она стала еще осторожнѣе собирать со стола посуду. Изъ этого онъ заключилъ, что она видитъ все, что бы онъ ни дѣлалъ, хотя какъ будто не обращаетъ на него вниманія.

И опять ея постоянное присутствіе въ комнатѣ вызвало въ немъ такую ненависть къ ней, что онъ не могъ съ собой бороться.

Онъ положилъ передъ собой почтовую бумагу, но тихое погромыхиваніе посудой и мысль о томъ, что жена можетъ неожиданно скоро одѣться, не давали ему возможности сосредоточиться.

Онъ отложилъ письмо, рѣшивъ послать телеграмму, когда они будутъ въ городѣ, и взялъ книгу. Но его вниманіе противъ воли было приковано къ тихому, осторожному погромыхиванію тетки посудой въ буфетѣ, и онъ ждалъ, когда она, наконецъ, кончитъ, — и чѣмъ больше ждалъ, тѣмъ больше раздражался.

Елена Викторовна вышла изъ-за ширмы и стала передъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ его письменнымъ столомъ, надѣвать шляпу. Почему-то надо было ей непремѣнно повѣсить зеркало надъ письменнымъ столомъ. И часто, когда онъ сидѣлъ за какой-нибудь срочной работой, она стояла сзади него и примѣривала что-нибудь, при чемъ очень удивлялась, когда онъ переставалъ работать и съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія этого примѣриванія.

Чтобы не чувствовать ее за своей спиной, Кисляковъ всталъ изъ-за стола и пошелъ за шляпой къ двери, гдѣ на гвоздяхъ висѣла вся его одежда. Онъ уже стоялъ въ дверяхъ, а Елена Викторовна все еще надѣвала свою шляпу.

Она при своей полнотѣ такъ стягивалась корсетомъ, что грудь у нея подходила къ самому подбородку, а руки въ локтяхъ отходили далеко отъ боковъ и были похожи скорѣе на самоварныя ручки, чѣмъ на руки женщины. Лицо у нея всегда было красное, каленое, а жидкіе бѣлокурые волосы завиты надо лбомъ мелкими кудряшками. На шею она надѣла черную бархатку.

Они пошли, сопровождаемыя до дверей теткой и собаками.

Въ коридорѣ на нихъ налетѣли ребятишки, устроившіе здѣсь бѣготню.

Собаки подняли лай, а изъ-за двери сейчасъ же выглянула мѣщанка, чтобы увидѣть, кто пошелъ.

— Надѣнь, надѣнь пальто, — сказала Елена Викторовна, вдругъ оглянувшись на мужа, — безъ пальто неприлично теперь, это только сапожники такъ ходятъ, въ одномъ пиджакѣ.

— Да оно у меня съ бубновымъ тузомъ на спинѣ,— сказалъ Кисляковъ. — Такъ еще неприличнѣе.

— Ну, ничего, теперь всѣ такъ ходятъ.

И ему пришлось вернуться и надѣть ненавистное заштопанное на спинѣ пальто.

Они вышли на улицу. Когда Елена Викторовна шла съ мужемъ, у нея всегда появлялся увѣренный въ себѣ, достойный видъ, а у Кислякова, напротивъ, неувѣренный и даже нѣсколько сконфуженный. Ему все приходили (вѣроятно, результатъ нервности) нелѣпыя мысли, напримѣръ, ему казалось стыдно итти съ такой низенькой и полной женой, казалось, что она причесана безвкусно. Тѣмъ болѣе, что она такъ самоувѣренна, такъ бодро вокругъ себя оглядывается. Ей, вѣроятно, въ голову не приходитъ, что для него кромѣ нея можетъ быть интересна какая-нибудь женщина. При чемъ она совершенно увѣрена въ непогрѣшимости

своего вкуса. И когда Кисляковъ пробовалъ ей замѣтить насчетъ неумѣстности этой вульгарной бархатки, она только удивленно посмотрѣла на него нѣсколько времени. Потомъ пожала плечами и сразу прибавила шагу, оскорбленно показывая этимъ, что она идетъ одна.

Проходившія по улицѣ дѣвушки въ красненькихъ платочкахъ обогнали ихъ и чему-то засмѣялись. Кисляковъ подумалъ, что это надъ нимъ, и покраснѣлъ. Подъ предлогомъ тѣсноты на тротуарѣ онъ немного отсталъ, чтобы не было видно, что онъ идетъ съ Еленой Викторовной, и что она — его жена.

— Ну, что же ты отсталъ? Возьми меня подъ руку, — сказала она остановившись.

А потомъ и пошло... Рѣшили сѣсть въ трамвай. На два трамвая Елена Викторовна все не успѣвала сѣсть. И только удалось втиснуться на прицѣпной вагонъ третьяго, при чемъ Елена Викторовна застряла въ дверяхъ и никакъ не могла встать на площадку, а садившіяся съ пустыми бидонами молочницы подтолкнули ее подъ задъ. Она обидѣлась и, вмѣсто того, чтобы проходить въ вагонъ, стала на нихъ кричать. Тутъ ужъ на нее всѣ закричали.

— Ишь, толстая! Загородила дорогу, а изъ-за нее еще останешься.

— Не смѣть такъ оскорблять!

— Ну, чего тамъ! Тебя никто и не оскорбляетъ, тебѣ словами говорятъ.

— Надѣла шляпу, и уже не тронь ее. Въ автомобилѣ бы ѣздила!

И хуже всего то, что она никакъ не могла удержаться, чтобы не отвѣчать на эти выкрики. Шляпка ея сбилась, а лицо стало совсѣмъ багровое. И сколько Кисляковъ ни уговаривалъ ее не встрѣвать въ скандалъ, она не слушала его и только больше распалялась. Даже оттолкнула его локтемъ.

Изъ трамвая вышли уже молча. Она — красная, гнѣвная. Онъ — съ закушенной губой и съ очевиднымъ противъ нея раздраженіемъ.

— И какіе все дешевые выкрики, все демагогія копѣечная, — «въ автомобилѣ бы ѣздили», только и знаютъ, какъ попугаи одно и то же повторяютъ. Голова-то ничего неспособна своего придумать, — проговорила Елена Викторовна, какъ бы вызывая мужа на разговоръ и этимъ общеніемъ желая потушить непріятное молчаніе.

Они шли довольно долго пѣшкомъ, такъ какъ Елена Викторовна хотѣла купить себѣ туфли непремѣнно въ томъ магазинѣ, гдѣ она видѣла три дня назадъ понравившійся ей товаръ.

Когда подошли къ магазину, то на двери увидѣли бумажку, на которой было написано:

«Магазинъ закрытъ по случаю переучета товара».

Пошли въ другой. Тамъ не оказалось ничего подходящаго. Когда зашли въ третій, недалеко отъ телеграфа, Елена Викторовна нашла то, что ей нравится, и усѣлась примѣривать. Кисляковъ зналъ по опыту, что пройдетъ добрыхъ полчаса, около нея вырастетъ цѣлая гора башмачныхъ коробокъ, и продавецъ начнетъ уже рывомъ вытаскивать новыя коробки съ полокъ, прежде чѣмъ она найдетъ то, что ее удовлетворитъ. Поэтому онъ вышелъ изъ магазина и завернулъ на телеграфъ, гдѣ отправилъ телеграмму, содержаніемъ которой остался очень доволенъ.

Онъ телеграфировалъ:

«Съ особеннымъ нетерпѣніемъ жду обоихъ». Потомъ, подумавъ, приписалъ: «цѣлую». Кого цѣлую — было неизвѣстно: одного Аркадія или обоихъ. Можно было понять такъ и этакъ. И о н а, навѣрное, почувствуетъ, что это имѣетъ къ ней отношеніе, а также слово «съ особеннымъ». Онъ подумалъ, что жаль изъза одной буквы С платить за цѣлое слово, и хотѣлъ было вычеркнуть, но рѣшилъ, что такъ выходитъ богаче. Какъ онъ былъ далекъ въ этотъ моментъ отъ мысли, чѣмъ кончится эта встрѣча и какъ трагически закончится день 1-го октября — годовщина рожденія Аркадія.

— Квитанція нужна? — спросила барышня изъ окошечка.

Кисляковъ, задумавшійся о предстоявшемъ знакомствѣ, совершенно машинально сказалъ:

— Нужна.

— Гдѣ же ты былъ?! — съ удивленіемъ встрѣтила его вопросомъ Елена Викторовна, которая стояла на порогѣ магазина и, пожимая плечами, оглядывалась то въ ту, то въ другую сторону. Туфли ей, какъ оказалось, сразу пришлись по ногѣ.

Кислякову пришлось поневолѣ сказать, что онъ заходилъ въ книжный магазинъ, такъ какъ отправка телеграммы тотчасъ возбудила бы въ ней вопросъ, почему потребовалась такая экстренность.

Она опять взяла его подъ руку, и они продолжали ходить по магазинамъ, точно двое влюбленныхъ, такъ какъ она уже не выпускала его руку. А онъ несъ пакеты и думалъ о томъ, что если бы бросить Елену Викторовну, то въ этотъ мѣсяцъ у него было бы цѣлыхъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Теперь же, благодаря происшедшей заминкѣ съ злополучными пятьюдесятью рублями, онъ даже не отложилъ себѣ обычной десятки на мелкіе расходы.

— Ты будешь хоть немножко, немножечко скучать безъ меня? — спросила Елена Викторовна, когда они свернули на бульваръ, гдѣ было просторнѣе. Она спросила тоненькимъ голоскомъ, какимъ говорила съ нимъ, когда была молода и тонка, и кокетливо протянула слово немножечко. По ея интонаціи было понятно, что она напередъ знаетъ его отвѣтъ.

Но для Кислякова отвѣтитъ ей словами послѣ тѣхъ мыслей, какія у него только что проходили въ головѣ, было ужъ слишкомъ большимъ нарушеніемъ честности чувства, и онъ только молча прижалъ локтемъ ея руку.

— Ну, это разговоръ одинъ, а пріѣдетъ твой Аркадій — ты черезъ недѣлю меня забудешь. Еще будешь радъ, что уѣхала. Ты что же, не отвѣтилъ ему еще? — спросила Елена Викторовна.

— Кому? — спросилъ Кисляковъ, зная, о чемъ она говоритъ.

— Аркадію.

— Успѣю еще.

— Боже мой, сколько мы истратили сегодня денегъ! И все на меня.

Кисляковъ самъ только что думалъ это, глядя на пять пакетовъ, бывшихъ у него въ рукахъ. Но вслухъ сказалъ:

— Ничего, вѣдь не каждый же день ты на себя столько тратишь.

Онъ сказалъ эту ободряющую фразу съ тѣмъ, чтобы, когда она уѣдетъ, самому имѣть право тратить больше, разъ она на себя тратитъ много, а онъ не только выговариваетъ ей, а еще ободряетъ.

— Ну, это въ послѣдній разъ,— сказала Елена Викторовна. — Только ты послѣ моего отъѣзда живи поэкономнѣе.

Кисляковъ чуть не потерялъ своего душевного равновѣсія при этой фразѣ. Его до глубины души возмутило, что она (такая толстая) тратитъ Богъ знаетъ сколько, все принаряжается, а теперь еще ѣдетъ къ сестрѣ на Волгу дышать воздухомъ (ей все воздуху мало). Онъ же долженъ въ это время сидѣть, какъ каторжный, работать и еще быть экономнѣе!

Но онъ сдержался. Они зашли въ гастрономическій магазинъ, купили еще закусокъ и вина. Потомъ сѣли въ трамвай, чтобы ѣхать домой. При чемъ на Кислякова крикнулъ какой-то хорошо одѣтый гражданинъ въ перчаткахъ и заграничной шляпѣ, когда тотъ его нечаянно толкнулъ.

Кисляковъ почувствовалъ припадокъ озлобленія, такъ какъ усталъ отъ бѣганья по городу, и крикнулъ въ свою очередь:

— Скажите, какія нѣжности, толкнуть нельзя! Въ автомобилѣ бы ѣздили! Перчатки, шляпу надѣлъ!

Но въ концѣ концовъ они вернулись домой довольные: Елена Викторовна потому, что погуляла съ м у-

жемъ, а онъ — тѣмъ, что погулялъ съ ней послѣдній разъ и теперь цѣлый мѣсяцъ будетъ свободенъ отъ этого.

VII.

Прежде всего нужно было приготовить комнату къ приходу гостей. Это была сложная процедура.

Комната была совершенно квадратная и имѣла три окна на улицу, прямо въ окна противоположнаго дома. Прежде было четыре окна, и они цѣлый годъ жили подъ злобное шипѣніе сосѣдей. Сосѣди хоть не могли разсчитывать, что каждый изъ нихъ получитъ прибавку площади, если отрѣзать ее у Кисляковыхъ, но ихъ лишало сна и аппетита одно сознаніе, что у ихъ сосѣда больше площадь, чѣмъ у нихъ. Поэтому въ концѣ концовъ одно окно отрѣзали и поселили тамъ мѣщанку Печонкину, мужъ которой былъ продавцомъ въ «Коммунарѣ». Мѣщанка отдѣлялась отъ Кисляковыхъ только фанерной перегородкой, которая къ тому же не совсѣмъ доходила до потолка, и благодаря этому тамъ было слышно все до послѣдняго слова, что здѣсь говорилось.

А такъ какъ комната Кисляковыхъ оставалась все еще велика и все-таки съ тремя окнами, то попрежнему служила постояннымъ предметомъ зависти и разговоровъ жильцовъ.

Больше всего мѣста занимали въ комнатѣ книги. Онѣ были въ двухъ шкафахъ, во всѣхъ свободныхъ простѣнкахъ стояли книжныя полки. Въ углу стоялъ отдѣльный шкафчикъ, весь набитый чертежами Кислякова. Все это указывало на кипѣвшую прежде умственную жизнь.

Елена Викторовна часто косилась на эти книги и говорила, что совершенно не понимаетъ, зачѣмъ онѣ теперь нужны; только занимаютъ мѣсто, когда и безъ того въ комнатѣ тѣсно.

И правда, комната совмѣщала въ себѣ рѣшительно все, что потребно человѣку — столовую, гостиную, ка-

бинетъ, библіотеку, спальню, кухню, переднюю и даже иногда дровяной сарай.

Посредине стоялъ столъ, покрытый клеенкой съ цвѣточками и живописными разводами. Противъ него около одной стѣны — диванъ турецкій съ недружно стоящими подушками-спинками, обшитыми крученымъ шнуркомъ. Около этихъ шнурковъ и въ сборкахъ валиковъ подозрительно бѣлѣли остатки высохшей соли. Это — безнадежно примѣнявшееся средство противъ клоповъ, которыхъ, по общему утвержденію, напускала во всѣ комнаты Печонкина.

Около другой стѣны — кровать Елены Викторовны и въ углу по той же стѣнѣ — кровать тетки, всегда закрытая ширмой.

Около входной двери были возведены уже цѣлыя сооруженія. Дѣло въ томъ, что въ коридорѣ на вѣшалкѣ боялись оставлять одежду изъ опасенія кражи. Поэтому устраивались, кто какъ могъ, у себя дома. Сюда тащили все — пальто, калоши, мокрые зонтики, которые, растопыривши, ставили на полъ, чтобы они отекли. Для всей этой благодати посредствомъ книжнаго шкафа было отгорожено налѣво отъ двери узкое пространство. Если бывали гости, то они добрую четверть часа возились въ этомъ закоулкѣ, разбирая перепутавшіяся калоши, точно старатели на золотыхъ пріискахъ.

На правой сторонѣ отъ двери другимъ шкафомъ было отгорожено какое-то таинственное мѣсто. И если гость вмѣсто лѣвой стороны попадалъ за своими калошами сюда, то ему испуганно кричали, что калоши налѣво. Это святилище было даже завѣшено ситцевой занавѣской, передвигавшейся сборками на проволокѣ. Тутъ былъ филіалъ кухни и помойной ямы. Сюда ставилась на столикъ грязная посуда, кое-что изъ съѣстного. Здѣсь же стояло помойное ведро для мѣстныхъ нуждъ, такъ какъ въ рѣдкіе дни приходовъ гостей закуски приготовлялись въ этомъ закоулкѣ. Это дѣлалось изъ желанія избѣжать излишняго любопытства сосѣдей, которые всегда стремились узнать, сколько и

какія закуски покупаютъ ихъ ближніе. А потомъ, когда придетъ время платить по разнымъ коммунальнымъ счетамъ, сказать:

— Какъ по счетамъ платить, такъ споръ затѣваютъ, а какъ разносолы всякіе покупать, такъ въ этомъ себя не стѣсняютъ!

И вотъ, во избѣжаніе частаго повторенія такихъ замѣчаній, всѣ приготовленія дѣлались въ комнатѣ. И комната сама имѣла одинъ видъ въ обычные, будніе дни и совсѣмъ другой видъ въ праздничные, когда бывали гости.

Сейчасъ чета Кисляковыхъ прежде всего занялась приведеніемъ комнаты въ праздничный видъ.

Прежде всего тщательно осмотрѣли диванъ и стѣны, нѣтъ ли клоповъ, чтобы помазать ихъ клопиной жидкостью.

— Тутъ вотъ маленькіе есть, — сказала тетка, раскопавъ пальцами подъ шнурками диванныхъ подушекъ.

— Ну, маленькіе — ничего, оставьте ихъ, а то будутъ пятна и запахъ.

Изъ внутренности дивана былъ вынутъ свернутый въ трубку коверъ, его разостлали посрединѣ пола. Изъза шкафа появились двѣ картины, писаныя масляными красками, и изъ нижняго самаго темнаго ящика — фарфоръ, который помѣстился въ пустующемъ изящномъ стекляннномъ шкафчикѣ.

Все это добро хранилось тамъ, во-первыхъ, на случай прихода фининспекторскихъ молодыхъ людей. Они обыкновенно являлись въ пальто съ поднятымъ воротникомъ, если на дворѣ шелъ дождь, и, развернувъ мокрыми, озябшими руками какую-то тетрадку, садились къ столу. На глазахъ перепуганныхъ хозяевъ, старавшихся казаться равнодушными и безразличными къ этой операціи (совѣсть чиста), что-то записывали, при чемъ періодически обводили глазами комнату. А въ концѣ концовъ ставили резюме: бѣдная обстановка, средняя, хорошая, богатая. И хозяева больше всего боялись, какъ бы у нихъ не оказалась хорошая, а тѣмъ

болѣе богатая обстановка. А, кромѣ того, тѣ же сосѣди, даже свой братъ интеллигентъ, въ этихъ случаяхъ часто были хуже всякихъ молодыхъ людей: тѣ пришли одинъ разъ, записали и — съ Богомъ, ихъ ужъ неизвѣстно когда увидишь, а эти каждый день, каждый часъ подъ бокомъ, все видятъ, все слышатъ, и въ результатѣ:

«Какъ по счетамъ платить . . .» и т. д.

Ипполиту Кислякову, какъ человѣку съ интеллигентскими традиціями, были противны всѣ эти декораціи. Но Елена Викторовна очень дорожила возможностью «по-человѣчески принять гостей», и онъ, принужденный повиноваться, вытаскивалъ ковры, вѣшалъ картины, но становился въ это время необычайно хмуръ и разсѣянъ, такъ что непремѣнно что-нибудь разбивалъ или ронялъ. Тогда Елена Викторовна, всплеснувъ руками, кричала на него, что у него руки никогда ничего не держатъ, что если бы она знала, то ни о чемъ бы не просила, а все сдѣлала сама, и т. д.

Тетка почему-то на цыпочкахъ, съ таинственнымъ видомъ, какъ будто они всей семьей изготовляли фальшивую монету, развертывала пакеты, раскладывала по тарелкамъ закуски. И ко всему прикладывала излишне много показного старанія, какъ казалось Кислякову.

Елена Викторовна, говорившая о томъ, чтобы гостей было никакъ не больше шести человѣкъ (а съ ними — девяти), дѣлала это не безъ основанія: у нея оставался отъ прежнихъ временъ доротой сервизъ. Три прибора отъ него были разбиты въ свое время Кисляковымъ (онъ хорошо помнилъ эти случаи до сихъ поръ), оставалось девять приборовъ. И если за столомъ будетъ девять человѣкъ, то столъ будетъ имѣть богатый видъ. Приходъ же каждаго лишняго гостя означалъ катастрофу. Тогда пришлось бы ставить на столъ щербатую тарелку съ желтой трещиной посрединѣ и дѣлать обычныя въ этихъ случаяхъ ссылки на совѣтскую дѣйствительность, гдѣ не то что приличнаго сервиза завести, а скоро ѣсть нечего будетъ.

Но ссылки ссылками, а червь раздраженія будетъ весь вечеръ точить сердце противъ лишняго гостя и самого хозяина, у котораго вмѣсто головы неизвѣстно что на плечахъ: по пальцамъ пересчитать не мотъ.

— Ну, вотъ отлично, сегодня хоть тетя можетъ съ нами по-человѣчески поужинать, — сказала Елена Викторовна.

Рѣсницы тетки дрогнули, она ничего не сказала, только стала еще больше проявлять старательности въ сервировкѣ стола. Почти послѣ каждой поставленной тарелки отступала шага на два и смотрѣла издали на столъ, хорошо ли она поставила. Кисляковъ уже старался не смотрѣть на нее, чтобы не раздражаться.

Кисляковъ съ Еленой Викторовной забрались въ закоулокъ за занавѣской и возились тамъ надъ рѣзаніемъ колбасъ и ветчины. Въ этотъ закоулокъ все никакъ не могли собраться провести лампочку и поэтому все наполовину дѣлалось ощупью, точно они проявляли тамъ карточки.

Это былъ собственно самый опасный моментъ, такъ какъ въ тѣснотѣ и въ темнотѣ непремѣнно что-нибудь сваливалось и разбивалось. При чемъ установить, кто именно свалилъ, было очень трудно. И поэтому сейчасъ же возникали споры и пререканія, оканчивавшіеся склокой.

— Что ты меня все въ бокъ толкаешь! — сказала, наконецъ, Елена Викторовна, вначалѣ молчавшая въ надеждѣ, что толчки прекратятся.

— Какъ же я иначе могу рѣзать? — сказалъ Кисляковъ.

— Оставь, я сдѣлаю это безъ тебя. Откупорь лучше вино.

Кисляковъ, пожавъ плечами, положилъ ножъ и взялся за бутылки. Зажавъ ихъ между колѣнами и покрывъ верхней губой нижнюю, онъ осторожно вытягивалъ пробку, чтобы она не хлопнула. Одна хлопнетъ — это еще туда-сюда, а вотъ три, четыре подрядъ — тогда мѣщанка сразу сообразитъ, что здѣсь готовится о р г і я.

Всѣ остальные жильцы во время такихъ приготовленій дѣлались особенно незамѣтными, даже не выходили изъ своихъ комнатъ, а если проходили мимо кисляковской комнаты, то старались скромно опускать глаза, какъ будто не знали и не интересовались узнать, что дѣлаютъ ихъ сосѣди. Но уже по одному этому было видно, что они з н а ю т ъ, несмотря на всѣ предосторожности, — и завтра всѣмъ будетъ извѣстно, кто былъ, что ѣли, что пили.

Откупоривъ бутылки и передавъ ихъ теткѣ, которая старалась перехватить каждую вещь, идущую на столъ, Кисляковъ ввинтилъ въ трехлапую люстру большую лампочку въ сто свѣчей, чтобы вечеринка казалась болѣе праздничной.

Но въ это время изъ угла вышла съ селедочными руками Елена Викторовна и испуганно закричала: «Окно, окно!» — такимъ тономъ, какимъ кричатъ «Пожаръ!».

Кисляковъ съ екнувшимъ сердцемъ оглянулся на бывшее противъ стола окно. Его забыли завѣсить, и оно зіяло всѣми своими шестью квадратами большихъ стеколъ на улицу, открывая для оконъ противоположнаго дома всю подготовку въ оргіи, со столомъ на первомъ планѣ.

Съ необычайной поспѣшностью, съ какой машинистъ дергаетъ ручку крана, чтобы спустить опасный излишекъ пара, Кисляковъ дернулъ за шнурокъ шторы и наглухо связалъ въ трехъ мѣстахъ шнурочками бахромы половинки шторы.

Собаки, потерявъ присущія имъ каждой въ отдѣльности индивидуальныя черты, проявляли теперь общія имъ собачьи свойства: скромно сидѣли настороженно въ сторонѣ, виляли хвостами и приподнимали уши при каждомъ движеніи хозяевъ.

Кисляковъ старался не встрѣчаться взглядомъ съ бульдогомъ, дѣлая видъ, что совершенно не замѣчаетъ его, а когда наталкивался на него, то даже не стѣснялся отпихивать съ дороги ногой. Бульдогъ скромно

отходилъ подъ столъ безъ всякаго рычанія и только, пригнувъ голову, выглядывалъ оттуда.

Когда все было готово, столъ накрытъ, селедочныя внутренности вынесены въ кухню, и вездѣ были постланы чистыя салфетки, наступило скучное, тревожное время ожиданія.

— Черезъ часъ могутъ придти, — сказала Елена Викторовна. И сейчасъ же, спохватившись, прибавила: — Да, вотъ что мы забыли: необходимо поставить цвѣточковъ на столъ; сходи пожалуйста, тутъ на углу есть, а я пока почищу твой пиджакъ.

Ипполитъ Кисляковъ снялъ пиджакъ, надѣлъ тужурку и спокойно пошелъ.

Но, вернувшись, онъ увидѣлъ такую картину, которую меньше всего ожидалъ увидѣть. Елена Викторовна сидѣла на диванѣ, на колѣняхъ у нея лежалъ его пиджакъ и щетка, а въ рукахъ телеграфная квитанція, на которой было обозначено мѣсто назначенія — Смоленскъ... Тогда какъ онъ ей сказалъ, что еще не отвѣтилъ Аркадію.

Онъ сразу оцѣнилъ всю ситуацію.

Елена Викторовна, держа въ рукахъ квитанцію и прищуривъ глаза, смотрѣла передъ собой въ одну точку. Она не пошевелилась, когда вошелъ Кисляковъ.

Тетка уже сидѣла за ширмой, какъ она всегда дѣлала въ драматическіе моменты; значитъ, она уже знала суть дѣла...

— Почему ты сказалъ неправу? — сказала Елена Викторовна, протягивая зажатую въ рукѣ квитанцію. — Вѣдь ты мнѣ сказалъ, что не отвѣтилъ еще своему товарищу, — а что это?

Въ этихъ случаяхъ уличенному можно занять двѣ позиціи — или принять покорный, виноватый видъ, наскоро придумавъ какое-нибудь невинное основаніе, которое заставило его скрыть обнаруженное, — или дѣйствовать съ откровенной наглостью, нахрапомъ и заявленіями о томъ, что онъ не желаетъ подчиняться какому-то контролю, что онъ пошлетъ къ чорту всѣхъ, кто будетъ лазить у него по карманамъ.

Въ данномъ случаѣ послѣдняя позиція подходила бы больше всего, такъ какъ это былъ ея же праздникъ, и она же больше пострадаетъ, если онъ весь вечеръ будетъ сидѣть звѣремъ и этимъ оскандалитъ ее передъ гостями.

Но тутъ раздались одинъ за другимъ три звонка (значитъ — къ нимъ, и, значитъ — гости). Елена Викторовна съ проворствомъ, какого нельзя было ожидать, вскочила, сбросила тужурку съ колѣнъ на полъ, — очевидно, желая этимъ показать свое отношеніе къ Кислякову. На лицѣ ея была уже готовая привѣтливость гостепріимной хозяйки, она на ходу успѣла провести по носу пуховкой съ пудрой и заглянуть въ зеркало.

Черезъ минуту они оба были уже въ коридорѣ. А тетка спряталась за ширму, дабы не подумали, что она хочетъ навязаться и непремѣнно торчать за столомъ, хотя для нея и поставили приборъ.

Елена Викторовна спѣшила къ двери, чтобы отпереть, но ее уже предупредила мѣщанка, несмотря на то, что число звонковъ было не ея. Кисляковы поняли, что она хочетъ посмотрѣть, кто къ нимъ пришелъ и сколько народу.

Со стороны входившихъ въ дверь гостей и встрѣчавшихъ на порогѣ хозяевъ послышались веселыя восклицанія. Хозяева стояли рядомъ, однако, стараясь не касаться другъ друга локтями, и радостными голосами просили входить.

Но по количеству голосовъ и слишкомъ большому шуму чуткое ухо Елены Викторовны вдругъ заподозрило что-то неладное. И въ самомъ дѣлѣ: одинъ уже бѣглый взглядъ, который она въ полумракѣ коридора бросила на пришедшихъ, заставилъ безпокойно шевельнуться ея сердце.

Должны были придти Галаховъ съ женой, длинный Гусевъ съ женой и Андрей Игнатьевичъ тоже съ женой, а въ коридоръ сейчасъ уже ввалилось девять человѣкъ по ея бѣглому и тревожному подсчету.

Оказалось, что пришлось благодарить Гусева за хорошую услугу. Онъ всегда изображалъ изъ себя душу общества и постоянно былъ занятъ изысканіемъ всякихъ забавныхъ положеній, которыя ему самому казались очень веселыми и способными поднять общее настроеніе.

Все дѣло было въ томъ, что, подходя уже къ дому Кисляковыхъ, они встрѣтили еще двухъ товарищей по работѣ. Оба они были маленькаго роста, какіе-то ничтожные: одинъ съ голой, какъ кочерыжка, бритой головой, какой-то подслѣповатый, возившійся гдѣ-то въ архивѣ при музеѣ; другой, такой же маленькій, наоборотъ, съ такими огромными волосами, что выбѣжавшія въ коридоръ собаки остервенились: бульдогъ зарычалъ, а Джери, какъ ошпаренная, залаяла, что она дѣлала только при видѣ статистика.

— Вы ничего не будете имѣть противъ двухъ «малыхъ сихъ»? — спросилъ Гусевъ подталкивая «малыхъ сихъ» къ двери.

Елена Викторовна сдѣлала, какъ могла, привѣтливую улыбку (при чемъ Кисляковъ даже поразился, насколько она вышла неестественна), и оба стали приглашать войти, говоря, что чѣмъ больше народу, тѣмъ веселѣе.

Еще бы, будешь имѣть что-нибудь противъ, когда они уже приперли сюда. Не говорить же имъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы они убирались по добру по здорову туда, откуда пришли.

— Раздѣваться здѣсь прикажете?

— Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь украдутъ! Пожалуйста, сюда.

Даже у Кислякова сразу упало настроеніе при видѣ такого количества гостей. Онъ сталъ унылъ, разсѣянъ, наступалъ всѣмъ на пятку, когда входили въ комнату.

Всѣ протѣснились въ дверь, въ томъ числѣ и двѣ ненавистныхъ маленькихъ фигуры — лысая и волосатая, которыя къ тому же не сказали ни одного слова, только молча, съ необычайной серьезностью, какъ-то внизъ тряхнули руки хозяевамъ, когда здоровались.

— Нѣтъ, нѣтъ, налѣво! — испуганно вскрикнула Елена Викторовна, когда Гусевъ, и тутъ думая, вѣроятно, устроить развлеченіе, заглянулъ было за занавѣску направо.

Стали раздѣваться въ тѣсномъ закоулкѣ и въ продолженіе нѣкотораго времени оттуда только слышались молчаливая возня и испуганныя извиненія.

А Кисляковъ въ нашедшей на него каменной сосредоточенности и неподвижности стоялъ въ сторонѣ и безучастно смотрѣлъ на копошившихся гостей, какъ на рыбу въ тѣсномъ садкѣ.

— Да что же ты не поможешь! — крикнула, наконецъ, на него Елена Викторовна, и глаза ея сверкнули новымъ гнѣвомъ (плюсъ старый, за исторію съ квитанціей).

Кисляковъ безсознательно, точно не успѣвъ отдать себѣ отчета, бросился въ садокъ, и тамъ стало только еще тѣснѣе.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы не очень на насъ сердитесь за этихъ милыхъ людей? — спросилъ Гусевъ, выйдя на просторъ и отирая усы платкомъ.

— Что вы, что вы, прекрасно! — испуганно встрепенувшись, вскрикнула Елена Викторовна, такъ какъ на нея тоже нашла минута грустной задумчивости, какъ и на Кислякова.

Пришлось, сославшись на совѣсткую дѣйствительность, ставить дополнительные приборы изъ старыхъ фаянсовыхъ тарелокъ съ трещинами и сдвигать стулья вплотную, такъ что о томъ, чтобы теткѣ сѣсть за столъ, нечего было и думать.

VIII.

Гостей приглашали не потому, чтобы встрѣтиться съ людьми своего класса, одинаково чувствующими и одинаково мыслящими, а просто потому, что неловко было долго не звать къ себѣ никого изъ знакомыхъ.

Несмотря на то, что знакомые были свои люди, внутренней связи съ ними не было никакой. Полити-

ческіе разговоры не вызывали особеннаго оживленія и больше ограничивались сравнительно тѣснымъ кругомъ недостатка на рынкѣ продуктовъ, въ особенности бѣлой муки. Тѣмъ болѣе, что каждый изъ гостей, начавъ говорить на эти темы, всегда нѣсколько неувѣренно прощупывалъ глазами слушателей, а также бросалъ бѣглый взглядъ на стѣны, соображая, насколько онѣ плотны.

Даже близкіе по службѣ товарищи старались не очень распространяться, потому что въ чужую душу не залѣзешь, и выражали другъ другу симпатію и взаимную связь болѣе безопасными средствами: участливо спрашивали другъ друга о здоровьи, о предполагающихся видахъ на зимній сезонъ.

У всѣхъ было невысказываемое, но вполнѣ отчетливое ощущеніе, п р о т и в ъ чего они. Тутъ единодушіе было общее, хотя и ограничивающееся по вышеуказаннымъ причинамъ тѣснымъ кругомъ продуктоваго и мучного вопроса. Но ни у кого не было отчетливаго ощущенія, з а ч т о они, какая общая политическая платформа ихъ соединяетъ.

Поэтому самое нудное и тяжелое время для хозяевъ бываетъ тогда, когда начинаютъ приходить первые гости. Ихъ какъ-то нужно занять до прихода всѣхъ остальныхъ, когда можно, миновавъ необходимость бесѣды, прямо сѣсть за ужинъ.

Для гостей этотъ моментъ тоже одинъ изъ самыхъ непріятныхъ въ жизни, и они больше всего боятся притти слишкомъ рано, чтобы не пришлось вести нудные разговоры въ одиночку съ хозяевами и не дожидаться безъ конца, когда, наконецъ, можно будетъ сѣсть за столъ.

Гость, пришедшій первымъ, заглянувъ въ пустую комнату, непремѣнно испуганно и сконфуженно вскрикнетъ:

— Что же это: я, кажется, первымъ?

Тутъ хозяинъ начинаетъ успокаивать его и хвалить за точность, а опоздавшихъ бранить. Но у гостя все

еще остается нѣсколько сконфуженный видъ отъ мысли, что хозяева могутъ подумать про него:

«Обрадовался, что позвали, прискакалъ раньше всѣхъ». И поэтому каждый изъ гостей, если онъ идетъ одинъ, а не въ компаніи, старается притти только тогда, когда уже навѣрное должны всѣ собраться, благодаря чему вмѣсто восьми часовъ гости являются въ десять, вмѣсто десяти въ двѣнадцать.

Они прежде всего заглядываютъ въ комнату, чтобы видѣть, накрытъ столъ или нѣтъ. Если накрытъ, то настроеніе сразу дѣлается хорошимъ, такъ какъ обыкновенно ни съ хозяевами, ни съ гостями нѣтъ общихъ интересовъ или какой-нибудь идеи, одинаково близкой всѣмъ (кромѣ продовольственнаго и жилищнаго вопросовъ). И потому не можетъ быть такого разговора, который бы захватилъ всѣхъ, воодушевилъ, какъ бывало когда-то прежде, когда студенческіе и интеллигентскіе споры велись всю ночь напролетъ и вмѣсто ужина была всего одна колбаса изъ мелочной лавочки на углу, торгующей табакомъ, керосиномъ и баранками.

Такъ какъ теперь разговоровъ отъ собственнаго внутренняго избытка быть не могло, то уже требовались подкрѣпляющія средства въ видѣ хорошаго ужина и соотвѣтствующихъ напитковъ.

Въ этотъ разъ все было бы хорошо, гости пріѣхали сразу и не пришлось по одному занимать и поить чаемъ, вздрагивая при каждомъ звонкѣ. Но для хозяевъ все испорчено было этими двумя лишними.

Кисляковъ, потерявшій все настроеніе изъ-за исторіи съ женой, а потомъ изъ-за прихода двухъ непрошенныхъ гостей, былъ въ состояніи подавленной разсѣянности. Его то тревожила мысль, что нехватитъ на всѣхъ порцій индѣйки, то онъ старался придумать какое-нибудь невинное объясненіе, почему онъ скрылъ отъ жены квитанцію. Вотъ Богъ захочетъ наказать — лишитъ разума. Зачѣмъ, спрашивается, потребовалась ему квитанція? Эти мысли такъ отвлекали его, что не

давали возможности начать разговоръ съ гостями, и Еленѣ Викторовнѣ приходилось работать одной.

Онъ только обратилъ вниманіе на бывшую среди гостей молоденькую даму, жену угрюмаго Галахова. Она была нѣсколько полная брюнетка съ модно остриженными волосами и задорнымъ кукольнымъ лицомъ съ кукольными глазами, которыми она часто моргала, какъ будто не совсѣмъ проснулась.

Кисляковъ рѣшилъ, что на зло женѣ сядетъ рядомъ съ этой дамой.

Потомъ занялись собаками. Оказалось, что у всѣхъ есть дома собаки. Завязался общій разговоръ, довольно оживленный.

— Въ наше время, — сказала Елена Викторовна (Кисляковъ насторожился), — на собакъ только и можно надѣяться. Вотъ напримѣръ, мой Томъ: онъ — моя самая надежная защита.

Собаки, стоявшія посреди комнаты, конфузливо жмурились и виляли хвостиками, такъ какъ чувствовали, что про нихъ говорятъ. При упоминаніи его имени Томъ чуть поднялъ бровь въ сторону хозяйки и сильнѣе завилялъ хвостомъ.

— Я вамъ сейчасъ покажу опытъ, Томъ никому не даетъ меня въ обиду, стоитъ только мнѣ подать сигналъ.

Сдѣлали опытъ: Кисляковъ схватилъ жену за руку. Елена Викторовна крикнула:

— Томъ, обижаютъ!...

И бульдогъ, зарычавъ, такъ яростно бросился на Кислякова, что тотъ не на шутку испугался и даже поблѣднѣлъ. Но сдѣлавъ видъ, что это — то самое, чего добивались отъ собаки. Бульдога же онъ возненавидѣлъ еще больше, такъ какъ выходило, что какая-то дрянь — собака — не считаетъ нужнымъ видѣть въ немъ хозяина, и ему же еще передъ гостями приходится дѣлать видъ, что все это — шутки.

Такъ какъ вся комната была занята раздвинутымъ столомъ, и стулья всѣ, какіе имѣлись — высокіе, низкіе, съ разными спинками, — были подставлены къ столу,

то гостямъ приходилось нескладно толочься и дѣлать видъ, что имъ очень весело и они нисколько не спѣшатъ сѣсть за столъ, даже не обращаютъ на него никакого вниманія.

Елена Викторовна старалась изъ всѣхъ силъ придать оживленіе разговору, преувеличенно оживленно смѣялась на какую-нибудь фразу, преувеличенно удивленно поднимала нарисованныя брови, точно ей сказали Богъ знаетъ какую новость.

Но чѣмъ она становится оживленнѣе, тѣмъ нервнѣе и угнетеннѣе дѣлался Кисляковъ, такъ какъ ненавидѣлъ жену за этотъ притворный видъ и за нарисованныя брови.

— Ну, я думаю, можно садиться, — сказала, наконецъ, Елена Викторовна, видя, что у нея истощаются послѣднія силы. — Андрей Игнатьевичъ, прошу васъ сюда. Садитесь, господа.

Стремясь во что бы то ни стало сѣсть съ кукольной брюнеткой, Кисляковъ былъ всецѣло поглощенъ этой мыслью и такъ странно бросился, чтобы захватить мѣсто рядомъ съ ней, что на него даже испуганно всѣ отлянулись . . . За столомъ онъ очутился одинъ, раньше всѣхъ, когда гости только нерѣшительно брались за спинки стульевъ, стѣсняясь относительно выбора мѣста.

Навѣрное, гости подумали: «Что онъ, оголодалъ, что ли, такъ?» Наконецъ, всѣ усѣлись. Въ передней, узкой части стола помѣстилась хозяйка съ своими мелко завитыми волосами надо лбомъ, нарисованными бровями и широко расходящимися отъ корсета локтями, съ ней рядомъ — величественная барская фигура Андрея Игнатьевича съ его великолѣпной бородой, въ сѣромъ костюмѣ съ бѣлымъ жилетомъ. На противоположной сторонѣ — Кисляковъ на захваченномъ имъ мѣстѣ съ кукольной брюнеткой.

На длинныхъ сторонахъ стола сѣли остальные гости.

А тетка такъ и осталась сидѣть за ширмой, потому что пропустила моментъ выйти къ приходу гостей, а теперь показываться было неудобно, да и не къ чему: все равно сѣсть было негдѣ.

Двумъ незваннымъ пришельцамъ достались низенькія стульца, и у нихъ торчали изъ-за стола только головы, — одна бритая, другая до ужаса лохматая. Бульдогъ такъ и сидѣлъ неподалеку отъ лохматаго, не отходя ни на шагъ, и поглядывалъ однимъ глазомъ то на него, то на хозяйку, — очевидно, ожидая сигнала, когда начинать.

Ипполитъ Кисляковъ никогда ничего не пилъ, но сегодня онъ рѣшилъ пить. Для этого было три причины: заглушить засѣвшую въ головѣ мысль объ этомъ орабочиваніи, т.-е. о своей гибели, потомъ гнетущее воспоминаніе о телеграфной квитанціи и, наконецъ, чтобы быть смѣлѣе съ своей сосѣдкой.

Гусевъ, перегнувшись до половины стола своей длинной фигурой, наливалъ дамамъ рюмки и хохоталъ во весь голосъ, такъ что сосѣди могли подумать, что тутъ ужъ началась оргія. Это развлекало и раздражало Кислякова, который думалъ о томъ, что мѣщанка за стѣной, навѣрное, притаилась и все слышитъ. Недаромъ у нея за стѣной такая тишина.

Всѣ дамы пили водку, и даже кукольная брюнетка, когда Кисляковъ вопросительно поднялъ надъ ея рюмкой графинъ, съ улыбкой единомышленника кивнула ему въ знакъ согласія головой.

— Мы, кажется, поймемъ другъ друга, — сказалъ ей тихо Кисляковъ, и она интимно наклонила къ нему голову, чтобы разслышать его фразу, потомъ взлянула на него, улыбнувшись только ему одному въ знакъ полнаго совпаденія ихъ настроеній.

Кисляковъ сейчасъ же поставилъ подъ столомъ свою ногу такъ, чтобы она только едва-едва прикасалась къ платью сосѣдки, и лишь въ рѣдкіе моменты, при сильномъ движеніи за какой-нибудь закуской, уже соприкасалась съ ней вплотную. При такой постановкѣ дѣла нельзя было понять, дотрагивается онъ до нея или не дотрагивается.

— Итакъ, товарищи! — сказалъ Гусевъ, поднявъ рюмку семинарски-галантнымъ жестомъ и съ полупоклономъ оглядывая всѣхъ.

Всѣ оживленно и весело подняли свои рюмки и съ улыбками оглядывались другъ на друга въ ожиданіи тоста.

— Дорогіе хозяева, позвольте привѣтствовать васъ за то, что вы объединили насъ, и мы на нѣсколько часовъ можемъ совершенно забыть всѣ свои непріятности, все тяжелое, гнетущее. Живете вы не пышно, — навѣрно такъ же, какъ и здѣсь присутствующіе (онъ опять съ шутливымъ поклономъ обвелъ всѣхъ глазами), въ Ноевомъ ковчегѣ. Мнѣ хотѣлось бы пожелать...

— Говорите потише, — сказалъ Кисляковъ, покраснѣвъ, — а то у насъ черезъ стѣну все слышно.

Гусевъ испуганно оглянулся на стѣну и, поперхнувшись, замолчалъ.

«Какое горло дурацкое: оретъ такъ, что во всей квартирѣ слышно», думалъ Кисляковъ, чокаясь въ это время съ кукольной брюнеткой, и смотрѣлъ на нее взглядомъ, который говорилъ ей, что она — изумительная женщина.

Когда потянулись къ закускамъ, угрюмый Галаховъ выразилъ похвалу хозяйкѣ за то, что у нея столько бѣлаго хлѣба за столомъ и онъ такой хорошій. Елена Викторовна замѣтила, что это тетя сегодня въ пять часовъ ушла въ очередь и достала такого бѣлаго.

Сейчасъ же разговоръ съ особеннымъ оживленіемъ, но уже болѣе пониженными голосами, завязался вокругъ продовольственнаго дѣла, потомъ коснулся положенія крестьянъ; потомъ, снизивъ голоса до послѣдней степени, затронули вопросъ строительства на тему о «догонимъ и перегонимъ» и вмѣстѣ съ этимъ о «крестномъ пути русской интеллигенціи». Объ этомъ уже говорили такъ тихо, что всѣмъ приходилось нагибаться головами надъ самымъ столомъ, чтобы услышать, — такъ что можно было, глядя со стороны, подумать, что они занимаются спиритизмомъ. При чемъ Кисляковъ дѣлалъ мужчинамъ знаки, чтобы они не проговорились о положеніи дѣлъ въ музеѣ.

— Какъ же можно горѣть и творчески работать, — сказалъ Андрей Игнатьичъ шопотомъ, — когда всѣ

обращенія власти только къ рабочимъ, все для рабочихъ, а насъ какъ будто нѣтъ. Мы что же, уже погребены? Насъ только заставляютъ работать, безъ всякой надежды на будущее. Работать можно заставить, а творить нельзя.

Кисляковъ все подливалъ сосѣдкѣ, и она, раскраснѣвшись, мигала своими непроснувшимися глазами все чаще и милѣе. Его нога подъ столомъ была уже вплотную около ея ноги, и она позволяла это. Онъ какъ будто всей душой участвовалъ въ разговорѣ и съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ, его подбородокъ почти касался стола, и въ то же время онъ цѣликомъ былъ сосредоточенъ на неожиданномъ романѣ съ кукольной брюнеткой.

Онъ даже, въ знакъ участія своего въ бесѣдѣ, сказалъ по поводу высказанной Андреемъ Игнатьевичемъ мысли о томъ, что заставить творить нельзя:

— Есть французская поговорка: «Осла можно привести къ водѣ, но заставить его пить нельзя...». Но сейчасъ же, испуганно покраснѣвъ, замолчалъ, потому что сидѣвшій сбоку него Гусевъ, потянувшись за графиномъ, толкнулъ его ногой. Сдѣлалъ ли это онъ нечаянно, или по-дружески рекомендовалъ ему не распространяться при нѣкоторыхъ людяхъ, — было неизвѣстно.

— И вотъ вамъ результатъ, — сказалъ Андрей Игнатьевичъ, удивленно посмотрѣвъ на осѣкшагося хозяина, — вотъ вамъ результатъ: всѣ мы дѣлаемъ видъ, что дѣлаемъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаемъ, хотя заняты съ утра до поздней ночи. Каждый разсуждаетъ такъ: «Буду дѣлать ровно настолько, чтобы не сѣсть въ тюрьму». Отсюда безразличіе у подавляющей части интеллигенціи ко всему.

Чтобы говорить тише, онъ такъ низко нагнулся надъ столомъ, что его борода касалась своимъ кончикомъ краснаго маринада отъ раковыхъ шеекъ, бывшихъ у него на тарелкѣ. Елена Викторовна видѣла это, и не знала, какъ ему сказать, чтобы онъ не наклонялся такъ низко.

— А главное — полный моральный распадъ, — сказала она и, наконецъ, рѣшившись, отодвинула тарелку отъ бороды Андрея Игнатьевича. — Иногда въ ужасъ приходишь и спрашиваешь себя,что же это сдѣлалось съ людьми, которые еще такъ недавно были полны достоинства, благородства, понятія о чести. Теперь ничего этого нѣтъ, — говорила, горячась и торопясь, Елена Викторовна, отчего грудь ея подошла уже подъ самый подбородокъ: — каждый думаетъ только о томъ, чтобы какъ-нибудь спасти собственную шкуру.

— Вѣрно, совершенно вѣрно! — раздались голоса.

И Елена Викторовна, ободренная этимъ общимъ сочувствіемъ ея словамъ, продолжала:

— Осталось ли что-нибудь отъ былого идеализма, осталась ли хоть тѣнь былого рыцарства и мужества, когда люди твердо заявляли о своихъ убѣжденіяхъ, вѣрили въ свою идею и не бросали ее, несмотря ни на что. И въ особенности мужчины, — продолжала Елена Викторовна, въ возбужденіи отставляя отъ себя рюмки. — Теперь, когда власть . . .

Вдругъ въ дальнемъ углу комнаты кто-то придушенно чихнулъ и завозился. Всѣ вздрогнули и переглянулись.

Это тетка, не удержавшись отъ своей обычной вечерней болѣзни, чихнула, зажавъ носъ и ротъ подушкой, чтобы не было слышно. А можетъ быть — ей нужно было выйти.

Елена Викторовна, сама на время забывъ о ея существованіи, сейчасъ же разъяснила гостямъ:

— Это тетя, она нездорова и не встаетъ съ постели.

Незваные гости за весь вечеръ еще не сказали ни одного слова и только молча уплетали за обѣ щеки, какъ будто ихъ единственной цѣлью было успѣть наѣсться.

Когда Елена Викторовна, похваливъ ихъ аппетитъ въ назиданіе прочимъ гостямъ, полуиронически предложила имъ еще по куску индѣйки, они, молча (такъ какъ рты были заняты) подставивъ свои тарелки, съѣли и эти куски.

— Ну, тоже хороши и женщины стали, — замѣтилъ, захохотавъ почему-то, Гусевъ. — Я знаю одну порядочную, изъ очень интеллигентной семьи, молодую женщину, говорящую на трехъ языкахъ. Ее бросилъ мужъ, оставивъ ее беременной. Она поѣхала въ театръ по приглашенію своего хорошаго знакомаго и теперь, когда у нея родился ребенокъ, подала въ судъ на этого знакомаго, заявивъ, что онъ воспользовался ея слабостью по дорогѣ изъ театра, и требуетъ съ него денегъ.

— Да, это ужасно, — сказало нѣсколько голосовъ.

Кисляковъ осторожно, сбоку посмотрѣлъ на свою сосѣдку и совершенно безотчетно убралъ свою ногу отъ ея ноги.

Она, выпившая уже нѣсколько рюмокъ водки подрядъ вопреки недовольнымъ взглядамъ своего угрюмаго, монахообразнаго мужа, смотрѣла нетвердымъ взглядомъ и улыбалась, глядя передъ собой на столъ, какъ будто у нея двоилось въ глазахъ, и она занималась наблюденіями надъ собственнымъ состояніемъ.

— Я уже говорила мужу, — сказала Елена Викторовна, — что если онъ меня броситъ, я уйду отъ него, сохранивъ полное достоинство женщины. Онъ не услышитъ отъ меня ни одного упрека, я буду шитьемъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, голодать, но у него не возьму ни одной копѣйки, ни одного стула изъ обстановки.

— Мы къ вамъ сейчасъ же всѣ съ заказами придемъ, — заговорили дамы и пошли къ ней чокаться.

Когда подали крюшонъ, разговоръ шелъ уже вразбродъ, всѣ говорили разомъ, смѣялись, проливали вино на скатерть и насильно поили своихъ дамъ.

Кисляковъ почувствовалъ необыкновенную веселость, онъ смѣялся каждому своему и чужому слову; тяжелое настроеніе, раздраженіе противъ жены и вся неловкость совершенно прошли. Онъ почему-то каждую минуту подходилъ къ зеркальному шкафу и смотрѣлъ на себя въ зеркало. Его зализанный назадъ бобрикъ взлохматился, глаза не слушались. И отъ этого тоже было весело. Онъ въ первый разъ былъ въ состояніи такого опьяненія.

Его сосѣдка перепила, и ей сдѣлалось плохо. Елена Викторовна повела ее въ ванную, туда же повалили всѣ мужчины. Кто-то сказалъ, что въ этихъ случаяхъ хорошо давать нюхать горчицу.

Такъ какъ головы у всѣхъ работали плохо, а руки не слушались, то пострадавшую всю измазали горчицей. Потомъ отвлеклись чемъ-то другимъ и гурьбой повалили по коридору обратно въ комнату. Кисляковъ пришелъ тоже туда, потомъ опять вернулся въ ванную комнату.

Кукольная дама, брошенная всѣми, стояла прислонившись къ стѣнѣ, у нея всталъ дыбомъ клокъ волосъ, а все лицо было въ горчицѣ. Кисляковъ взялъ ее за руку, она ничѣмъ не отвѣтила ему, глаза ея были закрыты. Тогда онъ, оглянувшись слабѣющими глазами на дверь, обнялъ ее, сталъ цѣловать и прижиматься къ ней изъ того соображенія, что въ такомъ-то состояніи она завтра навѣрное ничего не будетъ помнить.

Потомъ прислонилъ ее попрочнѣе въ уголъ и тоже ушелъ.

Онъ шелъ по коридору и говорилъ самъ себѣ:

— Боже, до чего мы пали... Пусть... Теперь все равно!...

И никакъ не могъ понять, отчего у него кончикъ носа щиплетъ.

Гости ушли только на разсвѣтѣ, когда крюшонъ былъ весь допитъ.

По уходѣ гостей Кисляковъ подошелъ къ женѣ и сказалъ: — Я умолчалъ о телеграммѣ потому, что ты навѣрное сказала бы: «Что за спѣшка, тратить деньги на телеграмму, не могъ отвѣтить письмомъ?»

— Какой глупый, а я уже думала, что въ нашу жизнь закралась ложь, — сказала Елена Викторовна.

И только тутъ вспомнила, что тетка вмѣсто ужина безвыходно просидѣла за ширмой.

IX

Когда наутро Ипполитъ Кисляковъ проснулся, онъ почувствовалъ, что весь чудесный вчерашній подъемъ исчезъ, вмѣсто него появилось еще большее ощущеніе какихъ-то гнетущихъ предчувствій.

Въ этихъ предчувствіяхъ не было ничего мистическаго, такъ какъ они всецѣло касались предстоящаго сегодня собранія въ музеѣ.

На дворѣ былъ сѣрый пасмурный день, а въ глазахъ противное мельканіе, и сердце иногда со сладкимъ и жуткимъ замираніемъ какъ будто проваливалось куда-то и задерживалось на одинъ тактъ.

Когда онъ проходилъ въ ванную, чтобы стать третьимъ въ очередь, онъ услышалъ въ кухнѣ отрывокъ разговора; говорила жена слесаря:

— ... Желательно было бы знать, изъ какихъ это средствъ? ...

— Теперь объ средствахъ не спрашиваютъ, — отвѣтилъ ей въ тонъ голосъ мѣщанки.

Кисляковъ понялъ, что это обсуждается вчерашняя пирушка, и тутъ же его сердце, ухнувъ куда-то, пропустило сразу два такта.

Кисляковъ вдругъ почувствовалъ острую потребность жаловаться. Онъ сѣлъ и написалъ письмо Аркадію:

«Безконечно радъ твоему пріѣзду. Въ это тяжелое, безпросвѣтное время необходимъ больше, чѣмъ когда-либо, другъ, т.-е. человѣкъ, которому можно все сказать, такъ какъ въ душѣ мертвымъ грузомъ лежитъ то, что не имѣетъ права выявиться наружу. Твои слова «о вѣрѣ» пришлись по самому больному мѣсту. Въ этомъ моя трагедія и трагедія въ томъ, что свое д ѣ л о я оставилъ, чужая стихія не даетъ стимуловъ для творчества. Лишь бы просто с у щ е с т в о в а т ь. Но безъ вѣры жить нельзя. Напрягаю всѣ силы, чтобы повѣрить. А въ то же время приходитъ мысль, что, можетъ быть, эта вѣра является для меня не вѣрой, а измѣной. И опять раздвоеніе и въ результатѣ пустота.

Со стороны видно только, что я великолѣпный работникъ. Но то дѣло, какое я дѣлаю, является моей чечевичной похлебкой. Съ нетерпѣніемъ жду тебя».

Если бы Кисляковъ зналъ, что черезъ полтора мѣсяца, послѣ драмы 1-го октября, это письмо будетъ въ рукахъ слѣдователя, онъ навѣрное не написалъ бы его.

А когда онъ шелъ по улицѣ, мокрой отъ дождя (ужъ тутъ безъ пальто не пойдешь), то все ему казалось до того ужасно, противно въ этой жизни, что не хотѣлось ни на что смотрѣть.

Идетъ трамвай, весь переполненный съежившимися отъ сырости людьми, съ крыши у него сливается вкось дождевая вода. Разбрызгивая грязь и подпрыгивая на большихъ ухабахъ, летитъ съ брезентовымъ навѣсомъ автомобиль. Деревья на бульварѣ, вчера еще блестѣвшія на яркомъ августовскомъ солнцѣ, теперь понуро обвисли своими мокрыми вѣтвями и роняютъ осеннія капли на пропитавшійся водой песокъ аллеи.

Около подъѣзда стоитъ, дрожа отъ сырости и перваго холода, мокрая облѣзлая собака — живое воплощеніе жестокости и неумолимости жизни. А все-таки живетъ! Зачѣмъ?

Кислякову въ этомъ настроеніи казалось, что было бы изумительнымъ блаженствомъ убѣжать куда-нибудь отъ людей, чтобы никого не видѣть и жить своимъ внутреннимъ міромъ. Ему даже на минуту показалось уютно отъ этой мысли. Исчезнуть такъ, чтобы даже Елена Викторовна не знала. Тогда, навѣрное, въ ней шевельнулась бы къ нему былая любовь. Да, былая... Онъ вдругъ подумалъ о томъ, что она почему-то не сдѣлала ему замѣчанія насчетъ кукольной дамы. Можетъ быть, она почувствовала, что онъ стоитъ *на краю*, что отъ великаго отчаянія, а не отъ пошлости душевной онъ таковъ. Но все равно, хорошо бы и ее не видѣть, никого не видѣть и остаться совсѣмъ одному, наединѣ со своей душой. Тогда, можетъ быть, придетъ исцѣленіе.

Но сейчасъ же, увидѣвъ номеръ трамвая, который онъ привыкъ видѣть на остановкахъ около музея, онъ вспомнилъ, что его ждетъ собраніе, что его работа можетъ здѣсь прекратиться, и тогда что?

X

Съ самаго начала революціи вся возможная въ только что родившейся Республикѣ работа могла быть раздѣлена на три разряда.

Для всякаго мирнаго интеллигента самая непріемлемая, такъ сказать, третьесортная, третьеразрядная работа была тамъ, гдѣ нужно было активно проводить революцію, защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ на фронтахъ или входить въ непосредственное соприкосновеніе съ массами, увлекать ихъ пропагандой, вести въ бой съ враждебной внутренней силой.

Второй разрядъ — болѣе пріемлемый — былъ тамъ, гдѣ содѣйствіе революціи было косвенное и пассивное, когда приходилось просто исполнять (и нельзя было не исполнить) мѣропріятія власти, имѣющія отношеніе къ укрѣпленію новаго строя. Исполненіе это было чисто механическое, не сопряженное ни съ какимъ насиліемъ, — слѣдовательно, не очень противорѣчащее интеллигентскому кодексу моральныхъ законовъ. Такова была работа въ большинствѣ совѣтскихъ учрежденій техническихъ — коммунальныхъ, банковскихъ. И даже, — съ нѣкоторой, правда натяжкой, — въ налоговыхъ. Человѣкъ просто служитъ, потому что революція застала его на этомъ мѣстѣ. Но онъ самъ никого не насилуетъ, не отнимаетъ имущества, не сажаетъ въ тюрьму, не призываетъ словомъ и примѣромъ къ укрѣпленію революціи, — словомъ, не с т а р а е т с я. Наоборотъ, онъ даже помогаетъ с в о и м ъ. Будь на его мѣстѣ какой-нибудь рабочій, тотъ бы въ бараній рогъ гнулъ.

Такъ могъ сказать каждый интеллигентъ-идеалистъ, работающій въ такого рода учрежденіяхъ.

И была работа перваго разряда. Во всѣхъ отношеніяхъ перваго!

Это та, которая совершенно не имѣла никакого отношенія къ революціи. Она не содѣйствовала ей ни прямо, ни косвенно. А иногда даже почти противорѣчила ей, и въ то же время была не только легальна, а даже еще поддерживалась и оберегалась революціонной властью.

Такая работа была въ учрежденіяхъ по охранѣ памятниковъ искусства и старины.

Работающіе здѣсь могли гордиться тѣмъ, что они ни въ малѣйшей степени не поступились своей интеллигентской совѣстью, не омрачили тѣней прошлаго, которое знало только мучениковъ за великій идеалъ всеобщаго равенства, высшихъ началъ справедливости съ отрицаніемъ всякаго насилія, съ чьей бы стороны и ради какихъ бы цѣлей оно ни исходило. Работая въ этихъ учрежденіяхъ, они уже смѣло могли гордиться, что ни въ малѣйшей степени не приложили своей руки ни къ какимъ насиліямъ. И потому, естественно, смотрѣли съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на тѣхъ, кому приходилось принимать хотя бы и косвенное участіе въ насиліи власти. Тогда какъ они не только не приложили къ этому своихъ рукъ, но даже работали надъ сохраненіемъ того, что революція разрушила.

Вполнѣ естественно, что здѣсь подбирались главнымъ образомъ тѣ люди, которымъ была дорога старина, какъ милый призракъ былой жизни. Пролетаріатъ меньше всего чувствовалъ нѣжность къ призракамъ, ничего въ нихъ не понималъ, но на слово вѣрилъ, что призраки имѣютъ право на сохраненіе, и на первыхъ порахъ предоставлялъ заниматься этимъ дѣломъ тѣмъ, кому это нравилось, кто понималъ въ этомъ толкъ. А самъ заполнялъ другія, болѣе понятныя ему области государственной жизни и работы.

Результатомъ этого было то, что почти всѣ прочія учрежденія съ первыхъ лѣтъ революціи испытывали на себѣ «вторженіе улицы»: швейцары были отмѣнены, люди входили въ учрежденіе въ грязныхъ сапогахъ и

мокрыхъ пальто, бросали на полъ окурки и вносили съ собой полное нарушеніе той священнодѣйственной и корректной тишины, какая была въ казенныхъ учрежденіяхъ до революціи, и только учрежденія по охранѣ памятниковъ старины и искусства оставались въ полной неприкосновенности отъ этого вторженія.

Въ огромномъ музеѣ, гдѣ работалъ Ипполитъ Кисляковъ, царили прежняя церковная тишина и чистота. Оставались въ неприкосновенности мягкіе коврики у входныхъ дверей, оставался благообразно-важный швейцаръ Сергѣй Ивановичъ, почтительный къ высшимъ и строгій къ низшимъ. Строгая корректность, обращеніе на «вы», услужливость низшихъ къ высшимъ были здѣсь незыблемы. Техническіе служащіе почтительно относились къ высшему персоналу. А Сергѣй Ивановичъ никому изъ сотрудниковъ не позволилъ бы самому надѣть свое пальто или поднять уроненный платокъ, зонтикъ. Онъ былъ точно няня изъ временъ крѣпостного права и на всѣхъ служащихъ изъ настоящихъ господъ смотрѣлъ, какъ на своихъ молодыхъ барчуковъ, за которыми нужно смотрѣть да смотрѣть, потому что сами-то и одѣться какъ слѣдуетъ не умѣютъ, да и неприлично: они будутъ одѣваться, а онъ — стоять.

Директоромъ первое время былъ свой братъ — интеллигентный, милѣйшій человѣкъ, въ прошломъ крупный помѣщикъ и знатокъ старины. Отношеніе къ служащимъ было джентльменское, основанное на полномъ довѣріи. Онъ умѣлъ и здѣсь держаться бариномъ, и когда подходили къ его огромному кабинету, устланному коврами, уставленному тяжелой, торжественной мебелью, то чувствовали даже нѣкоторую робость. Но эта робость многимъ была даже пріятна, какъ одинъ изъ остатковъ той же старины, какую они здѣсь охраняли.

Многимъ изъ работавшихъ здѣсь даже понравилась революція. Они уже давно обжились, вошли въ совѣтскую колею, завелись дружественныя связи съ высшими представителями власти, со стороны которыхъ

многіе пользовались уваженіемъ за старыя заслуги и были цѣнимы какъ люди, первыми подавшіе руку новому строю.

Всѣ чувствовали себѣ полноправными гражданами, и хотя иногда коробило то, что во всякихъ воззваніяхъ власть обращалась только къ рабочимъ, а ихъ какъ-то упускала изъ вида, но на это смотрѣли, какъ на необходимую при новомъ строѣ формальность. Вѣдь въ концѣ концовъ высшіе представители власти чай-то пили съ ними, а не съ рабочими. И, очевидно, какія революціи ни дѣлай, а интеллигенція, какъ соль земли, какъ люди первосортнаго мозга и знаній, всегда займетъ высшее мѣсто.

И у нихъ образовалась съ теченіемъ времени даже своеобразная нѣжность къ власти, которая вначалѣ ихъ испуганному воображенію казалась разбойничьей, а потомъ вдругъ и тамъ нашлись прекрасные, высокоинтеллигентные люди.

Центральный Музей былъ какимъ-то островкомъ, котораго не захлестывали волны современности. И было такое время мирнаго сожительства власти со всѣми классами, когда никого особенно не трогали, не тѣснили. Такъ что можно было сидѣть на островкѣ, сохранять въ неприкосновенности интеллигентскую совѣсть и въ то же время чувствовать себя передовымъ, широкимъ человѣкомъ, однимъ изъ первыхъ подавшимъ руку новой власти.

Но вдругъ стали проявляться тревожные симптомы: пролетаріатъ сталъ напирать по всему фронту, проникать въ такія учрежденія, куда раньше не заглядывалъ.

А тутъ въ газетахъ замелькали замѣтки о музеѣ, какъ о пристанищѣ людей, ничего общаго съ революціей не имѣющихъ. Назначеная ревизія музея съ представителями отъ рабочихъ выяснила, что замѣтки соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что методы работы здѣсь далеки отъ современности, потому что люди, отгородившись отъ всего мира, въ лучшемъ случаѣ стараются только набрать побольше экспонатовъ, которыхъ

въ сущности никто не видитъ. Такъ что это скорѣе допотопная кунсткамера, чѣмъ революціонный музей.

Старый директоръ былъ смѣщенъ и назначенъ новый — товарищъ Полухинъ, изъ рабочихъ, но окончившій рабфакъ и поступившій въ университетъ. Вмѣстѣ съ директоромъ было уволено нѣсколько человѣкъ, слишкомъ ужъ хромавшихъ въ классовомъ отношеніи. И потомъ начались систематическія выемки, увольняли «всѣхъ наиболѣе интеллигентныхъ и культурныхъ людей — соль земли». Тутъ почувствовали, что волны вплотную подошли къ острову и грозятъ подмочить уже всю соль.

Въ музеѣ появилась ячейка, былъ переизбранъ мѣсткомъ, въ который вошли почти исключительно техническіе служащіе. Начались собранія, на которыя, правда, ходили вначалѣ съ пожиманіемъ плечъ и сидѣли на нихъ съ ироническими усмѣшками и переглядываніемъ по поводу выступленій какихъ-то новыхъ никому невѣдомыхъ людей.

И хотя основная интеллигентская масса служащихъ чувствовала себя еще численно сильной, хотя швейцаръ и коврики и взаимная корректность все еще оставались на своихъ мѣстахъ, все же начиналъ рѣзко чувствоваться появившійся въ учрежденіи новый духъ.

Стали мелькать косоворотки вмѣсто корректныхъ пиджаковъ, сандаліи на босу ногу, фамильярное хлопанье по спинѣ и приводившія въ ужасъ почтенныхъ дамъ выраженія вродѣ: «Катись колбаской!», «Не бузи».

Разночинная часть персонала относилась къ этому сравнительно безразлично, но сотрудники вродѣ Марьи Павловны истинно страдали отъ этого.

— Гдѣ мы? Я ничего не понимаю, — говорила она обыкновенно, сложивъ въ отчаяніи руки на животѣ и въ величайшемъ недоумѣніи, граничившимъ съ ужасомъ, оглядывая сослуживцевъ.

Техническіе служащіе прежде знали свое мѣсто, были исполнительны, почтительны, и сотрудники чувствовали себя добрыми господами, въ услуженіи кото-

рыхъ находится преданная, заботливая и любящая прислуга. И оттого они сами большею частью были мягки, вѣжливы и ласковы.

«Маша, принесите, голубушка, чаю», или: «Иванъ Ивановичъ, уберите, милый, эти книги».

Теперь же техническіе служащіе почувствовали новую струю, совершенно перемѣнились и грозили сами стать господами.

Они часто проходили мимо сотрудниковъ опустивъ головы, чтобы не встрѣтиться взглядомъ и не кланяться имъ, такъ какъ съ непривычки все еще трудно было смотрѣть въ глаза и не кланяться. И сотрудники уже сами старались опускать глаза, точно боялись, что кто-нибудь изъ техническихъ, глядя въ глаза, не поклонится, и будетъ неловко и непріятно. А самимъ первымъ раскланиваться съ ними казалось неловко.

Прежде пропускъ на выносъ книгъ изъ библіотечнаго зала давалъ одинъ изъ сотрудниковъ. Теперь же для этого былъ посаженъ спеціальный человѣкъ въ синемъ фартукѣ и сапогахъ. И неизвѣстно было, то ли онъ дѣйствительно сидѣлъ затѣмъ, чтобы подписывать пропуска, то ли затѣмъ, чтобы смотрѣть, насколько добросовѣстно интеллигенція работаетъ.

Каждый изъ сотрудниковъ часто ловилъ себя на позорной и непріятной вещи: иногда задумается о чемъ-нибудь и смотритъ въ сторону, ничего не дѣлая, а потомъ нечаянно встрѣтится глазами съ человѣкомъ въ синемъ фартукѣ и вдругъ невольно почувствуетъ, какъ вся кровь испуганно отольетъ отъ сердца, какъ будто его поймали на бездѣльничаніи и, можетъ быть, еще зашишутъ куда-нибудь.

Или во время набѣжавшей задумчивости, замѣтивъ, что на него смотритъ человѣкъ въ синемъ фартукѣ, онъ безотчетно мѣнялъ выраженіе, показывая этимъ, что онъ вовсе не мечталъ, а обдумывалъ свою работу.

И всѣ, еще недавно — люди, полные сознанія своего достоинства, вдругъ какъ-то потерялись и оробѣли. Оробѣли настолько, что вызывали удивленіе у своихъ со-

служивцевъ, хотя тѣ тоже робѣли (но самому это не такъ видно).

Второе наступленіе революціи, ея классовая война многимъ показалась болѣе страшнымъ, чѣмъ всѣ бури и грозы перваго: тогда можно еще было какъ-то отскочить въ сторону, переждать и, когда все болѣе или менѣе успокоится, одному изъ первыхъ протянуть руку новому строю.

Всѣ помнятъ, съ какимъ жуткимъ чувствомъ они ждали появленія новаго директора. Это появленіе во многихъ головахъ отразилось какъ первая отчетливая мысль о надвигающейся гибели, о постепенномъ вытѣсненіи ихъ ставшимъ на ноги пролетаріатомъ. Всѣхъ поразили сапоги новаго директора и синяя косоворотка, которыхъ служащіе не привыкли видѣть въ своемъ учрежденіи, да еще въ директорскомъ кабинетѣ.

Но особенно остался у всѣхъ въ памяти его стеклянный глазъ, смотрѣвшій мертвенно-рѣзко, не моргая. Онъ даже какъ-то нейтрализовалъ болѣе мягкій взглядъ живого глаза.

При первомъ своемъ появленіи Полухинъ вошелъ въ библіотечный залъ. У него были рѣзкія, прямыя движенія. Онъ остановился и въ первую минуту смотрѣлъ не столько на лица, сколько нѣсколько выше, какъ бы считалъ, сколько головъ передъ нимъ. (Служащіе испытывали неудобство отъ незнанія, встать имъ или продолжать заниматься своимъ дѣломъ). Потомъ директоръ поздоровался съ ближайшими сотрудниками, какъ-то неловко, точно въ нерѣшительности подавая руку.

Послѣ этого онъ въ сопровожденіи Гусева обошелъ всѣ залы, выслушивалъ объясненія. И почему-то долго стоялъ передъ хранившимися здѣсь постелью Николая I и двумя его касками. Что такъ привлекло его вниманіе въ этомъ, было неизвѣстно. Онъ оглянулся по сторонамъ, ища еще чего-то глазами.

— Реликвіи? — коротко сказалъ онъ, посмотрѣвъ на Гусева.

— Да, — отозвался тотъ, не зная, взять ли ироническій тонъ по отношенію къ реликвіямъ, или почтительный.

Гусевъ, вернувшись, разсказывалъ сотрудникамъ, что новый директоръ его удивилъ: почему именно онъ съ такимъ вниманіемъ отнесся къ каскамъ и постели Николая I.

А сотрудники, оставшись одни, пока онъ ходилъ по заламъ, нѣкоторое время переглядывались. Продолжали они переглядываться и потомъ, при каждомъ выступленіи, при каждомъ словѣ новаго директора, чего тотъ какъ будто совершенно не замѣчалъ. Но они совсѣмъ иначе переглянулись, когда со стороны директора прозвучало совсѣмъ новое слово: «орабочиваніе персонала»...

Непосредственнымъ поводомъ къ этому, кромѣ общей политики, явилось «игнорированіе интеллигенціей выдвиженцевъ изъ комсомольской среды». И первое выступленіе товарища Полухина на объявленномъ собраніи и было, вѣроятно, готовившимся отвѣтомъ на этотъ бойкотъ рабочаго элемента.

XI

Ипполитъ Кисляковъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ какомъ обыкновенно идутъ на экзаменъ, поднимался по широкой лѣстницѣ музея и думалъ только объ одномъ: чтобы какъ-нибудь не встрѣтиться съ директоромъ, къ которому у него было такое же отношеніе, какое у него бывало къ директору гимназіи: ни въ чемъ не виноватъ, а все-таки при встрѣчѣ чувствовалъ себя виноватымъ. Хотя Полухинъ уже не разъ говорилъ съ нимъ.

Онъ благополучно дошелъ до своего мѣста, поцѣловалъ ручку у Маріи Павловны, почувствовалъ удовольствіе и облегченіе отъ этого и отъ ея французской фразы, обращенной къ нему какъ къ «человѣку изъ общества», раскланялся съ остальными, и съ особеннымъ выраженіемъ дружественности — съ тѣми, кто

былъ у него вчера; потомъ прошелъ въ архивъ. У него продолжало быть мучительное сосущее ощущеніе подъ ложечкой, точно смертельная тоска неизвѣстности.

Возвращаясь изъ архива, онъ столкнулся съ Полухинымъ, который стоялъ въ залѣ эпохи Николая I и сосредоточенно осматривался, какъ будто что-то соображая и обдумывая.

Кислякову, у котораго отъ неожиданности все-таки екнуло сердце, показалось неудобнымъ пройти мимо, ничего не сказавъ. И онъ, остановившись, спросилъ:

— Что вы такъ сосредоточенно разсматриваете, Андрей Захаровичъ?

— Здравствуйте, товарищъ Кисляковъ... Что разсматриваю? Такъ, кое-какая мысль пришла въ голову. Только сразу не сообразишь. Потомъ разскажу, когда обдумаю. А мысль дѣльная, ю-моему. Вамъ, пожалуй что, понравится, а вашимъ товарищамъ врядъ ли . . .

Онъ повернулъ лицо къ Ипполиту Кислякову, причемъ живой его глазъ смотрѣлъ весело и добродушно, а стекляпный въ противоположность ему рѣзко и мертво.

Какимъ-то дыханіемъ жизни вдругъ пахнуло на Ипполита Кислякова отъ этой фразы, которою Полухинъ почему-то выдѣлилъ его изъ числа сотрудниковъ.

Кислякову неудержимо захотѣлось узнать, какая мысль пришла его патрону и почему она должна понравиться ему, Кислякову, а его товарищамъ не понравится. Но какое-то чутье, имъ самимъ несознаваемый тактъ подсказалъ ему не дѣлать этого; онъ, улыбнувшись, только сдѣлалъ видъ, что предположеніе Полухина относительно товарищей, пожалуй, близко къ правдѣ, и не сталъ спрашивать о подробностяхъ.

При встрѣчахъ съ Полухинымъ у него противъ воли и всякихъ сознательныхъ расчетовъ появилось чутье въ угадываніи того, что нужно говорить и чего не нужно. Такое чутье, вѣроятно, вырабатывалось у прежнихъ царедворцевъ.

Въ первый разъ вышло такъ: Полухинъ, чувствуя себя здѣсь чужимъ и одинокимъ, мимоходомъ подѣлился съ Кисляковымъ какою-то мыслью.

Кисляковъ, настроенный противъ Полухина, какъ противъ человѣка, который имѣетъ цѣлью вытѣснить его отсюда, отъ неожиданности такого обращенія почувствовалъ вдругъ внутреннее размягченіе и отвѣтилъ ему въ тонъ. Съ тѣхъ поръ Полухинъ привыкъ къ Кислякову (какъ къ одинаково съ нимъ думающему и чувствующему) и сталъ обращаться къ нему съ такой же свободой, съ какой обращался къ работавшимъ въ музеѣ комсомольцамъ.

Конечно, онъ, попривыкнувъ, могъ бы также обращаться и къ другимъ сотрудникамъ и тѣмъ не менѣе выпереть ихъ, когда будетъ нужно, какъ элементъ, не соотвѣтствующій духу времени и задачамъ пролетарскаго строительства. Такъ что это обращеніе съ двумятремя фразами ни отъ чего еще не гарантировало. Но сегодня Полухинъ ясно выдѣлилъ его изъ всей интеллигентской массы сотрудниковъ. Кисляковъ почувствовалъ себя, какъ ученикъ, неожиданно для себя получившій первую награду. Только то, что Полухинъ по своей партійной привычкѣ назвалъ его по фамиліи — «товарищъ Кисляковъ», а не по имени и отчеству, звучало оскорбительно для него, но все-таки онъ, вмѣстѣ съ притокомъ радостнаго чувства жизни, ощутилъ въ себѣ всколыхнувшееся чувство благодарной признательности къ этому человѣку.

Но онъ усиліемъ воли подавилъ въ себѣ сейчасъ же начавшійся самоанализъ.

— Трудно работать безъ своихъ людей, — сказалъ Полухинъ, все еще продолжая стоять и оглядывать залъ. — Да еще ни чорта не понимаю на первыхъ порахъ. Я вѣдь вижу, какъ они на меня поглядываютъ... Думаютъ: приперся мужикъ въ хоромы, какъ свинья въ калашный рядъ. И ребятъ нашихъ тоже не жалуютъ, всякимъ манеромъ хотятъ выпереть. Ну, да это еще посмотримъ. Я нынче собираю собраніе; вы придете, товарищъ Кисляковъ?

— Конечно, конечно! — почему-то съ испуганной поспѣшностью сказалъ Кисляковъ, мысленно отмѣтивъ въ то же время, что онъ, интеллигентъ, презирающій всякую власть, сейчасъ торопится, старается, какъ канцеляристъ передъ генераломъ.

— Я вижу, тутъ задаетъ тонъ интеллигентщина, — продолжалъ Полухинъ. — Ихъ надо немножко почистить. Я имъ сегодня поставлю это на видъ и покажу, кто тутъ хозяинъ: пролетаріатъ или они.

Почему такъ случилось, — потому ли только, что Полухину, какъ человѣку власти, пришла просто фантазія выбрать Кислякова себѣ въ повѣренные и выдѣлить его изъ всей остальной массы интеллигенціи въ совершенно особую рубрику, или въ немъ, незамѣтно для самого, было что-нибудь такое, что дѣйствительно выдѣляло его и дѣлало болѣе близкимъ пролетаріату, чѣмъ интеллигенціи, — онъ не зналъ. Но для него это было неожиданнымъ проблескомъ надежды послѣ той бездны отчаянія, въ которой онъ находился.

Чтобы какъ-нибудь отвѣтить на послѣднюю фразу Полухина, Кисляковъ сказалъ, стараясь нѣсколько оправдать своихъ товарищей по работѣ:

— Конечно, имъ трудно понять духъ эпохи, и кажется, что всякій насильственный поворотъ ведетъ только къ худшему, — въ этомъ интеллигентъ проявляется весь съ головы до ногъ; но если на нихъ немножко нажать, они подадутся.

— Правильно! Вотъ я и нажму. А кому это не по душѣ, пусть лучше вычищается заблаговременно.

Кто-то прошелъ по коридору мимо зала. Кисляковъ оглянулся и увидѣлъ Гусева. Сердце у него кувыркнулось отъ пришедшей ему мысли, что его увидятъ бесѣдующимъ (уже не въ первый разъ) съ новымъ директоромъ и еще, пожалуй, подумаютъ, что онъ переноситъ.

Поэтому онъ вдругъ заторопился.

— Что, работать идете? — спросилъ Полухинъ.

— Да, пора.

— Такъ непремѣнно приходите.

XII

Ипполитъ Кисляковъ поспѣшилъ въ библіотечный залъ. Ему хотѣлось посмотрѣть, что дѣлаетъ Гусевъ. Не разсказываетъ ли онъ сотрудникамъ, что видѣлъ его, Кислякова, пріятно бесѣдующимъ съ новымъ директоромъ. Гусевъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Но около шкафа съ рѣдкими экземплярами стояли хмурый Галаховъ и два маленькихъ сотрудника, бывшіе у Кислякова непрошенными гостями. Одинъ изъ нихъ, стриженый, что-то возбужденно вполголоса говорилъ, Галаховъ слушалъ, по своему обыкновенію глядя въ полъ, а лохматый то слушалъ, что говоритъ стриженый, то переводилъ взглядъ на Галахова, какъ бы справляясь о впечатлѣніи.

Когда Кисляковъ вошелъ, они поговорили немного и разошлись. Причемъ Галаховъ, проходя на свое мѣсто мимо Кислякова, не обратился къ нему и ничего ему не сказалъ. Тому показалось вдругъ это подозрительнымъ. Почему окончаніе ихъ бесѣды совпало съ его приходомъ? Почему они говорили вполголоса? Почему Галаховъ прошелъ мимо него молча?

Конечно, на каждый вопросъ можно было дать естественное объясненіе: кончили говорить въ моментъ его прихода потому, что нужно было когда-нибудь кончить. Говорили вполголоса потому, что всѣ въ библіотечномъ залѣ говорили вполголоса, а когда поступилъ человѣкъ въ синемъ фартукѣ, тѣмъ болѣе стали говорить тихо. Галаховъ прошелъ мимо него молча потому, что вообще молчаливъ. И если онъ одинъ разъ былъ приглашенъ въ гости, нельзя же за это требовать отъ него, чтобы онъ на всю жизнь сталъ за это признателенъ, любезенъ и ни разу не прошелъ бы мимо безъ того, чтобы не сказать Кислякову привѣтливаго слова.

Все это было такъ, но Кислякову все-таки показалось это подозрительнымъ.

Ему нужно было отнести въ архивъ взятыя оттуда книги, такъ какъ онѣ оказались не тѣми, что были нужны, но онъ боялся уйти, такъ какъ ему пришла

мысль, что они тутъ безъ него сговорятся, а Гусевъ всѣмъ разскажетъ, что видѣлъ его съ Полухинымъ и слышалъ его послѣднюю фразу о томъ, какъ онъ совѣтовалъ Полухину нажать на интеллигенцію.

Въ дверяхъ зала показался высокій черный комсомолецъ Масловъ. У него былъ необыкновенно холодный и спокойный взглядъ, холодность его еще больше подчеркивали черныя прямыя брови, которыя сходились вмѣстѣ на переносицѣ. Его не любили за это уничтожающее спокойствіе, какъ будто онъ всѣхъ служащихъ чувствовалъ своими подчиненными, а себя начальникомъ. Кисляковъ особенно не любилъ его. Въ Масловѣ точно была какая-то сила, которая мѣшала ему встрѣтиться спокойно и просто съ глазами Маслова.

— Товарищи, собирайтесь, — сказалъ Масловъ, при словѣ товарищи больше обращаясь къ человѣку въ синемъ фартукѣ и къ двумъ техническимъ служащимъ, перетаскивавшимъ ящикъ со старыми газетами волокомъ по полу.

Кисляковъ въ первый разъ почему-то смѣло взглянулъ комсомольцу въ глаза, какъ будто ему нечего было скрываться, и сейчасъ же всталъ было, но потомъ на минуту задержался около своего стола, приводя въ порядокъ разбросанныя бумаги. Онъ сдѣлалъ это, чтобы товарищи не думали по его поспѣшному движенію, что онъ старается, и по уходѣ комсомольца онъ еще нарочно сѣлъ и, выдвинувъ нижній ящикъ, сталъ пересматривать какія-то бумажки. На самомъ же дѣлѣ онъ ничего не пересматривалъ, а только дѣлалъ приличную оттяжку, чтобы не вскакивать по первому зову начальства и не выходить раньше другихъ.

Конечно, не слѣдовало и отставать очень, потому что Гусеву это можетъ показаться еще болѣе подозрительнымъ: съ директоромъ о чемъ-то бесѣдуетъ наединѣ, а когда на собраніе итти — дѣлаетъ видъ, что ему наплѣвать, что онъ изъ протеста идетъ самымъ послѣднимъ.

Его уже по-настоящему встревожило то, что онъ всеоказывался одинъ. Впередъ прошла группа въ нѣ-

сколько человѣкъ, возбужденно переговариваясь и обсуждая положеніе пониженными голосами, потомъ еще трое прошли, тоже вмѣстѣ, такъ что ему пришлось уже самому присоединиться къ группѣ въ четыре человѣка, чтобы не итти одному.

Но онъ сказалъ себѣ:

«Самое худшее — когда все въ человѣкѣ двоится. Твоя совѣсть должна быть твоимъ высшимъ судьей. Разъ ты выбралъ, на чьей сторонѣ твои симпатіи и твоя дорога, то думать больше нечего. Въ данномъ случаѣ ты на сторонѣ Полухина, который сейчасъ выдѣлилъ тебя изъ всѣхъ. Въ то время какъ эти в с ѣ, — даже тѣ, кто былъ у тебя въ гостяхъ, — не сказали съ тобой ни однаго слова, и ты даже не знаешь, что они о тебѣ думаютъ».

Но, съ другой стороны, вдругъ отношеніе къ нему Полухина оказалось случайнымъ: подвернулся человѣкъ, попалъ ему въ тонъ, онъ и потоворилъ ласково, а завтра, глядишь, забудетъ о немъ. Тогда что? . .

Прежде, когда онъ дѣлалъ свое настоящее дѣло, у него былъ твердый внутренній опредѣлитель того, что должно и чего не должно дѣлать. Сейчасъ же у него никакого опредѣлителя не было, приходилось только оглядываться по сторонамъ и напряженно соображать, куда нужно подаваться, чтобы уцѣлѣть.

И со стороны, навѣрное, было видно его всегда напряженное, безпокойное лицо человѣка, который оробѣлъ и потерялся до послѣдней степени, несмотря на постоянныя усилія создать въ себѣ внутреннюю точку опоры. Для этого онъ старался помнить о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, старался внушить себѣ, что нужно смотрѣть на все с в е р х у. Даже пробовалъ думать о своей б е з с м е р т н о й душѣ, которая не должна сжиматься передъ ничтожными, чисто внѣшними условіями жизни, а стоять выше ихъ.

Послѣднія мысли, т.-е. о безсмертной душѣ, были уже совершенной новостью въ его обиходѣ, такъ какъ онъ все-таки былъ невѣрующимъ ни въ какое безсмертіе. Но какъ больной, перепробовавшій всѣ новѣйшіе

методы леченія, иногда въ отчаяніи обращается къ знахарямъ, такъ и онъ хватался за эти мысли, когда уже ничто не помогало.

Была еще другая точка зрѣнія, которая на нѣкоторое время дѣйствительно помогала: эта точка зрѣнія говорила, что все равно все гибнетъ, и поэтому нужно забыться въ чемъ-нибудь, — все равно въ чемъ, чтобы не видѣть, не слышать, не чувствовать, сгорѣть фейерверкомъ и — конецъ. Въ этомъ случаѣ его охватывала даже сладострастная жажда гибели. Но и этого хватало ненадолго. Стойло только появиться какой-нибудь реальной тревогѣ или опасности, какъ средство переставало дѣйствовать.

Даже вотъ сейчасъ, когда онъ вошелъ на собраніе въ большую аудиторію, у него самымъ непріятнымъ образомъ стучало сердце. И, навѣрное, со стороны можно было замѣтить его безпокойство, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры для сокрытія внутренняго состоянія, какъ-то: задумчивое разсматриваніе своихъ рукъ, перелистываніе записной книжки. Причемъ онъ изрѣдка значительно поднималъ брови и отмѣчалъ что-то карандашомъ въ ней, хотя отмѣчать было ровно нечего, и онъ только обводилъ написанное тамъ раньше.

Въ аудиторіи были заняты почти всѣ скамьи, шедшія отъ эстрады кверху амфитеатромъ, и всѣ сидѣвшіе оглядывались на каждаго вновь прибывшаго и провожали его глазами въ то время, пока онъ выбиралъ себѣ мѣсто, пролѣзалъ черезъ колѣни уже сѣвшихъ или, покраснѣвъ подъ устремленными на него взглядами, просилъ крайнихъ подвинуться.

Кислякову казалось, что всѣ напряженно слѣдятъ за тѣмъ, гдѣ онъ сядетъ.

Онъ помнилъ обращеніе къ нему Полухина и старался убѣдить себя, что его совѣсть чиста, что онъ твердо выбралъ направленіе и свои симпатіи, поэтому можетъ сидѣть совершенно спокойно. Это больше касается его товарищей, а не его.

На эстрадѣ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ. И за нимъ сидѣли два комсомольца — Масловъ

и бѣлый, съ торчащими, выгорѣвшими отъ солнца волосами Чуриковъ, который какъ-то наивно поднималъ вверхъ брови, смотря передъ собой въ бумагу, и все одергивалъ сзади себя рубашку.

— Откуда они сукно успѣли достать? — недоброжелательно подумалъ Кисляковъ.

Ровно въ четыре часа черезъ боковую дверь на эстраду вошелъ Полухинъ, и Кисляковъ почувствовалъ какое-то удовольствіе, какое чувствуютъ, когда видятъ на эстрадѣ извѣстнаго человѣка, съ которымъ только что интимно наединѣ говорили.

Полухинъ прошелъ къ столу быстро и прямо, какъ входитъ предсѣдатель собранія, когда уже всѣ на мѣстахъ, не теряя ни минуты и не развлекаясь обозрѣніемъ собравшихся, прямо приступаетъ къ дѣлу.

Онъ оперся пятками ладоней о столъ съ сукномъ и, наклонившись нѣсколько впередъ надъ столомъ, хотѣлъ начать собраніе, но бѣлый комсомолецъ подошелъ къ нему, одергивая на ходу рубашку, и сталъ что-то говорить ему, показывая какую-то бумажку.

Масловъ, зайдя съ другой стороны Полухина, тоже заглянулъ въ бумажку. И они втроемъ передъ молчащимъ заломъ вполголоса стали что-то обсуждать. Причемъ Полухинъ иногда поднималъ глаза на заполненныя скамьи амфитеатра, и его стеклянный глазъ смотрѣлъ рѣзко и неподвижно, а настоящій сосредоточенно перебѣгалъ по лицамъ, въ то время какъ онъ, слегка наклонивъ на бокъ голову, слушалъ, что говорилъ Масловъ, котораго постоянно хотѣлъ перебить бѣлый Чуриковъ вставнымъ замѣчаніемъ, но не успѣвалъ.

Кисляковъ сидѣлъ и неподвижно смотрѣлъ на Полухина, какъ бы желая, чтобы тотъ увидѣлъ, что онъ здѣсь, и встрѣтился бы съ нимъ взглядомъ.

— Откуда у нихъ такая важность, спокойствіе и пренебреженіе къ тѣмъ, кого они здѣсь собрали послѣ служебныхъ часовъ? — сказалъ, наклонившись къ Кислякову, одинъ изъ сидѣвшихъ сзади него сотрудниковъ.

Въ это самое время Полухинъ нашелъ глазами Кислякова, и тотъ, не отвѣтивъ на его взглядъ и въ то же время промолчавъ на замѣчаніе товарища, почувствовалъ такое ощущеніе въ спинѣ, какъ будто ему ввинтили палку между лопатками.

Наконецъ, Полухинъ отмахнулся отъ обоихъ комсомольцевъ и опять оперся пятками ладоней о край стола. Залъ затихъ.

— Товарищи! — сказалъ онъ и выждалъ, пока затихнутъ послѣднія шевеленія, перешептыванія и разсаживаніе запоздавшихъ. Потомъ началъ говорить. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ, что вся интеллигентская часть служащихъ переглянулась между собой.

— Я поступилъ сюда на работу и сначала только присматривался къ дѣлу. Я хочу сказать, что я увидѣлъ. Если вы скажете, что я справедливо говорю, тодавайте исправлять, несмотря на сопротивленіе нѣкоторой части работниковъ. Какъ бы эта часть велика ни была. Можетъ быть, мы ее потомъ значительно уменьшимъ.

Первые ряды сидѣли и смотрѣли передъ собой съ выраженіемъ, которое говорило, что, если ихъ позвали и посадили сюда, они будутъ сидѣть, и «что осла можно привести къ водѣ, но...».

Въ дальнихъ же рядахъ эта фраза заставила всѣхъ зашевелиться и значительно переглянуться.

— Мои наблюденія идутъ по двумъ линіямъ, — продолжалъ Полухинъ, совершенно не обращая вниманія на шевеленіе въ заднихъ рядахъ, — первая касается самой работы, которая мнѣ кажется позорной въ нашемъ Союзѣ. «Здѣсь работаютъ для науки», — говорятъ мнѣ, а эта наука такъ законопачена въ этихъ стѣнахъ, что она никогда не дойдетъ до массъ. На что же намъ такая наука?

Онъ остановился, какъ бы ожидая отвѣта, но первые ряды сидѣли все съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ вначалѣ. И какъ кто укрѣпился взглядомъ на какой-нибудь точкѣ, — кто на ножкѣ стола, кто на бахромѣ сукна, — такъ и сидѣлъ.

— Мы собираемъ и собираемъ, а какой толкъ отъ этого для пролетаріата, которому некогда къ намъ ходить и смотрѣть? Да мы ничего и не показываемъ. А что показывать? Царскія постели и старинные ковши для воды? Это и до революціи такъ показывали.

Кисляковъ, оглядывавшійся со свободнымъ видомъ человѣка, совѣсть котораго чиста, встрѣтился взглядомъ съ сотрудникомъ, сидѣвшимъ сзади (это былъ низенькій, полный человѣкъ съ лысой головой и маленькими бѣлыми бровями). Тотъ, удивленно приподнявъ брови, отчего вся тонкая кожа его лба собралась въ мелкія морщинки, молча значительно посмотрѣлъ на Кислякова. Кисляковъ не отвѣтилъ на его мимику.

— А вотъ намъ надо придумать, какъ теперь работать и какъ теперь показывать, — продолжалъ Полухинъ, въ то время какъ бѣлый Чуриковъ съ видомъ живѣйшаго согласія на каждомъ его словѣ ударялъ концомъ карандаша по столу, какъ будто Полухинъ говорилъ то самое, что и онъ думалъ. — Это — первая линія. А вторая линія та, что здѣсь между нѣкоторой частью работниковъ существуетъ какъ будто тайный сговоръ... (Жидкія брови лысаго сотрудника, сидѣвшаго сзади Кислякова, совсѣмъ полѣзли на лобъ.) Они употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы поступающихъ новыхъ работниковъ изъ пролетаріата ставить въ такія условія, что они не могутъ работать, не приходятъ къ нимъ съ товарищеской помощью и указаніями. И сами работаютъ какъ чиновники: отсидѣлъ свой срокъ и кончено. У насъ за мѣсяцъ не было ни одного собранія, ни одной совмѣстной прогулки и экскурсіи. Всѣ отдѣльно живутъ. Теперь у насъ незначительный процентъ комсомола, когда я поступилъ — его вовсе не было. Вы хотите готовить себѣ смѣну, — сказалъ вдругъ, неожиданно обращаясь ко всѣму залу Полухинъ, и въ щекѣ его, около мертваго, стекляннаго глаза что-то дрогнуло, — а мы должны подготовить свою смѣну! — почти крикнулъ онъ, сдѣлавъ въ воздухѣ отрывистое движеніе рукой.

Онъ какъ будто потерялъ нить мысли и передвинулъ передъ собой на столѣ графинъ съ водой. Потомъ опять продолжалъ:

— Рабочій классъ проводитъ свою желѣзную линію и сумѣетъ стряхнуть съ своей дороги всѣхъ, кто тормозитъ дѣло и вставляетъ палки въ колеса, кто по своей природѣ неспособенъ войти въ коллективъ. Насъ пугаютъ, что мы не обойдемся безъ старыхъ спеціалистовъ. Обойдемся. Можетъ быть, временно понесемъ убытокъ, и большой убытокъ, зато мы будемъ знать, что къ собственному карману сторожа ставить не надо, такъ какъ изъ него беретъ только своя рука. Такъ?

Онъ опять сдѣлалъ рѣзкое движеніе рукой внизъ. Значительная часть аудиторіи, комсомольцы, техническіе служащіе и нѣкоторые изъ сотрудниковъ зааплодировали.

Другая же часть, даже тѣ, кто смотрѣлъ упорно на ножки стола и бахрому, въ ужасѣ оглянулись, какъ оглядываются солдаты, которые разсыпались спокойно въ передовой цѣпи и въ это время сзади засѣвшіе молодцы вдругъ трахнули по своимъ.

— На первыхъ порахъ намъ необходимо принять десять человѣкъ изъ н а ш е й смѣны. И придется потѣсниться нѣкоторымъ изъ старыхъ работниковъ.

Онъ сѣлъ, какъ всегда, прямо, касаясь всей спиной задинки стула, и оглядывалъ залъ такъ спокойно, какъ будто онъ ничего не говорилъ..

Потомъ сейчасъ же поднялся и сказалъ:

— Кто желаетъ высказаться?

Интеллигенція вся молчала. Только послышался въ наступившей тишинѣ французскій языкъ Маріи Павловны, которая всѣмъ бокомъ повернулась на скамьѣ къ своей сосѣдкѣ и возбужденно говорила съ ней.

Всталъ Андрей Игнатьевичъ. Въ его высокой барской фигурѣ было скромное достоинство и въ то же время явное намѣреніе сказать нѣчто, что можетъ показаться очень непріятнымъ «товарищу директору».

Вся интеллигенція такъ и поняла его выраженіе, и всѣ съ замираніемъ сердца и благословляющими взглядами ждали его смѣлой рѣчи.

Онъ обвелъ взглядомъ собраніе и, какъ бы почувствовавъ поддержку, сказалъ:

— Нашъ новый товарищъ директоръ хочетъ заставить науку работать на площади...

Онъ остановился на секунду. Всѣ замерли и только молча переглядывались и дѣлали ему знаки глазами, что оцѣниваютъ его мужество и что все сочувствіе ихъ на его сторонѣ.

— Это, можетъ быть, будетъ эффектно въ агитаціонномъ смыслѣ и, такъ сказать, скоропалительно, но истинная наука отъ этого только потеряетъ, потому что она бываетъ плодотворна только въ тишинѣ и «медлительности». Только въ тишинѣ и медлительности вырабатываются и провѣряются высшія научныя цѣнности.

Какъ бы убѣдившись въ дружной поддержкѣ всей интеллигентной части аудиторіи, онъ уже не оглядывался, а, обращаясь только къ президіуму, говорилъ:

— Еще нужно замѣтить, что наука не кооперативный прилавокъ (комсомолецъ Чириковъ, что-то чертившій на бумагѣ, вздрогнулъ и хотѣлъ даже вскочить, но вмѣсто этого торопливо написалъ что-то на клочкѣ бумажки и передалъ Полухину. Масловъ и Полухинъ сидѣли, не дрогнувъ, спокойно глядя передъ собой, несмотря на то, что по всему залу пробѣжалъ частью испуганный, частью восторженный шопотъ).

— Такъ вотъ, не кооперативный прилавокъ, — продолжалъ Андрей Игнатьевичъ, — къ ней нельзя произвольно сажать тѣхъ или другихъ, нельзя взять да откомандировать себѣ нужную смѣну во столько-то единицъ. Нельзя потому, что наука чтитъ индивидуальность. Тамъ, гдѣ индивидуальность подавлена, наука жестоко мститъ за себя. Можно настроить какихъ угодно ученыхъ учрежденій (онъ сдѣлалъ рукой широкій жестъ кругомъ) и какъ угодно громко назвать ихъ, отъ этого научныхъ цѣнностей не прибавится.

Проговоривъ это уже возбужденнымъ голосомъ (руки, перебѣгавшія внизъ и вверхъ по пуговицамъ пиджака, у него замѣтно дрожали), онъ сѣлъ. Въ залѣ наступило жуткое молчаніе. Андрей Игнатьевичъ, вѣроятно, ожидалъ, что весь залъ огласится бурными рукоплесканіями тѣхъ, кто дѣлалъ ему поощряющіе и благословляющіе знаки глазами.

Но залъ не огласился.

— Тов. Чуриковъ, — сказалъ Полухинъ, свертывая въ трубочку между пальцами клочокъ бумажки, переданный ему Чуриковымъ, — ваше слово.

Чуриковъ поспѣшно всталъ, какъ будто онъ каждую секунду ждалъ, что его вызовутъ, одернулъ сзади рубашку и, оглянувшись на предсѣдателя, началъ:

— Мы сейчасъ слышали заявленіе одного изъ представителей омертвѣвшей касты такъ называемыхъ ученыхъ. Что онъ предлагаетъ? «Не выпускайте, говоритъ, науку на площадь»... А гдѣ же она должна быть? Въ кабинетахъ? Этотъ человѣкъ совсѣмъ не учелъ новаго движенія, которое ни въ грошъ не ставитъ ту науку, которая работаетъ для какого-то неизвѣстнаго будущаго и не даетъ живыхъ результатовъ массамъ, которыя сами хотятъ добиваться результатовъ, а не ждать «медлительныхъ» результатовъ цѣлыми десятилѣтіями отъ «жрецовъ».

Онъ говорилъ это съ запаломъ, все время оглядываясь на предсѣдателя, какъ бы справляясь, то ли онъ говоритъ и не истекъ ли его срокъ.

— Съ жрецами теперь покончено! — продолжалъ Чуриковъ. — Если они не понимаютъ требованія времени, мы ихъ выгонимъ, а науку все-таки вынесемъ на площадь!

Онъ кончилъ и сѣлъ такъ неожиданно, что сочувствующіе комсомольцы и техническіе служащіе съ незначительной частью молодой интеллигенціи пропустили моментъ и не успѣли зааплодировать. Секунда прошла въ молчаніи, и только тогда раздались вызывающіе и торжествующіе аплодисменты.

Чуриковъ, стараясь казаться спокойнымъ, какъ Полухинъ и Масловъ, возбужденно лохматилъ волосы и оглядывался то въ одну, то въ другую сторону, откуда ему дѣлали знаки свои.

Полухинъ, вставъ, сказалъ:

— Товарищъ Чуриковъ по существу сказалъ правильно. Я думаю, что обѣ стороны дали исчерпывающую оцѣнку, каждая по-своему. Распространяться не будемъ. Угодно будетъ собранію принять слѣдующую резолюцію...

— Просимъ, — сказало нѣсколько голосовъ.

— ... «Заслушавъ докладъ тов. Полухина о строительствѣ музея, мы, собравшіеся на общемъ собраніи сотрудники, заявляемъ, что работа въ музеѣ должна быть въ корнѣ перестроена по принципамъ марксизма.

Въ совѣтскомъ научномъ учрежденіи нѣтъ мѣста той наукѣ, которая работаетъ «медлительно» и не идетъ въ ногу съ современностью, а тянетъ назадъ.

Мы рѣшительно отмежевываемся отъ нѣкоторыхъ, чуждыхъ намъ элементовъ», (Интеллигентская часть возмущенно переглянулась.) «осмѣливающихся проводить идеалистическую линію въ научной работѣ и бросать оскорбленія по адресу научныхъ совѣтскихъ учрежденій».

— Кто противъ этой резолюціи? — спросилъ Полухинъ, обводя собраніе взглядомъ, причемъ не только стеклянный его глазъ, но на этотъ разъ и живой, смотрѣлъ особенно остро.

Въ залѣ было молчаніе.

— Резолюція принята единогласно, — сказалъ Полухинъ.

XIII.

Елена Викторовна съ самаго утра начала собираться къ отъѣзду.

Прежде всего золотыя вещи отнесла на сохраненіе сосѣдкѣ Звенигородской, съ которой она, въ противовѣсъ общей розни, очень дружила, и они даже повѣряли

другъ другу всѣ свои тайны. Отнесла ей, такъ какъ не надѣялась на то, что мужъ будетъ аккуратно запирать комнату. Но день выдался очень тревожный, и сборы сильно затормозились.

Во-первыхъ, принесли счетъ за электричество; такъ какъ деньги собирала она, то хотѣла наскоро отдѣлаться и продолжать сборы, но повторилась та же исторія, что и каждый разъ: одного нѣтъ дома, а жена «не знаетъ» (что собственно тутъ знать?); тамъ мужъ дома — жены нѣтъ, а деньги у нея; у того денегъ сейчасъ, какъ на грѣхъ, нѣтъ, поэтому онъ проситъ внести за него. А на кухнѣ жены слесарей подняли крикъ за то, что плата неравномѣрно распредѣляется.

— Вы сколько огня-то жжете! — кричала одна, сразу переходя въ наступленіе. — А какъ платить, такъ наравнѣ съ нами!?

И правда, у слесарей горѣло подъ потолкомъ только по одной лампочкѣ, излучавшихъ желтоватый тусклый свѣтъ. И ложились они въ десять часовъ, а штукатуры — такъ тѣ вовсе не зажигали электричества и, поужинавъ изъ общаго котелка, валились почти засвѣтло спать, чтобы завтра раньше всѣхъ встать и уйти на работу.

— У васъ тутъ лампа, тамъ лампа! — кричала слесарша, сдергивая съ головы платокъ и комкая его зачѣмъ-то въ рукахъ.

— Да вѣдь это учтено! — кричала уже въ свою очередь Елена Викторовна. — Каждый платитъ за столько лампъ, сколько у него записано.

И тутъ же не удержалась (о чемъ сама потомъ пожалѣла) и кольнула жену слесаря:

— Вы думаете, это — достоинство, что вы огня мало жжете? А мало жжете потому, что некультурные люди, и у васъ никакихъ духовныхъ и умственныхъ потребностей нѣтъ.

— А-а! У васъ «учтено», а у насъ «потребностей нѣтъ»!? А кто лишнюю лампу въ сто свѣчей ввинчиваетъ? Это тоже умственнымъ трудомъ занимаетесь?

Знаемъ мы, какимъ вы умственнымъ трудомъ занимаетесь. Все извѣстно!...

А тутъ уже высыпали изъ всѣхъ дверей жильцы, жадные до всякихъ скандаловъ, и ребятишки. Бульдогъ, запертый въ комнатѣ, бѣсновался тамъ и скребъ лапами въ дверь, такъ какъ, вѣроятно, думалъ, что хозяйку о б и ж а ю т ъ.

Потомъ Софья Павловна Дьяконова подралась съ мѣщанкой изъ-за чуланчика, за который они боролись и уже подали другъ на друга въ судъ. Софья Павловна хотѣла положить бѣлье въ ванну для стирки, а тамъ уже оказалось бѣлье мѣщанки; она выкинула его и потомъ, сломавъ дверь спорнаго чуланчика, повыкидала отуда все мѣщанкино тряпье, которое тамъ было. Та увидѣла и съ крикомъ, съ какимъ, вѣроятно, индѣйцы нападаютъ на свои жертвы, чтобы оскальпировать ихъ, вцѣпилась ей въ волосы.

Всѣ ужъ угóваривали бросить, а два японца стояли у дверей своей комнаты и, закинувъ вверхъ головы, лаяли издали, то вмѣстѣ, то вперемежку.

— Боже мой, интеллигентная женщина! — говорила Елена Викторовна, взявшись руками за голову и уйдя въ свою комнату. Когда драка въ коридорѣ была окончена, къ ней пришла, прямо въ шляпѣ и своемъ синемъ англійскомъ костюмѣ, Звенигородская, къ которой она часа полтора назадъ отнесла золотыя вещи. Тонкое красивое лицо ея съ локонами золотистыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы, имѣло измученный видъ. Она сѣла на диванъ и молча снимала перчатки съ тонкихъ пальцевъ, очевидно, не въ состояніи начать говорить.

Потомъ сняла перчатки, вытянула ихъ и, положивъ на колѣни, разсказала, что мужъ выгоняетъ ее изъ комнаты, и она въ свою очередь подаетъ въ судъ на мужа о выселеніи его.

— Надо бороться, — сказала она, безнадежнымъ жестомъ разводя руками, — что же мнѣ больше дѣлать! Вѣдь подумать только, что мѣсяцъ еще тому назадъ онъ шагу не давалъ мнѣ сдѣлать, предупреждалъ

каждое мое желаніе, и я помню (она проглотила слезы), мы стояли у окна, и онъ, разсказывая мнѣ что-то, гладилъ меня по головѣ ... и вотъ теперь ...

— Боже мой, интеллигентный мужчина! — сказала Елена Викторовна. — Неужели ужъ ничего не осталось святого въ жизни? Никакого, хоть минимальнаго, благородства, и вездѣ только расчетъ и только интересы собственной шкуры?

— Но теперь, когда онъ убилъ мою вѣру въ человѣка, — продолжала Звенигородская, наскоро проведя платкомъ по мокрымъ глазамъ, — я ужъ пойду на все! Пусть буду голодать, продавать вещи, но отравлю ему жизнь. У меня есть друзья, которые поддержатъ меня.

Елена Викоторвна сочувственно слушала ее, сама готовая заплакать, и на слова Звенигородской о томъ, что у нея есть друзья, которые ее поддержатъ, нѣжно погладила ей руку, но въ то же время у нея мелькнула испуганная мысль: не напрасно ли она отдала ей на сохраненіе свои золотыя вещи.

Эта мысль съ такой остротой вонзилась ей въ мозгъ, что она никакъ не могла ее прогнать. Сочувственное выраженіе сошло съ ея лица и появилось напряженно-тревожное. Она даже невпопадъ отвѣчала своей собесѣдницѣ и все думала о золотыхъ вещехъ.

Просить ихъ обратно сейчасъ же вслѣдъ за словами Звенигородской, что она «будетъ нуждаться и продавать свои вещи», было неудобно. Не только неудобно, а для интеллигентнаго человѣка совершенно невозможно. А тутъ вошла профессорша въ пенснэ и своемъ старомодномъ платьѣ, пахнущемъ нафталиномъ, и спросила совѣта, чѣмъ лучше мыть собакъ. Звенигородская сейчасъ же попрощалась, встала и ушла.

XIV

Ипполитъ Кисляковъ, думая о томъ, что жена теперь, навѣрное, уже собралась и не будетъ теребить его каждую минуту то съ увязкой чемодана, то съ укладкой мелочей, шелъ послѣ собранія домой съ такимъ

ощущеніемъ, какъ будто висѣвшая надъ нимъ грозная туча неожиданно разсѣялась, и на небѣ засіяло солнце. И хотя день стоялъ все такой же пасмурный, у него не было ни тѣни того гнетущаго настроенія, какое было утромъ. Наоборотъ, ему все казалось уютно, чудесно. Онъ не раздражался на встрѣчныхъ пѣшеходовъ, а съ готовностью, которая его самого трогала, сторонился и давалъ дорогу. Даже помогъ одной старушкѣ перенести черезъ улицу тяжелую корзину къ трамваю.

А дома ждали его предстоящая свобода и уединеніе благодаря отъѣзду жены.

Его нѣсколько непріятно безпокоило только одно — что онъ ничѣмъ не выразилъ своего сочувствія Андрею Игнатьевичу по поводу совершеннаго по отношенію къ нему предательства всей интеллигентской группы, такъ какъ ни одна живая душа не подняла руки противъ резолюціи. Тѣмъ болѣе, что многіе изъ тѣхъ, что не подняли руку за него, онъ видѣлъ, подходили и выражали ему сочувствіе послѣ собранія. А ему нельзя было этого сдѣлать, такъ какъ по коридору въ это время проходилъ Полухинъ.

Что же теперь подумаетъ Андрей Игнатьевичъ? ... Потомъ немножко портило настроеніе то, что ему придется провожать жену на вокзалъ, сажать ее въ вагонъ вмѣстѣ съ теткой и собаками. Ему даже приходила мысль, не сдѣлать ли ему видъ, что онъ нездоровъ, чувствуетъ себя плохо и какъ-нибудь уклониться отъ этихъ проводовъ.

Онъ уже подходилъ къ дому, какъ вдругъ совершенно неожиданно для себя свернулъ въ сторону. Дѣло было въ томъ, что впереди себя онъ увидѣлъ одну даму, шедшую ему навстрѣчу. Это была жена одного его близкаго знакомаго, инженера, который сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Уже давно нужно было ее навѣстить. А онъ до сихъ поръ не собрался, и поэтому какъ-то неловко было встрѣчаться съ ней. И онъ, часто бывавшій у нихъ, теперь даже бросался, какъ ошпаренный, въ сторону всякій разъ, когда видѣлъ на улицѣ жену этого инже-

нера. Плохо было то, что она могла подумать про него не очень хорошія вещи: «Бывалъ, когда все было благополучно, когда его поили чаемъ съ коньякомъ и угощали вареньемъ, а какъ пришла бѣда, такъ всѣ пріятели разбѣжались, днемъ съ огнемъ никого не сыщешь».

А онъ, дѣйствительно, ни разу къ ней за все время не зашелъ, потому что было неловко передъ ней за свое благополучіе, нужно было ей сочувствовать, а онъ боялся, что это выйдетъ какъ-нибудь неестественно.

Елена Викторовна уже кончила укладку вещей, когда онъ пришелъ. Она внимательно посмотрѣла на него и спросила:

— Что съ табой?

— А что?

— У тебя вялый видъ.

— Что-то плохо чувствую себя.

— А ты не ѣзди меня провожать.

— Еще что выдумала. Уѣзжаешь на цѣлый мѣсяцъ, а я провожать не поѣду?

Елена Викторовна подошла къ нему и молча поцѣловала въ голову.

На полу стоялъ чемоданъ, парусиновой круглый тюкъ съ подушками, стягивающійся по концамъ шнуркомъ, такъ что въ этихъ мѣстахъ съ обоихъ концовъ его видны были круглыя въ сборкахъ дырочки. На креслѣ стояла туго набитая съѣстнымъ на дорогу корзинка, съ которой ходятъ на базаръ. На собакъ были надѣты новые голубые банты, и онѣ обѣ праздничо сидѣли посреди комнаты и, не спуская глазъ, смотрѣли на хозяйку, — очевидно, понимали, что ѣдутъ въ дальнюю дорогу.

Только когда въ коридорѣ раздавался звонокъ или какой-нибудь шумъ, онѣ съ лаемъ бросались къ двери и черезъ минуту возвращались, помахивая хвостиками, какъ бы извиняясь за произведенный шумъ.

Поѣздъ отходилъ въ девять часовъ. Ѣхали на такси, такъ что смѣло можно было выѣхать въ восемь съ половиной, но Елена Викторовна, всегда боявшаяся опоз-

дать, потребовала, чтобы машина была подана въ восемь часовъ.

— Да вѣдь мы въ пять минутъ доѣдемъ, чего же безъ толку сидѣть на вокзалѣ цѣлый часъ! — говорилъ Кисляковъ, чувствуя закипающее раздраженіе противъ безсмысленно ранняго отъѣзда и противъ безполезныхъ споровъ, такъ какъ зналъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ Елена Викторовна не уступала никогда. Пріѣздъ же на вокзалъ за часъ до отхода поѣзда какъ разъ входилъ въ эти пункты.

Но онъ рѣшилъ сдержать себя, только чтобы она поскорѣе уѣхала, и хоть мѣсяцъ въ году пожить въ комнатѣ одному, имѣть возможность спокойно подумать, ложиться спать тогда, когда хочется, и читать безъ того, чтобы тебя не перебивали на каждой строчкѣ.

А то и вовсе скажетъ: «Что это, на службѣ сидишь — тебя не видишь, и домой какъ придешь, такъ въ книгу воткнешься».

Елена Викторовна сѣла около него, положила свою руку на его руку и сказала:

— Какъ только подходитъ моментъ отъѣзда, такъ мнѣ всякій разъ становится невыносимо тоскливо уѣзжать отъ тебя. Кажется, готова сейчасъ распаковать чемоданы и остаться. А тутъ еще безпокоитъ твое нездоровье. По городу скарлатина ходитъ.

Кисляковъ, державшій руку прижатой ко лбу. вдругъ подумалъ съ нѣкоторымъ испугомъ, что она еще, чего добраго, останется, и сказалъ:

— Это-то пустяки; у меня, кажется, уже нѣтъ никакого болѣзненнаго ощущенія.

— Вотъ только когда уѣзжаешь, то въ полной мѣрѣ начинаешь чувствовать, какъ бываешь несправедлива къ своей судьбѣ: страдаешь отъ тѣсноты, отъ всякихъ мелочей, но совсѣмъ забываешь, какое это благо — жить съ любимымъ человѣкомъ подъ одной кровлей и знать, что каждая его мысль принадлежитъ тебѣ, — проговорила Елена Викторовна и положила руку мужа къ себѣ на колѣни, крѣпко сжавъ ее своей рукой.

— Теперь, когда видишь кругомъ вотъ такія вещи, — продолжала Елена Викторовна (она кивнула въ сторону комнаты Звенигородскихъ), — только тогда оцѣниваешь въ полной мѣрѣ такія отношенія, какъ наши съ тобой. И я опять и опять говорю, что теперь, въ этой жестокой жизни, нужно изъ всѣхъ силъ беречь свою душу отъ эгоизма и огрубѣнія, беречь любовь, какъ самую большую цѣнность, и крѣпче держаться другъ за друга.

Но при упоминаніи о Звенигородскихъ она вдругъ о чемъ-то тревожно задумалась на минуту, потомъ сказала мужу:

— Я отдала Аннѣ Николаевнѣ свои золотыя вещи и мой подарокъ тебѣ — золотые часы — на сохраненье, потому что ты уходишь и постоянно оставляешь все отпертымъ. Какъ думаешь — ничего?

На мгновенье Кисляковъ почувствовалъ было уколъ обиды отъ вѣчныхъ ссылокъ на его разсѣянность (случилось всего одинъ-два раза, когда онъ ушелъ изъ комнаты и оставилъ шкафъ открытымъ, такъ теперь эта слава за нимъ осталась на всю жизнь), но онъ опять сдержалъ себя и сказалъ спокойно:

— Конечно, ничего, — вѣдь интеллигентный же человѣкъ. Какъ тебѣ даже не стыдно думать.

— Если бы было не стыдно, я пошла и взяла бы у нея. Такъ, значитъ, можно оставить?

И хотя выходило такъ, что чужой женщинѣ больше довѣряютъ, чѣмъ ему — хозяину, на чьи деньги все и заведено, все-таки Кислякову пришлось сказать, что можно оставить. Поднимать сейчасъ разговоръ о своихъ правахъ на уваженіе было бы слишкомъ сложно и небезопасно, потому что Елена Викторовна могла разстроиться и отложить поѣздку.

Передъ самымъ отъѣздомъ, когда уже собирались садиться въ машину, изъ коридора послышались отчаянный визгъ Джери и характерные звуки собачьей грызни. Елена Викторовна, всплеснувъ руками, бросилась туда, точно она услышала призывы единственнаго сына. Оказалось, что Джери по своей непосѣдливости

выбѣжалъ въ коридоръ и нарвался на натансоновскихъ собакъ (нѣмецкія овчарки, похожія на волковъ). Со всего коридора сбѣжались ребятишки и своимъ свистомъ и науськиваніемъ разожгли страсти. Даже тупорылые и вислоухіе японцы, запертые въ своей комнатѣ, подняли лай, потомъ визгъ, — очевидно, тоже погрызлись.

Хозяйки одновременно выбѣжали разнимать и переругались.

Джери съ окровавленнымъ ухомъ подхватили подъ животъ и понесли, онъ лаялъ черезъ плечо хозяйки и рвался въ драку. Сейчасъ же промыли ему ухо борной кислотой и завязали марлей.

Кисляковъ вообще терпѣть не могъ собакъ: ему всегда было стыдно и его раздражало, когда Елена Викторовна, идя съ нимъ гулять, брала съ собой и псовъ. Она заводила разговоръ, но говорить съ ней въ это время было совершенно немыслимо, такъ какъ все ея вниманіе было устремлено на собакъ: какъ бы онѣ не убѣжали и не увлеклись какимъ-нибудь знакомствомъ въ дорогѣ.

Когда же онъ замолкалъ, не желая соперничать съ собаками въ завоеваніи ея вниманія, она сейчасъ же говорила:

— Ну, ну, я слушаю.

Если это было на дачѣ, онъ всегда ловилъ ироническіе взгляды крестьянскихъ женщинъ, которыя въ огородахъ пололи траву и съ усмѣшкой долго смотрѣли вслѣдъ толстой и коротенькой барынѣ, вышедшей погулять съ своимъ потомствомъ.

Елена Викторовна то ли имѣла несокрушимое мужество собственнаго мнѣнія, то ли просто не отличалась наблюдательностью, но она никогда не замѣчала этихъ взглядовъ и была всегда спокойна.

Теперь же было еще хуже: мало того, что ѣхали на вокзалъ съ теткой, съ собаками и съ багажомъ — одна изъ собакъ была еще съ завязаннымъ ухомъ. Значитъ, отъ ребятъ на улицѣ всю дорогу отбоя не будетъ, всѣ будутъ пальцами показывать. Да еще свои

жильцы всѣ выставятся на подъѣздѣ и будутъ наблюдать, какъ Елена Викторовна, точно прежняя барыня собирается въ свое имѣнье, набрала съ собой цѣлую псарню. «Какъ собакъ кормить, такъ на это хватаетъ, а сами лампы потихоньку лишнія безъ оплаты ввинчиваютъ. Вотъ наложить на нихъ вдвое за комнату!»

И дѣйствительно, когда пошли садиться въ машину, стоявшія на тротуарѣ ребята, увидѣвъ Джери съ завязаннымъ ухомъ, такъ и покатились со смѣху. Стали его сзади незамѣтно дразнить, отчего тотъ разрывался отъ лая, а Елена Викторовна никакъ не могла понять, что съ нимъ.

Кисляковъ долженъ былъ вернуться за забытымъ пакетомъ.

Вбѣжавъ наверхъ, онъ увидѣлъ въ коридорѣ даму изъ девятаго номера. Она была не подъ лиловымъ шарфомъ, какъ онъ видѣлъ ее по утрамъ, а въ сѣромъ костюмѣ и клѣтчатомъ картузикѣ, который очень шелъ къ ней. Глаза ея были затѣнены козырькомъ въ полумракѣ коридора, но Кисляковъ уловилъ ея осторожную улыбку, когда издали поклонился ей. Онъ остановился у двери, держась за ея ручку, но не отворялъ, а смотрѣлъ на даму, когда она, вложивъ ключъ, отпирала дверь своей комнаты. Онъ ждалъ, что она оглянется на него. Но она не оглянулась, а, какъ бы стараясь скрыться отъ его взгляда, поспѣшно прошла въ свою комнату и тихо притворила за собой дверь.

Кислякову показалось, что все красивое въ жизни проходитъ въ сторонѣ отъ него и на его долю остается только жизнь съ человѣкомъ, который ему совершенно не нуженъ. Ему стало жаль себя. Онъ еще нѣкоторое время постоялъ у двери въ надеждѣ на то, что молодая женщина выйдетъ, но она не вышла. Онъ взялъ забытый пакетъ и сталъ спускаться съ нимъ.

— Гдѣ же ты пропадалъ?! — крикнула Елена Викторовна, едва только на лѣстницѣ показались его ноги.

— Я не могъ отыскать сразу.

— Ну я же всегда говорила, что ты можешь смотрѣть на вещь и не видѣть. Съ тобой за часъ поѣдешь и то опоздаешь.

Приходилось принять упрекъ безъ возраженій, такъ какъ онъ самъ на себя наговорилъ того, чего не было. Вѣдь нельзя же было сказать:

— Пакетъ я нашелъ сразу, но остановился при видѣ сосѣдки и задумался о безсмысленности своей жизни съ тобой, такъ какъ ты мнѣ совершенно неинтересна.

На вокзалъ пріѣхали за пятьдесятъ минутъ до отхода поѣзда (какъ и слѣдовало ожидать). Они сидѣли около окна, съ вещами и собаками, пили нарзанъ, который не хотѣлось пить, и не знали, о чемъ говорить.

Тетка въ допотопной шляпѣ, приклеенной у нея на головѣ смятымъ торчкомъ, сидѣла съ благочестивымъ выраженіемъ лица и вполголоса что-то выговаривала бульдогу, который повернулъ отъ нея толстую морду въ сторону и только посматривалъ на нее однимъ глазомъ, приподнимая бровь.

Кисляковъ испытывалъ раздраженіе противъ Елены Викторовны за то, что она притащилась такую рань, да еще и тутъ спѣшила съ вещами до того, что запыхалась. При этомъ она все безпокоилась о томъ, что носильщикъ ушелъ куда-то. Поѣздъ придетъ, а его не будетъ. Раздражало еще то, что она сама не замѣчала, насколько она смѣшна съ своей полнотой, съ этими собаками и излишней хлопотливостью. А въ то же время у нея такой видъ, какъ будто она ни минуты не сомнѣвается, что мужъ ее любитъ, что она для него — самая интересная женщина.

Чтобы не сидѣть съ видомъ интеллигентнаго переселенца и не томиться незнаніемъ, о чемъ говорить съ женой въ послѣднія минуты, Кисляковъ хотѣлъ встать и пройтись. Но Елена Викторовна остановила его.

— Не уходи пожалуйста, поѣздъ подадутъ, а ты исчезнешь какъ было съ этимъ пакетомъ: пошелъ на минуту и пропалъ.

— Я увижу, когда подадутъ, и подойду, — кротко сказалъ Кисляковъ, почувствовалъ, что этого пакета теперь хватитъ мѣсяца на три.

— Все равно не уходи.

Елена Викторовна отвернулась отъ него, какъ бы увѣренная, что ея распоряженія послѣ такого категорическаго предложенія не будутъ нарушены, и озабоченно, тревожно оглядывалась по сторонамъ.

— Ты лучше посмотри, гдѣ носильщикъ.

Когда сѣли въ поѣздъ, Елена Викторовна, оставивъ тетку въ вагонѣ сторожить вещи, вышла на площадку, чтобы простоять тамъ до момента отхода поѣзда, какъ дѣлаютъ любящія пары. Потомъ помахать другъ другу платками, когда поѣздъ тронется. И долго еще высовываться, махать и показывать этимъ, насколько велика любовь.

Кисляковъ стоялъ на перронѣ. Елена Викторовна, принимая во вниманіе его болѣзненное состояніе, убѣждала его идти домой, но онъ, запахнувъ поплотнѣе горло и держа рукой борты пальто подъ подбородкомъ, все-таки не уходилъ, чтобы показать ей свою любовь къ ней и заботу. Онъ изрѣдка оглядывался на большіе круглые вокзальные часы, освѣщенные изнутри, и ему казалось, что стрѣлки совсѣмъ не двигаются. Оставалось еще пять минутъ, а эти пять минутъ при нелѣпомъ стояніи другъ противъ друга покажутся пятью часами.

Такъ какъ оба не знали, о чемъ говорить, то, чтобы не молчать, говорили о томъ, что уже давно было переговорено и приходилось повторять.

— Что же мы не ѣдемъ? — спрашивала Елена Викторовна. — Звонки были?

— Странно, — отвѣчалъ Кисляковъ, посмотрѣвъ бокомъ черезъ пенснэ на вокзальные часы, — двѣ минуты лишнихъ прошло, а онъ все стоитъ. Послушайте, почему поѣздъ не идетъ? — обратился онъ къ проходившему проводнику. — Вѣдь уже время прошло.

— Эти часы впередъ на десять минутъ, — отвѣтилъ проводникъ на ходу, бѣгло оглянувшись на вокзальные часы.

А когда поѣздъ, наконецъ, двинулся, Кисляковъ нѣкоторое время шелъ рядомъ съ нимъ и махалъ платкомъ, отходя по мѣрѣ удаленія поѣзда въ сторону, къ противоположному краю перрона, чтобы дольше видѣть жену изъ-за выравнивающихся стѣнокъ вагоновъ.

И когда поѣздъ разошелся, и уже можно было сдѣлать видъ, что потерялъ лицо жены, все еще виднѣвшееся въ окнѣ, онъ вышелъ на площадь и прыгнулъ въ проходившій трамвай.

Онъ уже дорогой подумалъ о томъ, какое благо, что живешь подъ одной кровлей съ любимымъ человѣкомъ, и онъ не знаетъ, что ты думаешь о немъ и о своей жизни съ нимъ.

Войдя въ свою квартиру, Кисляковъ съ забившимся сердцемъ увидѣлъ въ щели двери телеграмму. Распечатавъ ее, онъ прочелъ:

«Послѣ пятнадцатаго пріѣзжаемъ. Аркадій».

XV

Ипполитъ Кисляковъ ѣхалъ домой съ чувствомъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось поскорѣе испытать удовольствіе остаться, наконецъ, одному. Онъ усталъ отъ невозможности ни минуты побыть наединѣ съ собой.

Но когда онъ вошелъ въ комнату и подошелъ къ полкамъ съ книгами, онъ вдругъ почувствовалъ, что при взглядѣ на книги у него появилось чувство опредѣленной скуки. Ему нечего было съ собой дѣлать. Не хотѣлось дотронуться ни до одной книги. Пустая комната не радовала, а тяготила своимъ молчаніемъ, и его тянуло встать и куда-то идти.

Очевидно, за время долгаго п е р е р ы в а у него внутри все остановилось, и тамъ уже не было никакого движенія.

Когда здѣсь была жена, тетка и собаки, онъ еще надѣялся, что въ немъ все ж и в е т ъ, что ему только

мѣшаютъ условія жизни. Но теперь вдругъ почувствовалъ ясно, что онъ внутренно пустъ.

Кисляковъ уже давно замѣчалъ опасные симптомы: онъ ни одного часа не могъ посидѣть одинъ, его все тянуло куда-нибудь на улицу, въ театръ, точно благодаря внутренней остановкѣ ему требовались постоянныя внѣшнія раздраженія.

Ипполитъ Кисляковъ въ юности принадлежалъ къ той основной массѣ стараго студенчества, которое жило всѣми интеллигентскими традиціями. Онъ живо сочувствовалъ дѣятельности всѣхъ передовыхъ партій, такъ какъ зналъ, что онѣ работаютъ для уничтоженія всякаго рода насилія на землѣ. Онъ представлялъ себѣ героевъ революціи мучениками, которые идутъ на подвигъ, рискуя жизнью, и въ этой постоянной готовности ихъ къ смерти за свою идею было то, что больше всего привлекало къ нимъ. И хотя это сочувствіе было чисто платоническое, все же оно воспитало въ немъ ненависть ко всякому насилію надъ человѣческой личностью, и грядущая революція представлялась ему прежде всего какъ полное освобожденіе личности отъ всякихъ стѣсненій ея государственной властью и кѣмъ бы то ни было.

Когда же пришла революція, то герои ея проявляли больше желанія жить и дѣйствовать, чѣмъ умирать съ подходящимъ словомъ на устахъ. И даже сами стали насиловать тѣхъ, кто долженъ былъ, по интеллигентской идеологіи, получить полнѣйшую свободу независимо отъ своего класса и своихъ убѣжденій. Причемъ и сама личность вообще заняла при новомъ строѣ совсѣмъ не то мѣсто, какое ожидалось. А послѣ этого начались и совсѣмъ неподходящія дѣла.

Народъ, пролетаріатъ, который былъ такъ трогателенъ и прекрасенъ, пока его насиловали другіе классы, совсѣмъ пересталъ быть трогательнымъ и прекраснымъ, когда самъ сталъ насиловать эти классы и заявлять о своемъ существованіи самымъ непосредственнымъ образомъ, т.-е. началъ ходить въ косовороткахъ и сапогахъ во всѣ учрежденія и занимать мѣста.

Кисляковъ до революціи былъ инженеромъ-путейцемъ и любилъ р е л ь с ы той любовью, которая можетъ быть понятно только путейцу.

Исколесивъ Россію до войны вдоль и поперекъ на работахъ по изысканіямъ, онъ иногда сидѣлъ цѣлыми ночами надъ картой.

Его влекла Сибирь. Строить тамъ — это значило не просто строить, а побѣдить пустыню и создавать новый край.

Во время войны онъ выполнилъ одно отвѣтственное заданіе съ необычайной энергіей и быстротой, и съ этого момента онъ ясно почувствовалъ свою дорогу. На него необычайно сильно дѣйствовала вѣра окружающихъ въ его дарованіе и удесятеряла силы.

Онъ не переставалъ мечтать о Сибири.

Видѣть, какъ на мѣстѣ бывшей пустыни появляется армія завоевателей — грабарей, плотниковъ, каменщиковъ, какъ начинаетъ шевелиться змѣя будущей линіи и ровное мѣсто покрывается буграми, насыпями съ копошащимися людьми, ждать волнующаго момента укладки рельсъ и, наконецъ, видѣть впервые пущенный паровозъ — только путеецъ знаетъ, что переживаетъ въ этотъ моментъ строитель.

Вотъ это созданіе новыхъ артерій міра и было когда-то дѣломъ его жизни. Онъ чувствовалъ себя полководцемъ, личность котораго подчиняетъ себѣ цѣлую армію людей.

Но въ первые же мѣсяцы революціи онъ почувствовалъ, что его личность какъ-то слиняла, изъ полководца превратилась въ рядового р а б о т н и к а, и онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

Безъ ужаса не могъ подумать, что онъ долженъ будетъ входить въ принудительное соприкосновеніе съ рабочей массой, быть подъ ея контролемъ и даже почти заискивать передъ ней. А потомъ, если бы онъ захотѣлъ идти въ ногу съ рабочимъ классомъ, ему непремѣнно пришлось бы выступать, говорить рѣчи. А разъ говорить рѣчи — значитъ, призывать къ насилію, такъ какъ революція пошла по линіи гражданской войны и

тѣмъ нарушила всѣ основные принципы интеллигентской идеологіи: «Справедливость для всѣхъ, безъ различія классовъ».

Несмотря на то, что его дѣло было для него самымъ главнымъ въ жизни, онъ рѣшилъ бросить его, переждать и разсматривать остановку своего движенія отъ него самого независящей. Это — просто стихійное бѣдствіе, вродѣ землетрясенія. И чѣмъ больше встрѣчалъ людей, которые также отказались отъ своего дѣла изъ одинаковыхъ съ нимъ причинъ, тѣмъ больше у него успокаивалась совѣсть: вѣдь не онъ одинъ находится въ такомъ положеніи.

Но такъ какъ пить-ѣсть все-таки было надо, то онъ рѣшилъ поступить на какое-нибудь нейтральное мѣсто. Онъ будетъ теперь дѣлать ровно столько, чтобы кормиться. И давать имъ вмѣсто подлиннаго творчества, на которое онъ способенъ, фальшивку. Такой фальшивкой и была съ его точки зрѣнія его работа въ музеѣ, куда онъ поступилъ черезъ своего знакомаго, постаравшись скрыть свою настоящую спеціальность.

Но онъ продолжалъ вѣрить, что его сокровище цѣло и лежитъ у него внутри, вродѣ одежды, пересыпанной нафталиномъ отъ моли. И это сознаніе заставляло его даже теперь смотрѣть съ презрѣніемъ на всѣхъ другихъ людей, въ частности на тѣхъ же интеллигентовъ, которые просто служатъ, не имѣя въ себѣ ничего.

И вотъ теперь, по пріѣздѣ съ вокзала, онъ впервые съ ощущеніемъ ужаса почувствовалъ, что въ немъ ничего нѣтъ.

И эта, впервые обнаруженная послѣ отъѣзда жены, полная пустота испугала его.

Кромѣ собственной остановки, тотъ классъ, за который онъ держался, численно убывалъ съ каждымъ днемъ. Поэтому Полухинъ являлся не только возможной точкой опоры для спасенія жизни, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но и надеждой на духовное соединеніе съ ушедшей впередъ жизнью.

XVI

Возможности соединиться съ новой жизнью благопріятствовали налаживающіяся съ Полухинымъ отношенія. Интеллигентская совѣсть по традиціи обычно очень чутка къ вопросу о честности мысли, объ искренности отношеній, и еще къ тому же требуетъ безкорыстія, въ особенности при дружескихъ отношеніяхъ.

Ипполитъ Кисляковъ сейчасъ пока не спрашивалъ себя, насколько его отношенія къ Полухину искренни и безкорыстны. Онъ прежде всего почувствовалъ радость спасенія, и въ немъ поднялось къ Полухину такое чувство признательности, которое было похоже на любовь.

Онъ съ бодрымъ настроеніемъ собирался идти въ музей, гдѣ его ожидали встрѣча съ Полухинымъ и укрѣпленіе ихъ дружеской связи, которая является средствомъ заново соприкоснуться съ живой жизнью.

Не выходя изъ комнаты, онъ вдругъ почувствовалъ томленіе подъ ложечкой (признакъ какого-то неблагополучія, какого-то забытаго тревожнаго обстоятельства).

Онъ вспомнилъ: это было отношеніе къ нему товарищей. Можетъ быть, ему такъ показалось, а можетъ быть, и дѣйствительно они что-нибудь замѣтили, по-своему истолковали и теперь думаютъ про него: «Вотъ послѣ этого и надѣйся на порядочность человѣческую. Ужъ его-то мы считали своимъ человѣкомъ, при которомъ оглядываться не нужно, а онъ оказался предателемъ».

Эта мысль такъ его разстроила и сдѣлала такимъ разсѣяннымъ, что, проходя по коридору, онъ самъ не замѣтилъ, какъ нога его попала во что-то, и сзади раздался крикъ:

— Куда же вы лѣзете? Не видите — тутъ краска!

Оказалось, что ребята раскрашивали какой-то листъ и оставили около шкафа жестянку съ краской.

Кисляковъ такъ далекъ былъ отъ мысли, какое для него значеніе могутъ имѣть эта краска и этотъ листъ, что не обратилъ вниманія и вышелъ изъ коридора.

— Странное дѣло! — сказалъ онъ самому себѣ. — Что это за постоянная зависимость отъ мнѣнія другихъ? Могу я или не могу имѣть свои симпатіи, наконецъ — свой выборъ въ направленіи жизни? И нечего оглядываться при каждомъ шагѣ. Разъ ты твердо рѣшилъ идти въ опредѣленную сторону, то иди! Я могу твердо, глядя имъ въ глаза, сказать, что считаю Полухина прекраснымъ человѣкомъ и потому дружу съ нимъ.

А они могутъ на это возразить:

«Здѣсь дѣло идетъ не о прекрасности, а объ убѣжденіяхъ и о классовой принадлежности. Значитъ, вы предаете насъ, свой классъ, вступая въ дружбу съ тѣмъ, кто призванъ смести насъ съ земли?»

На это онъ можетъ возразить, что убѣжденія у человѣка могутъ мѣняться, и очень часто случается, что человѣкъ становится чуждымъ своему классу и переходитъ на сторону другого класса, съ которымъ у него оказались общія убѣжденія.

Но тутъ дѣло осложнялось тѣмъ, что у него могли спросить:

«Давно ли у васъ убѣжденія стали общими съ тѣмъ классомъ? Давно ли вы сами возмущались порабощеніемъ личности и, не дальше какъ день тому назадъ, сами распространялись на тему объ ослѣ, котораго можно привести къ водѣ, и т. д.»

Да и о Полухинѣ вы не такъ давно сами же высказывались, какъ о дикарѣ, который по невѣжеству своему разрушитъ дѣло, такъ какъ ничего въ немъ не понимаетъ».

Увы, это была сущая правда, потому что у него была способность возбужденно выбалтывать всю душу тому, кто въ данную минуту ему показался хорошимъ человѣкомъ (расшатанная нервная система).

Дѣйствительно, онъ говорилъ Галахову о Полухинѣ въ первый день его поступленія, что это дикарь, ко-

торый... и т. д. Теперь тотъ же Галаховъ можетъ въ самый неподходящій моментъ сказать Полухину:

«А вы знаете, что этотъ субъектъ про васъ говорилъ?..»

Эти соображенія поселяли въ немъ растерянность и держали его въ болѣзненномъ напряженіи, точно онъ шелъ по канату надъ пропастью и рисковалъ полетѣть кверху тормашками при каждомъ неосторожномъ шагѣ.

Въ результатѣ приходилось испытывать постоянное сердцебіеніе и ждать позорнаго разоблаченія не съ той, такъ съ другой стороны (склерозъ).

На этотъ разъ вышло все удивительно благополучно. Онъ вошелъ въ подъѣздъ, поборовшись нѣкоторое время съ тяжелой дверью, которая потащила его съ собой, отдалъ Сергѣю Ивановичу свое пальто, по обыкновенію вывернувъ его заштопаннымъ мѣстомъ внутрь, и вдругъ увидѣлъ на лѣстницѣ Полухина.

Тотъ стоялъ и ждалъ его.

— Вотъ хорошо, что я васъ встрѣтилъ, товарищъ Кисляковъ.

У Кислякова сначала испуганно забилось сердце, такъ какъ онъ вообразилъ, что Полухинъ будетъ спрашивать его впечатлѣніе о собраніи, а тутъ можетъ услышать кто-нибудь изъ своихъ, когда они будутъ проходить мимо библіотечнаго зала. Кромѣ того, его слухъ опять непріятно покоробило обращеніе «товарищъ Кисляковъ», которое его чѣмъ-то оскорбляло.

Но Полухинъ заговорилъ не о собраніи. Онъ прошелъ впередъ Кислякова по коридору и, войдя въ первый залъ, остановился.

— Помните, въ прошлый разъ вы спросили, что я тутъ разсматриваю, а я вамъ сказалъ, что одна мысль пришла въ голову?

— Да, помню...

— Ну, такъ вотъ, когда я въ первый разъ пришелъ сюда и посмотрѣлъ, я понялъ, что все это — ерунда.

— Что ерунда?

— А вотъ все это дѣло. Что мы здѣсь дѣлаемъ? Гробницы какія-то стережемъ! И мало того, что гроб-

ницы, а еще и реликвіи. Вотъ эти царскія шапки... Разъ мы къ нимъ съ такимъ почтеніемъ относимся, значитъ, на нихъ будутъ смотрѣть съ почтеніемъ и другіе, — тѣ, кто приходитъ сюда.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Кисляковъ.

— Тутъ все прошлые вѣка, и, значитъ, мы тутъ — въ прошломъ. Они лежатъ безъ движенія, а ихъ надо заставить двигаться. Правильно я говорю?

— Правильно, — сказалъ не сразу Кисляковъ, такъ какъ не понялъ въ первый моментъ мысли Полухина, а показать это не рѣшился.

— Надо сдѣлать музей такимъ, чтобы онъ не охранялъ прошлое, а показывалъ, откуда и куда мы идемъ. Такъ? Правильно?

Кисляковъ опять сказалъ, что правильно. Но сказалъ не сразу, а нѣсколько подумавъ. Иначе Полухинъ можетъ подумать, что онъ ничего не соображаетъ, а соглашается только потому, чтобы не противорѣчить начальнику.

— Мы сейчасъ не такіе богатые, чтобы у насъ гробницы, да еще безъ дѣла, стояли. Намъ нужно на образцахъ показать всю дорогу, по которой прежде шли и по которой теперь идемъ. Вотъ это будетъ нужный музей! — говорилъ Полухинъ, на каждомъ словѣ махая передъ собой вверхъ и внизъ рукой съ выставленнымъ указательнымъ пальцемъ, какъ регентъ на клиросѣ.

У него была странная жестикуляція — указательнымъ пальцемъ, причемъ остальные пальцы онъ подгибалъ.

Кисляковъ начиналъ понимать, чего хочетъ Полухинъ, и въ тотъ же мигъ почувствовалъ, что начинаетъ приближаться къ ушедшей отъ него жизни.

— Я понимаю, — сказалъ онъ, — нужно заставить музей работать въ ногу со всѣмъ строительствомъ и въ живыхъ образахъ отмѣчать не только прошлое, а всю линію движенія, включая и настоящее время съ его достиженіями и завоеваніями. Да и прошлое нужно

такъ сгруппировать, чтобы была видна исторія, т.-е. движеніе, а не отдѣльныя шапки.

— Вотъ молодецъ, братъ! Ты сразу схватилъ! — сказалъ Полухинъ, хлопнувъ по плечу Кислякова, и тотъ ощутилъ неожиданный приливъ сложнѣйшей радости. Это была радость отъ того, что онъ понялъ Полухина, и что станетъ еще ближе къ нему.

— Знаете, что? — сказалъ онъ. — Я займусь вотъ чѣмъ: набросаю планъ проекта реорганизаціи музея.

— Здорово. Вали!

— А эту свою церковную живопись брошу.

— Къ чорту ее, какая тамъ живопись, — сказалъ Полухинъ, энергически махнувъ рукой. — Вотъ ты — живой человѣкъ, а всѣ твои товарищи — только гробовщики и больше ничего. Такъ? И намъ нужны такіе люди. А французскій языкъ намъ тоже ни къ чему, — закончилъ Полухинъ, очевидно намекая на Марью Павловну.

— Да, конечно, — согласился Кисляковъ. — Тутъ надо подобрать соотвѣтствующихъ. Молодежь лучше всего подходитъ.

Мимо сзади нихъ прошелъ Гусевъ, и Кисляковъ почувствовалъ непріятное ощущеніе въ спинѣ. Второй разъ онъ почему-то проходитъ здѣсь. Пойдетъ и подѣлится впечатлѣніемъ съ Галаховымъ, а тотъ ему со своей стороны скажетъ:

«Боже, что за люди стали: только еще недавно отзывался о директорѣ какъ о дикарѣ, который развалитъ все дѣло, а сейчасъ уже въ дружбѣ съ нимъ . . .»

— А вы знаете, Андрей Захаровичъ, — сказалъ Кисляковъ, — для меня встрѣча съ вами — большая неожиданность . . .

— А что?

— Когда вы пришли сюда, я думалъ: «Этотъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ дѣломъ, только развалитъ все», — а вы сразу увидѣли, что тутъ нужно, и меня зажгли.

Онъ сказалъ это инстинктивно, отъ жажды полной искренности, но вышло безъ всякаго съ его стороны

расчета такъ, что, если Галаховъ дѣйствительно скажетъ о немъ Полухину, тотъ, только улыбнувшись своимъ живымъ глазомъ, отвѣтитъ:

«Знаю, онъ мнѣ самъ говорилъ объ этомъ».

— Ну, такъ, значитъ, беретесь? — спросилъ Полухинъ.

— Конечно!

— Вѣрно. Вали!

XVII.

На слѣдующій день пріѣхалъ Аркадій Незнамовъ, и Кисляковъ вечеромъ собирался къ нему.

Онъ дѣйствительно собирался, т.-е. старался одѣться какъ можно лучше. Ему казалось, что при интеллигентской небрежности Аркадія въ одеждѣ, на его молодую жену произведетъ пріятное впечатлѣніе прилично и тщательно одѣтый человѣкъ.

Но тутъ началась исторія. Во-первыхъ, когда сталъ торопясь надѣвать башмаки, то порвался шнурокъ, такъ что его пришлось связать. Получился узелъ съ хвостами. Хвосты обрѣзалъ — узелъ развязался. И потомъ каблуки у башмаковъ, съѣденные съ одной стороны асфальтовыми тротуарами, имѣли жалкій видъ и были рыжіе, такъ какъ не хватало терпѣнія каждый разъ чистить ихъ сзади.

Въ подтяжкахъ давно вмѣсто мягкихъ шнурковъ на блокахъ были оконные шнурки. Прежде, когда у него не было никакихъ встрѣчъ съ женщинами, онъ довольно хладнокровно рѣзалъ съ окна шнурки, передвигалъ галстукъ такъ, чтобы не видно было протершагося мѣста. Теперь же при мысли о томъ, что почувствовала бы жена Аркадія, если бы увидѣла его за этими приготовленіями, ему стало такъ стыдно, что онъ даже покраснѣлъ. Словно тутъ, въ комнатѣ, кто-то стоялъ и смотрѣлъ на то, какъ онъ колдовалъ надъ своимъ костюмомъ.

А Елена Викторовна не стѣсняется, ѣдетъ на Волгу дышать воздухомъ, покупаетъ себѣ туфли. Въ то время какъ онъ, собираясь итти въ приличное мѣсто, дол-

женъ заниматься какой-то черной магіей надъ своимъ костюмомъ и пальто. Да, — еще пальто! Съ заплатой!

Онъ снялъ пенснэ, потеръ немножко носъ, на которомъ отъ зажима были красныя ущемленныя мѣста, и сталъ бриться, но уронилъ на комодѣ металлическій стаканчикъ для воды. Сейчасъ же изъ-за стѣны, со стороны мѣщанкиной комнаты, послышалось:

— Можетъ быть, вамъ горячей воды? У меня есть въ чайникѣ.

Тутъ онъ понялъ, насколько у мѣщанки все слышно, что у нихъ дѣлается, разъ она по звуку упавшаго стаканчика догадалась, что онъ хочетъ бриться.

Онъ испуганно оглянулся на стѣну и увидѣлъ на стѣнѣ даже безъ пенснэ своими близорукими глазами двухъ огромныхъ клоповъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ квартиру переселилась мѣщанка, вся квартира терпѣла отъ дикаго нашествія клоповъ. Переводить ихъ не было никакого смысла, такъ какъ все равно опять наползутъ. И поэтому били только тѣхъ, которыя попадались на глаза.

— Что, это отъ васъ, что ли, клопы лѣзутъ? — спросилъ онъ съ раздраженіемъ, намыливая подбородокъ.

— Нѣтъ, у меня нѣту, меня не кусаютъ, — отвѣчалъ изъ-за стѣны голосъ мѣщанки.

Квартира Аркадія была довольно далеко отъ него, на Садовой, но онъ рѣшилъ итти пѣшкомъ, чтобы за дорогу остыли щеки, ставшія красными, какъ кумачъ, отъ возни съ одѣваньемъ.

Аркадій Незнамовъ, какимъ его зналъ въ молодости Кисляковъ, былъ большой, мѣшковатый парень, нѣсколько замкнутый и стѣсняющійся, но съ большой добротой и вѣрой въ человѣка. Принципіальныя его отношенія къ людямъ всегда были строги. Но о тѣхъ, кто былъ около него, онъ иначе не отзывался, какъ «Прекраснѣйшій человѣкъ!» или «Умнѣйшая голова!»

Они жили вмѣстѣ всѣ студенческіе годы. Аркадій бѣгалъ по урокамъ зимой въ тоненькомъ пальтишкѣ и

рваныхъ башмакахъ, ненавидѣлъ буржуевъ и гордился своей бѣдностью.

Онъ всегда мечталъ о томъ времени, когда ураганъ жизни разбросаетъ по вѣтру тупую, сытую и застывшую въ самодовольной неподвижности жизнь.

Въ дружескихъ спорахъ съ Кисляковымъ онъ всегда расходился въ одномъ: Кисляковъ ставилъ на первое мѣсто личность и ея права, Аркадій же говорилъ, что на первое мѣсто должна быть поставлена правда, справедливость. А если на первое мѣсто поставить личность, то непремѣнно одна такая личность будетъ давить десятки другихъ, болѣе слабыхъ, тогда какъ для всѣхъ должны быть равенство и общечеловѣческая справедливость. У Аркадія была ненависть ко всему общепринятому, ко всему установившемуся: онъ постоянно кипѣлъ, горѣлъ и во всемъ шелъ «противъ теченія», какъ онъ говорилъ. Онъ велъ аскетическую жизнь, дѣлился послѣдней копѣйкой съ товарищемъ, ругался, когда тотъ обѣщалъ ему скоро отдать. Спалъ на голыхъ доскахъ. Но что онъ ненавидѣлъ самой острой ненавистью, такъ это религію.

Аркадій занималъ двѣ комнаты во второмъ этажѣ кирпичнаго трехэтажнаго дома, помѣщавшагося во дворѣ, въ какомъ-то закоулкѣ.

На дворѣ уже было темно.

Мѣсто было мрачное.

Кисляковъ, подходя къ дому, чувствовалъ, какъ его сердце начинаетъ биться все сильнѣе и сильнѣе. А сошедшая за дорогу краска опять начала выступать на щекахъ. Онъ все думалъ о томъ, какъ онъ встрѣтится сейчасъ съ другомъ и его женой. Почувствовала ли она тонъ телеграммы, гдѣ было сказано: «Съ особеннымъ нетерпѣніемъ жду о б о и х ъ, цѣлую»?

Въ подъѣздѣ пахло масляной краской и было насорено стружками, — очевидно, заканчивали ремонтъ.

Онъ отворилъ стеклянную дверь подъѣзда и невольно задержался, чтобы посмотрѣть на свое отраженіе въ стеклѣ при свѣтѣ лампочки. Щеки все еще были красныя. Даже уши покраснѣли. Онъ приложилъ

къ нимъ руку, чтобы охладить ихъ. Отъ этого они стали еще краснѣе.

Въ широкомъ коридорѣ второго этажа, какъ въ гостиницѣ, шли по обѣимъ сторонамъ двери. Стѣны были только что выбѣлены, и красились двери. На дверяхъ квартиры Аркадія Незнамова были приколоты газеты, чтобы входившіе не испачкались въ краску. Онѣ были открыты. Въ комнатѣ виднѣлись еще нераспакованные чемоданы. На окнѣ стояла зажженная свѣча: не горѣло электричество. На столѣ посерединѣ комнаты лежала на бумажкѣ колбаса и стояли пустые стаканъ съ чашкой. Очевидно, недавно пили чай.

Посерединѣ комнаты стоялъ человѣкъ въ распоясанной холщевой блузѣ съ засученными рукавами и со свисшими напередъ волосами, возился надъ распаковкой деревяннаго ящика, изъ верхней доски котораго онъ вытаскивалъ клещами гвозди, становясь колѣномъ на крышку.

Кисляковъ по крупной фигурѣ и волосамъ сразу узналъ Аркадія Незнамова.

Аркадій поднялъ на стукъ шаговъ голову и, откинувъ назадъ волосы, улыбнулся какой-то тихой и мягкой улыбкой.

— Радъ тебя видѣть.

Кисляковъ съ первой минуты увидѣлъ въ Аркадіи большую перемѣну. Прежде, увидѣвъ друга, онъ бы закричалъ во весь голосъ: «А, вотъ онъ, мошенникъ!» — или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Теперь же въ немъ была нѣсколько растерянная суетливость, съ какой онъ сталъ оглядываться по комнатѣ, ища, гдѣ бы посадить гостя, и не было прежней шумливости, размашистыхъ жестовъ, восторженности.

У него были длинные волосы, которые онъ имѣлъ привычку во время разговора откидывать рукой назадъ, и маленькая бородка, которую онъ пощипывалъ. Онъ былъ нѣсколько мѣшковатый, разсѣянный и добрый. Всегда у него было что-нибудь неладно въ костюмѣ, всегда онъ что-нибудь забывалъ надѣть или надѣвалъ наизнанку.

— Что ты при свѣчѣ-то сидишь?

— Пробки перегорѣли. Чаю хочешь?

— Да нѣтъ, какой тамъ чай! — сказалъ Кисляковъ бодрымъ, повышеннымъ тономъ, такъ какъ думалъ, что въ другой комнатѣ за притворенной дверью находится жена Аркадія. — Дай-ка на тебя посмотрѣть поближе, — сказалъ онъ, взявъ друга за локти и повернувъ его къ огню лицомъ. — Тоже, братъ, постарѣлъ... Телеграмму мою получили? — спрашивалъ Кисляковъ все тѣмъ же повышеннымъ тономъ.

— Да, да, спасибо, получили. Мы оба — и я, и Тамара — рвались въ Москву, какъ въ обѣтованную страну... А ты даже элегантно одѣтъ: воротникъ, галстукъ, пиджакъ хорошій, — говорилъ Аркадій, осматривая друга.

— А я, если бы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ в а с ъ ждалъ! — сказалъ Кисляковъ.

— Да, милый, сколько лѣтъ не видались. Ты что же, работаешь?...

— Работаю, — отвѣтилъ неохотно Кисляковъ. — Ну, что въ провинціи?

— Плохо. Главнымъ образомъ плохо тѣмъ, что совершенно нѣтъ общества: всѣ сидятъ по своимъ норамъ, и ни у кого ни съ кѣмъ нѣтъ общихъ интересовъ. Поэтому если собираются, то только затѣмъ, чтобы пить водку. Причемъ пьютъ дико, даже женщины и дѣвушки,— говорилъ Аркадій, присѣвъ съ клещами въ рукахъ на ящикъ. — Да что же ты хочешь: въ жизни нѣтъ идеи, а идея, какъ кто-то сказалъ, есть Богъ живого человѣка.

— Да, это вѣрно.

— Ну, вотъ... Поэтому ничто никого не интересуетъ, дальше интереса къ бѣлой мукѣ никто не идетъ. Общее чувство у интеллигенціи такое, какъ будто они — рабы египетскіе, которыхъ согнали строить пирамиду, которая явится ихъ же могилой. Понимаешь, какъ будто люди на все махнули рукой — то пребываютъ въ страхѣ, то стремятся забыться, — говорилъ Аркадій. Дѣлать никто по-настоящему ничего не дѣ-

лаетъ, другъ другу не вѣрятъ, и всѣ оглядываются. И такъ вотъ сидимъ и оглядываемся другъ на друга. Изъ всего города у меня оставили (изъ интеллигенціи) по себѣ свѣтлое впечатлѣніе только два человѣка: это дядя Мишукъ и Левочка, какъ мы ихъ звали. Милѣйшіе, съ большими духовными запросами, люди. Они давали намъ возможность какъ-то дышать. Двое изъ всего города. Только двое!...

Аркадій не спросилъ друга, коммунистъ онъ или нѣтъ. И Кислякову пришла мысль, что Аркадій можетъ про него подумать: «Человѣкъ веселъ — значитъ, устроился (или примазался)».

Поэтому, чтобы не показаться Аркадію чужимъ, Кисляковъ сказалъ:

— Да, братъ, плохо. Здѣсь то же. Работаютъ только изъ-за куска хлѣба, потому что, какъ ты правильно сказалъ, нѣтъ идеи. Своя идея у каждаго убита, а никакая чужая идея вѣры родить не можетъ. Развѣ можно думать объ этомъ, когда ты знаешь, что будущаго у тебя нѣтъ.

Онъ это сказалъ на тотъ случай, чтобы имѣть возможность при вопросѣ Аркадія: «Кто ты и что ты теперь?» — сослаться на внѣшнія обстоятельства, заставившія его измѣнить своему дѣлу.

Аркадій всталъ съ ящика и съ клещами въ рукахъ сталъ ходить по комнатѣ, глядя себѣ подъ ноги.

— Да, — сказалъ онъ, подумавъ, — русская интеллигенція, какъ мы ее понимаемъ, началась при Бѣлинскомъ и кончилась при Ленинѣ. Сможемъ ли мы найти новое сознаніе (такъ какъ старое умерло)? Если не сможемъ, то мы выродимся, потому что никакая соціальная группа безъ идеи существовать не можетъ.

Въ немъ было незнакомое Кислякову спокойствіе. И это спокойствіе заставляло Кислякова быть суетливымъ и вызывало стремленіе, какъ бы поскорѣе заявить о себѣ Аркадію въ опредѣленномъ, пріемлемомъ для него смыслѣ, т.-е. что онъ ничѣмъ не измѣнилъ интеллигентскимъ завѣтамъ.

Кромѣ того, онъ говорилъ съ подъемомъ, который чувствовалъ въ себѣ даже самъ, еще и потому, что въ другой комнатѣ за дверью была жена Аркадія. И разъ она однихъ взглядовъ съ Аркадіемъ, то ему было пріятно, что она его сейчасъ слышитъ. Вѣроятно — одѣвается для него.

Спросить про нее было неловко, Аркадій можетъ подумать, что онъ больше всего изъ-за нея пришелъ. И поэтому онъ только прислушивался, не послышится ли за дверью какого-нибудь звука. Но тамъ все было тихо.

— Если съ кѣмъ-нибудь случится несчастье, то всѣ знакомые сразу становятся холоднѣе и сейчасъ же начинаютъ его избѣгать, чтобы не пришлось помогать и сочувствовать, — продолжалъ Кисляковъ.

— Да, это страшная вещь, — сказалъ Аркадій, задумчиво глядя сквозь пенснэ куда-то вдаль.

— А какой моральный распадъ! Вотъ у насъ въ квартирѣ есть одна пара: оба красивые, еще молодые интеллигентные люди, еще недавно служившіе всѣмъ примѣромъ, сейчасъ разводятся, онъ выгоняетъ ее съ квартиры, чтобы поселиться съ новой женой, а она подаетъ на него въ судъ, — навѣрное, будутъ судиться изъ-за вещей.

Аркадій болѣзненно поморщился.

— Подумай, судиться изъ-за вещей съ человѣкомъ, у котораго были общія съ тобой духовныя цѣнности.

— Потому и судятся, что никакихъ цѣнностей уже давно у нихъ нѣтъ. Это — моральное вырожденіе, — сказалъ Аркадій. Потомъ, подумавъ, прибавилъ: — Да, Богъ ушелъ изъ нашей жизни. Только — навсегда или нѣтъ?

Кисляковъ удивился этому упоминанію о Богѣ, о которомъ Аркадій прежде слышать не могъ. Но не высказалъ своего удивленія, а даже самъ прибавилъ: — Да, ты совершенно правъ, именно — Богъ ушелъ изъ нашей жизни, и осталось только одно борющееся за свое существованіе животное.

— Ну, а какъ общее положеніе?

— Что же общее положеніе, — сказалъ Кисляковъ, пожавъ плечами, и, прежде чѣмъ успѣлъ опомниться, языкъ самъ выговорилъ: — бѣлая мука тридцать рублей пудъ. Процвѣтаетъ казенное творчество, а личность съ ея иниціативой загнана въ щель. Стараются только о томъ, чтобы какъ можно больше настроить всего. Но, воздвигая каменныя строенія, совершенно уничтожаютъ человѣческую личность и душу.

О н и думаютъ, что принужденіемъ все можно сдѣлать. Есть хорошая французская поговорка . . .

— А гдѣ же жена? — спросилъ Кисляковъ, рѣшивъ, что теперь можно спросить про нее. Даже, пожалуй, неловко не спросить.

— Она убѣжала къ своимъ театральнымъ подругамъ. Вѣдь она у меня начинающая артистка и сейчасъ мечется, не можетъ нигдѣ устроиться. Мнѣ иногда дѣлается за нее больно и страшно.

Кисляковъ почувствовалъ уколъ обиды: онъ посылалъ телеграмму съ такимъ теплымъ, интимнымъ обращеніемъ, предназначавшимся для нея, а она даже не могла побыть дома въ этотъ вечеръ, хотя знала, что онъ придетъ.

Ему мерещилась тонкая поэтическая дружба съ ней, полубратская дружба, такъ какъ онъ не могъ думать о женѣ своего друга ни въ какомъ другомъ смыслѣ.

Она могла бы быть для него чѣмъ-то вродѣ сестры съ неуловимымъ налетомъ подавленнаго другого чувства, которое будетъ только усиливать и обострять ихъ близость.

— Вотъ ея карточка, — сказалъ Аркадій. Онъ вышелъ въ другую комнату. Въ пріотворившуюся дверь Кисляковъ увидѣлъ непокрытую, очевидно — съ утра, постель, большое орѣховое кресло, обитое зеленымъ репсомъ, разбросанные по стульямъ чулки и прочія части женской одежды. Онъ оглянулся по комнатѣ — и тутъ не было видно слѣдовъ женской руки, хотя бы въ этой колбасѣ на бумажкѣ.

Аркадій принесъ и подалъ другу карточку, а самъ вернулся къ своему ящику, какъ бы не желая мѣшать впечатлѣнію и въ то же время, очевидно, ожидая приговора.

Кисляковъ увидѣлъ на карточкѣ женщину, скорѣе дѣвушку лѣтъ двадцати. На ней была бѣленькая блузка и длинные — за колѣно — чулки, видные изъ-подъ короткой юбки. Она сидѣла на изгороди, — видимо, снималась гдѣ-то на дачѣ.

Первое, на чемъ задержались глаза Кислякова, были ея ноги. Странно было видѣть у такой тоненькой дѣвушки такія полныя и совершенно круглыя у сгиба колѣнъ ноги.

— Ну, какъ? — спросилъ Аркадій.

— Очень красива, — отвѣтилъ Кисляковъ и подумалъ о томъ, что ему, вѣроятно, не придется съ такой гордостью спрашивать Аркадія про свою Елену Викторовну.

Аркадію, видимо, было очень пріятно слышать мнѣніе друга, но онъ, чтобы не показывать этого, занялся ящикомъ. Ему нужно было поддѣть крышку и приподнять ее, такъ какъ клещи не могли захватить слишкомъ глубоко вбитыхъ въ мягкое дерево шляпокъ гвоздей.

Онъ не находилъ ничего подходящаго.

— Вотъ возьми этимъ попробуй, — сказалъ Кисляковъ, вынувъ изъ-подъ пиджака свой кинжалъ.

Аркадій, не взглянувъ, взялъ и поддѣлъ имъ крышку. Но кинжалъ, вмѣсто того чтобы итти вверхъ, скользнулъ въ сторону по щели. Аркадій, вскрикнувъ, зажалъ рукой обрѣзанный палецъ. Кровь частыми каплями потекла на полъ, на обивку кресла, и, когда онъ пошелъ въ спальню, чтобы промыть рану и завязать, на полу осталась цѣлая дорога изъ капель крови.

— Какой ты неловкій, — сказалъ Кисляковъ.

Онъ все сидѣлъ и ждалъ, что, можетъ быть, придетъ хозяйка, но было уже одиннадцать часовъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго запирали ворота, и приходилось давать дворнику на чай, если только не выпадалъ такой

счастливый случай, что вмѣстѣ съ нимъ входило еще нѣсколько человѣкъ: тогда въ толпѣ можно было пройти, не давая дворнику, такъ какъ неизвѣстно было, кто первый позвонилъ.

Ему досадно было, что онъ не встрѣтилъ къ себѣ никакого вниманія со стороны Тамары, и весь его психическій зарядъ пропалъ даромъ.

— Ты пожалуйста извини ее: она съ такой жаждой ѣхала въ Москву, что не могла усидѣть въ этотъ вечеръ дома, — сказалъ виновато и сконфуженно Аркадій, провожая друга.

Кисляковъ шелъ и думалъ о той перемѣнѣ, которую онъ замѣтилъ въ Аркадіи. Онъ, очевидно, какимъ-то родомъ повернулся къ религіи, тогда какъ самъ Кисляковъ не понималъ этихъ чувствъ.

Но если у нихъ было различное положительное содержаніе, то было общее отрицательное въ отношеніи къ новому строю. При томъ интеллигентный человѣкъ отличается терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и можетъ съ живѣйшимъ участіемъ выслушивать то, что ему самому чуждо, но что близко его другу.

XVIII

На слѣдующій день Кисляковъ пошелъ немного пораньше, чтобы навѣрное застать Тамару, если она вздумаетъ итти куда-нибудь вечеромъ.

Но когда онъ пришелъ, ея опять не было.

Аркадій ходилъ по комнатѣ и казался смущеннымъ.

— Она говорила, что придетъ въ пять часовъ, но, вѣроятно, что-нибудь задержало.

Онъ подошелъ къ окну, гдѣ у него стояли всевозможные препараты, поболталъ и посмотрѣлъ на свѣтъ какую-то жидкость въ пузырькѣ. У него былъ такой видъ, какъ будто онъ хотѣлъ разсказать другу то, что его заботитъ, и никакъ не могъ рѣшиться.

Наконецъ, онъ остановился и сказалъ:

— Меня очень безпокоитъ среда, въ которой она вращается... У меня сейчасъ есть три цѣнности въ

жизни, изъ-за которыхъ я живу: это моя наука, твоя дружба и, наконецъ, третье — это любовь Тамары. Я всегда смотрѣлъ на женщину, какъ на существо, которое благороднѣе, тоньше насъ, у меня никогда не связывалось съ женщиной нечистыхъ помысловъ. Я ее всегда представлялъ сестрой, матерью, другомъ. Она была для меня тѣмъ, что заставляло меня быть лучше, — говорилъ Аркадій, какъ всегда, нѣсколько смущенно, когда ему приходилось высказывать свои задушевныя мысли, которыхъ онъ всегда какъ будто стыдился.

— Ну, однимъ словомъ, ты скажешь, что я здѣсь, какъ и въ своей вѣрѣ въ человѣка, смѣшной идеалистъ.

— Нѣтъ, я вовсе не скажу, что ты смѣшной идеалистъ, — сказалъ Кисляковъ, — этого на свѣтѣ теперь такъ мало, что такихъ людей можно только цѣнить, какъ рѣдкіе брилліанты.

— Ну, ужъ ты скажешь . . .

— Да, я скажу.

— Да, я началъ говорить про среду, въ которой она вращается. Что же сказать? Это поколѣніе не попало ни туда, ни сюда: отъ стариковъ ушло, а новая жизнь ихъ не пріемлетъ. И они остались совершенно морально-голые. Это поколѣніе не несетъ въ себѣ никакой цѣнной мысли, никакого серьезнаго, возвышеннаго чувства. Оно неспособно къ нему. И для нихъ главная задача — только пробиться въ жизнь, завоевать какими бы то ни было средствами свое незаконное мѣсто въ ней. Причемъ, — сказалъ Аркадій, останавливаясь и взглядывая на друга, — пробиться въ жизнь на ихъ языкѣ вовсе не значитъ осуществить какую-нибудь идею, а только устроиться въ самомъ примитивномъ, животномъ смыслѣ.

Всѣ ея подруги, какихъ я знаю, съ циничной простотой смотрятъ на все. Сойтись съ мужчиной для нихъ ничего не стоитъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, прежде женщина, сходясь съ мужчиной, отдавала ему свою душу, сливалась съ нимъ въ самыхъ тончайшихъ глубинахъ своего существа, а теперь имъ нечего въ себѣ

отдать, и онѣ смотрятъ на всякую связь, какъ на легкое удовольствіе или какъ на средство для устроенія.

А мужчина? Мужчина относится къ женщинѣ точно такъ же. Онъ всегда беретъ то, что легко достается. И что онъ больше всего въ женщинѣ теперь цѣнитъ?

Аркадій опять остановился и посмотрѣлъ на друга.

— Ноги... — сказалъ онъ, выждавъ нѣсколько времени. — Онъ смотритъ не на лицо, не на глаза и на душу, а прежде всего на ноги.

— Да, это ужасно.

— И вотъ ты поймешь, какая для меня мука думать: подвернется какой-нибудь негодяй, для котораго это будетъ «сладенькимъ», и плюнетъ мнѣ въ самое святое для меня. Я радъ, что тамъ были у насъ этотъ славный дядя Мишукъ и Левочка, которые являлись для нея мужскимъ обществомъ и охраняли отъ всякихъ ничтожествъ. И потомъ, конечно, ее оберегаетъ любовь ко мнѣ. Но меня пугаетъ отсутствіе въ ней духовной, внутренней жизни, она ни минуты не можетъ остаться сама съ собой, ей постоянно нужны внѣшнія раздраженія, ее постоянно тянетъ куда-то бѣжать. Дома она не хозяйка, спитъ до десяти часовъ, я самъ варю кофе. При этомъ ее гнететъ и раздражаетъ бѣдность, невозможность имѣть, какъ полагается, шелковые чулки. Она эгоистична. Хороша и добра она только съ тѣми, кого она любитъ, остальные для нея не существуютъ. И потомъ, что меня особенно безпокоитъ, у нея большое чувственное любопытство... Вотъ и дождь пошелъ, — прибавилъ Аркадій, подойдя къ окну, за которымъ дѣйствительно по листьямъ шумѣлъ дождь.

— Но что ее спасаетъ, такъ это ея наивность, — какая-то дѣтская наивность, которая уживается въ ней съ полной освѣдомленностью о всѣхъ явленіяхъ жизни, — прибавилъ Аркадій.

Вдругъ онъ, насторожившись, прислушался въ сторону выходной двери и сказалъ съ облегченіемъ:

— Ну, слава Богу, вотъ и она! Пожалуйте, пожалуйте, давно пора! — говорилъ онъ, открывъ въ коридоръ дверь.

XIX.

На порогѣ показалась высокая дѣвушка съ бѣлымъ лицомъ и пухлыми губами.

— Я вся мокрая! — засмѣявшись, крикнула пришедшая. Она съ перваго взгляда замѣтила присутствіе новаго человѣка въ комнатѣ и хотя не здоровалась еще съ нимъ, но видно было, что ея оживленіе въ значительной степени относится не къ тому, что она вымокла, а къ присутствію въ комнатѣ гостя, о которомъ она много слышала отъ мужа и съ которымъ ей предстояло близко познакомиться.

— Я не одна, — сказала Тамара, — неожиданно встрѣтила на улицѣ дядю Мишука какъ разъ въ тотъ моментъ, когда полилъ дождь, и онъ по-богатому доставилъ меня до дому въ такси. Это мы вымокли, пока добѣжали до воротъ.

— Входи, входи! — закричалъ Аркадій, ставшій необыкновенно суетливымъ, и вышелъ въ коридоръ, чтобы привести пріятеля. Потомъ бросился помогать женѣ раздѣваться.

— Пусти, пусти, — закричала Тамара, — забрызгаю.

Она, мотая головой, стащила со свѣтлыхъ, совсѣмъ бѣлыхъ, остриженныхъ по-модному волосъ мокрую шляпу и, зажавъ короткую юбку межъ колѣнъ, стряхнула шляпу передъ собой на коврикъ.

Пріѣхавшій съ ней былъ высокій, съ широкой грудью человѣкъ въ синей блузѣ, подпоясанной тонкимъ ремешкомъ. Онъ поздоровался съ хозяиномъ и отказался войти, такъ какъ спѣшилъ.

— Доставилъ въ цѣлости, теперь отправляюсь, — сказалъ онъ.

— Прекраснѣйшій человѣкъ, — проговорилъ Аркадій, обращаясь къ Кислякову, когда дядя Мишукъ уѣхалъ.

Аркадій былъ въ приподнятомъ состояніи, видимо, проистекавшемъ отъ пріѣзда жены и предстоящаго ея знакомства съ его другомъ. Онъ все еще не знакомилъ ихъ и суетился около жены, помогъ ей снять синій жакетъ. Она осталась въ бѣленькой блузкѣ съ отложнымъ воротникомъ и въ синей юбкѣ, едва доходившей до колѣнъ.

— Ну, что же, познакомьтесь теперь, — сказалъ Аркадій, переводя взглядъ съ жены на друга, какъ будто между ними уже была какая-то родственная связь.

Тамара впервые взглянула на гостя и протянула ему свою большую, похожую на мужскую, руку съ отполированными ногтями, спиной отклонившись нѣсколько назадъ. У нея пропалъ приподнятый тонъ, и она одну секунду смотрѣла въ глаза Кислякову открытымъ, нестѣсняющимся взглядомъ.

Лицо ея поражало необыкновенной бѣлизной, и тѣмъ ярче на немъ были ея молодыя пухлыя губы, которыя становились еще болѣе красными и сочными, когда она торопливо облизывала ихъ кончикомъ языка.

И опять первымъ, на чемъ остановились противъ воли глаза Кислякова, какъ и тогда, когда онъ смотрѣлъ карточку, были ея ноги въ тонкихъ шелковыхъ чулкахъ. Онѣ были, какъ и на карточкѣ, очень полныя и круглыя у колѣнъ. Въ особенности, когда она садилась и натягивала на колѣни короткую юбку.

— Дождь насъ вымочилъ буквально въ одну минуту, — сказала Тамара. — Ну, я сейчасъ приготовлю чай. Вы хотите чаю?

— Да ты не спрашивай, а дѣлай, — крикнулъ Аркадій, притворно строго, какъ бы желая этимъ хвастливо показать другу, какъ онъ обращается со своей красивой женой.

— Дѣлаю, дѣлаю! — крикнула въ свою очередь послушно-торопливо Тамара и убѣжала въ другую комнату, но, затворяя за-собой дверь, успѣла взглянуть на Кислякова не съ той официальной улыбкой, съ какой обращалась къ нему при разговорѣ, а съ желаніемъ

женщины разсматривать человѣка, съ которымъ ей придется часто встрѣчаться.

Оставшись одни, оба друга замолчали и не находили, о чемъ говорить. Точно вся атмосфера комнаты вдругъ измѣнилась, въ нее вошло совсѣмъ иное настроеніе, всецѣло привлекшее къ себѣ вниманіе двухъ людей и уже не оставившее мѣста для ихъ мужскихъ разговоровъ.

И сколько Аркадій ни дѣлалъ видъ, что вернулся опять къ прерванному спокойному настроенію, все-таки было видно, что онъ выбитъ изъ колеи дружеской бесѣды. Онъ все ходилъ безпокойно по комнатѣ, потирая руки, и иногда говорилъ:

— Такъ вотъ какія дѣла-то . . .

Видно было, что онъ слегка взволнованъ, такъ какъ ждалъ, какое впечатлѣніе на друга произвела его жена. Но онъ нарочно дѣлалъ равнодушное лицо, какъ будто совсѣмъ и не думалъ объ этомъ.

Онъ даже остановился у окна спиной къ Кислякову и покачалъ головой на дождь, который захлестывалъ на стекла и стекалъ по нимъ сплошными потоками.

— Ну, тебѣ можно только позавидовать, — сказалъ Кисляковъ, чувствуя, что другъ его ждетъ отзыва.

Аркадій быстро и съ просіявшимъ лицомъ повернулся отъ окна.

— Правда, понравилась?

— Замѣчательная женщина . . . — сказалъ Кисляковъ, зная, что Аркадій ужъ конечно разскажетъ о его отзывѣ Тамарѣ, и ему хотѣлось сказать что-нибудь такое оригинальное и необычно пріятное для нея, какъ для женщины, чтобы она заинтересовалась имъ.

— Ея глаза — это наивные и невинные глаза ребенка, а губы и нижняя часть лица производятъ впечатлѣніе женщины съ большими страстями, неспокойной, перемѣнчивой и властной. Но это въ ней, можетъ быть, никогда и не проявится, потому что надо всѣмъ преобладаетъ наивность, не знающая зла.

Аркадій, ждавшій конца рѣчи друга съ нетерпѣливо-радостнымъ выраженіемъ, хлопнулъ его изъ всей силы по плечу и сказалъ:

— Замѣчательное опредѣленіе! Именно наивность, не знающая зла. Это ребенокъ, глупый ребенокъ, хотя и часто капризный. Нѣтъ, ты положительно замѣчательно опредѣлилъ.

И онъ даже сдѣлалъ движеніе бѣжать въ ту комнату, гдѣ была Тамара.

— Ты только не говори ей, — сказалъ Кисляковъ.

— Отчего?

— Такъ, не нужно.

— Ну, хорошо... — сказалъ Аркадій, и Кисляковъ увидѣлъ по его лицу, что онъ непремѣнно ей скажетъ.

— Потомъ у нея чудесная фигура! Какія руки! Въ нихъ чувствуется и женственность и въ то же время почти мужская сила.

Собственно, онъ долженъ былъ бы сказать, что больше всего его поразили ноги. Но объ этомъ невозможно было сказать мужу, который къ тому же былъ его другомъ.

Тамара изъ спальни прошла въ коридоръ, гдѣ была общая кухня, и, вернувшись сѣла къ столу, щуря глаза на Аркадія, который все еще ходилъ по комнатѣ.

Кисляковъ замѣтилъ, что когда она смотрѣла издали, то глаза ея близоруко щурились, и это очень шло къ ней, хотя она и скрывала свою близорукость.

— Надо насыпать чаю, — сказалъ Аркадій и, открывъ буфетъ, сталъ пересыпать чай изъ свертка въ стеклянную чайницу.

Было такое впечатлѣніе, что, несмотря на покрикиваніе Аркадія, Тамара не умѣла хозяйничать. Она сидѣла у стола, и у нея даже не появилось стремленія собрать разбросанныя на столѣ карты для пасьянса, ножницы и перчатки съ прорваннымъ пальцемъ, — какъ будто это не касалось ея.

Потомъ, когда прислуга принесла самоваръ, Аркадій сталъ заваривать чай и подавать Тамарѣ посуду, а она только сидѣла и принимала чашки.

— Да, ну что же, какъ твои дѣла? — спросилъ Аркадій у жены. — Есть какая-нибудь надежда?

По спокойному лицу Тамары вдругъ прошла болѣзненная гримаса.

— Я пять часовъ высидѣла на этой ужасной биржѣ. Муся меня познакомила съ нѣсколькими режиссерами, всѣ обѣщаютъ, но только не теперь. Муся хочетъ познакомить меня еще съ однимъ кинорежиссеромъ, иностранцемъ, который поѣдетъ снимать картину въ Одессу. Не будемъ объ этомъ говорить!... — вдругъ почти крикнула она.

Кисляковъ чувствовалъ разочарованіе отъ того, что она почти не смотрѣла на него, какъ будто въ комнатѣ сидѣлъ обыкновенный, ничѣмъ для нея не интересный человѣкъ. А вопросъ Аркадія о ея дѣлахъ, очевидно, совершенно вытѣснилъ изъ ея вниманія всякую мысль о гостѣ.

— Но я счастлива, — сказала вдругъ Тамара, — счастлива, что я въ Москвѣ. Какъ я стремилась сюда! Какая тамъ у насъ среди интеллигенціи убогая, тусклая жизнь, вы не можете себѣ представить!

Говоря это, она обратилась къ Кислякову.

— Не услышишь ни одной интересной мысли, не увидишь ни одной яркой личности. Еще въ первые дни знакомства люди стараются показать себя, высказать умныя мысли, а потомъ... — Она безнадежно махнула рукой.

— Ну, а какъ же Левочка и дядя Мишукъ? — сказалъ Аркадій, и прибавилъ: — Отдѣльныя личности, и прекрасныя личности, есть, но, конечно, общій фонъ... Переломленъ хребетъ...

На возраженіе Аркадія Тамара ничего не отвѣтила, она занялась разливаніемъ чая и, прищуривъ глаза, оглядывала столъ, провѣряя, все ли на немъ есть.

— Мнѣ кажется, это оскудѣніе человѣческаго матеріала есть результатъ преобладанія тенденціи обще-

ственности надъ личностью, — сказалъ Кисляковъ. — Если личность не находитъ нужной для себя пищи, она гаснетъ и превращается въ ничтожество, не имѣющее своихъ мыслей и своихъ задачъ. А вѣдь все мировое движеніе есть результатъ, такъ сказать, анархическаго и «непланового» продвиженія отдѣльныхъ личностей, но никакъ не массъ. Масса всегда идетъ туда, куда направляетъ ее сильная личность. А разъ личность не можетъ осуществить себя, значитъ — дѣло идетъ къ остановкѣ, къ уничтоженію личности, и благодаря этому со временемъ наступитъ полная остановка въ тѣхъ же массахъ.

— Это замѣчательно вѣрно! — сказала Тамара и какъ-то внимательно, какъ бы даже съ легкимъ удивленіемъ, взглянула на Кислякова.

— Я немножко не согласенъ, — сказалъ Аркадій, нарѣзывая сыръ. — При такомъ отношеніи къ личности вырастаетъ непомѣрная гордость, эгоизмъ и обманчивое убѣжденіе въ самозначительности. Это служитъ разъединенію, а не единенію людей. Здѣсь нѣтъ элемента любви и добра.

— А я съ тобой не согласна! — сказала Тамара, быстро взглянувъ на Кислякова. — Нужно сначала наполнить свою личность содержаніемъ, тогда и «единеніе» будетъ значительно. А такъ — ноль да ноль и при единеніи будутъ въ результатѣ ноли. Хотя и добрые ноли, — прибавила она, улыбнувшись и опять быстро взглянувъ на Кислякова, какъ бы за подтвержденіемъ своихъ словъ.

У нея послѣ долгаго провинціальнаго молчанія, очевидно, было сильное интеллектуальное возбужденіе, глаза ея блестѣли сильнымъ блескомъ, щеки разгорѣлись отъ румянца.

Кисляковъ чувствовалъ, что его слова вызываютъ въ ней интересъ, и отъ этого онъ говорилъ съ такимъ подъемомъ и оживленіемъ, съ какимъ не говорилъ давно. Хотя онъ говорилъ то, чѣмъ давно пересталъ самъ жить, но это не ослабляло его подъема, такъ какъ

подъемъ вызывали не высказанныя имъ мысли, а оживленное вниманіе женщины, смотрѣвшей на него.

Вдругъ Аркадій сталъ изъ-за стола, сдѣлавъ таинственный жестъ, и пошелъ къ буфету.

— Надо какъ-нибудь ознаменовать нашу встрѣчу, — сказалъ онъ, доставая оттуда припасенную бутылку вина. — Это — коньякъ.

— Какой ты у меня умный, — сказала Тамара. — Я не знала, что ты догадался. — Говоря это, она встала и обняла за шею Аркадія. Потомъ, отходя отъ него, взглянула на Кислякова.

Тотъ по этому взгляду почувствовалъ, что онъ уже признанъ с в о и м ъ человѣкомъ, и она при немъ не стѣсняется быть нѣжной съ мужемъ.

— Милый, давай придвинемъ столъ къ дивану, такъ будетъ уютнѣе.

— Прекрасно.

Мужчины взялись за столъ и вмѣстѣ съ самоваромъ и посудой передвинули его къ дивану, стоявшему у стѣны. А висѣвшую надъ нимъ лампочку притянули веревочкой, привязавъ ее за гвоздикъ на стѣнѣ такъ, чтобы она висѣла надъ столомъ.

Тамара сѣла на диванъ. Аркадій хотѣлъ посадить рядомъ съ ней друга, но она сказала Аркадію:

— Я хочу, чтобы ты сѣлъ со мной.

— Вотъ тебѣ разъ! — Она у меня дикарка и всегда боится новаго человѣка, пока не привыкнетъ къ нему.

Стали откупоривать коньякъ, и тутъ оказалось, что нѣтъ штопора. Аркадій оглядывался по комнатѣ, ища, чѣмъ бы его замѣнить, Кисляковъ вспомнилъ про свой кинжалъ и подалъ его ему.

Взглядъ Аркадія, точно чѣмъ-то пораженный, остановился на кинжалѣ, и онъ поблѣднѣлъ.

— Что ты? — вскрикнули въ одинъ голосъ Кисляковъ и Тамара.

— Такъ, ничего . . . приливъ къ головѣ, — сказалъ Аркадій. И онъ сталъ концомъ кинжала выковыривать длинную пробку.

— Почему ты такъ поблѣднѣлъ? Тебѣ плохо? — спрашивала Тамара.

— Нѣтъ, теперь все прошло, — сказалъ Аркадій, стараясь улыбнуться.

Налили рюмки и чокнулись, стали маленькими глоточками запивать коньякомъ чай.

— Ты не знаешь, чѣмъ является для меня этотъ человѣкъ? — сказалъ Аркадій. — Мы безъ тебя говорили съ нимъ, что самое рѣдкое теперь, при оскудѣніи высшихъ отношеній между людьми, это — другъ, т.-е. человѣкъ, который тебя не предастъ ни при какихъ условіяхъ жизни. Современному поколенію не понятно это слово, какъ понятно оно намъ съ нимъ.

Тамара выпила три рюмки коньяку, и щеки ея разгорѣлись, а глаза заблестѣли еще больше.

Она сидѣла рядомъ съ Аркадіемъ на диванѣ и прижалась своей горячей щекой къ рукаву его блузы около плеча. Она была очень нѣжна съ Аркадіемъ, смотрѣла на него снизу вверхъ, такъ какъ ея голова была ниже его, и, когда онъ клалъ свою руку на ея соломенно-бѣлые волосы, шаловливо терлась щекой объ его руку. Въ то же время глаза ея невинно-внимательно смотрѣли на Кислякова.

— А я? — спросила она.

— Что ты?

— А я какую роль буду играть въ вашей дружбѣ?

— Ты будешь его сестрой.

— Какъ это замѣчательно! — воскликнулъ Кисляковъ, глядя заблестѣвшими глазами на Аркадія и изрѣдка на Тамару. — Ты знаешь, я именно такъ представлялъ себѣ это, когда шелъ сюда въ первый разъ.

— Ну, вотъ и извольте говорить другъ другу ты, какъ братъ и сестра.

— Очень скоро, я такъ не могу, — сказала Тамара, съ улыбкой взглянувъ на Кислякова.

— Нѣтъ, извольте сейчасъ же сказать ему ты! — закричалъ Аркадій и налилъ ей рюмку. — Говори: «Ты, Ипполитъ».

— Ну я не могу! Я сама скажу. Только немного погодя.

Но вдругъ встала, подошла къ Кислякову съ рюмкой въ рукѣ и сказала, глядя ему въ глаза:

— Я пью за нашу съ т о б о й дружбу.

Аркадій захлопалъ въ ладоши и схватилъ ихъ обоихъ за плечи, чтобы заставить поцѣловать другъ друга, но Тамара отскочила въ сторону.

Послѣ этого они втроемъ сидѣли на диванѣ и уютно говорили. При чемъ Тамара положила локти на столъ, а на нихъ свою голову и смотрѣла то на мужа, то на его друга.

Никогда еще Кисляковъ не чувствовалъ такого пріятнаго состоянія.

Ему вдругъ стало хорошо отъ мысли, что въ ихъ отношеніяхъ все пойдетъ теперь по тому руслу, которое достойно честнаго, порядочнаго человѣка.

А онъ хорошо помнилъ, что въ первый моментъ каждый разъ ждалъ ея взгляда и не отводилъ глаза, пока она на него смотрѣла. Потомъ, когда она пролѣзала на диванъ между нимъ и столомъ, онъ убралъ съ дороги свои ноги, но такъ, чтобы она все-таки задѣла его колѣни своими колѣнями.

Теперь же онъ чистъ передъ другомъ даже въ самыхъ сокровенныхъ своихъ помыслахъ. Они могутъ смѣло и просто смотрѣть другъ другу въ глаза, потому что это будутъ только братскіе взгляды.

Онъ чувствовалъ необычайную, скорѣе отеческую, чѣмъ братскую, нѣжность къ этой молоденькой женщинѣ-дѣвушкѣ и радость отъ того, что онъ можетъ называть ее на «ты», какъ свою маленькую сестру.

Тамара зачѣмъ-то пошла въ кухню.

Выждавъ, когда она скрылась за дверью, Кисляковъ сказалъ, обращаясь къ Аркадію:

— Какъ я тебѣ благодаренъ! Я уже давно не испытывалъ того, что испытываю сейчасъ.

— Спрячь это... — сказалъ Аркадій, подавъ ему кинжалъ, которымъ открывалъ бутылку, и ничего не отвѣтивъ на слова друга.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— А что?... Да, скажи, почему ты такъ поблѣднѣлъ?

— Я самъ ничего не понимаю, — сказалъ Аркадій, — я сегодня видѣлъ ужасный сонъ: я возвращаюсь глухой ночью откуда-то сюда. Дверь раскрыта. На столѣ жутко-одиноко стоитъ догорающая свѣча. Окна зловѣще-страшно, какъ бываетъ только во снѣ, темнѣютъ. Я вдругъ чувствую,—нѣтъ, не чувствую, а знаю, — говорилъ Аркадій, широко и съ ужасомъ раскрывая глаза, — что меня ждетъ что-то въ той комнатѣ. — Онъ указалъ на спальню. — Вдругъ я вижу... — сказалъ онъ шопотомъ...

Кисляковъ почувствовалъ, какъ у него пробѣжали по спинѣ мурашки отъ жуткаго ожиданія того, что скажетъ дальше Аркадій.

— Вдругъ я вижу цѣлый слѣдъ капель крови отъ стола къ порогу спальни. Я бросаюсь туда, открываю дверь... за ней вижу черный занавѣсъ, дорога изъ капель идетъ туда. Меня охватываетъ ужасъ... Я раздергиваю занавѣсъ, и тамъ... ничего... пустота!... но пустота такая страшная, какъ бываетъ только во снѣ. И эти темныя окна и догорающая свѣча въ другой комнатѣ... — говорилъ Аркадій съ ужасомъ. — Я схватываю эту свѣчу, осматриваю всѣ закоулки, отодвигаю то большое орѣховое кресло и подъ нимъ вижу... вотъ этотъ твой кинжалъ... — тихо договорилъ онъ, въ то время какъ Кисляковъ почувствовалъ, что самъ онъ поблѣднѣлъ отъ такого неожиданнаго заключенія.

— Но, можетъ быть, тебѣ приснился вообще кавказскій кинжалъ? Они всѣ походятъ одинъ на другой.

— Нѣтъ! Въ томъ-то и дѣло, что этотъ самый, — сказалъ съ ужасомъ Аркадій. — Та же монограмма, то же сломанное украшеніе...

Аркадій съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ указалъ на украшеніе. — Откуда такое совпаденіе, когда я его сегодня въ первый разъ вижу?... Вѣдь я же его у тебя не видѣлъ!

Кисляковъ сталъ вспоминать и отъ волненія никакъ не могъ сообразить, видѣлъ или не видѣлъ Аркадій кинжалъ прежде.

Въ комнату вошла Тамара.

Оба замолчали на полусловѣ.

— Что это у васъ такія странныя лица? — спросила она съ удивленіемъ.

— А что? Мы ничего, — пробормоталъ Аркадій. И, когда она прошла въ спальню, онъ тихо сказалъ Кислякову: — Не разсказывай ей, а то она, какъ всѣ женщины, суевѣрна и непремѣнно взволнуется.

XX.

Ипполитъ Кисляковъ вернулся домой отъ Аркадія растроганный, просвѣтленный новымъ, неожиданнымъ чувствомъ и вдругъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ коридорѣ непривычно чисто. А на другой день узналъ, что его очередь дежурить.

Онъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякой общественности, къ домовымъ собраніямъ, выборамъ, перевыборамъ какъ къ униженію личности. А если нужно было итти отстаивать свою комнату отъ посягательствъ сосѣдей или входить въ какія-нибудь объясненія съ домоуправленіемъ, онъ положительно чувствовалъ себя больнымъ. И поэтому, пропустивши всѣ собранія и всѣ сдѣланныя на нихъ постановленія, узналъ о нихъ всегда изъ вторыхъ рукъ.

Такъ случилось и теперь. Вмѣсто того, чтобы работать утромъ надъ проектомъ, ему пришлось убирать кухню, уборную и коридоръ.

Ему казалось, что всѣ выйдутъ изъ своихъ комнатъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ, ни на кого не похожая индивидуальность, личность, будетъ орудовать шваброй и мыть клозетъ за мѣщанкой.

Онъ взялъ швабру и началъ подметать коридоръ. На его лицѣ была презрительная усмѣшка и небрежность въ движеніяхъ, на случай, если бы кто-нибудь вышелъ и засталъ его, интеллигента съ высшимъ образованіемъ, за такимъ занятіемъ.

Но, противъ ожиданія, жильцы не выбѣжали на такое зрѣлище изъ своихъ комнатъ, и никто не смѣялся надъ нимъ. А жена слесаря, проходя въ кухню и видя, какъ онъ выжимаетъ тряпку, сказала ему:

— Вы бы завѣсились, а то хорошія брюки сразу испортите. Постойте, у меня есть мѣшокъ, вы его вмѣсто фартука ремнемъ прихватите.

Она сказала это такъ просто, серьезно, безъ всякой насмѣшки, что ему, какъ бы въ благодарность за такое отношеніе, показалось неловко отказаться отъ совѣта слесарши. — Она принесла мѣшокъ и даже сама пристроила его, подпихнувъ подъ брючный ремень. А Кисляковъ, растопыривъ поднятыя руки, только повертывался, стоя посреди кухни, какъ будто примѣривалъ новый костюмъ у моднаго портного.

— И тряпку-то вы вотъ такъ выжимайте, — сказала жена слесаря, когда онъ комкалъ въ рукахъ тряпку надъ раковиной.

Она взяла у него изъ рукъ тряпку, прихватила межъ колѣнями подолъ юбки и, скрутивъ тряпку жгутомъ, выжала ее.

Кисляковъ растроганно поблагодарилъ ее.

Пока онъ мелъ коридоръ и стиралъ тряпкой пыль въ кухнѣ, можно еще было усмѣхаться презрительной усмѣшкой барина, непривыкшаго къ такой черной работѣ. Но когда дошло дѣло до уборной, онъ пересталъ усмѣхаться, а, затворившись тамъ, присѣлъ на карточки и началъ работать. Но забылъ запереться на задвижку.

Красивая дама, ходившая по утрамъ подъ лиловымъ шарфомъ, торопливо, какъ бы скрываясь отъ постороннихъ взглядовъ, пробѣжала по коридору, съ размаху растворила въ ванную дверь и поддала ею подъ задъ Кислякова, который съ тряпкой, на корточкахъ и съ мѣшкомъ вокругъ тальи сидѣлъ надъ ведромъ и мочилъ въ немъ тряпку. Дама испуганно вскрикнула, а у него упало съ носа пенснэ въ ведро, и онъ покраснѣлъ густымъ румянцемъ до самой шеи.

— Бѣжать, бѣжать отсюда! — говорилъ самъ себѣ Кисляковъ. Онъ — личность, неповторяемая индивидуальность — принужденъ убирать за какой-то мѣщанкой!

— Нѣтъ, я все понимаю, но когда мое достоинство... — сказалъ онъ громко и вдругъ, спохватившись, замолкъ, такъ какъ кто-то подошелъ къ двери и, очевидно, удивившись патетическому восклицанію, сталъ стучать и спрашивать, кто тамъ и что случилось.

Кисляковъ затихъ, какъ былъ — на корточкахъ, съ тряпкой въ рукахъ — и не шевелился, чтобы не выдать своего присутствія. Въ самомъ дѣлѣ хороша была бы картина: сидитъ интеллигентный человѣкъ въ уборной съ тряпкой въ рукахъ, въ мѣшкѣ вмѣсто фартука, и громитъ кого-то вслухъ.

Кончивъ убирать, онъ осторожно выглянулъ изъ ванной и, увидѣвъ, что коридоръ пустъ, бросилъ въ кухнѣ ведро и пошелъ въ свою комнату.

Попавшаяся ему на дорогѣ профессорша въ старомодной прическѣ и въ пенснэ окинула его удивленнымъ взглядомъ и почти испуганно спросила:

— Что съ вами?...

Кисляковъ подумалъ, что онъ, вѣроятно, такъ сильно измѣнился въ лицѣ отъ унизительной работы, и сказалъ:

— Когда ваше достоинство...

И вдругъ, увидѣвъ себя опоясаннымъ мѣшкомъ, который забылъ снять, замолчалъ и шмыгнулъ въ свою комнату.

XXI.

Переступивъ черезъ порогъ, онъ почувствовалъ, что наступилъ на что-то. Онъ посмотрѣлъ подъ ноги и увидѣлъ лежавшее подъ дверью письмо.

Въ квартирѣ было обыкновеніе получаемую почту подсовывать отсутствующимъ жильцамъ подъ дверь. Вѣроятно, когда онъ, прижукнувшись, сидѣлъ въ ванной, его искали, чтобы передать это письмо, такъ какъ

видѣли, что дверь его комнаты отперта, и, значитъ, онъ еще не ушелъ.

Письмо, какъ и слѣдовало ожидать, было отъ Елены Викторовны. Она писала, что въ отсутствіи, какъ никогда, почувствовала свою любовь къ нему и то, какъ трудно ей быть безъ него.

Кисляковъ по привычкѣ пробросилъ эти строчки, ища какой-нибудь пріятной или, скорѣе, непріятной сущности дѣла, какихъ-нибудь порученій или требованій.

Далѣе Елена Викторовна касалась положенія бѣдной Звенигородской, дѣлилась своими мыслями о дикой распущенности мужчинъ и полномъ ихъ моральномъ паденіи. А кстати просила разузнать, не начала ли Звенигородская продавать свои вещи, такъ какъ у нея уже второй день какое-то безотчетное безпокойство. Она сама не найдетъ его причины. Но хорошо знаетъ, что у нея есть совершенно исключительная (десятки разъ провѣренная) способность къ предчувствію.

Эти строки Кисляковъ тоже пропустилъ. И только подумалъ: «Женщина, окончившая высшіе женскіе курсы, имѣвшая прикосновеніе къ философіи и естественнымъ наукамъ, говоритъ о предчувствіяхъ».

Въ заключеніе она писала опять о своемъ чувствѣ и о томъ, что ей скучно безъ него. Тѣмъ болѣе, что городишко ужасно противный: вездѣ народъ, вездѣ толпа, въ лѣсу на травѣ — бумажки и по вечерамъ горланятъ пѣсни подъ гармошку. Ей было бы полезнѣе пожить въ Ессентукахъ съ ея печенью, чѣмъ на вѣтеръ бросать деньги здѣсь. Приходится даже спать съ закрытымъ окномъ, безъ воздуха.

— Не хотите ли за границу . . . — не удержавшись, сказалъ самъ съ собой Кисляковъ и даже ужаснулся этому мѣщанскому восклицанію.

Но послѣдняя фраза въ письмѣ заставила его скомкать письмо и бросить съ озлобленіемъ въ уголъ.

Эта фраза заключала въ себѣ предостереженіе отъ излишней траты денегъ. «А то ты половину пропустишь, самъ не зная — куда».

Хорошенькое дѣло! Она тамъ наслаждается покоемъ, дышитъ воздухомъ (все воздуху ей мало), а онъ здѣсь уборныя моетъ. И она же еще предлагаетъ ему поэкономнѣе расходовать деньги, какіе-то несчастные сто рублей, которые она оставила ему на весь мѣсяцъ! Да еще при этомъ постоянныя напоминанія о его мифической разсѣянности, благодаря которой онъ самъ не знаетъ, куда дѣваетъ деньги.

— А ихъ есть куда дѣвать и безъ разсѣянности, — говорилъ Кисляковъ самъ съ собой, взволнованно шагая изъ угла въ уголъ.

Дѣйствительно, онъ подумалъ о томъ, что давно бы нужно пригласить Аркадія съ Тамарой въ ресторанъ и угостить ужиномъ, даже спросить бутылочку шампанскаго, такъ какъ онъ запомнилъ восклицаніе Тамары, что дядя Мишукъ привезъ ее по-богатому, въ такси. Значитъ, ей было бы пріятно и побывать въ хорошемъ ресторанѣ и выпить дорогого вина.

И какое она имѣетъ право требовать отчетъ въ каждой копѣйкѣ? Вѣдь не она зарабатываетъ, а онъ. Что, она ему интересна какъ женщина? Ничуть! Такъ почему онъ обязанъ отказывать себѣ ради ни на что не нужной ему женщины?

Но разговоры разговорами, а отвѣчать на письмо все-таки было надо. Прежде всего уже потому, чтобы успокоить ее насчетъ предчувствія, иначе она, чего добраго, можетъ на другой же день прилетѣть.

Онъ мрачно сѣлъ къ столу. На столѣ за время отсутствія Елены Викторовны уже скопились всѣ предметы, необходимые въ хозяйственномъ обиходѣ: недопитый стаканъ чаю съ торчащей изъ него ложечкой и съ мокрыми окурками на блюдцѣ, платяная щетка, банка со столярнымъ клеемъ, солонка, въ которую по разсѣянности былъ воткнутъ окурокъ, и вороха пожелтѣвшихъ газетъ.

Вся комната была похожа на номеръ гостиницы, еще не освобожденный прежнимъ постояльцемъ, куда уже втиснулся новый постоялецъ, лишь бы обезпечить себѣ хоть какой-нибудь ночлегъ.

Теоретически Ипполитъ Кисляковъ былъ человѣкъ съ тонкимъ, воспитаннымъ вкусомъ, и въ чужой квартирѣ съ одного взгляда замѣчалъ какую-нибудь обивку дурнаго тона, клеенку вмѣсто скатерти на обѣденномъ столѣ (клеенка всегда рѣзала глаза, какъ символъ мѣщанской убогости обстановки). Но практически, т.-е. когда оставался безъ Елены Викторовны, онъ погибалъ отъ головокружительнаго хаоса вещей. Окурки, туфли, штаны — это было главное зло. А второстепенное зло — грязь. Наволочка на подушкѣ была явно несвѣжая. Но когда онъ собирался ее мѣнять, для чего нужно было лазить по комодамъ, ему вдругъ начинало казаться, что она почти чистая, и только при входѣ посторонняго лица онъ прикрывалъ ее на всякій случай чѣмъ-нибудь подвернувшимся подъ руку.

Онъ долго сидѣлъ за столомъ. Передъ нимъ лежали листъ почтовой бумаги и открытка. Вопросъ состоялъ въ томъ, на чемъ писать: на листѣ бумаги — это очень длинно, цѣлый часъ просидишь и все-таки не выдумаешь, чѣмъ заполнить этотъ листокъ. На открыткѣ — послѣ ея нѣжнаго письма оскорбительно. Она можетъ обидѣться за его холодность и, что хуже всего, заподозрить въ немъ о х л а ж д е н і е . . . А это подозрѣніе принесетъ съ собой тревогу, а тревога — ускоренный пріѣздъ. Получался заколдованный кругъ: приходилось ни на что не нужной женщинѣ писать самое нѣжное письмо, чтобы только на возможно болѣе долгій срокъ избавиться отъ ея присутствія.

Тогда онъ рѣшилъ взять листъ бумаги, но писать черезъ строчку, — такъ, чтобы работы было немного, а текста на видь много. Онъ такъ и сдѣлалъ.

При чемъ еще разъ убѣдился, что вынужденъ жить фальшивкой не только въ политическомъ отношеніи, а и въ отношеніяхъ съ женой. Приходилось не только скрывать то, что есть, а даже выдумывать съ высокой степенью умственнаго напряженія то, чего нѣтъ совсѣмъ.

Онъ написалъ, что страшно обрадовался ея письму, такъ какъ уже безпокоился, что долго не получалъ

письма. Потомъ отмѣтилъ, что одному страшно скучно и пусто, и, если бы не желаніе поправить ея здоровье и дать ей возможность подышать воздухомъ, онъ самъ поѣхалъ бы за ней и привезъ ее. Написалъ также, что одинъ разъ былъ у Аркадія. Но онъ такъ поглощенъ своей любовью къ женѣ, что у него просто скучно бывать. Бѣдная Звенигородская ходитъ какъ тѣнь, блѣдная, съ какимъ-то мертвымъ, неузнающимъ взглядомъ. Судится. Про вещи постарается узнать немедленно. Потомъ опять упомянулъ о своей любви. Послѣ этого долго сидѣлъ, держа ручку надъ листомъ бумаги и глядя въ окно остановившимся взглядомъ, какимъ смотрятъ въ жаркій лѣтній день ученики, рѣшающіе трудную задачу по арифметикѣ.

Въ тѣ времена, когда въ немъ была еще жива и д е я ж и з н и, т.-е. его работа, жена была самымъ первымъ повѣреннымъ его внутренней жизни, всѣхъ его счастливыхъ догадокъ и продвиженій впередъ по творческому пути.

Когда ему приходила какая-нибудь счастливая мысль, онъ не могъ дождаться возвращенія жены, чтобы подѣлиться съ ней, спросить ея мнѣнія и почувствовать двойную бодрость при ея одобреніи.

Она какъ бы вошла въ его внутреннюю лабораторію, на свѣжій глазъ часто лучше его видѣла какой-нибудь неправильный ходъ. Она изучала спеціально для этого высшую математику и часто додѣлывала нѣкоторыя вычисленія, когда онъ уставалъ отъ длительнаго напряженія и бросалъ работу неоконченной. Она же дѣлала по его указаніямъ нужные ему чертежи, которыхъ онъ не хотѣлъ никому поручать.

Она окружила его такимъ вниманіемъ и заботой, что ему самому ни о чемъ не нужно было безпокоиться. Когда онъ работалъ, она за три комнаты (у нихъ была большая квартира) ходила на цыпочкахъ. И считала себя безмѣрно счастливой, что можетъ жить съ человѣкомъ, который вноситъ въ жизнь высшія цѣнности.

Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ, бросилъ свое подлинное дѣло, замѣнилъ его фальшивкой и сталъ просто з а р а-

батывать хлѣбъ, въ отношеніяхъ жены къ нему что-то незамѣтно, неуловимо измѣнилось.

У нея не стало прежней настороженности къ нему. Она всякій разъ полнымъ шагомъ входила въ комнату, какъ будто зная, что онъ не занятъ, какъ прежде, своимъ дѣломъ, — значитъ, можно стучать, ходить и дѣлать что угодно.

Онъ тогда переживалъ глубокую внутреннюю трагедію, и каждое такое выступленіе жены лишній разъ напоминало ему о томъ, что онъ живетъ сейчасъ не настоящимъ, а фальшивкой, что онъ похоронилъ себя, потому что не могъ перенести чуждаго ему духа эпохи.

Она часто говорила небрежно и почти раздраженно:

— Сходи въ лавочку, все равно ничего не дѣлаешь.

Это «все равно ничего не дѣлаешь» было для него какимъ-то терроромъ. Если онъ лежалъ на диванѣ и слышалъ шаги жены по коридору, онъ сейчасъ же вскакивалъ и садился къ письменному столу, чтобы только она не подумала про него: «Лежитъ, ничего не дѣлаетъ».

И былъ радъ, когда заболѣвалъ, и у него появлялся жаръ; тогда онъ даже преувеличивалъ свою болѣзнь, чтобы хоть на правахъ больного имѣть возможность лежать, сколько хочешь.

Елена Викторовна, какъ бы чувствуя, что онъ самъ сознаетъ незаконность своего существованія, постепенно переходила изъ заботливой, преклоняющейся жены въ раздражительную хозяйку, у которой въ жизни нѣтъ ничего свѣтлаго, а только мѣщанское стряпанье да хожденіе на базаръ.

Въ ней какъ-то разомъ исчезли всѣ высшія способности, высокая интеллектуальная настроенность замѣнилась строгимъ и точнымъ веденіемъ бюджета.

Въ ней, очевидно помимо ея воли, сквозило презрѣніе къ мужу, въ котораго она еще недавно такъ вѣрила. Она даже не постѣснялась выписать къ себѣ тетку и завести собакъ.

Но на людяхъ она всегда любила бывать съ нимъ, какъ бы желая показать, что она устроена, у нея есть мужъ, который ее содержитъ, и они хорошо живутъ.

Это уже была квинтъ-эссенція мѣщанства Въ особенности, когда самому, чтобы не дѣлать скандала, приходилось съ Еленой Викторовной итти въ воскресенье на прогулку и, останавливаясь, подолгу разговаривать съ знакомыми.

И съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось его дѣло, онъ почувствовалъ, что порвались всѣ нити, соединяющія его съ женой. Часто въ отчаяніи думая о томъ, что его личность для жизни погибла, Кисляковъ вдругъ приходилъ къ неожиданному для себя выводу:

«Разъ все погибло для него, и впереди только жалкая обывательская жизнь безъ и д е и, то теперь в с е р а в н о! Теперь онъ имѣетъ право на все»!

И тутъ-то вставала какъ помѣха Елена Викторовна. Когда онъ думалъ о ней, то ему теперь только приходили соображенія о томъ, что на тѣ деньги, которыя онъ тратитъ на нее, онъ могъ бы имѣть много интересныхъ встрѣчъ съ молодыми и красивыми женщинами. По крайней мѣрѣ тамъ хоть есть удовольствіе, а тутъ что?

Ко всему этому еще примѣшивалась мысль о томъ, что она его совершенно не уважаетъ, не любитъ и, должно быть, смотритъ на него только какъ на предметъ полученія денегъ. Его глаза уже пристально слѣдили иногда за ней. И, когда она становилась ласкова, онъ, отвѣчая на ея поцѣлуй, думалъ о томъ, что она, вѣроятно, хочетъ что-нибудь купить и потому такъ ласкова.

Одинъ разъ онъ увидѣлъ ея сберегательную книжку, на которую она клала деньги. Сейчасъ же противъ воли мелькнула противная мысль: почему она кладетъ не на его имя? И почему его золотые часы, которые она ему подарила въ первыя годы жизни, не вылѣзаютъ изъ ея комода?

Но сейчасъ же онъ съ ужасомъ думалъ, до чего онъ дошелъ! Какія ему, интеллигентному человѣку, при-

ходятъ мысли о своей подругѣ жизни. А можетъ быть — онъ уже давно не интеллигентъ, а самый низкопробный мѣщанинъ?

И, можетъ быть, его внутренняя цѣнность, потерявъ живую связь съ жизнью, дѣйствительно уже перестала существовать? Тогда что же онъ теперь собою представляетъ? И является ли онъ въ мировой картинѣ трагическимъ героемъ, котораго побѣдила сила? Или, можетъ быть, чѣмъ-нибудь другимъ?...

Но объ этомъ нечего было думать. Онъ теперь думалъ уже о томъ, чтобы только какъ-нибудь, не нарушивъ своей честности мысли, обмануть и уцѣлѣть въ какомъ бы то ни было видѣ. А это уже дѣло исторіи вынести ему героическій мученическій вѣнокъ или что-нибудь другое, попроще.

Наконецъ, онъ вспомнилъ о письмѣ, запечаталъ его и всталъ изъ-за стола.

Прежде чѣмъ итти на службу онъ высунулъ руку въ форточку, чтобы узнать, холодно или тепло. Если холодно, то можно надѣть драповое пальто, вполнѣ приличное. А если тепло, то придется надѣвать лѣтнее, съ бубновымъ тузомъ заплатки на спинѣ.

На дворѣ было довольно тепло.

Кисляковъ взялъ шляпу и, подумавъ, перекинулъ черезъ руку пальто, рѣшивъ, что лучше онъ прозябнетъ немножко, но пойдетъ по улицѣ въ приличномъ видѣ.

Отворивъ дверь въ коридоръ, онъ такъ и застылъ на мѣстѣ отъ того зрѣлища, какое ему представилось на противоположной стѣнѣ коридора, прямо противъ его двери. Онъ сразу понялъ все значеніе краски, въ которую нѣсколько дней назадъ попалъ ногой.

Кисляковъ хотя и кончилъ высшее учебное заведеніе и проходилъ естественныя науки, все-таки имѣлъ нѣсколько примѣтъ, которыя были провѣрены на десяткахъ фактовъ.

Именно: онъ уже привыкъ къ тому, что если случается какая-нибудь гадость, то ужъ непремѣнно вслѣдъ за ней является другая, а можетъ быть — и третья и

четвертая. Но одна во всякомъ случаѣ никогда не приходитъ.

Первая уже была: это — неожиданное дежурство съ ползаньемъ въ мѣшкѣ по уборной; второю можно считать полученіе отъ жены письма. И третья — на стѣнѣ передъ собой онъ увидѣлъ разрисованный красками листъ бумаги съ художественнымъ изображеніемъ, похожимъ на тѣ, что заполняютъ обложки нашихъ юмористическихъ журналовъ. По общей ситуаціи онъ догадался, что изображеніе имѣетъ непосредственное отношеніе къ нему. Была изображена комната, столъ, уставленный такимъ количествомъ вина, какое полагается при оргіяхъ, и среди нѣкотораго подобія гостей сидѣлъ онъ, Кисляковъ (на это внизу указывала подпись), съ бутылкой, опрокинутой въ ротъ. Внизу другая картина: онъ же въ коридорѣ, съ всклокоченными волосами (Кисляковъ тотчасъ отмѣтилъ про себя несходство, такъ какъ у него волосы были значительно короче), тоже съ бутылкой въ рукѣ. А въ ванной виднѣлась фигура женщины.

Смыслъ былъ понятенъ.

Кисляковъ не успѣлъ ничего сообразить, какъ его рука уже сорвала это художество со стѣны, и онъ растопталъ его ногами.

XXII

Слѣпой догадался бы, что это было дѣломъ рукъ ребятъ.

Это была какая-то кара. Всего ихъ въ квартирѣ было девять душъ: восемь у рабочихъ и одинъ у мѣщанки, — рыжій, веснущатый и лопоухій малый.

Лѣтомъ было еще ничего, такъ какъ они съ утра отправлялись на дворъ, гоняли тамъ съ собаками, рылись въ пескѣ и устраивали всевозможныя игры, отъ которыхъ звенѣло въ ушахъ. Дворъ, окруженный домами съ безчисленными рядами оконъ, разносилъ всѣ крики и визги по всѣмъ окнамъ, такъ что ихъ приходилось держать на запорѣ. Противопоставить этой бѣ-

тающей, орущей и визжащей стихіи ничего было нельзя. Только изрѣдка кто-нибудь высовывался изъ пятаго этажа и, крикнувъ: «Чтобъ вамъ глотки перехватило, окаянные!» — скрывался опять, захлопнувъ съ сердцемъ окно.

Зимою и въ дождливую погоду было еще хуже. Всѣ эти девять душъ сидѣли дома, толклись въ кухнѣ и всюду совали носы. Отъ нихъ не было никакого спасенья. Кто бы что ни началъ дѣлать, они уже являлись и, ставъ кружкомъ, молча смотрѣли. Для нихъ безразлично, что было — точильщикъ, точившій по квартирамъ ножи, замазка рамъ на зиму или починка электрическаго звонка. Если въ комнатѣ какого-нибудь жильца что-нибудь дѣлалось или даже ничего не дѣлалось, а только отворяли дверь, чтобы стянуло табачный дымъ, они немедленно оказывались передъ дверью и молча стояли и смотрѣли.

Котда у нихъ спрашивали, что имъ нужно, они ничего не отвѣчали и продолжали стоять. Когда ихъ пробовали спровадить силой отъ комнаты, они бѣжали жаловаться матери. Въ особенности страшенъ былъ въ этомъ отношеніи сынъ мѣщанки.

Поэтому большей частью всѣ сидѣли запершись.

Даже если кто-нибудь изъ жильцовъ шелъ въ ванную и, оставивъ дверь открытой, умывался, то у порога непремѣнно появлялись двѣ-три тѣни и молча наблюдали. Они знали рѣшительно все, что дѣлается въ квартирѣ, отъ нихъ никуда нельзя было укрыться.

Территоріи у нихъ своей не было, и потому въ зимніе и осенніе вечера они населяли дальній конецъ коридора, какъ разъ противъ дверей бывшей хозяйки— Софьи Павловны Дьяконовой. Здѣсь постоянно стояла столбомъ пыль, точно въ манежѣ. Правильныхъ, организованныхъ развлеченій не было, и потому каждый дулъ, во что гораздъ. Кто стругалъ столовымъ ножомъ лучинку. кто клеилъ бумажную коробку, кто, изогнувшись и подстегивая себя кнутомъ, скакалъ верхомъ на палкѣ.

Если же въ коридорѣ жильцы проливали воду, они, не медля ни минуты, устраивали на этомъ мѣстѣ катокъ и съ разбѣга катались на каблукахъ, балансируя руками.

Возрастъ ихъ колебался между шестью и тринадцатью годами. Старшая половина была активна, задавала тонъ всему, а младшая молчаливо участвовала и плелась за всѣми въ хвостѣ.

Все, что хоть отдаленно имѣло привкусъ непролетарскаго, отличалось ими безъ всякаго труда. Больше всего они не любили Софью Павловну, за то, что она — хозяйка квартиры и ходила въ старомодной шляпкѣ съ цвѣточками. Ей всегда вслѣдъ свистали или накидывали у нея на дорогѣ картофельныхъ очистокъ, чтобы она поскользнулась. А одинъ разъ обстригли усы у ея кота, такъ что тотъ дня два прятался гдѣ-то на чердакѣ. А когда появился бритый какъ унтеръ, ребята, глядя на него, умирали со смѣху.

Даже среди собакъ они дѣлали различіе. Вообще съ собаками у нихъ были дружескія отношенія. На дворѣ около нихъ всегда околачивалась собачня всѣхъ мастей и оттѣнковъ, съ длинной свалявшейся шерстью. Съ ними были простыя, товарищескія отношенія. Никто не отказывался на досугѣ промчаться наперегонки по двору съ какой нибудь невзыскательной дворняжкой, отъ роду не знавшей никакихъ бантовъ и цѣпочекъ.

Но съ собаками, что ходили аристократками — съ лентами и бантами на шеѣ, велась непримиримая война.

Напримѣръ, кисляковскую Джери доводили иногда до истерики, если прищучивали ее гдѣ-нибудь въ корридорѣ. И, когда хозяева выручали ее, она цѣлый часъ не могла успокоиться, съ поднявшейся на спинѣ шерстью лаяла и волновалась.

Поэтому зимнимъ вечеромъ въ квартирѣ стоялъ стонъ отъ собачьяго лая. Не пропускали ни одной безъ того, чтобы не взвинтить ея нервы до крайняго предѣла.

Правовая база была довольно слабая, — главнымъ образомъ потому, что всѣ эти девять душъ объединялись только общностью территоріи, но внутренне не были организованы. Каждый лично отвѣчалъ за себя, и когда кого-нибудь драли или вели отъ мѣста преступленія за ухо, остальные созерцали это молча, а при наличіи старыхъ личныхъ счетовъ — такъ и съ злорадствомъ.

Многіе жильцы сильно учитывали это обстоятельство и дѣйствовали по принципу «Раздѣляй и властвуй,» т.-е. если одному давали затрещину, то другихъ подкупали конфеткой. И слабая человѣческая природа шла на это.

Въ этомъ были основной грѣхъ и слабость этого разрозненнаго общества изъ девяти душъ.

Но въ концѣ лѣта въ квартирѣ напротивъ, черезъ площадку лѣстницы, недѣли на двѣ поселился какой-то піонеръ съ военными замашками, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, всегда ходившій въ синей рубашкѣ съ краснымъ галстукомъ, виднѣвшимся изъ-подъ отложного воротника.

Онъ имѣлъ явно организаторскія способности и, сблизившись съ обитателями квартиры номеръ 6, сразу спаялъ въ одно цѣлое разрозненные индивидумы.

Всѣ девять человѣкъ получили названіе «Отрядъ имени Буденнаго».

Идея названія пришла въ то время, когда отрядъ верхомъ на палкахъ бралъ довольно сильно укрѣпленную бѣлогвардейскую позицію у мусорной ямы на дворѣ.

И вотъ съ этого-то момента жильцы квартиры № 6 почувствовали, что значитъ организація.

Первымъ испыталъ это на себѣ Ипполитъ Кисляковъ, который даже ничего не зналъ о возникновеніи новой общественной единицы — отряда имени Буденнаго, а тѣмъ болѣе не предполагалъ ничего въ дальнѣйшемъ.

XXIII

Проектъ реорганизаціи музея быстро подвигался впередъ. Кисляковъ приходилъ на службу, когда хотѣлъ, и почти не работалъ въ своемъ отдѣлѣ, а ходилъ по заламъ и изучалъ наличность музея, чтобы раскласcифицировать ее по собственному плану.

Одинъ разъ онъ, пройдя по заламъ и составивъ списки нужныхъ ему экспонатовъ, зашелъ въ кабинетъ къ Полухину.

Ему ничего не было нужно ни въ кабинетѣ Полухина, ни отъ него самого, но онъ часто заходилъ теперь туда, чтобы не исчезать отъ него надолго, изъ боязни, что Полухинъ забудетъ про него, про ихъ проектъ и поручитъ его кому-нибудь другому. А кромѣ того, каждый такой заходъ безъ всякаго дѣла устанавливалъ все большую и большую прочность отношеній и вызывалъ пріятное чувство сознанія нѣкоторой привилегированности своего положенія. «Входитъ въ кабинетъ безъ доклада, когда захочетъ». Это не всякій можетъ.

Кисляковъ пріотворилъ дверь въ кабинетъ; тамъ было сильно накурено и сидѣло много народу. О чемъ-то горячо спорили. Полухинъ ходилъ по кабинету большими шагами, лохматилъ волосы и иногда въ концѣ комнаты дѣлалъ большой шагъ, чтобы поставить ногу ровно на край клѣтки паркета. Иногда онъ останавливался и начиналъ что-то доказывать.

— Да ты послушай, что тебѣ говорятъ, заткни свою глотку, — кричалъ онъ кому-нибудь, кто говорилъ свое и не слушалъ.

При входѣ Кислякова Полухинъ разсѣянно и даже съ досадой занятого человѣка оглянулся на стукъ двери и, не отвѣтивъ на поклонъ, продолжалъ ходить и что-то доказывать, по своей привычкѣ жестикулируя прямо вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

— Вы заняты?... Послѣ зайти? — спросилъ Кисляковъ, почувствовавъ внезапную робость, когда на него оглянулось нѣсколько человѣкъ. Онъ сказалъ

это въ надеждѣ, что Полухинъ скажетъ ему: «Садись, ты свой».

Но Полухинъ ничего не сказалъ, даже не отвѣтилъ ему и, отвернувшись, сталъ что-то доказывать съ новымъ жаромъ.

Кисляковъ затворилъ дверь и сталъ ходить по коридору.

Было стыдно, что ему пришлось ретироваться изъ кабинета, какъ чужому, что ему даже не поклонились, не отвѣтили на вопросъ. Совершенно по-хамски. И онъ, интеллигентный человѣкъ, долженъ былъ, какъ какой-нибудь канцеляристъ стараго времени, ретироваться. Онъ даже не имѣетъ возможности сказать этимъ людямъ, что для него оскорбительно кланяться спинамъ и не получать отвѣта на свой вопросъ.

И вотъ благодаря этому его отношенія съ Полухинымъ бывали иногда мучительны. А главное — въ нихъ была какая-то трещина, которой, очевидно, совсѣмъ не чувствовалъ Полухинъ, но очень чувствовалъ Ипполитъ Кисляковъ. Трещина была въ томъ, что все-таки Полухинъ былъ начальникъ, а Кисляковъ — подчиненный.

А всякому начальнику и занятому человѣку прежде всего свойственна перемѣнчивость настроенія. То онъ встрѣчаетъ тебя съ радостью, спрашиваетъ, почему долго не заходилъ. Оказывается, ему пришла блестящая мысль, и ему хочется высказать ее тому, кому онъ привыкъ высказывать, поэтому онъ такъ обрадовался. Или нужно подѣлиться своей побѣдой надъ замышлявшимися кознями враговъ.

А то едва здоровается, лобъ нахмуренъ, на немъ печать заботы, усталости и такого отношенія къ окружающимъ, чтобы они хоть всѣ провалились и дали ему спокойно вздохнуть, побыть наединѣ самому съ собой.

Подчиненный, столкнувшійся съ такимъ настроеніемъ начальника, чувствуетъ себя точно окунувшимся въ холодную воду и начинаетъ ломать голову надъ тѣмъ, что это можетъ значить. Первая мысль, которая ему приходитъ въ голову, это та, что, навѣрное, кто-

нибудь наговорилъ про него, или онъ самъ сболтнулъ что-нибудь лишнее въ прошлый разъ, что съ партійнымъ человѣкомъ нужно говорить осторожнѣе, такъ какъ у него въ нѣкоторыхъ вопросахъ дружба отходитъ на второй планъ, и во всякомъ случаѣ онъ все запоминаетъ и ничего не пропускаетъ.

Но если наговорили другіе, то что они могли наговорить? Не разговорился ли съ кѣмъ по душамъ и не сболтнулъ ли чего-нибудь лишняго въ обществѣ безпартійныхъ? Сколько разъ говорилъ себѣ, что если ты близокъ съ партійными, тогда особенно строго нужно держаться съ безпартійными. О, Господи!...

Тогда подчиненный пробуетъ вернуть хорошее настроеніе начальника. Онъ заговариваетъ о томъ, чѣмъ этотъ всегда скорѣе всего можетъ одушевиться. Но и это его не трогаетъ.

Какъ заскучавшему ребенку предлагаютъ самыя любимыя его игрушки, а онъ отказывается отъ нихъ, вызывая этимъ тревогу у родителей, такъ точно начальникъ вызывалъ такую тревогу у своего протеже.

И такую тревогу Полухинъ вызывалъ у Кислякова, когда бывалъ разсѣянъ или чѣмъ-нибудь озабоченъ.

Только въ данномъ случаѣ Кисляковъ безпокоился не о Полухинѣ, а о самомъ себѣ.

Когда онъ говорилъ съ Полухинымъ, онъ смотрѣлъ на себя со стороны и видѣлъ все время что-то неестественное въ своихъ интонаціяхъ, въ движеніяхъ: онъ спѣшилъ, говорилъ съ большимъ подъемомъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ чувствовалъ и чѣмъ требовала тема разговора, и самъ сознавалъ свою неестественность и думалъ, что, вѣроятно, Полухинъ тоже замѣчаетъ ее, — недаромъ онъ сталъ какъ-то невнимателенъ и почти оскорбительно разсѣянъ. Отъ этого онъ еще больше чувствовалъ свою напряженность и неестественность, а съ другой стороны — оскорбленіе отъ ихъ неравенства, о которомъ даже нельзя сказать. И вообще оскорбительно уже то, что есть много вещей, о которыхъ ему нельзя говорить съ пріятелемъ, потому что

онъ — коммунистъ, и нужно притворяться, что онъ во всемъ совершенно такого же мнѣнія о нихъ.

Больше всего его убивала въ Полухинѣ одна присущая ему черта: способность задумываться среди самаго оживленнаго разговора. Когда Кисляковъ радовался на самаго себя оттого, что у него свободно и естественно говорится, Полухинъ вдругъ точно выключался изъ разговора и начиналъ смотрѣть по сторонамъ съ отсутствующимъ видомъ, такъ что Кисляковъ оставался висѣть въ воздухѣ одинъ со своимъ оживленіемъ и приподнятымъ тономъ. И не зналъ, слушаютъ его или нѣтъ, продолжать ему говорить о томъ же или нѣтъ. Продолжать было неловко и нелѣпо, — все равно, что актеру съ пафосомъ играть передъ пустыми стульями партера. Замолчать — онъ можетъ обидѣться.

А кромѣ того закрадывалась тревога: можетъ быть, онъ шокировалъ Полухина какимъ-нибудь интеллигентскимъ оборотомъ рѣчи, можетъ быть, Полухинъ даже раскаивается въ своей близости къ нему.

Въ такомъ мучительномъ настроеніи онъ былъ и сейчасъ, когда вышелъ изъ кабинета и сталъ ходить по коридору.

Онъ ходилъ и напряженно перебиралъ въ памяти всѣ предыдущія встрѣчи съ Полухинымъ: не было ли тамъ чего-нибудь.

И, наконецъ, ничего не найдя и почувствовавъ оскорбительность такого положенія, онъ рѣшилъ больше не заходить къ Полухину и итти домой.

Онъ уже спускался съ лѣстницы, какъ его нагналъ Полухинъ. Онъ былъ въ непромокашкѣ, пахнувшей резиной, съ портфелемъ и въ высокихъ сапогахъ.

— Товарищъ Кисляковъ, вы домой?

Онъ сказалъ это веселымъ тономъ и былъ, видимо, въ хорошемъ настроеніи.

Кисляковъ прежде всего съ радостью почувствовалъ, что, значитъ, все благополучно, и спокойно отвѣтилъ:

— Да, надо итти.

И самъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ спокойную увѣренность своего отвѣта. Онъ могъ не только не бояться директора, а быть съ нимъ на одной доскѣ благодаря тому, что дѣлаетъ сейчасъ важное дѣло — проектъ реорганизаціи — и является какъ бы ближайшимъ и единственнымъ совѣтникомъ Полухина.

Ему даже приходилось дѣлать нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобы сохранять этотъ спокойно-товарищескій тонъ, такъ какъ отъ каждаго сказаннаго имъ слова чувствовалъ внутри прыгающую радость: у него нашлись общій тонъ и языкъ съ человѣкомъ, котораго онъ еще недѣлю тому назадъ боялся и ненавидѣлъ, какъ орудіе своего вытѣсненія изъ жизни. А сейчасъ только мучительно соображалъ, не случилось ли чего. Значитъ, ничего не случилось.

И вотъ теперь врагъ идетъ рядомъ, и онъ, Кисляковъ, говоритъ съ нимъ такъ просто, безъ тѣни какой-то служебной подчиненности, даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго вліянія на Полухина, который признаетъ за нимъ преимущества образованнаго и знающаго человѣка. А главное — человѣка, идущаго въ ногу съ нимъ и съ намека понимающаго каждую новую его мысль.

— Ну, какъ проектъ — двигается? — спросилъ Полухинъ, повернувшись къ собесѣднику живымъ глазомъ.

— Идетъ, — отвѣтилъ Кисляковъ, — я самъ не ожидалъ, что онъ меня такъ зажжетъ.

— Ну, молодецъ! Здорово! Мы, братъ, распространимъ... Во, гляди-ка, гляди! — воскликнулъ Полухинъ и остановился.

Они проходили мимо громаднаго строящагося дома, гдѣ лебедкой поднимали наверхъ стопу кирпича.

— Чувствуешь, какъ все строится? А я лѣтомъ на югѣ былъ, тамъ что дѣлается! Голова кругомъ идетъ. А мы будемъ гробницу въ это время охранять да царскія кровати сторожить! Теперь понимаешь меня?

— Я съ перваго слова понялъ, — сказалъ Кисляковъ, чувствуя еще болѣе пріятное успокоеніе отъ того, что Полухинъ перешелъ на «ты».

— Пустите съ дороги, разставились тутъ! — крикнулъ на нихъ возчикъ, подвозившій во главѣ длинной вереницы подводъ желѣзныя балки къ постройкѣ.

— Вали, братъ, вали! — сказалъ ему Полухинъ, сторонясь съ дороги и нисколько не обижаясь на окрикъ. И прибавилъ: — Сила!... Надо вотъ только изъ-подъ власти мужика выбиться, сквозь барабанъ его пропустить, въ ступѣ истолочь, чтобы собственническую, кулацкую закваску изъ него выбить.

Онъ помолчалъ, глядя на постройку и покачивая головой, очевидно — на свои мысли. Потомъ сказалъ:

— Намъ бы продержаться этотъ годъ. А тамъ мы свои «зерновыя фабрики» разведемъ, молодежь на нихъ пустимъ. Тогда мы иначе заговоримъ. Такъ бы и смелъ всю эту нечисть, — прибавилъ онъ сжавъ кулакъ. — Мы ихъ всѣхъ въ такія клещи зажмемъ, что они въ два счета подохнутъ. У насъ и н а ш е г о народу хватитъ. Въ деревнѣ ребята новые растутъ. Будетъ кому строить. Ну, пойдемъ.

Когда они пошли, Полухинъ продолжалъ:

— Я какъ-то смотрѣлъ карту пятилѣтки. Вотъ, братъ!... Сердце зашлось, какъ засвѣтились на ней всѣ лампочки. Гдѣ сейчасъ болото, тамъ черезъ тринять лѣтъ электрическія звѣзды сверкать будутъ, вотъ такія машины работать будутъ, — сказалъ онъ указывая на машину, прикатывавшую на улицѣ только что налитый асфальтъ.

— И наше дѣло — итти въ ногу со всѣмъ строительствомъ, какъ на картѣ отмѣчать все, что сдѣлано. Прошлое намъ нужно только затѣмъ, чтобы указать, о т к у д а мы идемъ, какую дорогу продѣлали за всю исторію. Правильно или нѣтъ? — сказалъ онъ, повернувшись на ходу къ Кислякову.

— Еще бы не правильно.

— Охъ, мать твою... — сказалъ возбужденно Полухинъ, сжавъ кулакъ и ничего больше не прибавивъ.

Чѣмъ оживленнѣе становился Полухинъ, чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ спокойнѣе былъ тонъ Кислякова. Полухинъ обращался въ этихъ случаяхъ къ

нему на «ты», какъ къ своему равноправному товарищу, и Кисляковъ невольно старался сохранять спокойствіе и неторопливость, которыя показывали бы, что онъ — свой человѣкъ, и такое отношеніе къ нему Полухина только естественно, такъ что ему незачѣмъ торопиться и каждую минуту заявлять о своемъ сочувствіи, которое само собою разумѣется.

Полухинъ увидѣлъ на углу улицы человѣка, который продавалъ бюстики Ленина и Карла Маркса.

— Давай купимъ, — сказалъ онъ .

— Да, правда, нужно, а то у меня нѣту, — согласился Кисляковъ.

И они купили по статуэткѣ Карла Маркса.

— Лучше будешь работать, когда онъ передъ тобой на столѣ будетъ стоять, — сказалъ Полухинъ.

— А я сейчасъ и такъ хорошо работаю, — сказалъ Кисляковъ.

Они вышли на набережную. Полухинъ опять остановился.

— А вонъ еще штука, — и онъ указалъ на гигантское строящееся зданіе Совнаркома. Все окруженное лѣсами, оно высилось надъ плоской низиной праваго берега рѣки Москвы, противъ стараго Кремля, какъ бы угрожая ему. — Мѣсто-то, мѣсто-то какое, сукины дѣти, выбрали! Я сначала поглядѣлъ и пустилъ ихъ по матушкѣ про себя. А теперь вижу — дѣльно! Оно за собой все Зарѣчье тащитъ: то смотришь, бывало — пустота, низенькіе домишки, а сейчасъ это на первомъ планѣ, всю картину дѣлаетъ! Такъ? — Онъ опять повернулся къ Кислякову.

Тотъ, прищуривъ глазъ, сначала посмотрѣлъ, какъ бы желая провѣрить впечатлѣніе, потомъ сказалъ:

— А вѣдь правда, я этого какъ-то не подумалъ.

Ему даже чѣмъ-то пріятно было показать, что онъ, человѣкъ со вкусомъ и образованіемъ, не замѣтилъ того, что замѣтилъ Полухинъ.

— А, братъ, я вѣдь вижу, что къ чему, — сказалъ Полухинъ.

Они пошли дальше. Полухинъ нѣкоторое время молчалъ.

— Давай въ пивную зайдемъ, — сказалъ онъ, оглянувшись по сторонамъ. — Только какъ бы наши ребята не увидѣли.

Они зашли въ пивную. Тамъ было почти пусто; только два человѣка, по виду похожіе на грузчиковъ, сидѣли въ углу подъ искусственной пальмой передъ налитыми стаканами и вяло закусывали моченымъ горохомъ.

Полухинъ осмотрѣлся и сѣлъ въ другомъ углу, бросивъ фуражку на столъ и указавъ на стулъ Кислякову.

— Вотъ эту бы штуку бросить, — сказалъ онъ, залпомъ отпивъ полстакана пива и покачавъ головой.

— А что, зашибаешь? — спросилъ Кисляковъ, безотчетно переходя на т ы. И даже почувствовалъ, какъ у него при этомъ пріятно и жутко замерло сердце.

— Маленько есть, — отвѣтилъ Полухинъ, утирая рукой ротъ и кивнувъ головой.

Онъ облокотился обоими локтями на столикъ и, видимо, развивая прежнюю нить мысли, сказалъ:

— Я вотъ тебѣ вѣрю и знаю, что ты — нашъ, а тѣ — сволочь.

Кисляковъ при послѣднихъ словахъ Полухина почувствовалъ то, что, вѣроятно, чувствовали солдаты, получая офицерскую боевую награду.

Несмотря на то, что онъ продолжалъ сидѣть въ той же спокойной позѣ, въ немъ вдругъ всколыхнулась новая волна горячей привязанности и любви къ Полухину. Его ноги, кажется, перешагнули на другой берегъ, противоположный тому, на которомъ находились его товарищи вродѣ Андрея Игнатьевича и Марьи Павловны и всѣ тѣ, кто сейчасъ погибалъ, не найдя возможности войти въ новый строй жизни. Онъ даже какъ-то смутно почувствовалъ, что и Елена Викторовна, не въ укоръ ей будь сказано, тоже осталась на томъ берегу.

Чтобы не молчать и въ то же время едва сдерживая въ себѣ чувство радости и благодарности за его отношеніе, Кисляковъ сказалъ:

— Все-таки тутъ нужна большая внутренняя перестройка.

— А кто говоритъ, что не большая!

— Я долженъ тебѣ сказать, что до встрѣчи съ тобой я чувствовалъ себя мягкотѣлымъ интеллигентомъ, — сказалъ Кисляковъ, презрительно подчеркнувъ это слово, — боявшимся труда, физическихъ неудобствъ, а когда вы, большевики, взяли насъ въ оборотъ, я пересталъ быть мягкотѣлымъ, вялымъ, я теперь все могу самъ сдѣлать. Я самъ полъ мою, уборную чищу. Мнѣ теперь ничего не страшно.

— Да вѣдь это все надо понимать! Вотъ ты это понимаешь, а другіе нѣтъ! И только озлобляются! — воскликнулъ Полухинъ, какъ будто Кисляковъ недооцѣнивалъ себя.

— Вначалѣ это и у меня было, — сказалъ Кисляковъ, точно онъ все еще не хотѣлъ сдаться и признать свою заслугу въ этомъ.

— Ого, — сказалъ Полухинъ, посмотрѣвъ на руку съ часами, — цѣлый часъ я прогулялъ. Пойдемъ ко мнѣ, перекусимъ чего-нибудь, — да мнѣ надо въ университетъ.

XXIV

Полухинъ занималъ низкую, но довольно просторную комнату, перегороженную не доходящей до потолка деревянной перегородкой, оклеенной бумажными обоями съ цвѣточками.

Въ одной половинѣ стояли его рабочій столъ со стопочками книгъ по угламъ, застеленный газетными листами, узкая желѣзная кровать съ подушкой въ красной кумачевой наволочкѣ и два протертыхъ на краю сидѣнья кресла, обитыхъ старой, пропылившейся матеріей цвѣта бордо.

Въ другой — въ простѣнкѣ между оконъ стоялъ обѣденный столъ, на окнахъ геранъ, въ углу — дере-

вянный, некрашенный шкафчикъ для посуды и въ другомъ углу, за деревянной ширмой, кровать его матери и комодъ.

Она встрѣтила ихъ на порогѣ, такъ какъ хотѣла куда-то итти.

— Мать, перекусить чего-нибудь. Я вотъ гостя привелъ.

— О-о, батюшка... сейчасъ, сейчасъ. Я ужъ думала ты до вечера не придешь.

Она засуетилась, достала изъ комодика чистую скатерть и стала накрывать на столъ. Это была маленькая проворная старушка съ привѣтливымъ лицомъ; у нея, очевидно, были слабы глаза, и она, когда въ комнату входилъ новый человѣкъ, долго вглядывалась въ него, стараясь не загораживать собой свѣтъ.

— Вотъ нашъ монастырь, — сказалъ Полухинъ и, покачавъ головой, прибавилъ: — ишь проклятое: выпилъ бутылку, теперь на другую тянетъ. Нѣтъ, братъ, шабашъ!

Линія бесѣды, какую они вели въ пивной, прервалась, и Кисляковъ не зналъ, о чемъ говорить.

— Ну, садитесь, батюшка, покушайте, — сказала мать. — За мясомъ стояла-стояла нынче... До какихъ же это поръ такъ будетъ?

— А зачѣмъ ты стояла? Въ столовой бы обѣдали — и стоять бы не нужно было.

— «Зачѣмъ стояла»... А пришелъ — небось, ѣсть попросилъ?

— Ѣсть попросилъ потому, что зналъ, что у тебя приготовлено, а если бы зналъ, что нѣтъ, въ столовую бы зашли, — только и дѣла.

— А мнѣ-то что дѣлать тогда?

— Ну такъ чего же ты ворчишь?

— Вотъ еще хлѣба, глядишь, зимой не будетъ.

— Безъ хлѣба будемъ ѣсть. Безъ хлѣба легче будетъ.

— Э, пропасти на васъ нѣтъ... — сказала старушка, оглянувшись на шкафчикъ, такъ какъ въ это

время отъ проѣзжающаго грузовика заговорила вся посуда.

— Бери, бери мясо-то, — говорилъ Полухинъ, и самъ почти насильно положилъ Кислякову большой кусокъ варенаго мяса въ глубокую тарелку.

— Да стой, куда ты валишь столько! — крикнулъ Кисляковъ какъ бы съ оттѣнкомъ недовольства и въ то же время видѣлъ себя со стороны, какъ онъ спокойно, какъ съ давнишнимъ пріятелемъ, говоритъ съ Полухинымъ, вмѣсто того чтобы испуганно благодарить и отказываться, какъ всегда дѣлаетъ обыкновенный гость, не связанный съ хозяиномъ узами дружбы и стѣсняющійся.

Послѣ обѣда Полухинъ опять взглянулъ на часы и взялъ со стола растрепавшуюся тетрадь съ завернувшимися углами.

— Ну, пошли.

Кисляковъ поблагодарилъ старушку, попрощался съ ней, и они вышли.

— Мнѣ сюда, — сказалъ Полухинъ, когда они дошли до перекрестка, на одномъ изъ угловъ котораго ломали старый каменный домъ, длинный, похожій на казармы. Пыль и известка осѣдали тонкимъ бѣлымъ слоемъ даже на противоположномъ тротуарѣ.

Друзья попрощались. Кисляковъ пошелъ къ себѣ, чтобы вечеромъ итти къ Аркадію. У него было то состояніе внутренняго подъема, отъ котораго ноги идутъ какъ бы сами, не чувствуя земли, и все вокругъ кажется хорошо.

Съ этого времени онъ сталъ часто заходить къ Полухину и все больше знакомился съ бывавшими у Полухина коммунистами и входилъ въ ихъ кругъ, какъ свой человѣкъ.

XXV

Ипполитъ Кисляковъ черезъ нѣсколько дней пошелъ къ Аркадію, чтобы повести ихъ обоихъ въ ресторанъ обѣдать, какъ онъ хотѣлъ.

Но оказалось, что отъ оставленныхъ Еленой Викторовной ста рублей у него осталось уже шестьдесять пять. Куда выскочили тридцать пять — было никому неизвѣстно, и прежде всего самому Кислякову.

Тѣмъ не менѣе онъ пришелъ къ Аркадію съ предложеніемъ отправиться въ ресторанъ обѣдать. Аркадій и Тамара съ удовольствіемъ согласились. И они пошли.

Кисляковъ хотѣлъ повести ихъ въ какой-нибудь недорогой, но, когда они проходили мимо большого ресторана съ зеркальными окнами, съ пальмами за ними и съ разноцвѣтными абажурами—розовыми, желтыми,— Тамара съ пріятнымъ удивленіемъ спросила:

— Неужели мы сюда идемъ?

Кислякову невозможно было сказать: «Нѣтъ, не сюда, — мы идемъ туда, гдѣ похуже и подешевле», и онъ сказалъ, что сюда. Но сердце у него сейчасъ же тревожно сжалось и пропустило одинъ тактъ.

Они раздѣлись, прошли по широкой, съ толстымъ ковромъ, лѣстницѣ наверхъ. Кисляковъ занималъ ихъ разговоромъ и съ видомъ завсегдатая весело оглядывался по залу, ища, гдѣ бы сѣсть, въ то время какъ свободные офиціанты слѣдили за его взглядами и срывались съ мѣста какъ только онъ останавливался глазами на какомъ-нибудь столикѣ.

По ихъ услужливымъ движеніямъ было видно, что они ожидаютъ хорошаго заказа и хорошихъ чаевыхъ. Хотя на стѣнѣ висѣлъ плакатъ, говорившій о запрещеніи чаевыхъ, но люди, приходившіе сюда, чтобы хорошо пообѣдать и получить все скоро и исправно, обычно дѣлали видъ, что не замѣчаютъ этого плаката. Также не замѣчали его и офиціанты.

Чѣмъ у Кислякова было внѣшне веселѣе лицо, тѣмъ сердце стучало все тревожнѣе и тревожнѣе, какъ будто онъ шелъ къ карточному столу съ крупной игрой, гдѣ рисковалъ спустить добрую половину своего состоянія.

А когда офиціантъ подалъ стулья, смахнувъ салфеткой со стола и положилъ двѣ большихъ карты кушаній и винъ, Кисляковъ почувствовалъ, что онъ, очертя го-

лову, уже поставилъ крупную ставку. И остановиться уже нельзя.

Онъ вѣжливо пододвинулъ карточки дамѣ и даже самъ съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ наклонился, но глаза его противъ воли слѣдили, на какихъ кушаньяхъ и винахъ останавливается Тамара и сколько они стоятъ.

Онъ все еще былъ веселъ, но съ какимъ-то уже нервнымъ оттѣнкомъ, — уже чаще снималъ и опять надѣвалъ пенснэ, что всегда у него служило признакомъ нарушеннаго равновѣсія, а одинъ разъ въ разсѣянности скомкалъ салфетку и хотѣлъ вмѣсто платка положить въ карманъ. Но офиціантъ его удержалъ.

Когда подали обѣдъ, и гости оживленно занялись ѣдой, онъ противъ воли мысленно считалъ, сколько на самый худой конецъ останется у него денегъ, и какъ онъ просуществуетъ до конца мѣсяца.

Эта постоянная тревога сдѣлала наконецъ то, что онъ пересталъ улыбаться, сталъ еще больше разсѣянъ, и ему казалось, что офиціанты давно прочли все въ его душѣ, — и онъ уже избѣгалъ взглядывать на нихъ.

Тамара, надѣвшая новый жакетъ, веселенькую, надвинутую низко на глаза шляпку и шелковые чулки, весело оглядывалась по сторонамъ и улыбалась своимъ собесѣдникамъ. Она, видимо, была очень довольна оттого, что они обѣдали по-богатому. И въ ея взглядахъ, какіе она иногда бросала на Кислякова, сквозило удовольствіе и гордость.

— Какъ здѣсь красиво и уютно, — сказала Тамара, кончивъ горячее — селянку изъ осетрины — и оглядываясь по сторонамъ.

— Да только здѣсь и можно хорошо отдохнуть, — сказалъ Кисляковъ.

— Ты насъ очень балуешь, — мы тамъ совсѣмъ отвыкли отъ всякихъ ресторановъ.

— Вотъ это и хорошо, — сказалъ Кисляковъ, и самъ подумалъ, что, можетъ быть, Аркадій предложитъ платить пополамъ; тогда у него не такъ велика будетъ брешь въ бюджетѣ. Иначе — скандалъ.

Отъ этихъ мыслей онъ совершенно лишился аппетита и ничего не ѣлъ. А кушанья для себя выбиралъ наиболѣе дешевыя, но съ такимъ видомъ, какъ будто это — какъ разъ то, что онъ давно уже искалъ.

— Куда же мы отсюда? — спросилъ онъ, когда былъ уже заказанъ счетъ. И ждалъ съ замираніемъ сердца, что Тамара скажетъ: «Поѣдемте куда-нибудь на автомобилѣ».

Но Аркадій предложилъ пойти къ нимъ домой, и Тамара согласилась.

Когда подавали счетъ, Кисляковъ старался не смотрѣть въ сторону Аркадія, чтобы не давать своимъ глазамъ наблюдать, полѣзетъ его другъ въ карманъ за бумажникомъ или нѣтъ.

Аркадій сунулъ руку въ карманъ.

— Ты что это? — поспѣшно спросилъ Кисляковъ.

— Пополамъ расплатимся, я думаю . . .

— Не изволь, не изволь. Ты у меня въ гостяхъ, — сказалъ Кисляковъ и протянулъ руку за поданнымъ счетомъ. Его глаза прежде всего искали итога. Итогъ оказался больше, чѣмъ онъ подсчитывалъ въ умѣ, когда занималъ разговоромъ друзей. Онъ забылъ, что вина считаются вдвое. Получилась сумма въ двадцать пять рублей. Два рубля еще нужно было дать офиціанту, а тамъ швейцару. И, значитъ, въ его финансовыхъ дѣлахъ будетъ брешь въ тридцать рублей.

А главное, у Тамары сложилось впечатлѣніе, что у него много денегъ, и она будетъ считать, что для него ничего не значитъ выбросить на какіе-нибудь пустяки пять—десять рублей.

Они шли къ площади. Кисляковъ вдругъ увидѣлъ, что на ней стоятъ вѣчно пристающіе продавцы цвѣтовъ, и крикнулъ Аркадію, что направо, переулкомъ, будетъ ближе пройти, чѣмъ черезъ площадь.

Но крикнулъ такъ испуганно, какъ если бы на Аркадія наѣзжалъ автомобиль, котораго онъ не видѣлъ. И Аркадій дѣйствительно въ испугѣ отпрыгнулъ назадъ при его окрикѣ .

Домой пришли уже подъ вечеръ и, не зажигая огня, усѣлись втроемъ на диванъ.

Тамара была очень нѣжна съ Аркадіемъ. Кислякову показалось, что эта нѣжность имѣетъ и къ нему какое-то отношеніе. Вѣроятно, если бы его не было здѣсь, она не проявляла бы такой нѣжности къ мужу, котораго видитъ каждый день.

— Какъ хорошо, что въ такомъ настроеніи не думаешь ни о чемъ непріятномъ, — сказала она, очевидно разумѣя подъ непріятнымъ свои неудачи съ поступленіемъ на сцену и связанныя съ этимъ тяжелыя минуты.

Положивъ руку Аркадія къ себѣ на плечо, она гладила и терлась о нее щекой, а глаза ея изрѣдка взглядывали на Кислякова.

Зазвонилъ телефонъ. Тамара встала.

— Я занята, — сказала она рѣзко съ легкой гримасой.

— Кто это? — спросилъ Аркадій.

— Это одна подруга .

Тамара опять сѣла на диванъ, но настроеніе ея измѣнилось, и она сказала съ тоской:

— Неужели я не пробьюсь на сцену? Неужели никогда этого не будетъ?

— Будетъ, будетъ. Я въ этомъ увѣренъ, — сказалъ Кисляковъ. — Вотъ т е б ѣ моя рука на счастье.

Тамара взяла его руку, сжала ее, потомъ задумчиво погладила. Аркадій же смотрѣлъ на нихъ съ улыбкой, какъ на дѣтей, и былъ гордъ и радъ, что два самыхъ близкихъ ему человѣка сидятъ, какъ братъ и сестра.

Ему только было странно, что они все еще не могутъ привыкнуть другъ къ другу. Они точно боялись остаться вдвоемъ на диванѣ, и, когда Аркадій по своей привычкѣ говорить на ходу прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, они въ одинъ голосъ звали его на диванъ.

— Зачѣмъ ты встаешь? Такъ уютно, когда сидимъ всѣ вмѣстѣ, — говорила Тамара, сейчасъ же сама вставая съ дивана.

Аркадій служилъ для нихъ своего рода соединеніемъ: когда онъ былъ вмѣстѣ съ ними, Тамара, какъ бы изъ-подъ его защиты, могла взглядывать на Кислякова, гладить его руку, что было конечно, неудобнѣе, если бы они сидѣли вдвоемъ, а не всѣ вмѣстѣ.

— А сама-то куда вскочила? — говорилъ Аркадій.

— Я не хочу безъ тебя сидѣть.

— Что, вы боитесь, что ли, другъ друга? Что я васъ никакъ не пріучу! Ты не представляешь себѣ, какъ я сейчасъ счастливъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ другу. — Когда вы говорите другъ другу «ты», я испытываю большую радость.

— Мнѣ даже самому странно, что на Тамару я, при всемъ желаніи, не могу смотрѣть, какъ на женщину, — сказалъ Кисляковъ.

Говоря это, онъ съ улыбкой взглянулъ на Тамару, какъ бы желая обрадовать ее своимъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ и чистотой.

Ея глаза смотрѣли на него. Но она ничего не сказала, не отвѣтила на его улыбку и, о чемъ-то задумавшись, стала смотрѣть въ сторону.

Кисляковъ почувствовалъ, что она чѣмъ-то недовольна, и хотѣлъ поймать ея взглядъ, но она не смотрѣла на него.

— Я еще потому такъ радъ вашей дружбѣ, что Тамара теперь меньше стремится къ обществу своихъ подругъ. Только вы все еще почему-то дичитесь другъ друга.

— Нельзя же такъ скоро привыкнуть, — сказала Тамара.

— А вы привыкайте.

И, когда Кисляковъ всталъ, чтобы попрощаться, Аркадій шутливо соединилъ ихъ головы и сказалъ:

— Ну, поцѣлуй его хоть разъ, своего нареченнаго брата.

Тамара обняла за шею Кислякова и поцѣловала его просто, какъ сестра, но только слишкомъ поспѣшно отстранилась.

— Страшно все-таки? — сказалъ Аркадій, уловивъ ея движеніе.

— Вотъ привыкну, тогда не будетъ страшно, — отвѣтила Тамара.

И правда: нѣкоторое время спустя она уже свободно и просто, какъ сестра, здороваясь, цѣловала Кислякова, когда онъ приходилъ.

Она обычно приходила съ биржи въ состояніи полнаго отчаянія. Аркадій ее сердилъ тѣмъ, что относился къ ея неудачамъ недостаточно серьезно.

— Онъ все смотритъ на меня, какъ на маленькую дѣвочку, которую оставили безъ игрушекъ. Какъ онъ не можетъ понять, что передо мной глухая стѣна! — говорила въ волненіи Тамара. — Какъ онъ не можетъ понять, что это ужасъ. Мнѣ хочется иногда расшибить себѣ голову о стѣну. Я хочу дѣлать то дѣло, какимъ я могу проявлять себя. А онъ этого не понимаетъ.

— Да. я понимаю, — говорилъ виновато Аркадій, — но что же дѣлать?

— Ахъ, «что дѣлать»?! — живо вскидывалась съ неожиданной злобой Тамара. — Вотъ это другой вопросъ. Другіе находятъ, что дѣлать.

— Кто «другіе»?

— Вообще другіе... Кто смотритъ проще на вещи. И мнѣ иной разъ хочется наплевать на все. Разъ меня не существуетъ въ жизни, какъ человѣка, то для меня все равно.

— Опомнись, что ты говоришь!

— Нечего мнѣ опоминаться. Говорю и буду говорить.

Въ это время всякія утѣшенія Аркадія вызывали въ ней только большее раздраженіе. Но она поддавалась успокоеніямъ Кислякова, который всегда говорилъ, что рано или поздно она выйдетъ на сцену. Онъ, обнявъ ее за плечи, начиналъ развивать всякія утѣшительныя перспективы, и она затихала, поддаваясь его успокоеніямъ.

— Какая-то абсолютная пустота, — говорила Тамара. — Понимаешь, внутри, во мнѣ ничего нѣтъ,

и это ощущеніе мучительно! Хочется хоть чѣмъ-нибудь его заглушить. Я понимаю, почему люди пьютъ и... вообще все такое... Хоть на минуту заглушить сознаніе. Я Аркадію говорила, что страшно рада встрѣчѣ съ тобой. Въ тебѣ есть чуткость, теплота, какой я не видѣла ... у другихъ. Всѣ такія животныя! Я сама просто смотрю на вещи, но я всегда различаю, когда отъ человѣка остается пріятный или непріятный осадокъ. Хуже всего, когда осадокъ остается отвратительный. А онъ отвратительнѣе всего, когда встрѣчаешься съ пустотой. Ты думала — около тебя человѣкъ, а это пустота, тогда какъ я отъ своей пустоты бѣгу!

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше она становилась раздражительной при всякомъ замѣчаніи Аркадія и успокаивалась только тогда, когда Кисляковъ начиналъ ее убѣждать и уговаривать. Иногда, когда онъ вставалъ съ дивана, чтобы итти домой, она нервно схватывала его руку и говорила:

— Не уходите!...

Аркадій теперь всегда посылалъ Кислякова успокаивать ее въ минуты ея угнетеннаго состоянія.

— Пойди, она тебя больше слушаетъ, — говорилъ онъ.

XXVI

Одинъ разъ Кисляковъ пришелъ, когда Аркадія не было дома. Тамара ходила по комнатѣ. На плечахъ у нея былъ бѣлый шелковый платокъ съ длинной бахромой, спускавшейся ниже колѣнъ. Она запахнула его на груди, точно ей было холодно.

— Ну, какъ твои дѣла?

— Мои дѣла никакъ... Мнѣ все равно, — сказала раздраженно Тамара.

Она стояла передъ нимъ, держа руки на груди подъ платкомъ, и странно-загадочно смотрѣла на него.

— А гдѣ же Аркадій?

— Его нѣтъ дома.

— Такъ ты что же, одна тутъ сидишь?

— Да, я одна...

У Кислякова сильно забилось сердце.

Глаза ея продолжали такъ же смотрѣть на него.

Но ему пришла мысль — не подумала бы она, что онъ нарочно пришелъ, когда Аркадія нѣтъ, и не заподозрила бы его въ нечистыхъ намѣреніяхъ. Почему она такъ смотритъ на него?

— А я думалъ, что онъ уже дома, — сказалъ онъ.

Тамара еще нѣкоторое время смотрѣла на него молча, потомъ отошла и стала нервно чертить пальцемъ по отпотѣвшему стеклу.

Кисляковъ, не зная, что дѣлать, подошелъ къ ней и взялъ изъ-подъ платка ея руку. Она отдала ему ее и быстро повернулась. Опять ея глаза странно смотрѣли на него.

Кисляковъ сейчасъ же выпустилъ руку. Ему пришла мысль, что она хочетъ испытать его порядочность. Если онъ слишкомъ нѣжно будетъ гладить ея руку, она потомъ скажетъ Аркадію: «Я не представляла себѣ, насколько современный интеллигентъ подлъ: пусть даже это будетъ жена его лучшаго друга, но если она подъ вліяніемъ неудачъ окажется въ истерическомъ, неуравновѣшенномъ состояніи — онъ не пропуститъ случая и сдѣлаетъ самую большую подлость и предательство по отношенію къ своему другу.»

Эта мысль такъ спутала все настроеніе Кислякова, что онъ не зналъ, какъ держать себя съ Тамарой.

Она спрятала подбородокъ въ платокъ и исподлобья загадочно смотрѣла на него

— Что ты такъ странно смотришь?

— А какъ же мнѣ смотрѣть? — сказала она, сдѣлавъ къ нему шагъ.

Кисляковъ вынулъ папиросы и закурилъ. Тамара смотрѣла, какъ онъ закуриваетъ, потомъ опять взглянула на него.

— Я васъ очень ждала, — сказала она, — а вы совсѣмъ не рады мнѣ.

— Я не радъ? Откуда ты это взяла?

— Я для васъ совершенно безразлична.

— Откуда ты это взяла?

— Вы сами сказали одинъ разъ.

— Я сказалъ, что не могу смотрѣть на тебя, какъ на женщину.

— А какъ же?

— Какъ на сестру.

— Когда мужчина такъ говоритъ, онъ этимъ только въ пріятной формѣ прикрываетъ свое безразличіе. Конечно, если бы я была знаменитой артисткой, я не была бы такъ безразлична, а теперь что я такое? . . .

Она рѣзко повернулась отъ него и стала опять спиной къ нему.

Кисляковъ зналъ, что женщина повертывается къ мужчинѣ спиной въ двухъ случаяхъ: или когда она оскорблена, или когда хочетъ предоставить ему большую свободу дѣйствій. Кисляковъ могъ бы теперь свободно обнять ее сзади за шею, могъ бы прикоснуться губами къ ея бѣлой, пухлой шеѣ, точно перерѣзанной ниточкой, но онъ рѣшилъ на всякій случай быть осторожнымъ. Тамара тогда разскажетъ Аркадію: «Вотъ — единственный честный человѣкъ и другъ, который никогда не измѣнитъ тебѣ и не предастъ тебя; для него среди общаго разложенія интеллигенціи сохранились еще высшія цѣнности въ жизни, есть воля и задерживающіе центры».

«А почему ты знаешь?» — спроситъ Аркадій.

«Потому что я въ твое отсутствіе рѣшила его испытать и притвориться безпринципной женщиной, какъ мои подруги, о которыхъ ты ему говорилъ. И онъ ничего себѣ не позволилъ, былъ крѣпокъ какъ скала».

Такъ какъ онъ задумался объ этомъ, то довольно долго стоялъ сзади Тамары, совершенно молча.

Она, наконецъ, съ удивленіемъ оглянулась на него и, отойдя отъ окна, раздраженно сѣла на диванъ.

Въ это время отворилась дверь, и вошелъ Аркадій.

— А, наконецъ-то ты! — воскликнулъ Кисляковъ. Отъ неловкости онъ сказалъ преувеличенно радостно, чтобы Аркадій не подумалъ чего-нибудь, увидѣвъ ихъ вмѣстѣ. Но это вышло совершенно нелѣпо, точно Та-

мара ему смертельно надоѣла своей безсодержательностью, и онъ былъ искренно радъ приходу друга, выручившаго его.

Аркадій пришелъ съ покупками — пузырьками, колбочками — и, подставляя Кислякову то одинъ карманъ, то другой, говорилъ:

— Выгружай!

Тамара неподвижно сидѣла на диванѣ, натянувъ на колѣни концы платка и спрятавъ въ него подбородокъ. Она даже не взглянула въ сторону пришедшаго мужа.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — спросилъ Аркадій, посмотрѣвъ на жену, потомъ на Кислякова. — Или поссорились?

— Да, маленькое принципіальное расхожденіе — сказалъ Кисляковъ.

— Никакого принципіальнаго расхожденія, — возразила Тамара, грубо оттолкнувъ Аркадія, который хотѣлъ ее поцѣловать. — Просто я думала, что ко мнѣ относятся лучше, чѣмъ оказалось на самомъ дѣлѣ.

Кисляковъ съ испугомъ подумалъ, что она скажетъ сейчасъ что-нибудь ужасное. Напримѣръ, что онъ въ отсутствіе мужа я в н о намѣревался подойти къ ней, какъ къ безпринципной женщинѣ вродѣ ея подругъ, и не рѣшился только изъ боязни, что она разскажетъ объ этомъ мужу.

— Въ чемъ же дѣло? — повторилъ Аркадій.

— То, что твой другъ никакъ не могъ дождаться твоего прихода: ему было скучно сидѣть съ женщиной, ничего собой не представляющей. И потомъ ты для него являешься такой святыней, что ни на что другое онъ смотрѣть не въ состояніи.

Тонъ фразы былъ шуточный, но въ ней все же сквозило явное раздраженіе.

— Какъ «ни на что другое смотрѣть не въ состояніи»? — спросилъ Кисляковъ.

— Очень просто ... — отвѣтила Тамара, не взглянувъ на него.

Когда сѣли за ужинъ, она стала пить рюмку за рюмкой. Аркадій началъ останавливать ее. Она гру-

бо, какъ нельзя было ожидать, одинъ разъ оттолкнула его руку и сказала:

— Убирайся къ чорту!

Сказала такъ, какъ, навѣрно, сказали бы ея подруги. Обоимъ друзьямъ стало неловко.

Каждое обращеніе Аркадія вызывало въ ней только раздраженіе. И даже когда ее начиналъ успокаивать Кисляковъ, она отвѣчала ему холоднымъ, упорнымъ молчаніемъ, такъ что онъ чувствовалъ себя почему-то виноватымъ въ этой семейной ссорѣ.

Вдругъ она вскочила и убѣжала въ спальню. Аркадій тревожно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Пойди, посмотри, что съ ней, — сказалъ Кисляковъ Аркадію.

Аркадій пошелъ въ спальню, потомъ вышелъ оттуда неловко, на цыпочкахъ, съ пустымъ стаканомъ въ рукахъ.

— Не надо было давать ей вина, — сказалъ онъ, наливая изъ графина на буфетѣ воду. — Я ее сейчасъ уложу.

Минутъ черезъ пять онъ выглянулъ изъ спальни.

— Она зоветъ тебя.

Кисляковъ затушилъ папиросу, которую только что закурилъ было, и пошелъ, какъ идетъ врачъ къ больному, когда уже всѣ приготовленія къ его приходу сдѣланы.

Тамара лежала въ постели, укрытая до подбородка одѣяломъ, съ мокрымъ свернутымъ полотенцемъ на головѣ. Рядомъ на стулѣ лежало снятое платье. Глаза ея были закрыты.

— Сядьте сюда, — сказала она едва слышно, на минуту пріоткрывъ глаза и указавъ мѣсто на краю постели около себя.

Кисляковъ сѣлъ, касаясь своимъ бокомъ ея руки, скрытой подъ одѣяломъ. Онъ нащупалъ ея руку и сталъ сквозь одѣяло гладить ее, какъ гладитъ докторъ руку паціента, чтобы успокоить его.

Аркадій сѣлъ съ другой стороны. Тамара не смотрѣла въ его сторону, какъ не смотрятъ на человѣка,

который раздражаетъ своимъ присутствіемъ, а сказать ему объ этомъ нельзя. Она только каждую минуту просила подать ей то одно, то другое, и раздражалась, когда онъ дѣлалъ что-нибудь не такъ.

Кисляковъ же чувствовалъ себя неудобно отъ того, что она при немъ такъ рѣзка съ Аркадіемъ, и ему было неловко встрѣчаться съ другомъ глазами при такомъ своемъ привилегированномъ положеніи. Ужъ слишкомъ было ясно, что она относится къ нему гораздо мягче и терпимѣе, чѣмъ къ мужу. Одинъ разъ она даже нервно сжала черезъ одѣяло руку Кислякову. Тотъ отвѣтилъ ей такимъ же легкимъ пожатіемъ. Когда онъ поправлялъ ей мокрое полотенце на головѣ, она не раздражалась, какъ при всякомъ прикосновеніи Аркадія, а только, открывъ глаза, молча и серьезно смотрѣла на него.

Она опять крѣпко сжала руку Кислякова и, не отпуская ее, долго лежала неподвижно, съ закрытыми глазами. Кисляковъ въ отвѣтъ тихонько шевелилъ своей рукой въ ея рукѣ, чтобы не казаться безчувственнымъ и безразличнымъ зрителемъ, котораго посадили и заставили няньчиться съ больнымъ.

— Можетъ быть, дать еще валеріановыхъ капель? — спросилъ Аркадій.

Лицо Тамары раздраженно передернулось. Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе, какъ бы не зная, куда дѣваться отъ надоѣдливыхъ, заботливыхъ приставаній. Потомъ, пересиливъ себя, сказала:

— Дай фенацетину.

— У насъ нѣтъ его, — отвѣтилъ Аркадій.

— Если нѣтъ — значитъ, надо купить.

Кисляковъ чувствовалъ, что онъ долженъ былъ бы вскочить и сказать:

«Давай я схожу . . .»

Но онъ не вскочилъ и не сказалъ, — тѣмъ болѣе, что рука Тамары крѣпче сжала въ это время его руку, точно она была рада случаю хоть минуту отдохнуть отъ заботливыхъ ухаживаній Аркадія.

Аркадій вышелъ. Тамара сейчасъ же сбросила съ головы полотенце, положила поверхъ одѣяла свои круглыя руки и смотрѣла на Кислякова тѣмъ страннымъ взглядомъ, передъ которымъ онъ терялся и не зналъ, какъ держать себя.

— Такъ для васъ Аркадій дороже всего на свѣтѣ? Вамъ только съ нимъ интересно вести бесѣду или съ тѣми женщинами, которыя чѣмъ-нибудь замѣчательны, завоевали себѣ положеніе? — говорила Тамара, глядя на Кислякова все тѣмъ же взглядомъ. Она взяла его руку и тихонько притягивала ее къ себѣ.

Кисляковъ не зналъ, что отвѣтить, и рѣшилъ смотрѣть на нее такимъ же молчаливымъ взглядомъ, какимъ смотрѣла она на него. Она могла истолковать его какъ ей угодно, и въ то же время онъ подавался къ ней за ея рукой, такъ что черезъ нѣсколько времени его лицо было на вершокъ отъ ея лица.

— Итакъ, я для васъ — только безразличная родственница? — сказала Тамара.

Онъ видѣлъ близко передъ собой ея глаза, ставшіе огромными, и вздрагивающія ноздри. Онъ даже попробовалъ сдѣлать, чтобы у него ноздри такъ же вздрагивали, что, повидимому, означало страстную натуру.

— Только родственница? — повторила тихо Тамара.

А рука ея, уже сильно дрожавшая, притягивала его къ себѣ все больше и больше, пока онъ вдругъ не почувствовалъ на своихъ губахъ холодъ ея мокрыхъ раскрытыхъ губъ.

Все случилось совершенно неожиданно... Онъ только помнитъ, что при стукѣ входной двери неловко отскочилъ, зацѣпился ногой за коверъ и чуть не полетѣлъ носомъ въ раковину умывальника. Благодаря этому у него уже не было времени спокойно, попрежнему сѣсть на постель, и онъ успѣлъ только сѣсть на стулъ около окна.

Это вышло глупо: почему при мужѣ сидѣлъ на постели, а сейчасъ — за десять верстъ отъ нея на стулѣ?

Аркадій даже удивленно посмотрѣлъ на нихъ обоихъ. и спросилъ:

— Что это, опять поссорились?

— Да, — сказалъ Кисляковъ и сталъ прощаться.

XXVII

Онъ шелъ домой, не чувствуя подъ собой земли, точно буря, которой онъ не ждалъ, о которой не думалъ, подхватила его.

У него была одна только мысль — что, оказывается, онъ способенъ на сильную страсть, затмевающую разсудокъ и побѣждающую все на своемъ пути.

Онъ можетъ притти къ Аркадію и сказать:

«Суди меня какъ хочешь, но я былъ честный человѣкъ и остался имъ. Я тебѣ заявляю совершенно открыто, что на меня налетѣла страсть, которая сильнѣе меня, сильнѣе всего на свѣтѣ. Это — мое несчастье и величайшее счастье, потому что я чувствую, что я еще живу. Это не то, когда человѣкъ не устоялъ отъ слабости воли, безпринципности и отсутствія задерживающихъ центровъ, это отъ высшаго подъема жизни, которая въ такихъ случаяхъ дѣлаетъ человѣка безумцемъ, способнымъ на величайшее преступленіе».

Вотъ что онъ сказалъ бы Аркадію, если бы тотъ сейчасъ былъ около него.

Лишь бы у Тамары оказалось такое же сильное къ нему чувство.

Его только на мгновенье испугала мысль, что вдругъ она съ этого момента не сможетъ ни минуты оставаться съ Аркадіемъ подъ одной кровлей и сдѣлаетъ это какънибудь грубо и жестоко. А главное — онъ не успѣетъ сказать Аркадію:

«Суди меня какъ хочешь . . .» и т. д.

Но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что Тамара безъ предупрежденія его не сдѣлаетъ рѣшительнаго шага.

Наутро онъ проснулся рано и съ увлеченіемъ, какого у него давно уже не было, работалъ цѣлый часъ надъ проектомъ реорганизаціи своего учрежденія.

Вдругъ кто-то позвонилъ три раза. Это къ нему. Въ коридорѣ, какъ всегда, залаяли собаки, и цѣлый десятокъ головъ высунулся въ двери, чтобы спасти отъ собакъ, если это окажется посторонній человѣкъ. Мѣщанка высунулась въ туфляхъ на босу ногу раньше всѣхъ.

Кисляковъ, недоумѣвая, кто это можетъ быть, пошелъ открывать дверь. У него мелькнула мысль, что вернулась жена. Это было бы болѣе чѣмъ некстати. А можетъ быть — какъ разъ кстати, потому что онъ ей тогда скажетъ сразу в с е.

Онъ открылъ дверь и, онѣмѣвъ, не зналъ, что ему дѣлать, что сказать. На порогѣ стояла въ опущенной низко на глаза знакомой шляпѣ Тамара.

Человѣческая мысль отличается необычайной, поистинѣ молніеносной, быстротой. Въ то короткое мгновеніе, которое прошло съ момента открытія двери до его перваго слова, обращеннаго къ Тамарѣ, у него, какъ электрическія искры, пронеслись въ мозгу мысли о значеніи ея появленія у него, да еще утромъ, когда нѣтъ и одиннадцати часовъ.

Его прежде всего, какъ обухомъ, ударила мысль, что она уже разсказала все Аркадію, порвала съ нимъ и пришла къ нему жить, не зная того, что онъ ж е н а т ъ. Она еще, пожалуй, привяжется теперь къ нему со всей силой молодой страсти. На какія средства ее тогда содержать? Гдѣ ее устроить?

Все это промелькнуло въ его головѣ въ одно мгновеніе.

— Ты какими судьбами? Одна или съ Аркадіемъ? — воскликнулъ съ радостнымъ удивленіемъ Кисляковъ, чтобы сосѣди слышали и подумали, что это его родственница.

— Я шла сейчасъ на биржу, и мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ ты живешь, — сказала Тамара. — Можно?

У Кислякова отлегло отъ сердца: по крайней мѣрѣ она хоть не бросилась къ нему на шею при всѣхъ со-

сѣдяхъ и не сказала: «Возьми меня отъ мужа, я не могу съ нимъ жить».

— Великолѣпно, входи скорѣй!

Онъ увидѣлъ даму въ лиловомъ шарфѣ, проходившую въ ванную, и нарочно взялъ у нея на глазахъ Тамару подъ руку и провелъ въ свою комнату.

Тамара, не снимая шляпы, оглянула комнату. Она стояла высокая, молодая; ея синій осенній костюмъ и спущенная низко на глаза шляпа подчеркивали молочную бѣлизну ея лица и шеи и яркость ея накрашенныхъ губъ.

Потомъ взглянула на Кислякова и улыбнулась медленной улыбкой, какой улыбаются, когда остаются вдвоемъ люди, ставшіе совсѣмъ недавно близкими.

А Кисляковъ вдругъ закрылъ глаза рукой, стоя посерединѣ комнаты.

— Я ужасно мучился всю ночь... — сказалъ онъ едва слышно, все еще не отнимая руки отъ глазъ. — Я едва дождался разсвѣта.

Тамара подошла къ нему. По лицу ея мелькнула спокойная, довольная усмѣшка, какъ будто она почувствовала свое превосходство надъ нимъ, когда онъ сказалъ, что мучился безъ нея.

— Отчего вы мучились?

— Оттого, что я подлецъ! — отвѣтилъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Онъ отнялъ отъ глазъ руку и, какъ бы не имѣя силъ смотрѣть своей жертвѣ или соучастницѣ въ глаза, отошелъ къ окну и стоялъ тамъ нѣсколько времени не оглядываясь.

За его спиной было молчаніе, точно отвѣтъ его былъ совсѣмъ не тотъ, какого отъ него ждали, когда онъ заговорилъ о своихъ мученіяхъ.

— Почему ты такъ говоришь? — сказала Тамара, подходя къ нему и такимъ насторожившимся тономъ, какъ будто была готова оскорбиться, когда онъ выскажетъ свою мысль болѣе ясно и опредѣленно.

— Потому что я обманулъ своего лучшаго друга, единственнаго друга.

По лицу Тамары промелькнуло холодное удивленіе.

— Я сознавалъ, что я дѣлаю подлость, и ничего не могъ и не могу съ собой сдѣлать, такъ какъ чувство къ тебѣ захватило меня цѣликомъ, — сказалъ Кисляковъ, придавъ нѣсколько иной смыслъ своимъ словамъ, такъ какъ испугался, что Тамара обидится и уйдетъ.

Тамара взяла его руку и, осторожно, ласково поглаживая пальцы, спросила:

— А развѣ плохо, когда такое сильное чувство? Развѣ это хуже того, когда ничего нѣтъ?

— Да, но я не могу себѣ безъ ужаса представить, какъ я буду смотрѣть ему въ глаза, когда онъ узнаетъ...

— А откуда онъ узнаетъ? Я вовсе не собираюсь ему говорить объ этомъ или уходить отъ него. Я смотрю на это совершенно просто, безъ всякаго мистическаго ужаса. Для него же мысль о моей измѣнѣ, — сказала Тамара, насмѣшливо подчеркнувъ слово «измѣна», — настолько невозможна, страшна, что гораздо удобнѣе и лучше ему не говорить ничего.

— Ну, слава Богу! — облегченно воскликнулъ Кисляковъ.

Онъ усадилъ Тамару на диванъ, а самъ сѣлъ на коверъ у ея ногъ и съ восторгомъ и страстью сталъ осыпать поцѣлуями ея руки, плечи и въ то же время снималъ съ нея шляпу, жакетъ, стараясь при этомъ не прерывать поцѣлуевъ, чтобы она не опомнилась.

— Что ты дѣлаешь... Не надо... — говорила, слабо отбиваясь, Тамара.

Вдругъ за стѣной, въ комнатѣ мѣщанки, загремѣло что-то похожее на самоварную трубу. Тамара испуганно вскочила съ дивана.

— Это ничего... это пустяки... — говорилъ Кисляковъ, усаживая ее опять на диванъ, и, обнявъ, старался привлечь къ себѣ, хотя въ то же время его мысль уже работала надъ тѣмъ, что мѣщанка, должно быть, подслушиваетъ и понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Онъ всталъ передъ Тамарой на колѣни, одной рукой держалъ ея большую руку, а другой тихонько гла-

дилъ ея круглую спину и, слегка притягивая къ себѣ, шепталъ ей ласковыя слова. А она съ легкимъ туманомъ въ глазахъ и съ блуждающей улыбкой перебирала и гладила его волосы. Но Кислякову показалось, что взглядъ ея былъ направленъ не на него, а мимо его головы — на противоположную стѣну.

— Ну, взгляни же на меня... — говорилъ онъ, стараясь повернуть ея голову такъ, чтобы она взглянула на него. Вдругъ его пронизала и отдалась теплomъ подъ волосами мысль, что она видитъ на стѣнѣ клопа. А онъ по своей близорукости даже не могъ провѣрить, есть на стѣнѣ клопъ или нѣтъ.

Все-таки эта несчастная мысль вдругъ пресѣкла, оборвала всякое настроеніе, всякій порывъ, отъ котораго у него такъ свободно выливались страстныя слова.

Тамара съ удивленіемъ посмотрѣла на своего кавалера, который вдругъ странно притихъ, и во всей его позѣ съ рукой, лежавшей на таліи Тамары, была неестественность, какая бываетъ у людей, которые примутъ соотвѣтствующую позу передъ фотографическимъ аппаратомъ и замрутъ въ ней.

— Что съ вами? — спросила удивленно Тамара, и ея взглядъ, потерявъ всякіе слѣды тумана, выражалъ только озадаченное недоумѣніе.

— Я — ничего, — сказалъ Кисляковъ, покраснѣвъ. Онъ поднялся съ ковра и, вставъ передъ молодой женщиной, загадочно смотрѣлъ ей въ глаза, въ то же время загораживая собой отъ нея противоположную стѣну.

Вдругъ ему пришла и ударила точно обухомъ по головѣ новая мысль, о которой онъ сейчасъ совершенно забылъ: мысль о возможности появленія ребенка. Это кстати могло объяснить Тамарѣ его странное поведеніе.

— Ты не боишься... ребенка? — спросилъ онъ.

— А что изъ этого? — вдругъ вяло и равнодушно сказала Тамара.

— Какъ «что изъ этого»? Вѣдь по сходству-то видно будетъ, отъ кого онъ.

— Ну, это еще не скоро будетъ.

— Какъ «нескоро»?!

— Да такъ — нескоро. Да, что же я сижу? Ужъ четверть двѣнадцатаго. Мнѣ надо на биржу.

Она встала съ дивана и начала торопливо надѣвать шляпку, перчатки, не глядя при этомъ на Кислякова.

Когда она ушла, Кисляковъ прежде всего бросился къ стѣнѣ и осмотрѣлъ ее. На ней ничего не было.

Нужно было итти на службу. Онъ вышелъ въ коридоръ и тутъ сразу наткнулся на предметъ, который заставилъ съ тревогой забиться его сердце.

XXVIII

Опять на томъ же самомъ мѣстѣ противъ его двери висѣлъ раскрашенный листъ, воспроизводившій тѣ же самыя сцены изъ его біографіи, что были и въ прошлый разъ, когда онъ сорвалъ листъ со стѣны.

Онъ уже занесъ руку, чтобы по примѣру прошлаго раза сдернуть со стѣны листъ, какъ его рука вяло повисла въ воздухѣ. Онъ прочелъ заголовокъ:

«Стѣнгазета Отряда имени Буденнаго».

Съ бьющимся отъ волненія и негодованія сердцемъ онъ спустился внизъ, къ управдому, который сидѣлъ въ подвальномъ этажѣ со сводчатымъ потолкомъ и провѣрялъ за конторкой какія-то квитанціи.

Кисляковъ налетѣлъ на него и въ повышенномъ тонѣ сталъ разсказывать о безобразіяхъ, которыя позволяютъ себѣ дѣти въ квартирѣ № 6.

Управдомъ въ пиджакѣ и синей косовороткѣ, взглянувъ на посѣтителя, продолжалъ слюнявить пальцы и перелистывать квитанціи, при чемъ его толстый затылокъ и макушка съ завивающимся гнѣздышкомъ волосъ были совершенно равнодушны къ тому, что говорилъ Кисляковъ. Но чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ больше спадалъ его тонъ и тѣмъ меньше онъ уже самъ чувствовалъ убѣдительность того, что говорилъ.

— Чего же вы хотите?— сказалъ, наконецъ, управдомъ. — Они имѣютъ полное право на свою газету. Ими подано соотвѣтствующее заявленіе и просьба о регистраціи. И хотя мы никакой регистраціи сдѣлать,

конечно, не можемъ,всетаки,такъ сказать, обязаны даже поощрять, а не препятствовать дѣтскимъ организаціямъ.

Онъ опять погрузился въ квитанціи. Кисляковъ стоялъ передъ нимъ, какъ потерявшій нить отвѣта ученикъ. У него только съ необычайной силой билось сердце и почему-то казалось, что поднимаются волосы на макушкѣ, хотя они были очень коротки. Онъ даже провелъ по макушкѣ ладонью.

— А если вы находите неправильнымъ, подайте соотвѣтствующее заявленіе, — мы провѣримъ факты, въ случаѣ клеветы.

Кислякову пришла мысль, что если онъ подастъ заявленіе, то половина жильцовъ съ удовольствіемъ и полной готовностью подтвердитъ, что нарисованное въ стѣнгазетѣ — истинная правда. Его бросило въ жаръ, какъ будто онъ поднялъ бучу, не учтя имѣющихся позорныхъ уликъ противъ него самаго.

Было ясно, что никакого заявленія подать нельзя. Значитъ, приходилось признать себя побѣжденнымъ. Кѣмъ же? Организаціей гражданъ, изъ которыхъ самому старшему тринадцать лѣтъ.

И онъ почувствовалъ, что передъ нимъ — сила, съ которой онъ не можетъ бороться.

Отрядъ состоялъ, какъ было уже сказано, изъ девяти душъ: дѣтей двухъ семей рабочихъ и рыжаго веснущатаго малаго, сына мѣщанки.

Здѣсь уже было нѣкоторое искривленіе классовой линіи.

Но рыжій былъ, во-первыхъ, сильнѣе всѣхъ, а во-вторыхъ — онъ доказалъ свою лойяльность тѣмъ, что воевалъ съ матерью по всякимъ принципіальнымъ вопросамъ. Конечно, было ясно, что идеологіей онъ прикрывался только для того, чтобы командовать живой силой изъ восьми душъ.

Лѣтомъ онъ обыкновенно ходилъ въ однихъ штанахъ съ подтяжкой черезъ плечо на пуговицѣ, а осенью носилъ куртку съ одной мѣдной пуговицей вверху.

Слѣдующій — Гриша Цибиковъ — имѣлъ пристрастіе къ письменной части: писалъ протоколы, велъ газету и рисовалъ карикатуры. У него было очень мрачное выраженіе лица. Ему, видимо, больше всего въ себѣ нравилась эта мрачность, и онъ часто молча прогуливался одинъ по коридору, заложивъ руки назадъ, при чемъ иногда не выдерживалъ длительнаго срока и развлекался тѣмъ, что старался итти, не сбиваясь, по черной полоскѣ паркета у стѣны.

И, наконецъ, третій — Саня Тузиковъ, который имѣлъ всегда тихій, серьезный (безъ натяжки) видъ. Ходилъ опустивъ внизъ голову, какъ ходятъ начальственныя лица, точно стараясь избѣжать надоѣдливыхъ приставаній просителей. Саня Тузиковъ былъ совѣстью отряда. Если сынъ мѣщанки тов. Печонкинъ преслѣдовалъ корыстныя цѣли властвованія, если Гриша Цибиковъ увлекался славой, бойкимъ перомъ и ядовитыми рисунками, то Саня Тузиковъ во всемъ отстаивалъ только интересы отряда и, казалось, не имѣлъ личной жизни. Онъ былъ всецѣло поглощенъ правовой стороной и структурой отряда. Онъ распредѣлялъ роли, проводилъ собранія, писалъ резолюціи.

Остальные шесть человѣкъ были просто м а с с ы. Благодаря своему малолѣтству они то и дѣло наносили ударъ въ спину организованности отряда. Ихъ выступленія носили неорганизованный характеръ, и вождямъ отряда стоило нечеловѣческихъ усилій ввести ихъ въ нормы хотя бы самой элементарной дисциплины.

Они могли, часто по пустякамъ, совершенно терять свое достоинство. Увидѣвъ, напримѣръ, у какого-нибудь барчука съ голыми до колѣнъ нотами въ башмачкахъ необычайную заводную игрушку вродѣ летающаго аэроплана, они, забывъ все на свѣтѣ, унижались и раболѣпствовали передъ нимъ, пока, наконецъ, не являлся кто-нибудь изъ вождей и не призывалъ къ порядку отуманенныя головы.

Вообще массы были шатки и неустойчивы и часто изъ-за какого-нибудь вздора вродѣ сладкаго могли легко

поступиться интересами всей организаціи, если за ними во-время не досмотрѣть.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше они начинали сознавать свое достоинство, — вѣрнѣе, выгоды своей организованной сплоченности. Напримѣръ, тотъ же Печонкинъ: ему Софья Павловна Дьяконова какъ-то предлагала взятку за то, чтобы онъ перевелъ стоянку отряда отъ дверей ея комнаты куда-нибудь въ другое мѣсто. Взятка состояла изъ ц ѣ л о й плитки шоколада. У Печонкина слезы выступили на глазахъ отъ жадности при видѣ этой плитки, но онъ устоялъ. Да и не одинъ этотъ случай. А историческое столкновеніе съ управдомомъ!...

Результатомъ этого было то, что каждый изъ членовъ отряда, не насчитывающій даже семи лѣтъ отъ роду, оказывался сильнѣе любого изъ взрослыхъ квартирантовъ, которые не представляли изъ себя такого организованнаго коллектива, какъ Отрядъ имени Буденнаго.

Въ особенности въ невыгодномъ положеніи оказались интеллигенты, которые совершенно не выносили никакой организаціи, сковывающей свободу личности. Во всей полнотѣ невыгоду этого положенія первымъ испыталъ на себѣ Ипполитъ Кисляковъ.

Въ тотъ моментъ, когда онъ разсматривалъ нарисованную на него карикатуру, весь отрядъ съ замираніемъ сердца слѣдилъ за нимъ изъ ванной, какъ охотники слѣдятъ за тигромъ, подходящимъ къ приманкѣ. Когда же Кисляковъ побѣжалъ къ управдому, было созвано экстренное совѣщаніе для выясненія дальнѣйшей линіи поведенія.

Прежде всего Саня Тузиковъ сбѣгалъ по уходѣ Ипполита Кислякова къ управдому и спросилъ официально, безъ всякаго намека на выпрашиваніе милости, остается ли стѣнгазета послѣ только что имѣвшего мѣста заявленія гражданина Кислякова или снимается. Управдомъ, отмахнувшись рукой, сказалъ, что остается, и попросилъ не лѣзть къ нему.

Саня Тузиковъ поднялся наверхъ и, махнувъ рукой дожидавшимся его, сказалъ: «Въ кусты!»

Пока еще было тепло, работа отряда протекала главнымъ образомъ на дворѣ, въ сиреневыхъ кустахъ. И когда созывали собраніе, то говорили:

«Ты чего въ кусты не идешь? Вѣдь еще вчера оповѣщали»

или:

«Вѣдь этотъ вопросъ уже ставился въ кустахъ. Проспалъ что ли?»

Если же на дворѣ шелъ дождь, то коридоръ въ послѣобѣденные часы заполнялся отрядомъ имени Буденнаго и собаками. Съ собаками, какъ уже было отмѣчено, существовали отношенія различныхъ оттѣнковъ. Классовая рознь проявлялась главнымъ образомъ на кисляковскихъ собакахъ. Но это потому, что какая-то барская особенность ихъ сразу лѣзла въ глаза. Всегда онѣ обѣ — и Джери и бульдогъ — ходили съ бантами на шеѣ и то ли были необычайно высокомѣрны, то ли нервны, но онѣ не выносили шума, которымъ сопровождались всѣ дѣйствія отряда въ коридорѣ. Онѣ выскакивали туда и съ вставшей дыбомъ шерстью и оскаленными зубами поднимали лай, на что члены отряда отвѣчали соотвѣтствующимъ выступленіемъ.

Натансоновскія собаки, большія нѣмецкія овчарки, наоборотъ, какъ-то спокойно вошли въ жизнь отряда, во время собраній скромно сидѣли гдѣ-нибудь поблизости и виляли хвостами, разметая ими пыль и соръ на полу. Иногда ихъ даже запрягали въ телѣжку для грудныхъ младенцевъ, и онѣ довольно охотно возили ее взадъ и впередъ по коридору.

Въ этотъ день на дворѣ было тепло и солнечно, поэтому отрядъ направился въ кусты.

Жизнеспособенъ тотъ, кто знаетъ, чего онъ хочетъ. Отрядъ имени Буденнаго зналъ, чего хотѣлъ. Онъ прежде всего хотѣлъ имѣть свою территорію. А ее намѣтилъ оттягать у Ипполита Кислякова, отрѣзавъ у него еще одно окно. Въ видѣ тактическаго шага было намѣчено изданіе стѣнгазеты (районной), въ которой

изъ номера въ номеръ рѣшено было разоблачать жизнь жильцовъ, а главнымъ образомъ Ипполита Кислякова.

Собраніе открылось рѣчью Сани Тузикова, который кратко сообщилъ о положеніи дѣлъ въ данный моментъ.

Онъ имѣлъ привычку во время рѣчи смотрѣть въ лежащую передъ нимъ тетрадку (книга протоколовъ) и ударять по ней карандашомъ. Лобъ его въ это время наморщивался, а самъ онъ въ перерывахъ дѣлалъ торопливыя движенія горломъ, чтобы проглотить слюну.

— Я считаю Кислякова чуждымъ и къ тому же разлагающимся элементомъ, — сказалъ Саня, — а поэтому ясно . . . нашу линію нужно продолжать до конца.

Онъ говорилъ это и старался не смотрѣть въ тетрадку сидѣвшаго справа Гриши Цибикова, который увлекся рисованіемъ новой карикатуры и, улыбаясь самъ съ собой, изрѣдка отстранялся отъ бумаги, чтобы посмотрѣть издали.

Массы тоже вытягивали шеи и старались заглянуть, забывая о томъ, что нужно слушать.

Они вообще были очень слабы въ смыслѣ внимательнаго отношенія къ дѣлу, — въ особенности, если имъ приходилось долго слушать. Тогда они быстро увядали, ковыряли въ носахъ, провожали взглядомъ каждую собаку, пробѣгавшую мимо или навѣдавшуюся въ кусты. Ихъ то и дѣло развлекалъ видъ бѣгавшихъ на дворѣ ребятъ. Нуженъ былъ основательный окрикъ предсѣдателя, чтобы привести въ должное состояніе ихъ засорившіеся мозги.

Кромѣ того, у нихъ не было дисциплины мысли; такъ, напримѣръ, во время заявленія Тузикова одинъ изъ членовъ вдругъ сообщилъ, что его мать купила нынче громадный арбузъ. Предсѣдатель, въ отчаяніи видя, какъ это стороннее заявленіе сразу внесло въ ряды отряда мечтательность, долженъ былъ употребить крайнія усилія, чтобы ликвидировать внезапный упадокъ дѣлового настроенія.

Но сознаніе необходимости строжайшей дисциплины уже зарождалось въ каждомъ, даже изъ самыхъ малосознательныхъ, членѣ.

Каждому окрику они подчинялись безпрекословно.

Собраніе вынесло резолюцію о правильности линіи, взятой вождями, и о необходимости продолженія ея.

Только во время принятія резолюціи Саня Тузиковъ крикнулъ на одного пятилѣтняго члена съ бѣлой стриженой головой:

— Будетъ тебѣ въ носу-то ковырять! Ты голосуешь или не голосуешь?

Слѣдующимъ былъ вопросъ о средствахъ отряда, получавшихся изъ отчисленія суммъ, которыми располагали члены, въ видѣ перепадавшихъ отъ родителей выдачъ на сласти.

Взносы собирались довольно туго. Но вожди прибѣгали къ психологическому воздѣйствію и доказали на дѣлѣ, что каждый изъ членовъ въ отдѣльности при всемъ желаніи не можетъ, напримѣръ, купить мяча для футбола (вопросъ, стоявшій особенно остро передъ каждымъ изъ членовъ) или того же арбуза. Если же отрядъ будетъ располагать своимъ фондомъ — мячъ и какой-угодно арбузъ будетъ въ ихъ рукахъ. Что и было сдѣлано. Этотъ арбузъ — огромный, бѣлый, съ вырѣзомъ во весь бокъ — былъ купленъ нарочно, чтобы наиболѣе яркимъ примѣромъ побѣдить косное сознаніе массъ. Его ѣли въ коридорѣ на полу, разрѣзая на полукруги кухоннымъ ножомъ. Щеки всѣхъ членовъ отряда были измуслены почти до глазъ, потому что каждый выгрызалъ свою порцію до бѣлаго мяса, въѣдаясь въ полукругъ арбузной корки. А около вертѣлись натансоновскія собаки, пробовали нюхать бросаемыя корки и въ недоумѣніи отходили.

— Второй номеръ газеты выпускаемъ черезъ недѣлю, — сказалъ Саня Тузиковъ. — Товарищъ Цибиковъ озаботится собираніемъ матеріала.

Собраніе закончилось. Визгъ на дворѣ сразу удвоился.

XXIX

Для Ипполита Кислякова существованіе отряда было той ложкой дегтя, которая отравляла все его существованіе. Благодаря дружбѣ съ Полухинымъ, онъ почувствовалъ, что воскресъ, что новая жизнь пріемлетъ его, какъ своего. На службѣ онъ уже чувствовалъ себя совсѣмъ перешагнувшимъ на другой берегъ. На старомъ берегу остались только его ветхія одежды. И хотя фальшивка продолжала быть фальшивкой въ силу поздняго его перехода на другой берегъ, все же онъ не чувствовалъ къ себѣ отношенія, какъ къ чуждому элементу.

И только дома дежурства и общественность въ видѣ домовыхъ собраній, а особенно выступленія отряда, говорили ему о томъ, что, кромѣ ветхихъ одеждъ, на томъ берегу осталась еще и одна нога его.

Отрядъ какъ бы являлся всевидящимъ Провидѣніемъ, которое вскрывало и грозило вскрыть даже самые тайные грѣхи его жизни и его классоваго лица.

Сегодня выходка отряда была особенно для него болѣзненна, потому что онъ уже приготовилъ проектъ для Полухина и долженъ былъ его передать, что окончательно укрѣпляло его вѣру въ свое перерожденіе.

Кисляковъ приходилъ теперь на службу не съ тягостнымъ чувствомъ, какъ прежде. Прежде онъ невольно опускалъ глаза, когда встрѣчался съ только что поступившимъ тогда Полухинымъ, какъ будто онъ — интеллигентъ — занимаетъ незаконное мѣсто, и его выбросятъ, какъ только разберутся.

Онъ чувствовалъ теперь спокойную увѣренность и прочность жизни, когда открывалъ тяжелыя двери музея и слышалъ его знакомый, полуцерковный запахъ. Онъ входилъ въ учрежденіе съ такимъ чувствомъ, какъ будто былъ здѣсь чѣмъ-то вродѣ хозяина.

Теперь для него были невыносимы манеры Марьи Павловны, ея лорнетъ и французскій языкъ. Онъ не понималъ, какъ сама она не замѣчаетъ, насколько она смѣшна въ своей бѣличьей горжеткѣ, въ которой она

сидитъ во время работы, и съ своими французскими фразами, на которыя всегда оглядывается человѣкъ въ синемъ фартукѣ. Онъ теперь старался не встрѣчаться съ ней лицомъ къ лицу, чтобы не приходилось прикладываться къ ручкѣ и отвѣчать по-французски.

Когда онъ смотрѣлъ на унылую, монашескую фитуру Галахова и барскую осанку Андрея Игнатьевича, онъ съ удивительной ясностью видѣлъ ихъ непригодность къ новой жизни: они ни въ чемъ ни на волосъ не могутъ измѣнить себя и при этомъ, когда видятъ въ другихъ измѣненія, то, «съ высоты интеллигентскаго идеализма», считаютъ, что человѣкъ измѣнилъ себѣ, что онъ — предатель.

Въ особенности дико для него было слышать сужденіе Марьи Павловны о томъ, кто какъ былъ одѣтъ на прошломъ концертѣ и у кого былъ безвкусный галстукъ. А вѣдь онъ помнитъ, какъ онъ самъ краснѣлъ передъ самимъ собой, когда ему приходилось надѣвать дешевенькій совѣтскій галстукъ искуственнаго шелка, защемляемый такою же дешевой эмалированной застежкой. Или когда онъ принужденъ былъ надѣвать къ визиткѣ черные брюки, а не въ полосочку.

Теперь ему было гораздо болѣе нелѣпо появиться въ той же визиткѣ, даже въ брюкахъ безъ полосочки, передъ своими комсомольцами, щеголявшими всегда въ бумажныхъ штанахъ и косовороткахъ съ разстегнутымъ воротомъ. Онъ даже въ своемъ довольно поношенномъ пиджакѣ съ воротничкомъ чувствовалъ себя передъ ними неловко (прямо видно, что чужой, и н т е л л и г е н т ъ).

Отношенія его съ товарищами теперь выражались только въ обмѣнѣ нѣсколькими фразами при встрѣчѣ. Они почему-то не спрашивали, чѣмъ онъ занятъ, отчего забросилъ прежнюю работу. А разъ не спрашивали — значитъ, про себя уже обсудили, и возможно, что осудили, такъ какъ онъ нарушилъ основную интеллигентскую заповѣдь — не сближаться съ начальствомъ и властью, чтобы не измѣнить себѣ и не быть причастнымъ къ насилію.

Въ первое время, когда онъ чувствовалъ холодность товарищей, онъ могъ бы имъ сказать:

«Все равно культура, которой я дѣйствительно служилъ, которая во главу угла ставила свободу мысли и расширеніе правъ личности, — эта культура умерла, слѣдовательно — жить и работать по-настоящему я все равно не могу. Но вѣдь жить какъ-то нужно. Такъ и нужно смотрѣть на это, покончивъ разъ навсегда съ безпочвеннымъ интеллигентскимъ идеализмомъ и искренностью мысли».

Кисляковъ издали узнавалъ сѣрую кепку Полухина и коричневатую прорезиненную непромокашку. Такихъ кепокъ и такихъ непромокашекъ было множество у прохожихъ, но кепка Полухина для Кислякова была единственной, которую онъ всегда узналъ бы изъ тысячи другихъ кепокъ. Онъ даже къ ней чувствовалъ какую-то нѣжность.

XXX

Утро благодаря ребятамъ у Кислякова было испорчено. Его только радовало, что проектъ оконченъ. Было пріятно притти къ Полухину, запереться съ нимъ на правахъ своего человѣка въ кабинетѣ и услышать отъ него то, что онъ скажетъ. А онъ, навѣрное, посмотрѣвъ проектъ, встанетъ отъ стола и, хлопнувъ по плечу Кислякова, скажетъ:

— Молодецъ, братъ. Если бы вся интеллигенція такъ работала — что бы у насъ было!

Придя въ музей, онъ прямо прошелъ въ директорскій кабинетъ. У Полухина сидѣлъ какой-то лысый старичокъ въ пальто, со шляпой на колѣняхъ. Кисляковъ, чувствуя за собой право дружбы и короткихъ отношеній, вошелъ въ кабинетъ не спрашиваясь. Обыкновенно такъ входили коммунисты, считавшіе себя своими людьми. Поздоровавшись молча за руку съ Полухинымъ, Кисляковъ присѣлъ на окно.

Онъ съ нетерпѣливымъ раздраженіемъ поглядывалъ на посѣтителя, перебившаго ему дорогу. Онъ шелъ,

надѣясь застать Полухина одного и войти къ нему съ какими-нибудь подходящими словами вродѣ! «Кончено!» или «Ну, братъ, готово; теперь критикуй!»

При постороннемъ человѣкѣ сказать такъ было неудобно, и нужно было подождать, когда онъ уйдетъ. А чѣмъ больше проходило времени между его приходомъ и словами «кончено» или «готово», тѣмъ больше остывалъ подъемъ.

Посѣтитель оказался какимъ-то профессоромъ, предлагавшимъ музею археологическую коллекцію.

Кисляковъ смотрѣлъ сейчасъ на него глазами коммуниста — пролетарія, которому чужда всякая интеллигентщина. Профессоръ раздражалъ его всѣмъ своимъ видомъ, своей вѣжливой манерой говорить: «Вы изволили сказать», «я позволю себѣ замѣтить» и. т. д.

Наконецъ, профессоръ поднялся, чтобы уходить, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ сначала на свои руки, потомъ оглянулся кругомъ себя по полу. Шляпа валялась позади него на полу, и онъ не видѣлъ ее.

Кисляковъ опять не сдѣлалъ ни одного движенія, чтобы поднять профессору шляпу или хоть указать ему на нее.

— Ахъ, она вотъ гдѣ! — сказалъ тотъ, увидѣвъ, наконецъ, шляпу, и, виновато заулыбавшись, оглянулся на Кислякова, но опять не встрѣтилъ отвѣтной улыбки.

Кисляковъ всталъ съ окна, ожидая, когда профессоръ оставитъ ихъ вдвоемъ. Тотъ, пожавъ руку Полухину и поклонившись Кислякову, какъ-то виновато пошелъ къ двери въ своемъ старенькомъ пальто съ обтершимися карманами.

Кисляковъ съ таинственнымъ видомъ, не сказавъ ни слова Полухину, молча подошелъ къ двери и заперъ ее на задвижку. Потомъ подвинулъ стулъ къ удивленно слѣдившему за нимъ Полухину, вынулъ изъ кармана листы бумаги и сказалъ:

— Ну, братъ, готово, теперь слушай и критикуй! Сначала послушай до конца, а потомъ скажешь, хорошо это или ни къ чорту не годится.

Кисляковъ не выносилъ прежде никакихъ вульгарныхъ словъ и уличныхъ выраженій, отъ которыхъ обыкновенно приходила въ ужасъ Марія Павловна. Теперь онъ постоянно употреблялъ ихъ, такъ какъ ему казалось, что они облегчаютъ ему общеніе съ такими людьми, какъ Полухинъ, дѣлаютъ его для нихъ болѣе с в о и м ъ и снимаютъ съ него чуждый для пролетарія интеллигентскій покровъ.

Онъ началъ говорить о томъ, что музейное дѣло въ такомъ видѣ, въ какомъ оно находится сейчасъ, никуда не годится. Что ихъ центральный, показательный для всего Союза музей дѣйствительно скорѣе похожъ на «гробницу» для поклоненія.

По его мысли, всю русскую исторію прошлаго нужно было раздѣлить на самые характерные періоды и въ одномъ и томъ же залѣ собрать за одинъ періодъ образцы быта царей, дворянства и крестьянъ.

Вотъ это будетъ уже не просто бытъ царей и крестьянъ, а діалектика исторіи, такъ какъ будетъ указывать на все неравенство положенія людей. Затѣмъ въ эти основныя сословія съ 19 вѣка начинаетъ просачиваться бытъ разночинцевъ, интеллигенціи и нарождающейся буржуазіи. Это тоже отмѣтить. Затѣмъ начинаютъ появляться рабочіе, какъ классъ. Соціальная сѣть растетъ. Развѣтвляется все больше и больше. Соціальныя противорѣчія становятся все острѣе и острѣе, доходятъ до послѣдняго предѣла въ войнѣ. Наконецъ — взрывъ и новая эра: революція.

Эпоху революціи нужно представить во всемъ ее разнообразіи, раздѣливъ на три періода — періодъ борьбы, возстановительный и реконструктивный періодъ. Должны быть собраны орудія борьбы и прочія вещи, имѣющія отношеніе къ жестокой схваткѣ пролетаріата съ врагомъ. Затѣмъ должны быть макеты сооруженій, затѣмъ нужно показать въ образцахъ діалектику развитія сельскаго хозяйства и превращенія его изъ индивидуальнаго въ коллективное.

Полухинъ, подпершн голову рукой, смотрѣлъ въ листъ бумаги, гдѣ былъ набросанъ приблизительный

планъ, слушалъ, иногда поднималъ голову и смотрѣлъ на Кислякова. При чемъ живой глазъ его горѣлъ интересомъ, а стеклянный оставался равнодушенъ, мертвъ и своимъ безучастіемъ какъ бы отрицалъ все, что говорилъ Кисляковъ. Того это какъ-то сбивало, и онъ старался не смотрѣть на этотъ глазъ Полухина.

Наконецъ, Полухинъ поднялся и, ничего не говоря, сталъ ходить по кабинету, сосредоточенно глядя себѣ подъ ноги.

Кисляковъ, въ этомъ мѣстѣ ждавшій, что Полухинъ хлопнетъ его по плечу и съ восторгомъ скажетъ: «Молодецъ, братъ . . .», почувствовалъ вдругъ закрадывающуюся въ сердце тревогу. Онъ, не глядя на своего директора, сталъ собирать листы проекта, какъ собираетъ ученикъ тетрадки послѣ отвѣта учителю, чтобы скрыть волненіе и краску на щекахъ въ ожиданіи отзыва о своихъ успѣхахъ.

У него мелькнуло сразу нѣсколько тревожныхъ мыслей по разнымъ направленіямъ. Не учтетъ ли Полухинъ его проектъ, какъ ловкое средство для карьеры? Или, можетъ быть, ему стало непріятно, что онъ съ видомъ своего человѣка заперъ дверь кабинета на задвижку. Полухинъ могъ подумать: «Его только попросили, онъ еще ничего не сдѣлалъ, а уже чувствуетъ себя хозяиномъ въ кабинетѣ».

И чѣмъ больше молчалъ Полухинъ и чѣмъ больше Кисляковъ дѣлалъ предположеній о причинѣ его молчанія, тѣмъ больше у него начинали горѣть щеки и даже слегка дрожали руки.

Полухинъ остановился вдали отъ стола, въ противоположномъ концѣ кабинета, и сказалъ:

— Да, братъ! . .

Это одно обращеніе сразу сказало Кислякову, что онъ выигралъ! . . Полухинъ молчалъ не отъ сомнѣнія, а, очевидно, отъ той блестящей перспективы, которая нарисовалась у него въ мозгу при докладѣ Кислякова.

— Да, братъ, — повторилъ Полухинъ, — это штука! . . Именно діалектика-то исторіи должна быть

вскрыта! Это сразу все опредѣляетъ. Сразу тебѣ ясно, что нужно, что не нужно. И вѣдь какъ просто! Исторія должна быть движущейся, живой, а не мертвой, какъ у насъ.

— Вотъ это-то и есть настоящій марксизмъ, — сказалъ Кисляковъ.

— Да, это — марксизмъ, — повторилъ Полухинъ, все еще стоя на мѣстѣ. — Ну, братъ, здорово ты обозначилъ! Молодецъ!

Кисляковъ, услышавъ, наконецъ, слово, которое онъ думалъ услышать вначалѣ, почувствовалъ, что ему стоитъ большихъ усилій казаться спокойнымъ и даже равнодушнымъ.

— Ну, пойдемъ примѣряемъ, какъ все это будетъ, — сказалъ Полухинъ.

XXXI.

Послѣ разговора съ Полухинымъ у Кислякова оставался еще неизрасходованный запасъ подъема и оживленія. Нужно было еще съ кѣмъ-нибудь подѣлиться, кому-нибудь разсказать.

Разсказывать своимъ товарищамъ о предстоящей реорганизаціи дѣла по *его плану* было нелѣпо. На него покосятся, какъ на забѣжавшаго впередъ и ведущаго враждебную имъ политику, въ результатѣ которой, можетъ быть, инымъ изъ нихъ придется убраться отсюда.

Всѣ работники музея больше всего боялись всякихъ преобразованій и реорганизацій, такъ какъ начнутъ ворошить и перетряхивать все, и тебя, глядишь, вытряхнутъ. И если какая-нибудь реорганизація исходила отъ власти, то передъ этимъ смирялись, какъ смиряются передъ дѣйствіемъ стихійныхъ силъ. Если же она исходила отъ кого-нибудь изъ *своихъ*, это у всѣхъ вызывало негодованіе.

Поэтому Кисляковъ зашелъ въ ячейку. Ячейка помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, въ низкой комнатѣ со сводами.

Въ этой комнатѣ стоялъ столъ, покрытый зеленымъ листомъ промокательной бумаги, залитый чернилами, съ изорвавшимися и завернувшимися краями. По стѣнамъ висѣли плакаты, оставшіеся отъ майскихъ выступленій. Въ углу стояло красное знамя съ золотыми буквами. Около стѣнъ — простыя скамейки и деревянные диванчики съ прямыми рѣшетчатыми спинками.

Когда онъ вошелъ туда, тамъ было три человѣка: Чуриковъ, тотъ, что былъ въ президіумѣ на первомъ собраніи (онъ, запустивъ руку въ свои бѣлые волосы, сидѣлъ за столомъ надъ какой-то бумажкой, писалъ, потомъ, подумавъ, зачеркивалъ и опять писалъ); около него, навалившись животами на столъ, стояли два другихъ комсомольца, въ кепкахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, и смотрѣли, какъ онъ пишетъ.

— Что, товарища Сидорова нѣтъ тутъ? — спросилъ Кисляковъ, входя.

— Заходилъ давеча, потомъ ушелъ, — сказалъ Чуриковъ, поднявъ глаза отъ бумаги.

Кислякову никакой Сидоровъ не былъ нуженъ, но ему показалось неловко ни съ того ни съ сего войти, и онъ сдѣлалъ видъ, что ищетъ Сидорова, техническаго служащаго.

Съ комсомольцами изъ ячейки Ипполитъ Кисляковъ чувствовалъ себя менѣе свободно, чѣмъ съ Полухинымъ. Главнымъ образомъ потому, что онъ былъ много старше ихъ и годился имъ чуть не въ отцы, такъ что съ ними было какъ-то неудобно говорить фамильярнымъ, товарищескимъ тономъ, неудобно называть «ребятами», какъ они называли другъ друга. А разъ этого не было, то отношенія оставались сухими и офиціальными, на «вы».

— Покурить, что ли, — сказалъ онъ, какъ человѣкъ, уставшій на работѣ и потому позволяющій себѣ роскошь пятиминутнаго отдыха. Онъ открылъ портсигаръ и предложилъ комсомольцамъ. Тѣ молча взяли папиросы.

— Не знаешь, какія папиросы курить, — сказалъ Кисляковъ. — Начнешь одни, сначала выпускаютъ хорошія, а потомъ онѣ становятся все хуже и хуже.

— Мы «Пушку» куримъ, — сказалъ, улыбнувшись, одинъ изъ облокотившихся на столъ комсомольцевъ.

— Я самъ курилъ, но онѣ мнѣ не нравятся, отъ нихъ кашель, — отвѣтилъ Кисляковъ, такъ какъ ему показалось стыдно выглядѣть передъ комсомольцами аристократомъ, курящимъ дорогія папиросы.

Онъ хотѣлъ сѣсть на скамейку, но сѣлъ на окно, поставивъ ноги на диванчикъ съ рѣшетчатой спинкой, стоявшій подъ окномъ. Такое положеніе давало ощущеніе большей свободы и простоты.

— Ну, наши товарищи, музейные работники, кажется встревожатся не на шутку, — сказалъ онъ.

— А что? — спросилъ Чуриковъ.

— Товарищъ Полухинъ намѣтилъ широкую реорганизацію музея.

И Кисляковъ началъ разсказывать.

Въ это время въ комнату ячейки вошелъ Масловъ. Его черныя, соединяющіяся надъ переносицей брови почему-то раздражали Кислякова, и онъ при немъ стѣснялся, потому что съ нимъ нельзя было, какъ съ Чуриковымъ, по-пріятельски выкурить папироску и поболтать. Масловъ всегда смотрѣлъ отчужденно, точно настороженно. И сейчасъ, когда вошелъ, онъ прежде всего съ холоднымъ удивленіемъ взглянулъ на Кислякова, сидѣвшаго на окнѣ. Но ничего не сказалъ, не поздоровался и не сдѣлалъ внимательнаго къ разсказу Кислякова лица. Онъ подошелъ къ столу, сталъ чертить ногтемъ пальца по листу промокашки, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ, который шелъ къ себѣ въ комнату заниматься и вдругъ увидѣлъ чужого человѣка, о чемъ-то распространяющагося.

У Кислякова съ перваго момента появленія Маслова угасло все оживленіе. И, хотя онъ продолжалъ разсказывать въ томъ же тонѣ, все-таки каждую се-

кунду чувствовалъ Маслова, который никакъ не входитъ въ разговоръ, а стоитъ молча у стола.

Онъ не спросилъ, о чемъ идетъ разговоръ. какъ будто хотѣлъ этимъ показать, что ему совершенно неинтересно, о чемъ говоритъ неизвѣстно зачѣмъ пришедшій сюда интеллигентъ.

— Это будетъ, по-моему, замѣчательная вещь, — сказалъ Кисляковъ, кончивъ объясненія и сойдя съ окна какъ будто съ тѣмъ, чтобы бросить окурокъ папиросы, но на самомъ дѣлѣ — чтобы перемѣнить свою позу, которая съ момента прихода Маслова стала казаться ему мучительно неудобной.

— А почему же онъ намъ ничего не говоритъ объ этомъ? Въ секретѣ держитъ? — спросилъ Масловъ, холодно посмотрѣвъ на Кислякова.

Тотъ вдругъ съ испугомъ, отъ котораго пробѣжали мурашки по тѣлу, почувствовалъ, что, кажется, онъ сдѣлалъ грубую ошибку, разсказавъ объ этомъ комсомольцамъ въ ячейкѣ прежде, чѣмъ сдѣлалъ это самъ Полухинъ. Теперь они пойдутъ и заявятъ ему претензію, что ячейка узнаетъ послѣдней о предполагаемыхъ мѣрахъ директора. А Полухинъ позоветъ его, Кислякова, и скажетъ: — «Ты болтаешь, какъ старая баба, и подводишь меня. Убирайся къ чорту со своимъ проектомъ. Съ тобой только непріятностей себѣ наживешь».

Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Эти соображенія, пронесшіяся вихремъ въ его испуганномъ сознаніи, ввергли его сейчасъ же въ то состояніе угнетенной растерянности, которая ему была свойственна. Все оживленіе и блескъ глазъ исчезли мгновенно.

— У него диктаторскія замашки, — сказалъ Масловъ, — его какъ-нибудь надо одернуть. Дай-ка папироску, — обратился онъ къ Чурикову.

— У меня есть, — сказалъ Кисляковъ.

— У васъ у самихъ мало, — сказалъ Масловъ, увидѣвъ въ коробкѣ три папиросы.

— Бери, бери, — сказалъ Кисляковъ, совершенно не соображая, почему онъ назвалъ Маслова на «ты».

Кислякову вдругъ показалось, что Масловъ все-таки славный малый, когда къ нему подойдешь просто, а не по-интеллигентски.

Но онъ тутъ же подумалъ о томъ, что надо посовѣтовать Полухину привлечь къ дѣлу комсомольцевъ, чтобы у нихъ не было впечатлѣнія, что директоръ ихъ обходитъ.

XXXII.

На слѣдующій день Кисляковъ пришелъ на службу нѣсколько позднѣе, и ему сразу бросились въ глаза встревоженныя лица сотрудниковъ.

Что-то произошло.

Онъ прежде всего подумалъ, не перемѣнилось ли что-нибудь.

Но оказалось, что двое сотрудниковъ — Марія Павловна и Андрей Игнатьевичъ — отчислены.

Нѣсколько человѣкъ собрались послѣ службы въ коридорѣ у выхода на лѣстницу и горячо обсуждали этотъ инцидентъ.

Кисляковъ проходилъ мимо, и ему было неловко уйти, не высказавъ своего отношенія къ этому вопросу.

Марія Павловна, съ красными пятнами на щекахъ, волнуясь, говорила:

— Пусть мнѣ укажутъ причину! Я была плохой или недобросовѣстной работницей? Этого никто не можетъ сказать. Вотъ Ипполитъ Григорьевичъ видѣлъ мою работу. Можете вы меня упрекнуть въ чемъ-нибудь?

— Ну, что вы, Марія Павловна, Богъ съ вами! — сказалъ Кисляковъ и тутъ же съ досадой подумалъ о своей фразѣ, въ которую попалъ по привычкѣ «Богъ».

Для него ясна была причина отчисленія Маріи Павловны и Андрея Игнатьича: они при реконструкціи аппарата должны были выпасть изъ него. Но сказать имъ это было невозможно.

Кислякову было жаль смотрѣть на потерявшуюся Марію Павловну, которая искала у всѣхъ поддержки и отзывовъ о своей работѣ, какъ будто это могло что-то исправить. И онъ вдругъ почувствовалъ возмущеніе отъ нарушенія простой общечеловѣческой справедливости. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, выбрасывать человѣка, если онъ добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ, а отъ его міровоззрѣнія нѣтъ никакого вреда? Нельзя же къ личности относиться какъ къ арифметической единицѣ, выбрасывать одну и ставить на ее мѣсто другую. Вѣдь это — человѣческая жизнь, а не единица!

Ему представилась вдругъ вся жестокость такого отношенія. И причиной этого былъ Полухинъ, отъ котораго онъ былъ въ такомъ восторгѣ.

Въ данный моментъ онъ совершенно не зналъ, на чьей сторонѣ онъ: на сторонѣ коммуниста, пролетарія Полухина или на сторонѣ интеллигентки Маріи Павловны. Пожалуй, на сторонѣ послѣдней, потому что всякая несправедливость задѣвала его прежде всего. И онъ скажетъ это въ глаза и Полухину и кому угодно.

— Это несправедливо!

Сейчасъ онъ самъ не замѣтилъ, какъ все его сочувствіе перешло на сторону обиженныхъ Маріи Павловны и Андрея Игнатьича.

Высказать сочувствіе пострадавшимъ его побуждало еще то, что онъ самъ былъ въ счастливомъ положеніи, а это еще больше обязывало его смотрѣть за нарушеніемъ справедливости и высказывать свое мнѣніе независимо отъ личной выгоды, быть можетъ — даже въ ущербъ ей.

— Мы не должны этого такъ оставлять, мы должны что-нибудь сдѣлать. Марія Павловна работаетъ здѣсь десять лѣтъ, — говорилъ возбужденно Кисляковъ и вдругъ почувствовалъ въ спинѣ неловкость. Отлянувшись, онъ увидѣлъ человѣка въ синемъ фартукѣ, который стоялъ сзади въ коридорѣ и стряхивалъ съ себя пыль. Очевидно, онъ ходилъ наверхъ, гдѣ лежали старыя книги.

— Нужно непремѣнно переговорить объ этомъ съ товарищемъ Полухинымъ, — продолжалъ Кисляковъ и въ то же время чувствовалъ, что неловкость въ спинѣ все увеличивается, а голосъ спадаетъ самъ собой.

Сотрудники разошлись по домамъ, и онъ тоже пошелъ домой. Но всю дорогу не могъ успокоиться отъ мыслей, которыя вертѣлись около одного основного вопроса — о современной классовой жестокости человѣка къ человѣку.

Нѣтъ, вотъ этого онъ все-таки не можетъ простить коммунистамъ. Онъ представилъ себѣ холодную фигуру Полухина, какъ онъ однимъ росчеркомъ пера увольняетъ людей только за то, что они — чуждаго класса. Ему даже въ голову не приходитъ подумать о томъ, чѣмъ будетъ жить эта Марія Павловна.

Онъ такъ задумался, что, не замѣтивъ впереди себя какого-то человѣка, почти наткнулся на него. И вдругъ съ удивленіемъ и радостью вскрикнулъ:

— Николай, это ты?

Онъ узналъ своего товарища по школѣ — Николая Чумина, съ которымъ сидѣлъ на одной скамьѣ нѣсколько лѣтъ. Это былъ длинный добродушный человѣкъ, всегда отличавшійся веселымъ, ровнымъ характеромъ и широкими размашистыми жестами, съ манерой громко говорить, какъ будто онъ постоянно ораторствовалъ.

Въ школѣ онъ всегда работалъ за другихъ, писалъ сочиненія, дѣлалъ переводы, и когда кому-нибудь нужно было перевести трудное мѣсто, тотъ подходилъ къ Николаю, бралъ его за воротъ куртки, не спрашивая, свободенъ ли онъ, — и сажалъ за парту, заставивъ его дѣлать переводъ.

Николай удивленно оглянулся на восклицаніе Кислякова.

— Ба, ба! Голубчикъ ты мой, вотъ неожиданность!

Онъ былъ въ старой соломенной шляпѣ, въ которой на сгибѣ была дырка отъ старости. Кисляковъ замѣтилъ эту дырку уже послѣ того, какъ у него вырвалось радостное привѣтствіе.

Николай былъ сынъ городского священника, и въ его высокой фигурѣ и даже въ этой шляпѣ сквозило что-то духовное, священническое.

— Вотъ, братъ, встрѣча-то! — говорилъ Николай, схвативъ своей огромной кистью руку товарища.

— А я тебя сначала и не узналъ было.

— Пора. А сколько лѣтъ-то прошло? Еще не встрѣчалъ никого изъ нашихъ?

— Аркадій здѣсь!

— Это святой-то?

— Женился, братъ!

— Да что ты?!...

Такъ какъ они уже поровнялись съ подъѣздомъ дома Кислякова, то не пригласить Николая къ себѣ было неудобно.

— Зайдемъ ко мнѣ, — сказалъ Кисляковъ. — Поговоримъ.

— Да, братъ, есть о чемъ поговорить. Вѣдь двадцать лѣтъ прошло!

Они поднялись наверхъ. Гость, войдя въ комнату, осмотрѣлся со снятой шляпой въ рукахъ и, покачавъ головой, сказалъ:

— Да, ты хорошо устроился. Комната великолѣпная.

— Тутъ вотъ еще картины неплохія есть, но приходится держать за шкапомъ, а то сейчасъ же пойдутъ разговоры, что у насъ богатая обстановка и что съ насъ нужно больше брать за квартиру.

— Да. это, милый, хорошо, — сказалъ Николай, осмотрѣвъ картины.

Онъ оглянулся по комнатѣ, ища, куда положить свою шляпу, и, видимо, желая раздѣться. На немъ былъ какой-то длинный балахонъ вродѣ лѣтняго пальто, но доходившій ему чуть не до пятокъ, очень поношенный.

— Сейчасъ закусимъ чего-нибудь, — говорилъ суетливо Кисляковъ, открывая буфетъ и заглядывая то въ одно отдѣленіе, то въ другое.

— Не надо. Будетъ тебѣ лазить, сядь, поговоримъ, — говорилъ Николай, и самъ все-таки почему-то слѣдилъ за руками товарища: что онъ достаетъ изъ буфета.

— Нѣтъ, какъ же, надо, — сказалъ Кисляковъ, ставя тарелки на столъ.

— А у меня, милый, дѣла плохи, — сказалъ Николай.

— Что, развѣ? — спросилъ Кисляковъ такимъ тономъ, въ которомъ онъ самъ почувствовалъ нѣкоторое пониженіе въ сравненіи съ радостнымъ оживленіемъ перваго момента встрѣчи.

— Со службы выставили. За комнату второй мѣсяцъ не плачено. Жена бросила меня и вышла за весьма низменную личность, какъ только увидѣла, что я кормить ее не въ состояніи.

Кисляковъ пересталъ накрывать столъ, слушалъ, что говорилъ товарищъ, и изрѣдка вставлялъ:

— Да, братъ, это плохо . . .

Николай сталъ разсказывать. Кисляковъ слушалъ его, а самъ думалъ о томъ, что придется, должно быть, предложить денегъ. Но какихъ денегъ? У него оставалось всего двадцать рублей благодаря этому нелѣпому обѣду. До полученія жалованья и пріѣзда Елены Викторовны осталось еще больше двухъ недѣль. А тутъ Тамара можетъ предложить поѣхать куда-нибудь. Хорошъ онъ будетъ, когда придется каждую минуту оглядываться при мысли, что денегъ не хватитъ. Но какой-то голосъ (общечеловѣческій) говорилъ ему, что нельзя такъ разсуждать, когда близкій тебѣ человѣкъ находится на краю гибели. Ты долженъ его пригрѣть, накормить, помочь ему, чѣмъ можешь, хотя бы изъ самаго послѣдняго. На то ты интеллигентъ, а не коммунистъ, для котораго сынъ священника — ненужный и чуждый элементъ. Кисляковъ это самъ великолѣпно понималъ.

Если, допустимъ, дать ему десять рублей, вѣдь это не будетъ значить, что дѣло ограничится этими десятью рублями, разъ онъ знаетъ теперь, гдѣ ты живешь. И если онъ не придетъ просить, то все равно

самому будетъ неловко знать, что гдѣ-то поблизости твой товарищъ такъ нуждается. Если бы онъ хоть жилъ въ другомъ городѣ.

— Ты, что же, думаешь все-таки въ Москвѣ остаться? — спросилъ Кисляковъ.

— А куда же дѣваться-то? ... А тутъ еще болѣзнь ... ракъ, должно быть. Нужно бы сдѣлать изслѣдованіе или тамъ просвѣчиваніе, а на что сдѣлаешь?

Кисляковъ только теперь обратилъ вниманіе на особенную худобу товарища, на его ввалившіеся виски и костлявыя кисти рукъ.

— Вотъ и у моей жены что-то неблагополучно, — сказалъ онъ, обрадовавшись, что у Елены Викторовны есть тоже болѣзнь, хотя еще не такъ давно относился съ раздраженіемъ къ этой болѣзни, въ которую мало вѣрилъ.

— А гдѣ же жена-то?

— Она на дачѣ.

— О, братъ, у тебя совсѣмъ хорошо: жена по дачамъ ѣздитъ.

— Да нѣтъ, она, собственно, не на дачѣ, а на Волгѣ у родныхъ, — сказалъ Кисляковъ. — Ее бы надо везти въ Ессентуки, а средствъ никакихъ, ну и поѣхала, чтобы немножко передохнуть. Это еще дешевле, чѣмъ въ Москвѣ. Вѣдь у меня не одна жена, есть еще тетка.

Онъ едва не упомянулъ про собакъ, но во-время удержался.

Гость, взявши машинально изъ сухарницы корочку хлѣба, жевалъ ее, видимо, вставными износившимися зубами и говорилъ о своей болѣзни, о томъ, что онъ прежде не такъ чувствовалъ ее, теперь же, когда приходится голодать, онъ замѣчаетъ рѣзкое ухудшеніе.

Кисляковъ слушалъ, даже задавалъ вопросы о нѣкоторыхъ подробностяхъ, — напримѣръ, не бываетъ ли у него тошноты и болей подъ ложечкой. А самъ думалъ въ это время о томъ, что если бы у него было хоть тридцать рублей, тогда бы можно было дать.

— А я тебѣ скажу, что никакого у тебя рака, судя по всѣмъ признакамъ, нѣтъ, — сказалъ Кисляковъ. — Тебѣ только лучше всего уѣхать изъ Москвы на свѣжій воздухъ. У тебя родныхъ-то развѣ никого нѣтъ?

— Никого. Я одинъ изъ всего рода остался. Послѣ меня будетъ чисто... Изъ близкихъ людей только вотъ тебя и встрѣтилъ. А знакомые... ты вѣдь знаешь, какіе теперь люди стали: онъ какъ видитъ, что ты нуждаешься, такъ и старается отъ тебя стрѣльнуть въ сторону при встрѣчѣ. Это вотъ ты бросился съ распростертыми объятіями, а другіе, братъ, теперь не бросаются.

Кисляковъ рѣшилъ, что если Николай с а м ъ попроситъ, то онъ дастъ ему десять рублей, хотя бы его и ждалъ скандалъ съ Тамарой, вѣроятно вообразившей послѣ этого о б ѣ д а, что у него денегъ куры на клюютъ.

Но Николай опредѣленно и ясно не просилъ денегъ. Онъ только опять свернулъ разговоръ на свою неоплаченную комнату. Погладывая уже вторую корочку, взятую изъ той же сухарницы, онъ говорилъ о томъ, что если бы ему удалось заработать хоть несчастные гроши, онъ бы перевернулся какъ-нибудь.

У Кислякова уже покраснѣли щеки отъ моральнаго напряженія, онъ слушалъ Николая, глядя ему прямо въ глаза, чтобы видно было, что онъ не уклоняется отъ его разсказовъ, какъ тѣ его знакомые, что стрѣляли отъ него въ сторону при встрѣчѣ на улицѣ. Онъ только съ замираніемъ сердца ждалъ того момента, когда Николай скажетъ: «Разговоръ разговоромъ, а ты, милый, дай мнѣ сейчасъ десятку».

Но Николай не говорилъ, и благодаря этому съ каждой минутой у Кислякова усиливалось напряженіе.

Гость вздохнулъ, опять обвелъ разсѣянными глазами комнату, погладилъ своей огромной худой рукой ввалившіяся щеки и, покачавъ головой, сказалъ:

— Да, милый, тяжело. Тебѣ-то все-таки легче. Я хоть на тебя порадуюсь.

Кисляковъ уже не задавалъ вопросовъ. Онъ только сидѣлъ и слушалъ, думая о томъ, уйдетъ ли Николай не попросивъ денегъ, или попроситъ.

Николай сидѣлъ нѣкоторое время молча, опустивъ голову, какъ бы задумавшись о чемъ-то безотрадномъ. Онъ, видимо, потерялъ всякую чуткость въ людскихъ отношеніяхъ послѣ того, какъ видѣлъ, что его знакомые при встрѣчѣ съ нимъ переходятъ на другую сторону. Поэтому, разъ здѣсь его встрѣтили привѣтливо, самъ хозяинъ зазвалъ къ себѣ — онъ все продолжалъ сидѣть. Говорилъ медленно, задумывался, молчалъ.

Кисляковъ тоже молчалъ, чтобы не наводить гостя на новыя темы.

— Что меня больше всего пугаетъ, такъ это какое-то внутреннее опустошеніе, что ли, — я ужъ не знаю что, — сказалъ Николай, съ недоумѣннымъ жестомъ разводя руками, которыя лежали у него на подлокотникахъ кресла. — Сколько я ни встрѣчалъ своего брата-интеллигента, ни разу мнѣ не удавалось разговориться и вызвать его на разговоръ, чтобы у него заблестѣли глаза отъ какой-нибудь идеи. Въ чемъ тутъ дѣло? ... Опустѣли, что ли, такъ всѣ? Кончились?

Кисляковъ не отвѣтилъ, такъ какъ тогда навѣрно завязался бы разговоръ, отъ котораго у Николая заблестѣли бы глаза, и онъ до вечера бы не кончилъ. Но совсѣмъ никакъ не отозваться было неловко, и потому Кисляковъ покачалъ задумчиво головой, показывая этимъ, что онъ и самъ думалъ объ этомъ не разъ.

— У всѣхъ рознь, злоба. Человѣкъ человѣку не нуженъ. Внутренно не нуженъ. Это страшно. А главное — не услышишь ни одной задушевной мысли.

Онъ сдѣлалъ было движеніе встать, — очевидно, собираясь уходить.

— Задушевность теперь не въ ходу, — сказалъ Кисляковъ съ тѣмъ, чтобы гость не ушелъ въ молчаніи, а услышалъ бы хоть одно созвучное слово.

— Вотъ именно! — оживившись и обрадовавшись подхватилъ Николай, опять садясь въ кресло.— Именн

задушевность не въ ходу. Ты это совершенно пра-
вильно...

— Ну, прости милый: мнѣ надо по дѣлу, — вдругъ неожиданно для самого себя проговорилъ Кисляковъ и даже покраснѣлъ отъ того, что это могло выйти неловко, позорно.

Но гость нисколько не оскорбился.

— Иди, иди, голубчикъ, задерживать не буду. Теперь, братъ, время суровое, — минуту упустилъ — часами не нагонишь, — сказалъ Николай, заторопившись уйти. — Ты меня пригрѣлъ, вотъ я и разболтался. Я ужъ отвыкъ по-человѣчески, какъ братъ съ братомъ, съ людьми-то говорить. Боже, что сдѣлалось съ людьми... Я вотъ еще корочку хлѣбца возьму у тебя.

— Да бери больше, что ты церемонишься! — Кисляковъ, самъ сталъ рѣзать ему ломти чернаго хлѣба и тутъ же покраснѣлъ, вспомнивъ, что забылъ про завтракъ.

— Довольно, довольно, будетъ тебѣ, куда ты столько! — говорилъ испуганно Николай, жуя длинными челюстями голый хлѣбъ и махая на хозяина рукой, точно тотъ проявлялъ полную необузданность и расточительность въ хлѣбосольствѣ.

— Да, вотъ, милый, неожиданная встрѣча... А главное — въ двухъ шагахъ отъ меня живешь. Ну, довольно, — онъ махнулъ рукой и отодвинулъ сухарницу съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ отодвигаютъ пѣлый ассортиментъ всякихъ разносоловъ, которыхъ напробовались уже до отвала. — Пойдемъ.

Кислякову никуда не нужно было идти. Нужно было только какъ-нибудь выпроводить товарища. Но такъ какъ онъ сказалъ, что ему нужно спѣшить, то пришлось спуститься съ лѣстницы вмѣстѣ съ Николаемъ.

Они вышли изъ подъѣзда, при чемъ Николай оглянулъ домъ, поднявъ голову, какъ отлядываютъ, чтобы запомнить по наружнымъ признакамъ. Вмѣстѣ дошли до угла, на которомъ былъ кооперативъ.

— Ну, ты иди себѣ, — сказалъ Николай, остановившись на углу и подавая товарищу руку.

— До свиданія, милый, — сказалъ Кисляковъ, почему-то съ чувствомъ пожавъ огромную кисть друга дѣтства. Онъ подождалъ, когда Николай скрылся за угломъ, и вернулся къ себѣ домой.

XXXIII

Прежде Кисляковъ имѣлъ тяготѣніе ко всѣмъ гибнущимъ и недовольнымъ: въ разговорахъ съ ними онъ получалъ какъ бы оправданіе тому, что оставилъ свое призваніе, похоронилъ свою высшую цѣнность и идею. Оправданіе было въ томъ, что не онъ одинъ, а вонъ сколько ихъ такъ же смотрятъ на вещи, страдаютъ и чувствуютъ свою гибель. А разъ гибель, то какой же можетъ быть разговоръ о высшихъ цѣнностяхъ?

И чѣмъ человѣкъ, съ которымъ онъ встрѣчался, былъ больше обиженъ, чѣмъ онъ безнадежнѣе высказывалъ мысли о будущемъ, тѣмъ большее удовлетвореніе и внутреннее оправданіе получалъ Кисляковъ.

Потомъ благодаря дружбѣ съ Полухинымъ почувствовалъ возможность сліянія съ новой жизнью. Вмѣстѣ съ этимъ начало измѣняться внѣшнее его положеніе. Онъ уже не на задворкахъ жизни, какъ чуждый элементъ, а на пиру жизни, какъ свой. Для него стало своеобразнымъ наслажденіемъ все больше и больше завязывать связи съ коммунистами и пролетаріатомъ и отходить отъ бывшихъ «своихъ». Во-первыхъ, потому, что ихъ нытье теперь вызывало въ немъ раздраженіе, во-вторыхъ, какой-нибудь изъ его прежнихъ единомышленниковъ могъ сказать по его адресу, что нѣкоторые люди все-таки умѣютъ ладить съ коммунистами, несмотря на высказываемыя ими опредѣленныя идеи, и, въ-третьихъ — что коммунисты могутъ узнать о его сомнительныхъ связяхъ съ чуждыми элементами. А это было неудобно.

Прежде при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь попавшимъ въ бѣду знакомымъ онъ могъ ему посочувствовать, по-

возмущаться и пойти своей дорогой, потому что самъ былъ не въ блестящемъ положеніи. Теперь же онъ, слушая какого-нибудь гибнувшаго, соображалъ, чего онъ будетъ просить: денегъ или заступничества?

Но вѣдь невозможно же помочь всѣмъ! И нельзя даже было имъ сочувствовать и соболѣзновать, потому что они увидятъ, что человѣкъ отнесся къ нимъ почеловѣчески и непремѣнно попросятъ помощи.

Поэтому Кисляковъ испытывалъ теперь положительно страхъ передъ плохо одѣтыми людьми изъ интеллигенціи. Если онъ видѣлъ впереди себя на улицѣ такого, то безотчетно замедлялъ шагъ или отъ грѣха переходилъ на другую сторону улицы. Пройти мимо, не разспросивъ, не посочувствовавъ, ему, какъ интеллигентному человѣку, было неудобно, въ особенности, если это былъ близкій знакомый. А разспросить его о положеніи — значитъ, навѣрняка нарваться на просьбу о посильной помощи ходатайствомъ или деньгами.

Поэтому, если ему разсказывали скорбную повѣсть и при этомъ не просили о помощи, у него появлялось наиболѣе горячее сочувствіе. Чѣмъ меньше, судя по виду знакомаго, могла потребоваться отъ него — Кислякова — помощь, тѣмъ онъ былъ отзывчивѣе.

Онъ пришелъ къ заключенію, что для того, чтобы сохранить жизнеспособность, нужно закалиться, любовь къ ближнему допускать лишь словесную, т. е. когда ближній будетъ доволенъ только однимъ твоимъ сочувствіемъ, безъ посягательства на реальную помощь. А если помощь требуется въ большей степени — давно пора прямо сказать себѣ, что такой любви (общечеловѣческой) у него нѣтъ, да онъ и не собирается ея имѣть.

Если хочешь жить для себя и чувствовать внутреннее равновѣсіе, то нужно зажать уши и не оглядываться каждую минуту на этихъ гибнущихъ, потому что тогда будетъ не жизнь, а одно мученіе и нравственная пытка. Если ты сумѣлъ выкарабкаться, то

это далось тебѣ нелегко. Другіе сами о себѣ пусть заботятся.

Надо въ себѣ развить такую твердость, чтобы не сворачивать съ дороги передъ требующимъ помощи, не чувствовать себя виноватымъ передъ нимъ въ своемъ благополучіи. Надо достигнуть того, чтобы, глядя просящему прямо въ глаза, сказать:

«Иди къ чорту. Ничего кромѣ пятачка не получишь, да и тотъ не каждому попадетъ, а скорѣе тому, кто на какія-нибудь штуки пойдетъ, въ родѣ того, что будетъ посреди улицы на колѣняхъ стоять или на тебя такъ въ упоръ наскочитъ, что тебѣ ужъ некуда будетъ податься. Зато если дальше попадется тебѣ на дорогѣ какая-нибудь жалкая старушка, которая, какъ слѣпая овца, потерялась въ этой жизни, ничего не понимаетъ и даже не рѣшается просить, — ее ты обойдешь непремѣнно подъ тѣмъ предлогомъ, что ты не обязанъ быть для всѣхъ отгадчикомъ и соображать, что нужно каждому человѣку, молча стоящему на углу».

XXXIV

Главный вопросъ, который тревожилъ его въ послѣднее время, это возможность появленія у Тамары ребенка. Она отнеслась къ этому слишкомъ легкомысленно, и добиться у нея болѣе точнаго отвѣта было невозможно. Къ тому же говорить объ этомъ нѣсколько разъ подрядъ было неудобно: она могла въ одинъ прекрасный день, презрительно прищурившись, посмотрѣть на него и сказать:

«Васъ что собственно такъ безпокоитъ въ этомъ вопросѣ? Боитесь, что васъ заставятъ давать средства на в а ш е г о ребенка? . .»

Поэтому нужно было во что бы то ни стало добиться выясненія этого вопроса у Аркадія, т.-е. узнать, были ли у него дѣти.

Въ отношеніяхъ къ нему Тамары Кислякова поражала ея смѣлость. Она взяла пріемъ братскихъ отношеній и, какъ бы пользуясь первымъ предложеніемъ

Аркадія, продолжала при встрѣчѣ и при прощаніи цѣловать Кислякова, говорила ему «ты», сидѣла, положивъ ему руку на плечо.

— Если говорить тебѣ «вы», то такъ уже навѣрное какъ-нибудь проговоришься, — говорила она Кислякову, когда тому ея смѣлость казалась чрезмѣрной, — и тогда если я буду съ тобой держаться офиціально, то всегда скорѣе можно возбудить подозрѣніе какимъ-нибудь ничтожнымъ жестомъ, — напримѣръ, отдернуть руку съ твоего плеча при входѣ Аркадія. А такъ — онъ привыкнетъ и совершенно перестанетъ обращать вниманіе.

— Ты знаешь, я совершенно не чувствую въ немъ мужчины, — говорила она иногда съ веселымъ недоумѣніемъ Аркадію. — Вотъ онъ сидитъ со мной, и я могу его, какъ брата, гладить по головѣ и даже класть голову на колѣни.

— Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, — отвѣчалъ Аркадій, — просто оба вы — чистые люди съ неиспорченнымъ воображеніемъ. Было бы странно, если бы было наоборотъ. Тѣмъ болѣе, ты знаешь, что Ипполитъ для меня больше, чѣмъ родной братъ.

Кисляковъ при этихъ разговорахъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто ему за воротъ лили холодную воду, и онъ еще долженъ былъ не шевелиться, чтобы не показать своего состоянія. Его поражало въ Тамарѣ завидное отсутствіе чувства вины или мученій совѣсти за свою ложь передъ Аркадіемъ, какъ будто ее нисколько не связывало то, что Аркадій самъ былъ человѣкъ исключительно чистой души и безконечно вѣрилъ имъ обоимъ.

Для Кислякова эти свойства Аркадія и то, что онъ являлся его другомъ, было самымъ тяжелымъ моментомъ въ его отношеніяхъ съ Тамарой, потому что это уничтожало искренность въ его отношеніяхъ къ Аркадію. Вотъ если бы между нимъ и Аркадіемъ не было такой сильной и глубокой духовной связи, тогда все было бы проще А то нѣтъ ничего ужаснѣе, когда Аркадій, ничего не подозрѣвая, смотритъ на него

своими добрыми глазами и еще заботливо разспрашиваетъ его иногда, почему онъ такъ угнетенъ чѣмъ-то. А онъ, конечно, былъ угнетенъ, потому что не могъ попрежнему говорить съ Аркадіемъ о возвышенныхъ вещахъ, когда самъ обманывалъ его. Да еще въ чемъ обманывалъ!

Для Аркадія было большой радостью, что Тамара теперь не стремилась, какъ прежде, каждую минуту изъ дома. У нея почти не появлялось того трагическаго выраженія, съ которымъ она иногда сидѣла по цѣлымъ днямъ съ устремленными въ одну точку глазами.

— Я не знаю, какъ тебя благодарить, — говорилъ иногда Аркадій Кислякову, — ты такъ благотворно повліялъ на Тамару. Мнѣ было больно смотрѣть на нее, когда она просиживала цѣлые часы въ какомъ-то окаменѣніи. Вотъ такъ же, но только въ меньшей степени, вліяли на нее дядя Мишукъ и Левочка. Они, правда, были оба нѣсколько примитивные, хотя и прекрасной души люди.

Если Тамара въ первое время удерживала Аркадія около себя, когда они сидѣли втроемъ на диванѣ, и даже не позволяла ходить по комнатѣ, то теперь она старалась подъ всякими предлогами избавиться отъ его присутствія. При чемъ дѣлала это такъ явно, что становилось иногда жутко. Или начинала разспрашивать мужа, не пойдетъ ли онъ куда-нибудь сегодня вечеромъ, а если пойдетъ, то долго ли пробудетъ.

Когда же Аркадій приходилъ откуда-нибудь и подходилъ къ ней съ ласковымъ жестомъ, она, поморщившись, уклонялась отъ его ласки и говорила:

— Я устала, оставь.

А когда онъ все-таки цѣловалъ ее въ голову, она съ досадой отталкивала его. И цѣловалъ ее теперь всегда Аркадій, а не она, какъ было прежде. Она только пассивно допускала это.

Кислякову казалось странно при этомъ, неужели Аркадій, умный человѣкъ, не видитъ происшедшей въ ней перемѣны по отношенію къ нему. Ужъ разъ жен-

щина становится пассивна въ ласкѣ и только терпитъ ее — значитъ, навѣрное что-то есть... Это аксіома.

Потомъ у нея стала проявляться явная раздражительность при всякомъ обращеніи къ ней Аркадія. Прежде у нея была къ нему повышенная нѣжность, какъ бы въ благодарность за то, что онъ предоставилъ ей своего друга и служилъ соединительнымъ звеномъ между нимъ и ею.

Теперь потребность въ его посредничествѣ исчезла, и съ нею исчезла нѣжность къ Аркадію. Ее уже все въ немъ раздражало.

Стоило ему не разслышать и переспросить у нея, какъ она, раздраженно поморщившись, говорила:

— Если ты плохо слышишь, то садись такъ, чтобы не приходилось повторять тебѣ по десять разъ.

Если Аркадій въ чемъ-нибудь поправлялъ ее или говорилъ, что это не такъ, какъ она сказала, — она закусывала губы и спрашивала:

— Значитъ, я лгу?.. Мнѣ разсказали такъ.

— Да не въ томъ дѣло, что ты лжешь, а просто тебѣ невѣрно разсказали.

— Я вовсе не собираюсь быть справочнымъ бюро, — говорила съ раздраженіемъ Тамара. — Я разсказываю, что слы-ша-ла, вотъ и все. А у насъ дома, оказывается, рта нельзя разскрыть, чтобы тебя не остановили и не потребовали точной справки о достовѣрности.

Но самыя тяжелыя сцены были на почвѣ экономическихъ вопросовъ.

Иногда Аркадій приходилъ, когда Тамара штопала чулки. Чулки — это было самое больное ея мѣсто.

— Брось, что ты взялась, — говорилъ онъ.

Тамара, закусивъ губы, сначала ничего не отвѣчала, потомъ у нея прорывалось:

— Если бы у меня были новые, приличные чулки, я бы тогда не штопала старыхъ. Мнѣ скоро придется носить длинную юбку, чтобы прикрыть дыры. Всѣ порядочныя женщины...

— Ну, милая, голубчикъ мой, нельзя же при нашихъ средствахъ платить по восемнадцати рублей за пару.

Тамара молчала. А Кисляковъ, который былъ тутъ же, сидѣлъ, какъ на иголкахъ: она, вѣроятно, думаетъ про него, что онъ скупъ, какъ идолъ. За обѣды платитъ по тридцати рублей, а женщинѣ, съ которой живетъ и которая ради него обманываетъ мужа, не можетъ подарить пары шелковыхъ чулокъ.

У него же и было-то всего двадцать рублей благодаря этому несчастному обѣду. И на что онъ будетъ жить еще двѣ недѣли до пріѣзда Елены Викторовны — одному Богу извѣстно.

Чѣмъ больше пытался разубѣждать ее и успокаивать Аркадій, тѣмъ больше она раздражалась.

Если Тамара, придя домой въ хорошемъ настроеніи, заставала обоихъ, то она, едва подставивъ щеку Аркадію. сама цѣловала Кислякова. И при этомъ въ ней всегда бывали такая стремительность и откровенное предпочтеніе, повышенная ласковость и вниманіе къ нему на глазахъ у мужа, что Кисляковъ невольно нѣсколько отстранялся отъ нея, чтобы умѣрить ея активность въ отношеніи къ нему. Иногда онъ чувствовалъ даже противъ нея досаду и раздраженіе, такъ какъ она не хотѣла думать ни о какой осторожности. Его привилегированное положеніе въ отношеніяхъ къ нему Тамары провело между нимъ и Аркадіемъ какую-то невидимую черту несвободы въ его отношеніяхъ съ другомъ.

XXXV

Когда Кисляковъ пришелъ къ Аркадію, онъ былъ одинъ и, лежа на диванѣ головой въ сторону окна, держалъ въ рукахъ книгу, но смотрѣлъ мимо нея, задумавшись о чемъ-то. У него былъ усталый, болѣзненный видъ.

Увидѣвъ друга, онъ отложилъ книгу, снялъ съ уставшихъ глазъ пенснэ и всталъ съ дивана.

— Это ты? . .

Онъ поздоровался, походилъ по комнатѣ и сказалъ:

— Я сейчасъ читалъ и думалъ о томъ, что мы совершенно отвыкли имѣть свои личныя мысли. Мы боимся теперь правды передъ самими собой. Мы скоро будемъ совершенно пустыми. Перестаешь вѣрить въ значительность и даже просто въ существованіе самого себя, какъ отдѣльнаго міра. Потому что все кругомъ живетъ, какъ масса, не имѣющая въ себѣ никакого внутренняго міра.

Онъ остановился и помолчалъ, потомъ продолжалъ:

— Сейчасъ нельзя жить, не имѣя около себя души, которая п о н и м а л а б ы все до послѣднихъ глубинъ изъ того, что въ тебѣ есть. Это всегда нуждается въ воспріемникѣ, иначе потеряешь способность духовной жизни. Мы, т.-е. тѣ, кто еще сохранилъ себя среди шумнаго, чуждаго намъ потока, должны соединиться въ своего рода «церковь», что ли, чтобы пронести нашу правду, о б щ е ч е л о в ѣ ч е с к у ю истину сквозь эту эпоху и спасти ее отъ гибели. И она не погибнетъ. Я вѣрю, что душа человѣка, встрѣчаясь съ вѣчной истиной, чувствуетъ эту истину, несмотря ни на что. Этого убить ничѣмъ нельзя.

Говоря это, онъ стоялъ и смотрѣлъ куда-то вдаль.

— Мы должны знать, что въ исторіи человѣчества бываютъ эпохи, когда человѣкъ надолго отходитъ отъ того божественнаго, что есть въ немъ. У него остается только внѣшнее, животное — его механическая сила, способности, но внутри — ничего. Но я вѣрю, что скоро-скоро человѣкъ почувствуетъ великую тоску отъ ничтожества внѣшнихъ д ѣ л ъ и вернется къ своей забытой душѣ.

Въ другое время Кисляковъ, заслышавъ такой разговоръ, сразу бы оживился. Но сейчасъ онъ сидѣлъ въ напряженномъ состояніи. Онъ хотѣлъ было до прихода Тамары какъ-нибудь спросить Аркадія, были ли у него отъ нея дѣти. А тотъ завелъ такой разговоръ, что съ него на дѣтей никакъ не свернешь.

Онъ слушалъ Аркадія и въ каждомъ его словѣ видѣлъ съ необычайной яркостью интеллигентскій,

идеалистическій оттѣнокъ. Ему даже было стыдно при мысли, что если бы вдругъ хоть тотъ же Полухинъ послушалъ этотъ разговоръ о нашей правдѣ и общечеловѣческой истинѣ съ тоской по «забытой душѣ». Онъ впервые съ особенной остротой почувствовалъ, что Аркадій не только остался на той позиціи, на какой онъ былъ прежде, а и шагнулъ далеко назадъ: отъ него вѣяло какой-то интеллигентщиной, отъ своего жизненнаго краха повернувшей къ религіи.

Но сказать это въ глаза другу было невозможно, въ особенности послѣ его словъ о церкви. Было даже неловко молчать, чтобы не показаться ему чужимъ, непонимающимъ интимнѣйшихъ мыслей; поэтому Кисляковъ изрѣдка говорилъ: «Вѣрно», — или, для разнообразія: «Да, это глубоко вѣрно».

— Человѣкъ когда-нибудь вспомнитъ о своей заброшенной душѣ, — продолжалъ Аркадій, — но настолько велика ихъ сила, что мы (если смѣло сказать страшную правду) уже потеряли вѣру въ тѣ истины, которыя мы признавали, какъ общечеловѣческія святыни (двигатель жизни — любовь, а не борьба, правда одна для всѣхъ, а не для своихъ только). Даже вѣра въ геній и мудрость поблѣднѣли и выцвѣли подъ напоромъ ихъ постоянныхъ утвержденій, что право на существованіе имѣютъ только ихъ идеи, что будущее только за ними.

Вотъ въ чемъ ужасъ!

И опять Кисляковъ вспомнилъ почему-то Галахова съ его унылымъ, монашескимъ видомъ и, посмотрѣвъ на Аркадія, подумалъ о томъ, что въ каждомъ идеалистѣ-интеллигентѣ есть что-то иноческое, монашеское, совершенно негодное для жизни.

— Ужасъ еще и въ томъ, — продолжалъ Аркадій, ходя по комнатѣ медленными крупными шагами, — что вѣдь мы дѣйствительно гибнемъ и вырождаемся. Большинство изъ насъ потеряло волю къ жизни и не производитъ потомство. Намъ все равно, что будетъ послѣ насъ. И, значитъ, все позволено!

Кисляковъ, съ остеклянѣвшими глазами напряженно ждавшій случая для удобнаго перехода къ интересовавшему его вопросу, встрепенулся при послѣдней фразѣ о потомствѣ, какъ заснувшій пассажиръ отъ звонка вышедшаго поѣзда. Аркадій даже съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— А что у тебя... дѣтей не было? — спросилъ, покраснѣвъ, Кисляковъ.

— Нѣтъ. У Тамары какой-то исключительный страхъ передъ появленіемъ ребенка. Вотъ и это характерно для вырожденія — женщина начинаетъ бояться боли родовъ, неудобствъ, связанныхъ съ появленіемъ ребенка въ плохихъ жилищныхъ условіяхъ. Возьми нашъ домъ: здѣсь живутъ почти исключительно интеллигенты, люди научной мысли. художники, — и что же — на двадцать четыре семьи у насъ одинъ ребенокъ и восемнадцать собакъ.

— У насъ тоже собаки, — сказалъ Кисляковъ. И, такъ какъ вопросъ все еще оставался невыясненнымъ до конца, онъ спросилъ: — А ты развѣ не надѣешься, что у тебя все-таки можетъ быть ребенокъ? Вѣдь у васъ квартирныя условія довольно сносныя.

— Нѣтъ, послѣ аборта, который она себѣ сдѣлала въ прошломъ году, доктора сказали, что у нея не можетъ быть дѣтей.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ это время пришла Тамара.

XXXVI

Она, какъ была въ синемъ костюмѣ и надвинутой на глаза шляпкѣ, такъ, не снимая ихъ, подошла и оживленно поцѣловала Кислякова, потомъ подставила щеку мужу.

Аркадій съ нѣжностью поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

— Постой, — сказала она, поморщившись. Пошла въ спальню и вернулась оттуда въ синемъ японскомъ халатикѣ. Она сѣла около Кислякова на диванъ, положила ему на колѣни руку и смотрѣла на него такъ,

какъ будто кромѣ нихъ въ комнатѣ никого не было. Кисляковъ сдѣлалъ ей глазами знакъ, указывающій на невозможность такого откровеннаго поведенія, и даже подвинулся подальше отъ нея.

— Пойди купи чего--нибудь, — сказала Тамара Аркадію.

— Чего купить?

Она начала перечислять, а Кисляковъ не зналъ, какое выраженіе придать своему лицу, такъ какъ ужъ слишкомъ прозрачно она выпроваживала Аркадія. А Тамара еще прибавила:

— Только не покупай у насъ на углу, а пройди на Срѣтенку: тамъ все лучше и свѣжѣе.

— Куда же я на край свѣта пойду! И потомъ тамъ всегда такая очередь, что не дождешься.

— Тогда я сама пойду.

— Еще что скажешь . . .

— Потомъ . . . потомъ зайди въ аптеку, возьми очищеннаго мѣла.

Она еще что-то заказывала, а Кисляковъ все думалъ о томъ, какъ Аркадій не догадается: вѣдь она нарочно придумываетъ, чтобы онъ подольше ходилъ.

Когда онъ ушелъ, Кисляковъ облегченно вздохнулъ.

— Какъ ты можешь такъ неосторожно?!

Тамара обвила его шею руками, шутя повисла на немъ и сказала, глядя на него снизу:

— Я же тебѣ говорила, что чѣмъ откровеннѣе поступаешь, тѣмъ меньше человѣкъ догадывается. И потомъ ты не можешь себѣ представить, какъ онъ высоко ставитъ тебя. Ну, идемъ сюда . . .

— Вотъ это и ужасно . . . — сказалъ Кисляковъ, идя за ней въ спальню.

— А ты знаешь, для меня было что-то гипнотически влекущее въ томъ, что ты — его другъ, и для тебя дружба Аркадія является чѣмъ-то очень большимъ, — говорила Тамара, лежа на постели и гладя волосы Кислякова. — Меня оскорбило твое отношеніе ко мнѣ, когда ты сказалъ, что смотришь на меня какъ на сестру; меня еще никто такъ не оскорблялъ. Я, помню,

читала старинные романы, гдѣ другъ, не желая нарушить вѣрности своему другу, кончалъ съ собой, полюбивъ его жену. Значитъ, несмотря на дружбу, можно все-таки полюбить жену друга.

— Это я только говорилъ, что смотрю на тебя, какъ на родственницу, — сказалъ Кисляковъ, — но я съ перваго мгновенія почувствовалъ, что ты будешь моею.

— Я видѣла это, — сказала Тамара, улыбнувшись. — А что во мнѣ привлекло твое вниманіе больше всего?

— То-есть какъ «что»? — переспросилъ Кисляковъ, чтобы выиграть время и обдумать отвѣтъ.

— ... На чемъ ты прежде всего остановился?

— А ты какъ думаешь? Угадай!

— Ну, я не знаю.

— Конечно, сразу мое вниманіе привлекли твои глаза. Въ нихъ чувствовалась большая и напряженная духовная жизнь.

Тамара благодарно сжала руку Кислякову и уже съ другимъ выраженіемъ сказала:

— Но онъ чувствуетъ, что я къ нему перемѣнилась, потому что я всячески отстраняюсь отъ него, говорю, что устала, нездорова и т. д. И часто вижу, какъ онъ плачетъ.

— Все-таки нельзя же такъ обращаться съ нимъ, какъ ты обращаешься.

— Что же я могу сдѣлать. Онъ мнѣ противенъ, — сказала раздраженно Тамара.

Кислякову, съ одной стороны, было пріятно, что она чувствуетъ къ Аркадію отвращеніе. Значитъ, онъ можетъ быть спокоенъ, что она принадлежитъ ему одному. Но въ то же время приходило соображеніе о томъ, что вдругъ ея отвращеніе къ мужу усилится настолько, что она не будетъ въ состояніи жить съ нимъ на одной квартирѣ. Поэтому онъ сказалъ:

— Ну, ты все-таки будь съ нимъ поласковѣе, надо же себя сдерживать. Вѣдь онъ прекрасный человѣкъ. У меня въ сравненіи съ нимъ отвратительный характеръ.

— Ты для меня хорошъ и съ отвратительнымъ характеромъ. Ну, теперь пойдемъ, сядемъ спокойно на диванъ.

Аркадій пришелъ, неся въ обѣихъ рукахъ покупки.

— Что же ты такъ скоро пришелъ? — спросила Тамара.

— А тебѣ хотѣлось, чтобы я подольше ходилъ? — сказалъ Аркадій, посмотрѣвъ на нее. И въ его тонѣ не было обычной мягкости.

Тамара, пересматривая покупки, ничего не отвѣтила. Потомъ вдругъ сказала:

— Вотъ ясно, почему: мѣлу не купилъ... килекъ не вижу. Я же знала, — что хоть что-нибудь, да забудешь.

— Про кильки ты не говорила.

— Нѣтъ, я-то говорила, это ужъ во всякомъ случаѣ.

— Ну, значитъ, я лгу, — сказалъ обиженно Аркадій. Онъ даже покраснѣлъ.

Кисляковъ пересѣлъ съ дивана къ окну и дѣлалъ видъ, что просматриваетъ книгу, которую передъ его приходомъ читалъ Аркадій.

— Открой сардины, — сказала Тамара, обращаясь къ мужу. Но едва только онъ сталъ открывать, какъ она взяла ихъ у него изъ рукъ, сказавъ:

— Что же ты прямо на скатерти дѣлаешь? Неужели нельзя хоть бумагу подстелить, если трудно сходить въ кухню.

Она стала открывать сама, поставивъ сардины на тарелку. Но коробка, скользнувъ, вырвалась у нея изъ рукъ, перевернулась бокомъ на столъ, и на скатерти разлилось большое масляное пятно.

— Ну вотъ, ты сдѣлала лучше... — сказалъ Аркадій.

Тамара бросила коробку и ушла въ спальню.

Аркадій попробовалъ черезъ нѣкоторое время пойти къ ней, но она стала лицомъ къ туалетному столу и спиной къ нему и не отвѣтила ни на одно его слово.

— Оставь меня, наконецъ! — крикнула она.

— Пойди къ ней, — сказалъ, вернувшись въ столовую, Аркадій.

Кисляковъ пошелъ. Онъ усадилъ Тамару въ кресло и сталъ уговаривать взять себя въ руки.

— Боже мой, ну неужели ни на одинъ день мы не можемъ остаться съ тобой вдвоемъ? — сказала она. — Вѣдь ничего больше нѣтъ!...

— Что же дѣлать... Ну, пойдемъ, а то неудобно.

Тамара обхватила его шею руками, съ которыхъ спустились широкіе рукава халатика, не отпуская, напряженно смотрѣла на него и съ какимъ-то выраженіемъ отчаянія и боли цѣловала въ губы. Кисляковъ, чувствуя, что шея у него покраснѣла отъ напряженія, всячески старался снять ея руки и перевести ея вниманіе на что-нибудь другое. И даже мелькнула испуганная мысль — ужъ не полюбила ли она его.

Тамара поцѣловала его еще разъ и, оттолкнувъ, пошла съ нимъ въ столовую. Аркадій одиноко сидѣлъ у окна, съ неподвижно устремленнымъ въ темноту взглядомъ. Когда они вошли, онъ не обернулся.

— Ну, что же, давайте ужинать, — сказала Тамара.

Аркадій всталъ и подошелъ къ столу. А когда начали ужинать, онъ сталъ пить рюмку за рюмкой.

— Чего ты ради принялся? Тебѣ вредно, — сказалъ Кисляковъ.

Аркадій ничего не отвѣчалъ.

Когда Кисляковъ послѣ ужина уходилъ домой, Тамара, всегда выходившая провожать его одна, выйдя съ нимъ въ коридоръ, сказала:

— Неужели у тебя нельзя видѣться? Я больше такъ не могу.

— Что же, можно, пока жена не пріѣхала. — Приходи завтра, — сказалъ Кисляковъ, а самъ подумалъ, что ея требованія идутъ все дальше и дальше. А тамъ въ одинъ прекрасный день скажетъ, что не можетъ больше жить съ мужемъ, и явится къ нему какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вернется Елена Викторовна.

XXXVII

На другой день Кисляковъ убралъ, насколько было возможно, комнату и сталъ ждать Тамару.

Но вдругъ ему пришла испугавшая его мысль: о чемъ онъ будетъ съ ней говорить? ... Когда они видѣлись въ квартирѣ Аркадія, то тамъ въ ихъ распоряженіи бывало всего нѣсколько свободныхъ минутъ, они не сталкивались лицомъ къ лицу на болѣе долгій срокъ, и всѣ ихъ разговоры заключались въ короткихъ фразахъ, которыми они перекидывались. Теперь же предстояло провести вмѣстѣ весь вечеръ.

А вдругъ онъ будетъ молчать, какъ гробъ, какъ это бываетъ, когда придетъ шальная мысль о томъ, что не найдется темы для разговора, и начинается мучительное состояніе съ придумываніемъ вопросовъ, какіе бы задать собесѣднику, чтобы не молчать.

Возвышенный разговоръ на тему о личности, о собственномъ стремленіи былъ невозможенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его жизнь стала фальшивкой, для него стали непріятны всякіе возвышенные разговоры съ женщинами, потому что они лишній разъ напоминали о томъ, о чемъ не хотѣлось вспоминать. Но женщина всегда требуетъ отъ мужчины, чтобы онъ былъ внутренне значителенъ, чтобы онъ чѣмъ-то горѣлъ, куда-то стремился, дѣлалъ большое дѣло. Она всегда требуетъ наличія духовности въ отношеніяхъ. Поэтому всегда начинаются разговоры на темы духовнаго порядка. И когда ему приходилось встрѣчаться съ женщинами, онъ, какъ неизбѣжную скуку, выслушивалъ ихъ разговоры объ одиночествѣ, объ отсутствіи родной души. На что ему нужна была ихъ душа, когда онъ собственную-то давно забросилъ.

А тутъ, вѣроятно, Тамара начнетъ говорить о своей невозможности пробиться въ жизнь. Придется утѣшать ее и говорить то, во что самъ не вѣришь: что талантливый человѣкъ всегда выйдетъ на дорогу, нужно только подождать. Онъ былъ увѣренъ, что у нея нѣтъ никакого таланта. Это онъ видѣлъ по ея попыткамъ. Она

иногда становилась въ позу и, глядя на Аркадія, который не спускалъ съ нея восторженныхъ глазъ, начинала читать стихи. Читала она плохо, иногда сбиваясь и повторяя строчку два раза, при этомъ такъ напыщенно и неестественно, что было неловко за нее. Тѣмъ болѣе, что все-таки нужно было для приличія хвалить.

Теперь, если она вздумаетъ опять читать стихи, придется хвалить и говорить, что у нея огромный талантъ, такъ какъ иначе она разстроится, и къ ней тогда не подойдешь. А тамъ, навѣрное, мѣщанка будетъ изъ-за стѣны слушать ...

Тамара же будетъ думать о томъ, какъ красива и поэтична ихъ любовь.

Единственнымъ средствомъ избѣжать всѣхъ подводныхъ камней, т.-е. незнанія, о чемъ съ ней говорить, возвышенныхъ разговоровъ и чтенія стиховъ, — было вино. Имѣя это въ виду, онъ въ первую голову позаботился о винѣ.

Въ восемь часовъ Тамара пришла. Она остановилась посреди комнаты, взглянула на Кислякова изъ-подъ своей шляпки и обняла его обѣими руками. Отъ нея пахло осеннимъ холодомъ. Онъ снялъ съ нея жакетъ и усадилъ за столъ на диванъ, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ. Онъ говорилъ ей ласковыя слова, какія приходили въ голову, гладилъ ея ноги и проявлялъ возможно больше оживленія, чтобы какъ-нибудь не наскочить на долгій возвышенный разговоръ или не замолчать отъ незнанія, о чемъ говорить.

— Наконецъ-то мы одни! — сказала Тамара. — Наконецъ-то можно потоворить, не оглядываясь.

— Только не очень громко, — сказалъ Кисляковъ, оглянувшись на стѣну.

Тамара, откинувъ голову назадъ, стряхнула набокъ свои стриженые, свѣтлые, какъ ленъ, волосы, чтобы они образовали косой проборъ, провела по нимъ рукой и сказала:

— Ты знаешь, я, кажется, начинаю отчаиваться. Сегодня опять была на биржѣ шесть часовъ, и — никакого толку. Я видѣла, какихъ ничтожествъ берутъ.

Потому, что они умѣютъ обращаться съ людьми, а я еще не научилась.

Кисляковъ налилъ вина. Такъ какъ стакановъ не было, потому что Елена Викторовна ключи отъ верхней половины буфета увезла съ собой, то пришлось обоимъ пить изъ одной чашки, у которой вдобавокъ была отбита ручка.

— И какіе подлецы, — сказала вдругъ Тамара, сжавъ голову обѣими руками и покачивая ею.

— Ты о комъ?

— Такъ, вообще о людяхъ.

Кисляковъ невольно подумалъ, ужъ не его ли она имѣетъ въ виду.

Тамара увидѣла на столѣ его кавказскій кинжалъ, которымъ онъ срѣзывалъ свинцовыя головки съ бутылокъ, и, взявъ его, спросила:

— Это настоящій кинжалъ?

— Конечно, настоящій.

— Имъ можно убить человѣка?

— Можно, конечно, если попадешь въ сердце.

— А гдѣ сердце?

— Вотъ здѣсь, — отвѣтилъ Кисляковъ, показавъ ей точку подъ лѣвой грудью.

Тамара вздохнула и отложила кинжалъ. — Какъ хочется жизни! Красивой и полной жизни! Весь ужасъ въ томъ, что ничего нѣтъ! — сказала она опять, сжавъ голову руками. — Ничего!

— Чего у тебя нѣтъ?

— Я не знаю, какъ это выразить.

Не зная, что дѣлать, но чувствуя, что дѣло повернуло на возвышенное, Кисляковъ налилъ ей еще вина въ чашку съ отбитой ручкой. Въ самомъ дѣлѣ: что онъ могъ сдѣлать, когда въ немъ самомъ ничего не было?

Тамара долго смотрѣла на него. Даже взяла его за голову руками и повернула лицомъ къ себѣ. Онъ не зналъ, чего она хочетъ. А вдругъ она сейчасъ объявитъ: «Я люблю тебя и завтра, къ твоей радости, переѣду къ тебѣ».

— Завтра, вѣроятно, ко мнѣ пріѣдетъ жена, — сказалъ онъ вдругъ. Слова вылетѣли у него сами собой. Онъ даже не успѣлъ подумать, почему онъ ихъ сказалъ.

Тамара какъ будто не слушала и все смотрѣла въ его глаза.

— Поговори со мной хоть разъ такъ, какъ говорилъ съ Аркадіемъ, — сказала она, наконецъ.

Кисляковъ растерялся.

— Да. ну же, пей! Что ты такая сегодня странная? — сказалъ онъ.

Тамара вдругъ закусила губы, со странной усмѣшкой посмотрѣла на чашку съ разбитой ручкой и наотмашь столкнула ее рукой на полъ. Чашка разбилась вдребезги. А за стѣной кто-то заворочался. Вѣроятно, мѣщанка подумала, что онъ въ отсутствіе жены привелъ къ себѣ дѣвицу, и та буянитъ.

Тамара вскочила изъ-за стола. Глаза ея блуждали въ тоскѣ. Она остановилась и смотрѣла неподвижно передъ собой въ одну точку.

— Что ты? — спросилъ Кисляковъ. Она, не отвѣчая, медленно перевела на него свой взглядъ, потомъ, оттолкнувъ, надѣла жакетъ и, не простившись, вышла.

XXXVIII

Полухинъ со свойственной ему энергіей и прямолинейностью проводилъ реорганизацію музея, превращалъ его изъ «гробницы» въ показатель историческаго и революціоннаго процесса.

Весь музей былъ перевернутъ вверхъ дномъ. Всѣ шкафы сдвинуты и раскрыты. И скоро изъ этого хаоса начала появляться ясная линія, по которой располагались экспонаты

При чемъ онъ почти совершенно не интересовался прошлымъ, онъ цѣликомъ предоставилъ заниматься имъ Кислякову. Для него не существовало ничего, кромѣ революціи. Всѣ вещи и явленія для него были цѣнны постольку, поскольку въ нихъ отражался революціон-

ный процессъ, поскольку они были нужны для революціи.

Для него вся исторія была только прологомъ къ революціи или, вѣрнѣе, задержкой революціи.

Каждый день онъ исчезалъ на нѣсколько часовъ, бѣгалъ по музеямъ, что-то соображалъ и только про себя говорилъ:

— «Къ чорту!» Или: «Никуда»!...

Въ музей почти каждый день привозили по его указаніямъ все новыя и новыя вещи. Часто онѣ были настолько странны, что старые сотрудники только пожимали плечами.

Застать Полухина въ кабинетѣ теперь было невозможно. Онъ леталъ по заламъ, какъ полководецъ въ пылу битвы, совершенно забывая при этомъ, что онъ — директоръ: подхватывалъ вмѣстѣ съ рабочими какую-нибудь тяжелую вещь, которую они могли уронить, и кричалъ:

— Вали! Вали! Еще разъ!...

Волосы были мокры отъ пота и спутаны на лбу, лицо въ пыли.

Часто какой-нибудь рабочій, одной рукой поддерживающій тяжесть, отлядывался и кричалъ директору:

— Подай крюкъ! Да не этотъ, — вонъ оттеда!

И директоръ подавалъ крюкъ, съ тревогой слѣдилъ за устанавливаемымъ экспонатомъ и самъ то-и-дѣло бросался поддерживать и помогать.

Полухинъ имѣлъ способность такъ вживаться въ то дѣло, какое онъ дѣлалъ, въ ту мысль, которая занимала его въ данный моментъ, что высасывалъ до послѣдней возможности изъ нея все, что можно было. Что бы онъ ни дѣлалъ, его мысль была занята только однимъ, и если онъ съ кѣмъ-нибудь говорилъ въ это время, то только о томъ дѣлѣ, которое его занимало, — какъ будто всѣ должны были горѣть имъ такъ же, какъ и онъ.

Онъ въ этомъ смыслѣ былъ совсѣмъ не дипломатъ и никогда не считался съ тѣмъ, что его разговоръ можетъ быть неинтересенъ для его собесѣдника. Ему важно было то, что этотъ разговоръ интересенъ былъ

для него, т.-е. для дѣла. И онъ подчинялъ себѣ людей своей устремленностью, не знавшей никакихъ компромиссовъ, и полнѣйшей безкорыстностью. Онъ какъ поступилъ въ музей въ своемъ двубортномъ пиджакѣ и большихъ тяжелыхъ сапогахъ, такъ и оставался въ нихъ. Ему, казалось, было все равно, въ чемъ ходить, все равно, въ какомъ помѣщеніи жить, лишь бы ничто не мѣшало работѣ. О красотѣ костюма, обстановки онъ совершенно не заботился, такъ какъ совершенно не понималъ красоты и не считалъ ее соціально нужнымъ элементомъ. Онъ признавалъ ее только тамъ, гдѣ она служила революціи, — напримѣръ, онъ цѣнилъ работу художниковъ во время революціонныхъ празднествъ. Тутъ для украшеній онъ не жалѣлъ средствъ и часто выдавалъ больше, чѣмъ имѣлъ право, говоря:

— Сынь, отвѣчать буду я!...

Къ картинамъ, въ особенности къ художникамъ старыхъ школъ, онъ относился совершенно безразлично, почти враждебно, такъ же какъ и къ пейзажу въ живописи.

— Что это рисовать, когда можно просто пойти да посмотрѣть. — А эти иностранцы, на что они намъ? — сказалъ онъ одинъ разъ Кислякову. — Вонъ тотъ — хитрый художникъ,— за него, говорятъ, большія деньги дадутъ за границей.

— Какой хитрый художникъ?

— Да, вонъ тотъ, что въ угловомъ залѣ.

— Рембрандтъ?

— Ну, да. На что онъ намъ? Я его не понимаю. Картина какъ картина. Рабочіе тоже не поймутъ.

— А учиться на немъ?

— Для образца можно одну картину оставить.

XXXIX

Когда Кисляковъ пришелъ въ музей послѣ неудачнаго свиданія съ Тамарой, Полухинъ встрѣтилъ его словами:

— Былъ сейчасъ въ одномъ музеѣ.

— Ну, и что?

— Ни къ чорту не годится: у нихъ вся революція представлена въ фотографіяхъ да картинахъ, да въ діаграммахъ. Какой чортъ будетъ на ходу разбирать эти діаграммы. Ты дай такъ, чтобы я прошелъ, не останавливаясь, и сразу увидѣлъ все, что нужно. Чтобы вещи по глазамъ били, — сказалъ Полухинъ, отрубивъ въ воздухѣ ребромъ вытянутой ладони.

— Небось, какъ исторію царей начнутъ представлять, такъ сколько тряпокъ навѣшаютъ. У насъ вонъ цѣлая коляска стоитъ, чья это?

— Петра I.

— Ну вотъ. А тутъ хоть бы старые штаны какого-нибудь революціонера повѣсили, хоть бы чернильницу... А то какъ будто жили не люди, а духи. Послѣ нихъ только карточки остались. А я, братъ, штуку раздобылъ-таки! Хороша.

— Какую? — спросилъ Кисляковъ, придавъ своему лицу уже напередъ выраженіе живого интереса, такъ какъ неловко было отнестись равнодушно и разочаровать Полухина.

Полухинъ молча подошелъ къ шкафу и распахнулъ дверцу.

— Гляди!...

Кисляковъ подошелъ и увидѣлъ тамъ какой-то обрѣзокъ деревяннаго бревна съ ввинченнымъ въ него крюкомъ.

— Что это?

— А вотъ то-то: «что это?». Угадай!

Кисляковъ съ недоумѣніемъ, которое видѣлъ въ себѣ со стороны, какъ нѣсколько преувеличенное, пожалъ плечами и внутренно какъ бы даже былъ доволенъ своей непонятливостью.

— Вѣшали на этомъ! Изъ висѣлицы вышиленъ...

У Кислякова по спинѣ прошло непріятное содроганіе, и онъ съ непонятно притягивающимъ вниманіемъ всматривался въ этотъ крюкъ.

— Что? Чувствуется?

— Да, чувствуется... — отвѣтилъ Кисляковъ и даже безсозательно продлилъ и преувеличилъ свое чувство, чтобы не обмануть ожиданій Полухина.

— Вотъ что надо собирать для исторіи революціи, а не картинки! Еще скоро одна штука будетъ.

Въ кабинетъ вошелъ техническій служащій и сказалъ:

— Товарищъ Полухинъ, привезли.

— А, вотъ, вотъ! Пойдемъ. Волоки сюда! — кричалъ онъ возчикамъ, сбѣжавъ внизъ по лѣстницѣ.

Возчики, взваливъ на плечи, несли наверхъ толстое бревно. Это оказалась чердачная балка, въ трехъ мѣстахъ пробитая снарядами. Она была выпилена съ чердака одного изъ московскихъ домовъ.

— Вотъ тебѣ московское возстаніе, можешь его даже руками пощупать!

Полухинъ радовался этой балкѣ, какъ радуется археологъ находкѣ пятитысячелѣтней древности.

— Понимаешь, что приволокъ-то? — спросилъ онъ возчика въ брезентѣ, концы полъ котораго были подоткнуты подъ поясъ.

— Съ Прѣсни привезли. Извѣстно, что, — сказалъ возчикъ.

— Вотъ такъ и надо дѣлать, чтобъ всякому было и з в ѣ с т н о, ч т о.

А на слѣдующій день были привезены подлинныя рѣшетки камеръ Шлиссельбургской крѣпости, и была устроена настоящая камера съ заключенными изъ папье-маше. Устроена она была въ низкомъ подвальномъ этажѣ, нарочно слабо и бѣдно освѣщенномъ. Каждый, кто шелъ туда, ощущалъ этотъ скудный свѣтъ, давящіе своды и холодъ каменныхъ стѣнъ, какъ преддверіе къ чему-то жуткому. И жуткое представлялось его глазамъ въ видѣ каменной клѣтки, освѣщенной тусклымъ свѣтомъ керосиновой лампы съ закопченнымъ стекломъ. Здѣсь царила тишина могилы. Заглянувшій туда посѣтитель невольно замолкалъ и съ неопредѣленно жуткимъ чувствомъ осматривалъ узкую желѣзную кровать у стѣны, столъ и высоко подъ потолкомъ

продѣланное отверстіе съ желѣзной рѣшеткой, служившее окномъ.

Когда за столъ къ закопченной лампочкѣ посадили фигуру человѣка въ сѣромъ халатѣ съ лицомъ, сдѣланнымъ изъ воска, Полухинъ закричалъ:

— Спиной, спиной его сажай!

И правда, какъ только не стало видно воскового лица съ его стеклянными глазами и неестественно прямыми искусственными волосами и усами, а видны были лишь сгорбленная спина и часть щеки при тускломъ, могильномъ свѣтѣ — впечатлѣніе получилось почти такое же, какъ и при взглядѣ на висѣльный крюкъ.

Полухинъ не пренебрегалъ ничѣмъ, никакой мелочью. Онъ живо схватилъ мысль Кислякова и пошелъ въ ней гораздо дальше, чѣмъ представлялъ себѣ Кисляковъ. И Кислякову было пріятно сказать объ этомъ Полухину. Полухинъ съ величайшей настойчивостью разыскивалъ всѣ обыденныя мелочи, имѣвшія отношеніе къ жизни извѣстныхъ революціонеровъ.

— Я думаю своихъ комиссаровъ всѣхъ обложить данью, — сказалъ онъ одинъ разъ: — что хочешь, а ужъ давай въ музей свои шапку, штаны, чернильницу.

Музей росъ. Стоявшій прежде въ безчисленныхъ сквозныхъ стеклянныхъ шкафахъ фарфоръ былъ убранъ въ кладовыя, оставался только тотъ, который шелъ для показательнаго убранства столовъ помѣщичьихъ и царскихъ въ тотъ или иной періодъ. И тутъ же рядомъ — мужицкій столъ.

XL

Вернувшись послѣ службы домой, онъ увидѣлъ, что дверь въ его комнату отперта. У него замерло сердце. Онъ подумалъ, что у него пришли отнимать комнату въ связи съ выступленіями отряда имени Буденнаго.

Но когда вошелъ въ комнату, то лицомъ къ лицу встрѣтился съ Еленой Викторовной.

Она вернулась на цѣлыхъ двѣ недѣли раньше, чѣмъ предполагала. Елена Викторовна, переодѣвшись съ дороги въ домашнее платье безъ рукавовъ, стояла, накло-

нившись надъ раскрытымъ чемоданомъ, и разбиралась съ дороги. И первое, что бросилось въ глаза Кисляковy, это ея руки, толстыя, мясистыя и красныя, съ гусиной кожей съ задней стороны выше локтей.

Джери, радостно залаявъ, бросилась къ нему, вскинувъ переднія лапы на животъ. Бульдогъ только искоса взглянулъ и отвернулся, какъ будто пришелъ не хозяинъ, на средства котораго онъ живетъ, а ихъ съ Еленой Викторовной приживалъ, съ которымъ нечего особенно церемониться.

Елена Викторовна живо повернулась на стукъ шаговъ мужа, бросилась къ нему и, оттолкнувъ Джери, обняла своими толстыми руками.

— Наконецъ-то! Живъ? Здоровъ? Ну, слава Богу, слава Богу!

Она все еще не отпускала мужа, и онъ чувствовалъ съ непривычкой и новизной ея толстый животъ, который снизу упирался въ его животъ и мѣшалъ ему двигаться. Прежде онъ не замѣчалъ этого.

— Я не знаю, что со мной сдѣлалось! — сказала Елена Викторовна, садясь съ широко разставленными колѣнями на стулъ, какъ сидятъ хозяйки изъ мѣщанокъ. (Это Кисляковъ тоже отмѣтилъ, хотя прежде никогда этого не замѣчалъ.) — Я не знаю, что со мной сдѣлалось. Меня начали мучить предчувствія. Представлялось Богъ знаетъ что. Охватила такая тревога за тебя, что я не могла оставаться больше ни минуты. Я бросила все и уѣхала.

Она въ возбужденіи отъ своего разсказа пересѣла со стула на диванъ, гдѣ сѣлъ Кисляковъ, и продолжала:

— Повѣришь ли, когда я ѣхала съ вокзала — я дрожала, какъ въ лихорадкѣ, а когда по нашему переулку навстрѣчу намъ проѣхала карета скорой помощи, я даже вскрикнула.

— Какая глупая, — сказалъ Кисляковъ, гладя толстую руку жены какъ бы въ благодарность за ея любовь и со снисхожденіемъ къ ея наивности.

— Мнѣ представилось, что ты будешь возвращаться поздно отъ своего друга и на тебя нападутъ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ.

— Я у него всего одинъ разъ и былъ, а потомъ я достаточно ловокъ. Помнишь, въ 19 году какъ я отъ троихъ отбился.

Елена Викторовна смотрѣла на него улыбаясь; она, видимо, не слушала, что онъ говорилъ, и только переживала счастье отъ сознанія, что любимый человѣкъ сидитъ передъ ней живымъ и невредимымъ.

— А ты скучалъ безъ меня? Радъ, что я пріѣхала?

— Ну вотъ еще. О чемъ спрашиваешь?

— Какъ я рада, что вернулась, что я съ тобой. Я думала о томъ, что мы всѣ вечера будемъ вмѣстѣ, будемъ ходить въ театръ. Въ отсутствіи я только сильнѣе почувствовала свою любовь къ тебѣ. И въ сущности тамъ было отвратительно: вездѣ народъ, въ особенности по праздникамъ. А я терпѣть не могу толпы.

Елена Викторовна разсказала, что видѣлась съ Звенигородской. Она выиграла у мужа комнату, и его выселили.

Потомъ разсказала, что мужъ Звенигородской отнялъ, — вѣрнѣе, утащилъ изъ комода, — всѣ золотыя и брилліантовыя вещи, которыя дарилъ женѣ, и что теперь они борются за обстановку, такъ какъ онъ подалъ въ судъ заявленіе, что это его обстановка.

— Ты представляешь себѣ весь ужасъ этого? Вѣдь интеллигентные люди, прекраснаго воспитанія. Просто страшно становится жить. Я этого не понимаю! Уйди въ прачки, въ метельщицы, но не закапывай въ грязь своей души съ этими судами изъ-за вещей.

Елена Викторовна сложила на колѣняхъ руки и въ волненіи нѣсколько времени молчала.

— Ну неужели на самомъ дѣлѣ не осталось уже ничего, что было бы цѣннѣе в е щ е й? Я помню, меня поразила фраза въ «Аннѣ Карениной», когда она думаетъ съ ужасомъ о томъ, что Вронскій можетъ ей сказать при разводѣ:

— «Сколько вамъ нужно р у б л е й? . . .».

А теперь люди такого же происхожденія вырываютъ, выкрадываютъ другъ у друга ранѣе подаренныя вещи, судятся изъ-за комнаты . . . Что это? Какъ опредѣлить?

Натансонъ купилъ своей женѣ соболью горжетку. На какія это средства, интересно бы знать? И потомъ: сегодня у нихъ гости, столько всякихъ закусокъ, икра чуть не въ ведрѣ, балыки, индѣйки. А за комнату платятъ столько же, сколько и мы . . .

Кисляковъ слушалъ жену, оживленно кивалъ головой, а въ то же время у него мелькали мысли о томъ, что нужно какъ-нибудь предупредить Тамару, что къ нему пріѣхала жена. Потомъ онъ почувствовалъ нѣкоторое раздраженіе противъ жены изъ-за того, что она прискакала чего-то ради. Да еще въ театръ собирается съ нимъ ходить и сидѣть по вечерамъ. Значитъ, придется употреблять невѣроятныя усилія, чтобы выдумывать предлоги для свиданій съ Тамарой.

— Ты знаешь, я серьезно безпокоилась за свои вещи, что дала ей на храненіе. Почемъ знать? . . . Теперь всего можно ожидать. Но слава Богу: вещи оказались цѣлы, она мнѣ сейчасъ же ихъ отдала безъ всякаго разговора. А все-таки я тамъ значительно похудѣла; какъ по-твоему? — сказала Елена Викторовна другимъ тономъ. Она встала и повернулась кругомъ. — Марія Семеновна сейчасъ встрѣтила меня и даже удивилась.

Кислякова всегда поражала ея довѣрчивость, съ какой она относилась къ заявленіямъ знакомыхъ о томъ, что она помолодѣла и похудѣла. Пора бы ей, кажется, знать, что это просто долгъ взаимной вѣжливости у женщинъ, встрѣтивъ другъ друга сказать:

— Какъ вы прекрасно выглядите! Вы на десять лѣтъ помолодѣли.

Сама она нѣсколько разъ говорила такъ какой-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, чтобы потомъ, придя домой, сказать мужу:

«Встрѣтила Марію Семеновну; ее такъ расперло, что жутко смотрѣть. Я сказала ей: «Какъ вы прекрасно выглядите, очень похудѣли», — и даже сама испугалась, что она приметъ за насмѣшку. Ничуть не бывало: пріятно заулыбалась и осталась очень довольна».

— Ну, а я, на твой взглядъ, какъ?

— Ты удивительно помолодѣла и посвѣжѣла.

— Это отъ свѣжаго воздуха, — сказала Елена Викторовна. И прибавила совсѣмъ другимъ тономъ: — Ну, вотъ я и дома. Какъ я рада, что мы опять вмѣстѣ. А какъ у тебя съ деньгами?

Кисляковъ зналъ, что его ждетъ этотъ вопросъ и что къ нему надо приготовиться въ смыслѣ мотивировки произведенныхъ расходовъ. Относясь по интеллигентской привычкѣ пренебрежительно къ деньгамъ, онъ никакъ не могъ заставить себя заблаговременно сбалансировать свои расходы такъ, чтобы нелѣпый обѣдъ въ тридцать рублей покрыть какими-нибудь другими статьями, и теперь думалъ, что вечеромъ это сдѣлаетъ. Но онъ не ждалъ отъ Елены Викторовны этого вопроса такъ скоро, да еще вслѣдъ за словами о ея радости быть съ нимъ вмѣстѣ.

Поэтому онъ нѣсколько растерянно сказалъ:

— Неважно . . . У меня всего пятнадцать рублей.

— Какъ пятнадцать рублей? Вѣдь я тебѣ оставила сто рублей. — На ея лицѣ сразу выразилось непріятное удивленіе.

— Ну, такъ что же, что сто рублей. А времени сколько прошло?

— Времени прошло очень немного . . . вдвое меньше того, на сколько тебѣ оставлено: двѣ недѣли.

И ея лицо изъ любящаго, радостнаго превратилось въ холодное, недоумѣнное лицо хозяйки.

— Двѣ недѣли тоже не малый срокъ, — сказалъ Кисляковъ, вдругъ почувствовавъ злобу и раздраженіе противъ этой ни на что ему не нужной женщины, которая не стѣсняясь тратитъ на себя *его деньги* и

еще спрашиваетъ съ него отчетъ о каждой истраченной имъ копѣйкѣ.

— Ты покупалъ что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего особеннаго не покупалъ.

— Тогда я не понимаю, куда можно, ничего не купивъ, истратить въ двѣ недѣли восемьдесятъ пять рублей, — сказала Елена Викторовна, пожавъ плечами. И такъ какъ она во всемъ любила прежде всего ясность, то сейчасъ же стала высчитывать: — Столъ тебѣ стоилъ, самое большое, два рубля въ день; въ двѣ недѣли это составитъ двадцать восемь рублей. Такъ?

— Такъ, — сказалъ Кисляковъ, подумавъ про себя о томъ, что столъ ему обошелся въ двадцать восемь рублей въ одинъ день.

— Ну, куда же ты остальныя дѣлъ? Потерялъ? — сказала уже тревожно и разстроенно Елена Викторовна.

Кисляковъ старался припомнить или хоть придумать, куда можно вообще дѣвать деньги. Но отъ раздраженія никакъ не могъ припомнить ничего, кромѣ этого обѣда, о которомъ боялся сказать, такъ какъ навѣрно Елена Викторовна онѣмѣла бы при сообщеніи, что онъ на одинъ обѣдъ ухитрился спустить тридцать рублей.

— Неужели я не могу пожить хоть разъ такъ, какъ мнѣ хочется? — сказалъ онъ, чувствуя, что блѣднѣетъ и что сейчасъ произойдутъ серьезныя, быть можетъ — непоправимыя, событія.

— Живи, пожалуйста, кто тебѣ запрещаетъ, — сказала Елена Викторовна, не замѣчая его измѣнившагося выраженія, — но знай, куда ты тратишь деньги. А ты не знаешь. Объ этомъ я и говорю.

Кисляковъ каждый разъ въ подобныхъ случаяхъ чувствовалъ себя безоружнымъ, такъ какъ, дѣйствительно, не могъ сказать, куда имъ истрачены деньги. Но не могъ не потому, что не зналъ, а потому, что онѣ часто были израсходованы по нелегальнымъ статьямъ. Приходилось невольно играть роль дурачка и растяпы, который самъ не знаетъ, куда дѣваетъ деньги.

И въ такомъ случаѣ она имѣла полное основаніе для его же пользы отбирать у него всѣ деньги и требовать отчета. А благодаря этому ему приходилось за долго напряженно придумывать предлогъ, если деньги нужны были на что-нибудь нелегальное.

— Я тебѣ не разъ говорила, что я только противъ того, чтобы ты безъ толку и безъ смысла тратилъ деньги. Это всегда ведетъ къ неожиданнымъ осложненіямъ. У меня за мѣсяцъ впередъ каждая копѣйка знаетъ свое мѣсто, — сказала Елена Викторовна, поднимая обѣ руки вверхъ и впередъ, какъ будто взывая къ кому-то, — а у него пятьдесятъ рублей вылетѣли неизвѣстно куда. Вотъ ты такъ можешь куда-нибудь сунуть, а потомъ удивляешься, почему я отказываюсь ѣхать въ Ессентуки.

«А, вотъ въ чемъ дѣло, — со злобой сейчасъ же подумалъ Кисляковъ, — она для себя старается, чтобы ей было на что въ Ессентуки ѣхать, воздухомъ дышать и худѣть. Это, по крайней мѣрѣ, откровенно и логично».

Но вдругъ его осѣнила счастливая мысль:

— Ну вотъ, совсѣмъ изъ головы выскочило! — сказалъ онъ. — Я встрѣтилъ своего товарища по школѣ, онъ оказался въ ужасномъ положеніи, и я далъ ему двадцать восемь рублей.

Елена Викторовна нѣкоторое время молчала. Она только пожала плечами. Потомъ сказала:

— Теперь не такое время, чтобы одѣлять людей по тридцати рублей. Теперь впору уцѣлѣть только самимъ. Ты ему далъ, а я теперь не знаю, откуда мы возьмемъ денегъ до конца мѣсяца.

Кислякову хотѣлось на это отвѣтить ей чѣмъ-нибудь особенно ядовитымъ, — напримѣръ, сказать:

«Конечно, гдѣ жъ тебѣ знать, когда ты только умѣешь отъ меня готовыя получать. А почему я обязанъ тебѣ ихъ давать? Это никому неизвѣстно. Въ этомъ случаѣ ты должна быть благодарна моей «растяпости»: только благодаря ей даю ихъ тебѣ. И тебѣ, очевидно, нужны только деньги, а не я».

Но онъ не сказалъ этого, а только порывисто всталъ съ дивана, пересѣлъ къ письменному столу и сжалъ голову руками, показывая этимъ, что у него голова сейчасъ лопнетъ отъ такихъ пріятныхъ разговоровъ.

Елена Викторовна, стоя посрединѣ комнаты, прослѣдила за нимъ глазами.

— Ты что этимъ хочешь показать? Хочешь показать, что не хочешь слушать, когда съ тобой говорятъ?

Кисляковъ молчалъ. И только возбужденно взъерошилъ волосы.

— Я попрошу тебя бросить эту манеру истеричной дамы, которую ты усвоилъ въ послѣднее время. Я веду хозяйство и въ правѣ т р е б о в а т ь отъ тебя отчета, чтобы знать, на что я могу въ каждомъ мѣсяцѣ разсчитывать.

Кисляковъ рѣшилъ, что, сколько бы она ни говорила. Онъ не отвѣтитъ ей больше ни одного слова. Но не удержался и проговорилъ съ намѣренной жестокостью:

— Какъ было хорошо, когда тебя не было! Цѣлыхъ двѣ недѣли не слышно было никакого крика.

Онъ сознавалъ, что говоритъ неправду, такъ какъ Елена Викторовна совсѣмъ не кричала, а говорила сравнительно спокойно, но ему хотѣлось побольнѣе зацѣпить ее.

Когда пришла тетка изъ лавки, они уже сидѣли на разныхъ концахъ комнаты и молчали. Кисляковъ, обхвативъ голову руками, напряженно, въ упоръ смотрѣлъ на статуэтку Карла Маркса, стоявшую передъ нимъ на письменномъ столѣ, а Елена Викторовна, съ красными глазами, нервно растягивала за кончики на колѣнѣ мокрый отъ слезъ носовой платокъ.

Съ тетушкой Кисляковъ даже не поздоровался, и она вдругъ сжалась и на цыпочкахъ прошла за ширму.

Кисляковъ сидѣлъ и напряженно соображалъ, точно рѣшалъ головоломную задачу, какой выдумать предлогъ, чтобы уйти сегодня къ Аркадію. Его безпокоило поведеніе Тамары: она ему ни разу не позвонила послѣ

свиданія. И ему уже начали приходить въ голову тревожныя ревнивыя мысли.

Вдругъ онъ, самъ не ожидая отъ себя этого, всталъ и шумно отодвинулъ кресло, такъ что сидѣвшая неподалеку Джери съ перепугу пронзительно залаяла на него и убѣжала подъ стулъ, а лежавшій на креслѣ бульдогъ поднялъ голову и подозрительно повелъ на него глазомъ. Кисляковъ взялъ фуражку, пальто и, ни слова не сказавъ, вышелъ.

Но въ коридорѣ его догнала Елена Викторовна.

— Если ты хочешь устраивать скандалъ въ первый день моего пріѣзда, — сказала она съ совершенно сухими глазами и самымъ спокойнымъ тономъ, — можешь, но потрудись сначала оставить мнѣ денегъ.

Кисляковъ сгоряча, не подумавъ о послѣдствіи такого шага, далъ ей десять рублей, оставивъ себѣ только пять.

— Получите . . .

И пошелъ къ Аркадію.

XLI

Въ Аркадіѣ произошла въ послѣднее время большая перемѣна. Онъ теперь большею частью былъ молчаливъ, чѣмъ-то подавленъ. Догадывался онъ объ истинномъ положеніи дѣла между женой и своимъ другомъ или нѣтъ — было неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ Кисляковъ не могъ, какъ прежде, съ чистой совѣстью спросить, что съ нимъ, почему онъ такой убитый. Приходилось дѣлать видъ, что ничего не замѣчаешь. Но это тоже могло показаться Аркадію подозрительнымъ: почему это его другъ сталъ такъ нечутокъ, что не замѣчаетъ происшедшей перемѣны? . . .

И вотъ теперь, всякій разъ когда онъ приходилъ къ Аркадію, онъ чувствовалъ мучительное неудобство отъ необходимости поддерживать съ нимъ разговоръ.

По тому, что Аркадій сталъ пить, по его связанной, несвободной улыбкѣ Кисляковъ видѣлъ, что Аркадій, пожалуй, догадывается, въ чемъ дѣло . . . Но такъ

какъ онъ молчалъ, то Кисляковъ дѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ въ своемъ другѣ никакой перемѣны.

Оставаться теперь съ Аркадіемъ одинъ-на-одинъ было для него мучительно. Поддерживать съ нимъ разговоры о гибели онъ не могъ, такъ какъ благодаря дружбѣ съ Полухинымъ у него никакой гибели не предвидѣлось. И даже противъ воли теперь у него мелькали такія мысли о другѣ, какія бываютъ у человѣка успѣха по отношенію къ неудачнику.

Кромѣ того, въ міросозерцаніи Аркадія замѣчался огромный регрессъ: онъ настолько сильно поправѣлъ, даже съ наклономъ въ религію, что Кисляковъ могъ съ нимъ говорить еще въ первое время, когда чувствовалъ себя погибающимъ и хватался за каждое отрицательное сужденіе. Теперь онъ не могъ даже серьезно слушать. Но сказать объ этомъ Аркадію было неудобно. Было только несомнѣнно одно: онъ теперь не съ Аркадіемъ. А кромѣ того, на высокія темы онъ не говорилъ еще и по другой причинѣ: Аркадій можетъ случайно узнать о его связи съ Тамарой (если не знаетъ уже...) и на самомъ вдохновенномъ мѣстѣ сказать такую, примѣрно, фразу:

«Какой же ты, однако, подлецъ: говоришь о высокихъ вещахъ, а самъ подъ бокомъ у меня живешь съ моей женой...»

Поэтому онъ инстинктивно держался дальше отъ всякихъ возвышенныхъ темъ, чтобы, въ случаѣ чего, не былъ слишкомъ позоренъ и неожиданъ контрастъ между его словами и поступками.

Угрызеній совѣсти передъ другомъ онъ не сталъ чувствовать съ того момента, какъ только подъ вліяніемъ перелома во внутренней и внѣшней жизни Кислякова исчезла общность ихъ положенія.

Онъ противъ воли сталъ видѣть въ Аркадіѣ всѣ черты интеллигента, осужденнаго на гибель и исчезновеніе.

Кисляковъ даже умышленно развивалъ въ себѣ теперь такое представленіе о другѣ, такъ какъ чѣмъ меньше уважаешь человѣка и чѣмъ меньше имѣешь съ нимъ

общаго въ самомъ главномъ, тѣмъ меньше чувствуешь себя виноватымъ передъ нимъ.

Онъ старался теперь не приходить, когда Тамары не было дома. Когда же приходилъ, то глаза его прежде всего ревниво искали на лицѣ друга признаковъ его настроенія: если онъ былъ въ подавленномъ состояніи, Кисляковъ вздыхалъ облегченно: значитъ, Аркадій мучится охлажденіемъ къ нему Тамары, и, значитъ, онъ — Кисляковъ — можетъ быть за Тамару спокоенъ.

Когда Кисляковъ вошелъ въ квартиру, оказалось, что Тамары нѣтъ дома и Аркадій одинъ. Онъ былъ въ старой домашней курткѣ, короткой по его росту, съ короткими, обтершимися на локтяхъ рукавами. Онъ стоялъ передъ окномъ и, взбалтывая какую-то жидкость въ стеклянной пробиркѣ, смотрѣлъ ее на свѣтъ.

— Здравствуй, — сказалъ Кисляковъ.

Аркадій молча подалъ свободную руку и сталъ опять взбалтывать и смотрѣть на свѣтъ. Кисляковъ почувствовалъ отъ него запахъ вина, но сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого.

— Ея развѣ нѣтъ дома? (Теперь о Тамарѣ они почему-то говорили всегда въ третьемъ лицѣ).

— Нѣтъ, она не приходила . . .

— Ты все со своими опытами? — спросилъ Кисляковъ, беря съ окна и разсматривая книгу, чтобы не встрѣчаться съ другомъ глазами.

— Да.

Аркадій поставилъ пробирку въ стойку и сѣлъ въ кресло, глядя въ полъ и поглаживая колѣно рукой.

Помолчали.

— А она давно ушла?

— Я пришелъ — ея уже не было. Она каждый вечеръ уходитъ . . .

Аркадій вдругъ, точно пересиливъ себя, взглянулъ въ лицо друга, и лицо его стало виновато-жалко, и въ то же время въ немъ мелькнула рѣшимость сказать что-то важное и мучительное для него.

У Кислякова забилось сердце отъ мысли, что Аркадій все узналъ.

— А у меня, братъ, плохо... — Сказавъ это, онъ жалко, черезъ силу улыбнувшись, взглянулъ на друга.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Кисляковъ удивленно, снявъ пенснэ, какъ будто заявленіе Аркадія было для него совсѣмъ неожиданно и непонятно, и смѣло поднялъ на друга глаза, такъ какъ по словечку «братъ» понялъ, что Аркадій далекъ отъ всякихъ подозрѣній по его адресу.

— Плохо, братъ, — повторилъ Аркадій. — Я чувствую, что съ переѣздомъ въ Москву что-то сломалось. Тамъ, въ провинціи (я только теперь понялъ, какъ я былъ тамъ счастливъ), она была спокойнѣе. Я былъ счастливъ ея любовью, дружескимъ отношеніемъ прекрасныхъ людей — дяди Мишука и Левочки. У нея, правда, иногда бывали приступы острой тоски по большой жизни, которая проходитъ мимо нея. Но они скоро исчезали. По пріѣздѣ сюда у нея усилилась и обострилась эта тоска, отъ невозможности войти въ жизнь, проявить свою личность. Столица ее волнуетъ, влечетъ несбыточными мечтами и близкими соблазнами, около нея эти подруги, дѣвушки по двадцати лѣтъ, у которыхъ нѣтъ никакого моральнаго и духовнаго основанія, никакой твердой точки опоры. Ты понимаешь, я не обольщаюсь, — сказалъ, покраснѣвъ, Аркадій, — я не обольщаюсь и не увѣренъ твердо, что Тамара будетъ меня всегда любить такъ, какъ она сейчасъ меня любитъ. Я хорошо помню первое октября, когда мнѣ исполняется сорокъ лѣтъ, тогда какъ ей всего двадцать пять.

Я знаю, что можетъ случиться и такъ, что она встрѣтитъ какого-нибудь человѣка и отойдетъ отъ меня. Я только молю Создателя, чтобы это случилось какъ можно позднѣе. Она по своей прямотѣ и честности скажетъ мнѣ объ этомъ и даже постарается сдѣлать это какъ можно мягче. Но... тутъ никакая мягкость не поможетъ, — сказалъ онъ, горько улыбнувшись и разведя руками.

Ты знаешь, у русскаго интеллигента, когда его идейная жизнь рушится, когда у него уже нѣтъ никакого духовнаго пристанища на землѣ, единственно, что остается, это — женщина со своей святой любовью. Въ наше время гибели всѣхъ лучшихъ завѣтовъ интеллигенціи это является уже послѣдней святыней... Да, послѣдней. — Онъ помолчалъ.

Я сказалъ тебѣ, что она можетъ полюбить другого... это я сказалъ для того, чтобы ты не посмѣялся надо мной, надъ моей самонадѣянностью, но у меня есть тайная, глубокая вѣра въ то, что она меня не предастъ, не отниметъ послѣдняго. У меня есть вѣра, что она, переставъ стремиться къ осуществленію личной жизни, вдругъ увидитъ меня около себя, какъ цѣль жизни. Велика была подвижническая слава русской женщины. И можетъ случиться такъ, что моя малютка увидитъ высшую цѣль въ несеніи этого креста: жить со старымъ мужемъ, у котораго переломленъ духовный позвоночникъ, и своей теплотой дать ему замѣну утраченнаго. Да, она дастъ мнѣ замѣну, и я могу тогда сказать: у меня еще есть вѣра въ величіе души русской женщины, которая при всякихъ условіяхъ жизни остается вѣрна себѣ.

У Аркадія порозовѣли щеки и загорѣлись глаза.

— Я живу мыслью о томъ, что мы съ тобой вмѣстѣ будемъ кончать свою жизнь. Кромѣ жены, у меня есть еще и другъ. Ты не повѣришь, какія дивныя минуты я переживалъ, когда мы сидѣли на диванѣ, я и вы у меня по бокамъ. И она было успокоилась, перестала уходить изъ дома. Въ ней опять появилась ко мнѣ нѣжность. Я видѣлъ, какъ горѣли ея глаза, когда она слушала, какъ ты говорилъ.

А теперь опять ... все хуже и хуже и хуже ... А главное — хуже всего, что ее окружаетъ нездоровая атмосфера вырождающагося класса и люди, не имѣющіе ни идеи, ни соціальнаго будущаго.

— Чѣмъ характеризуется вырожденіе? ... продолжалъ Аркадій, вставая и начиная ходить большими шагами.

Въ корридорѣ послышались поспѣшные женскіе шаги, и, быстро рванувъ дверь, вошла Тамара.

XLII

— А, вы здѣсь? — сказала она, увидѣвъ Кислякова, какъ будто это было для нея неожиданно.

— Да. Ко мнѣ пріѣхала жена, — прибавилъ онъ какъ-то нелѣпо и некстати.

Кисляковъ, все время думавшій о томъ, что нужно Тамару предупредить относительно пріѣзда жены, такъ былъ поглощенъ этой мыслью, что неожиданно для себя сказалъ это въ первый же моментъ.

— Ахъ, вотъ какъ, — сказала Тамара. — Никто не звонилъ? — обратилась она къ Аркадію торопливымъ тономъ дѣлового человѣка, который, придя домой, прежде всего интересуется, нѣтъ ли какихъ новостей въ его дѣловыхъ отношеніяхъ.

— Нѣтъ. А кто долженъ былъ звонить?

Тамара на это ничего не отвѣтила и ушла въ спальню, гдѣ была очень долго, въ то время какъ оба друга сидѣли молча, потерявъ нить разговора, и каждый по-своему чувствуя ея присутствіе около себя.

Зазвонилъ телефонъ. Тамара быстро выбѣжала изъ спальни въ своей короткой юбкѣ и отняла трубку у Аркадія, который подошелъ было къ телефону.

Прислонившись спиной къ стѣнѣ и стоя лицомъ къ Аркадію и Кислякову, она начала говорить, покачивая носкомъ туфли, поставленной на каблукъ, и смотрѣла на мужа и на Кислякова тѣмъ отсутствующимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ, когда бываютъ заняты разговоромъ по телефону. Этотъ взглядъ всегда необъяснимо раздражаетъ и оскорбляетъ того, на кого такъ смотрятъ въ это время, потому что ему кажется, что въ эту минуту онъ перестаетъ быть интереснымъ или любимымъ человѣкомъ.

— Ну, хорошо, — сказала Тамара, соглашаясь на что-то. — Положимъ, ты меня полторы недѣли увѣряла, что это будетъ прекрасно . . . Хорошо, увидимъ. Приду.

— Что это, какое-нибудь предложеніе? — спросилъ Аркадій.

— Такъ, ничего особеннаго, — отвѣтила Тамара, не взглянувъ на него. Она ходила по комнатѣ съ тѣмъ неопредѣленно занятымъ видомъ, съ какимъ ходятъ, чтобы не взглядывать въ глаза собесѣдника и избѣжать необходимости разговора съ нимъ.

Аркадія вызвали зачѣмъ-то въ институтъ.

У Тамары мелькнуло тревожное выраженіе, и она отрывисто сказала:

— Не ходи. Я не хочу, чтобы ты уходилъ.

— Милая, не могу же я, разъ меня зовутъ, — сказалъ Аркадій.

Онъ ушелъ.

Кисляковъ долго молча смотрѣлъ на Тамару, которая стояла у окна и рылась въ рабочей коробочкѣ. Онъ думалъ, что ее удивитъ его молчаніе, и она спроситъ, почему онъ молчитъ. Но она не спросила.

— Почему ты такая странная сегодня?

— Я такая, какъ всегда.

— Нѣтъ, не такая.

Кисляковъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее въ щеку. Она стояла пассивно, не отстраняясь и не дѣлая сама къ нему никакого движенія.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Кисляковъ.

— А что?

— То, что ты измѣнилась.

И у него вдругъ закралось ревнивое подозрѣніе.

— Ты меня не любишь? — спросилъ онъ. У него даже забилось сердце отъ этого вопроса.

— Откуда ты взялъ? — сказала вяло и спокойно, почти съ оттѣнкомъ нѣкотораго нетерпѣнія Тамара. — Просто я устала и, кромѣ того, мнѣ нездоровится.

— Почему же ты отстраняешься отъ меня?

Тамара погладила Кислякова по головѣ и, вздохнувъ, сказала:

— Какъ ты не хочешь понять, что дѣло вовсе не въ томъ, въ чемъ ты думаешь, а просто мнѣ тяжело: мнѣ обѣщали на той недѣлѣ устроить ангажементъ, а

теперь опять ничего. И потомъ мнѣ жаль Аркадія: онъ такъ мучится. Я очень виновата передъ нимъ. Я разбила вашу дружбу.

— Меня самого это мучитъ, но вѣдь я изъ любви къ тебѣ все-таки пошелъ на это, — сказалъ Кисляковъ, чувствуя нетерпѣніе и раздраженіе отъ ея безразличной вялости и появившихся высшихъ мотивовъ раскаянія, которыми и безъ того самъ мучился.

— Я не знала, что мое охлажденіе такъ подѣйствуетъ на него. А теперь я боюсь, что это его погубитъ.

Кисляковъ, видя, что слова не дѣйствуютъ, хотѣлъ было обнять ее, но она стояла неловко у окна и ни за что не хотѣла отойти отъ него, точно прилипла къ нему.

— Оставь, не надо... онъ сейчасъ можетъ притти, — говорила Тамара, когда онъ хотѣлъ отвести ее отъ окна.

— Ты не любишь меня?

— Откуда ты взялъ? — сказала съ досадой Тамара. — Я просто озабочена: сегодня меня обѣщали познакомить въ театрѣ съ кинематографическимъ режиссеромъ. Можетъ быть, хоть здѣсь что-нибудь выйдетъ. Какъ ты не хочешь понять, что я мучусь.

— Значитъ — все-таки любишь? — спросилъ онъ, стараясь заглянуть Тамарѣ въ глаза.

— Конечно, люблю, — отвѣтила Тамара.

Услышавъ эти слова, Кисляковъ успокоился.

Онъ рѣшилъ, что сходитъ за виномъ; на оставшіеся у него пять рублей можно купить бутылки три — это разсѣетъ мрачное настроеніе, и тотда все войдетъ въ норму.

— Свезите меня въ театръ, — сказала Тамара, — мнѣ нужно тамъ встрѣтиться съ этимъ кинорежиссеромъ.

У Кислякова стало тепло подъ волосами: на пять рублей было довольно трудно это сдѣлать.

— Хорошо! — сказалъ онъ и почувствовалъ, что подъ волосами стало почти уже горячо.

— Я пойду одѣнусь.

Тамара пошла въ спальню. Потомъ выбѣжала оттуда за коробочкой съ иголками и нитками. Кисляковъ посидѣлъ одинъ, потомъ на правахъ близкаго человѣка подошелъ къ спальнѣ и пріоткрылъ было дверь. Но Тамара, сидѣвшая у туалетнаго стола съ чулками въ рукахъ, вдругъ спрятала чулокъ за спину и почти истерически крикнула:

— Нельзя сюда!

Въ ея голосѣ было такое раздраженіе, съ какимъ она иногда кричала только на Аркадія.

Кисляковъ почувствовалъ уколъ обиды. Онъ догадался, что она, вѣроятно, штопаетъ свои шелковые чулки и не хочетъ, чтобы онъ ее видѣлъ за этимъ занятіемъ.

— Дайте мнѣ ножницы или ножъ, — крикнула Тамара.

Кисляковъ не нашелъ ни того, ни другого и подалъ въ щель пріотворенной двери свой кинжалъ.

Она вышла изъ спальни уже одѣтая. Кисляковъ нарочно сталъ лицомъ къ окну и не оглянулся на нее, чтобы она почувствовала, что онъ оскорбленъ. Но Тамара, не подходя къ нему, просто сказала:

— Ну, ѣдемъ.

Онъ не отозвался.

Она подошла къ нему и потладила его по головѣ.

— Такъ, значитъ, все-таки любишь? — спросилъ онъ, не удержавшись.

— Ну, конечно, люблю. Я просто устала отъ этой сѣрой жизни, — прибавила она, какъ бы желая оправдать свою рѣзкость.

XLIII

Когда они вышли изъ дома, Кислякова охватилъ страхъ, что у него въ карманѣ всего пять рублей съ мелочью. Этого съ трудомъ только хватитъ на билеты въ среднихъ рядахъ, и нельзя даже ѣхать на извозчикѣ.

Въ другое время можно было бы объ этомъ сказать шутя, но сейчасъ, когда Тамара настроена такъ раз-

драженно, она едва ли пойметъ прелесть этой шутки. Чулки худые, да еще кавалеръ попался подстать этимъ чулкамъ.

Вся сила мысли Кислякова была направлена на то, чтобы сохранить равновѣсіе баланса и не вернуться съ позоромъ отъ кассы домой.

— Какой воздухъ! — сказалъ онъ, вдыхая всѣми легкими свѣжій вечерній воздухъ. Это онъ дѣлалъ потому, чтобы оправдать то, что они идутъ пѣшкомъ. — Сейчасъ еще рано. А на нашихъ извозчикахъ ѣздить — одно отвращеніе.

— А вонъ машина стоитъ, — сказала Тамара.

Кисляковъ испуганно оглянулся. У него даже остановилось сердце. Но сейчасъ же онъ облегченно вздохнулъ.

— Это казенная.

Его охватило раздраженіе противъ жены, благодаря которой онъ оказался въ такомъ положеніи. Какъ пріѣхала, такъ первымъ долгомъ — деньги. Вѣдь будь у него тѣ десять рублей, которые онъ отдалъ женѣ, развѣ бы онъ сейчасъ такъ себя чувствовалъ!... А то это не удовольствіе, а сплошная мука каждую минуту ждать, что нехватитъ денегъ. И сказать своей дамѣ объ этомъ неудобно.

А Тамара, вѣроятно, думаетъ: «Если бы былъ настоящій мужчина, онъ вызвалъ бы машину съ зеркальными стеклами, дорогой весело болталъ».

А вѣдь до революціи онъ получалъ восемнадцать тысячъ въ годъ... Будь онъ одинъ, у него даже и теперь оставались бы свободныя деньги: на столъ за глаза двухъ рублей достаточно, потомъ за квартиру двадцать пять, прачка десять, мелочи двадцать пять; восемьдесятъ рублей свободныхъ.

Онъ такъ былъ поглощенъ своими денежными вычисленіями и противъ воли возникавшими мрачными мыслями, что до театра они дошли въ полномъ молчаніи.

Билеты онъ купилъ по два съ полтиной и, кромѣ того, у него въ портмонэ осталась какая-то мелочь, — около рубля, насколько онъ могъ судить, пересчитывая

ее въ карманѣ наощупь. Онъ опустилъ туда руку, когда они передъ началомъ спектакля ходили по фойе, и поэтому невпопадъ отвѣчалъ на вопросы Тамары, наступалъ на пятки впереди идущихъ или, не замѣтивъ, что Тамара повернула, убѣгалъ одинъ впередъ, а потомъ растерянно оглядывался и искалъ ее глазами.

Онъ насчиталъ рубль сорокъ копѣекъ, при условіи, если всѣ деньги окажутся двугривенными. А если среди нихъ есть мѣдныя копѣйки? . . .

Когда началось представленіе, глаза Тамары жадно приковались къ сценѣ. Она сидѣла, слѣдя за каждымъ движеніемъ актеровъ, и наклонялась то направо, то налѣво, чтобы лучше видѣть изъ за головы сидѣвшаго впереди человѣка съ толстыми плечами и большой лысиной.

На сценѣ былъ изображенъ парижскій бульваръ съ кабачкомъ направо и съ нарумяненными дѣвицами и нарядными дамами полусвѣта въ необычайныхъ шляпахъ. Онѣ ходили или сидѣли, закинувъ ногу на ногу, съ папиросами въ холеныхъ рукахъ съ отставленными мизинчиками. Повидимому, изображали разлагающуюся Европу.

И видно было, что Тамара въ сильной степени переживала то, что видѣла на сценѣ.

Она даже одинъ разъ прижалась къ плечу Кислякова и сказала:

— Я хочу въ Парижъ . . . Вы свезете меня? . . .

— Да . . . — отвѣтилъ тихо Кисляковъ. — Только почему «свезете» а не «свезешь»? . . .

— Свезешь . . . — сказала Тамара.

Кисляковъ сжалъ ей руку, какъ бы говоря этимъ, что не только въ Парижъ. а куда угодно.

— Я хочу въ экспрессѣ, — сказала Тамара. — Въ Парижѣ, я слышала, чудесныя гостиницы, обставленныя какъ дворцы, а всѣ женщины одѣты въ шелкъ и крепъ-де-шинъ. Мы будемъ тамъ много, много ѣздить и ходить.

Она опять нѣжно прижалась къ Кислякову. Тотъ отвѣтилъ ей тѣмъ же. А самъ подумалъ о томъ, что

ей нужно будетъ предложить хоть чаю, но сначала непремѣнно провѣрить, не мѣдныя ли копѣйки въ карманѣ вмѣсто двугривенныхъ. Если окажется, что всѣ — двугривенные, то когда предложить: въ первомъ антрактѣ или во второмъ? Лучше во второмъ, а то она передъ концомъ опять захочетъ пить, и выйдетъ катастрофа.

Насколько она была для него безразлична, когда сама къ нему льнула, настолько теперь, когда она холодна и равнодушна, она стала для него почти болѣзненно необходимой.

И, чтобы хоть какъ-то склонить ее на свою сторону, приходилось удовлетворять ея жаждѣ широкой жизни, говорить о Парижѣ и тѣмъ все больше и больше внушать ей мысль о своихъ неограниченныхъ денежныхъ возможностяхъ.

Получались роковыя ножницы, у которыхъ однимъ концомъ было ея представленіе о его крупныхъ финансахъ, а другимъ — безпросвѣтная дѣйствительность въ видѣ двугривенныхъ въ карманѣ, могущихъ оказаться копѣйками.

Въ антрактѣ они пошли подъ руку по фойе. Тамара шла разсѣянно, какъ бы не имѣя никакого отношенія къ своему спутнику, и все водила глазами по встрѣчнымъ лицамъ.

— Чай я думаю пить во второмъ антрактѣ, — сказалъ Кисляковъ.

— Я сейчасъ не хочу чаю, — коротко отвѣтила Тамара, вся поглощенная разсматриваніемъ двигавшейся направо и налѣво толпы.

— Да, рано еще, лучше во второмъ, — согласился Кисляковъ.

Нужно было бы весело болтать, чтобы даже проходившіе мимо оглядывались на него и улыбались его остроумію, но его каждую минуту угнетали всякія соображенія. Когда они, напримѣръ, проходили мимо стойки буфета, ему показалось, что Тамара посмотрѣла на коробки съ шоколадомъ, которыя стояли открытыми. Она, навѣрно, смотритъ на нихъ и думаетъ: «Чаю

предлагаетъ, а вотъ коробку шоколада жаль предложить, имѣя такія возможности».

И поэтому всякій разъ, какъ они проходили мимо буфетной стойки, Кисляковъ находилъ предлогъ показать ей какую-нибудь картину на стѣнѣ или интересное лицо въ противоположной сторонѣ отъ буфета.

— Боже, ну какъ хочется хоть куда-нибудь устроиться, — сказала съ тоской Тамара, оглядываясь по сторонамъ, точно ища кого-то. — Такъ надоѣла эта сѣрая безпросвѣтность.

Кислякова задѣли эти слова.

— Я думалъ, что тебѣ хоть что-нибудь дала встрѣча со мной, — сказалъ онъ обиженно.

— Ахъ, да я не про то совсѣмъ. Я говорю, что меня угнетаетъ несамостоятельная жизнь, когда приходится за каждымъ рублемъ обращаться къ мужу.

Вотъ здѣсь надо бы сказать:

«Какой вздоръ, возьми у меня денегъ, сколько тебѣ нужно».

Но ему пришлось только промолчать.

Когда они пришли въ залъ, Тамара все оглядывалась, ища по рядамъ кого-то.

— Неужели они не пришли? — сказала она.

— Кто?

— Мои подруги, которыя обѣщали познакомить меня съ режиссеромъ.

Едва только кончился второй актъ, Кисляковъ поспѣшно сказалъ:

— Ну, вотъ теперь пойдемъ пить чай.

Точно онъ во все время дѣйствія думалъ только объ этомъ. Они пошли, но едва только вышли въ фойе, какъ какая-то тоненькая дѣвичья фигурка подбѣжала къ Тамарѣ и обняла ее.

— Ну вотъ! А я всѣ глаза проглядѣла, — сказала Тамара, обрадовавшись и совсѣмъ другимъ тономъ — живымъ и веселымъ, а не тѣмъ, какимъ говорила со своимъ спутникомъ. Потомъ подошли еще двѣ дѣвушки въ коротенькихъ платьяхъ и длинныхъ шелковыхъ чулкахъ, по-модному подстриженныя, съ напо-

маженными кончиками загибающихся у висковъ волосъ. Съ ними были два молодыхъ человѣка фокстротнаго типа съ тонкими таліями, въ модныхъ пиджакахъ съ широко расходящимися на груди пуговицами.

Всѣ остановились, загораживая дорогу проходящимъ, пока, наконецъ, Тамара сказала:

— Пойдемте пить чай.

Кисляковъ почувствовалъ, какъ волосы зашевелились у него на головѣ при такой фразѣ. Что будетъ, когда вся эта орава сядетъ за столъ? Тутъ будетъ позоръ и скандалъ, даже если въ карманѣ окажутся всѣ двугривенные и ни одной мѣдной копѣйки.

— Нѣтъ, я хочу посекретничать съ Тамарой, — сказала раньше всѣхъ подошедшая тоненькая дѣвушка, и двѣ дѣвушки съ фокстротными молодыми людьми отошли.

Кисляковъ перевелъ духъ и, подойдя къ дѣвушкѣ, подававшей чай, съ дрожащими еще руками отъ пережитаго страха спросилъ два стакана.

— А вы что же? — спросила его удивленно Тамара.

— Не хочется что-то. — И подвинулъ къ нимъ вазу съ пирожными.

Тоненькая дѣвушка накусила пирожное и, сдѣлавъ незамѣтно гримасу, положила его на тарелочку. Кисляковъ подумалъ, что нужно ей предложить другое, но его охватилъ ужасъ отъ мысли, что эта особа съ тонкимъ вкусомъ перекусаетъ всѣ пирожныя, и тогда — онъ пропалъ!

Но дѣвушка сказала:

— Здѣсь вообще не стоитъ ѣсть пирожныя, они всегда черствыя.

При этой фразѣ Кисляковъ почувствовалъ къ ней благодарную признательность за ея тонкій вкусъ. Онъ пріободрился и даже оживился.

— Это твой мужъ? — спросила тоненькая дѣвушка тихо у Тамары, съ заинтересованнымъ оживленіемъ.

— Вродѣ этого... — отвѣтила Тамара съ такимъ же оживленіемъ. И Кисляковъ почувствовалъ, что Та-

мара показываетъ его, какъ женщина показываетъ свою обновку при встрѣчѣ съ подругой.

— Вотъ онъ, пришелъ! — вдругъ сказала дѣвушка.

Она вскочила и подошла къ высокому плотному мужчинѣ съ бѣлыми рѣсницами и бѣлокурыми волосами, тщательно причесанными.

Онъ стоялъ въ концѣ фойе, какъ театральный человѣкъ, пришедшій къ концу спектакля, и съ поражающей безцеремонностью разглядывалъ лица женщинъ, которыя двигались по кругу фойе. Иногда на его лицѣ появлялась чуть замѣтная улыбка, съ которой онъ смотрѣлъ въ лицо проходящимъ женщинамъ. Ему точно въ голову не приходило, что кому нибудь можетъ быть непріятно его вниманіе.

Это былъ Миллеръ, — кинематографическій режиссеръ, говорившій съ довольно сильнымъ акцентомъ по-русски.

Подруга Тамары подбѣжала къ нему и, что-то шепнувъ, потянула его за руку по направленію къ столику, за которымъ сидѣли Тамара съ Кисляковымъ.

Онъ какъ бы нехотя пошелъ лѣнивой походкой и въ то же время вглядывался въ Тамару. Она ему, видимо, понравилась, такъ какъ его лицо сразу оживилось. Онъ вдругъ сталъ свѣтски предупредителенъ и почтителенъ, когда цѣловалъ руку Тамары и говорилъ съ нею. (Кислякова онъ не замѣчалъ.)

А Тамара, забывъ о своемъ спутникѣ, робѣла передъ этимъ важнымъ, увѣреннымъ въ себѣ мужчиной, да еще иностранцемъ.

— Я буду просить вашего разрѣшенія заснять васъ, — сказалъ Миллеръ, — у васъ интересныя для меня лицо и внѣшность. Да, я думаю, она для всякаго интересна, — прибавилъ онъ, осторожно улыбнувшись.

Тамара покраснѣла, какъ дѣвочка, когда такой важный мужчина сказалъ ей комплиментъ.

Кисляковъ почувствовалъ уколъ и оскорбленіе отъ того, что его даму при немъ осматриваютъ какъ лошадь, не справляясь, насколько ему пріятно это, даже

не замѣчая его. А она довольна... Вотъ сейчасъ взять бы ее подъ руку и увести отъ этого нахала, сказавъ ему:

— «Моя жена не нуждается въ заработкѣ», — потомъ посадить въ автомобиль съ зеркальными стеклами и увезти домой. Но дѣло въ томъ, что не только на автомобиль, а даже на трамвай не было денегъ. Благодаря этому онъ не увелъ Тамары и ничего не сказалъ. Онъ стоялъ въ сторонѣ, разсматривалъ картину на стѣнѣ и дѣлалъ видъ, что ему нисколько не скучно. Онъ даже сдѣлалъ кулакъ трубочкой и попробовалъ смотрѣть на картину такимъ образомъ.

— Идемте... — сказала, дернувъ его за рукавъ, Тамара, такъ какъ онъ не замѣтилъ, что всѣ пошли въ залъ.

По окончаніи спектакля, внизу лѣстницы у зеркала ихъ догналъ Миллеръ. На немъ было широкое заграничное пальто, шляпа и сѣрыя замшевыя перчатки. Онъ увѣренно и нахально, какъ показалось Кислякову, взялъ Тамару подъ руку, и они пошли втроемъ по тротуару. Потомъ тротуаръ сталъ узокъ, и Кислякову пришлось отстать. Она даже не оглянулась на него, такъ какъ была всецѣло поглощена своимъ собесѣдникомъ. Кислякову казался отвратителенъ ея повышенный, возбужденный голосъ: какъ будто ученица разговаривала съ учителемъ, передъ которымъ робѣла и старалась изо всѣхъ силъ. Сейчасъ бы подойти, шлепнуть этого субъекта по шляпѣ и сказать:

«Ну, будетъ, — поговорилъ и довольно, отправляйся домой спать».

Онъ попробовалъ остановиться, чтобы заставить Тамару оглянуться на него. Но она не оглянулась. Тогда онъ свернулъ на правую сторону. Остановившись, онъ увидѣлъ, что Миллеръ взялъ машину съ зеркальными стеклами и повезъ Тамару на ея квартиру.

Въ карманѣ у Кислякова оставалось только девять копѣекъ, одной копѣйки нехватало на трамвай. Пришлось итти пѣшкомъ.

XLIV

Онъ шелъ домой и думалъ, что сейчасъ начнется обычная драма. Тема этой драмы будетъ та, что онъ въ первый же вечеръ пріѣзда жены поссорился съ ней, ушелъ и пропалъ до глубокой ночи. Значитъ, между ними нѣтъ никакой любви, нѣтъ никакой духовной связи.

«А если такъ, то наша совмѣстная жизнь не имѣетъ никакого смысла».

Это былъ обычный заключительный аккордъ Елены Викторовны.

И каждый разъ приходилось, пересиливъ себя, чтобы не разводить исторіи на всю ночь, говорить, что онъ не можетъ безъ нея жить, что она является для него нравственной поддержкой, а что касается ссоры, то въ этомъ виноваты расшатанная нервная система и склерозъ.

Но въ самомъ дѣлѣ, если разобраться, что представляетъ собой ихъ сожительство? Что это — семья? Никакой семьи, если не считать собакъ.

Что же ихъ соединяетъ? Продолженіе рода?

Но за все время ихъ сожительства не было большаго испуга для нихъ, какъ опасность появленія ребенка.

Просто съ нимъ живетъ (и никуда отъ нея не дѣнешься) неинтереспая для него полная женщина. И живетъ потому, что какъ-то неловко сказать ей въ глаза то, что думаешь въ раздраженномъ состояніи про нее. Такъ, какъ онъ сейчасъ живетъ съ ней, онъ могъ бы жить рѣшительно съ каждой первой встрѣчной. И эта первая встрѣчная ужъ навѣрно не была бы такая толстая и коротенькая. А она-то думаетъ, что является для него смысломъ жизни! (Хотя ему самому приходилось говорить такъ.)

Правда, была полоса, когда она являлась его единственнымъ другомъ, самымъ близкимъ въ мірѣ человѣкомъ. Но все это было такъ давно, что уже почти забылось.

Кисляковъ подходилъ къ дому съ мрачной рѣшимостью отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ на фразу Елены Викторовны о томъ, что въ ихъ сожительствѣ нѣтъ никакого смысла. Онъ даже былъ радъ тому, что у него нехватало денегъ на трамвай, и онъ благодаря этому придетъ на цѣлыхъ полчаса позднѣе: тѣмъ сильнѣе съ ея стороны будетъ наскокъ, и тѣмъ скорѣе произойдетъ развязка.

Но, вопрски его ожиданіямъ, Елена Викторовна встрѣтила его кротко, ни однимъ словомъ не намекнула на его исчезновеніе и позднее возвращеніе и даже еще сказала:

— Кушать хочешь? Я подогрѣла.

Кисляковъ растерялся, ему стало стыдно своихъ мыслей, съ какими онъ шелъ. Но ему не хотѣлось упустить съ такимъ трудомъ накопленное злое настроеніе противъ жены. А кромѣ того, ему опять пришла мысль, что Елена Викторовна боится остаться безъ средствъ и поэтому такъ кротка.

И чѣмъ была къ нему внимательнѣе и нѣжнѣе Елена Викторовна, тѣмъ больше ему казалось, что она изъ-за его денегъ такъ кротка и услужлива.

Кисляковъ, опустивъ глаза въ тарелку, ѣлъ, стараясь не встрѣчаться взглядомъ съ женой, и отвѣчалъ на ея вопросы только односложными:

«Да...». «Нѣтъ...».

Елена Викторовна, наконецъ, вздохнувъ, замолчала.

Бульдогъ, спавшій въ креслѣ, подошелъ къ нему съ своей противной тупой мордой и отвисшей губой и смотрѣлъ, какъ онъ ѣлъ котлеты. При каждомъ движеніи хозяина онъ вилялъ короткимъ обрубкомъ своего хвоста.

Кисляковъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, сдѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ взгляда бульдога. И только подумалъ съ ненавистью, что эта дрянь за хозяина его не признаетъ, а какъ только онъ за столъ садится, такъ подлизывается.

На слѣдующій день Елена Викторовна была такъ же тиха, кротка и даже, увидѣвъ на рукавѣ мужа мѣ-

ловое пятно, взяла щетку и сама заботливо его счистила. Кисляковъ, во что бы то ни стало стараясь подавить въ себѣ доброе чувство къ женѣ, продолжалъ сохранять неприступный видъ. Молча приходилъ домой, молча ѣлъ оставленный ему обѣдъ, молча садился читать послѣ обѣда и даже бралъ подушку и ложился на диванъ, чего прежде никогда бы не рѣшился сдѣлать, и такъ же молча уходилъ изъ дома, видя въ то же время, что жена провожаетъ его тревожнымъ взглядомъ.

Тетка ходила уже на цыпочкахъ и даже перестала шопотомъ разговаривать съ собаками, а только молча грозилась на нихъ.

XLV

На третій день онъ опоздалъ къ обѣду. Елена Викторовна, подавъ тарелку супа и сѣвъ противъ его, сказала:

— Объясни пожалуйста: въ чемъ дѣло? ... Въ первый же день моего пріѣзда ты ушелъ и пропалъ до часу ночи. Я смолчала, я была (и сейчасъ продолжаю быть) кроткой, внимательной, боюсь потревожить твое спокойствіе. Однимъ словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней я хожу, какъ преступница.

Тетка, какъ всегда при ихъ ссорахъ, сейчасъ же на цыпочкахъ прошла за ширму и притихла тамъ, но, не удержавшись, чихнула.

— Всѣ мы живемъ подъ какимъ-то терроромъ, боимся дышать, чтобы не помѣшать тебѣ. (Кислякову, несмотря на раздраженіе, понравилось, что они боятся дышать.) И въ отвѣтъ на это, — продолжала Елена Викторовна, — я получаю только холодное, замкнутое молчаніе.

Ея шея и грудь въ вырѣзѣ платья уже покрылись красными пятнами. Уши тоже покраснѣли.

— Объяснимся, наконецъ, въ чемъ мое преступленіе? ... — закончила Елена Викторовна въ то время, какъ Кисляковъ, упорно глядя въ тарелку, продолжалъ молчать и ѣсть супъ.

Но онъ почувствовалъ себя задѣтымъ ея словами «смолчала» и «пропалъ». Она, видите ли, смолчала, когда онъ ушелъ до часу ночи, точно онъ — ея крѣпостной; уже одна его самовольная отлучка для нея такое преступленіе, что ей приходится *сдерживать* себя, чтобы смолчать.

— Мнѣ надоѣла твоя постоянная опека, — сказалъ онъ зло. — Всѣ люди ходятъ не только до часу ночи, а и до трехъ, и, вѣроятно, никому не приходитъ въ голову, что они «пропадаютъ».

— Да, но, навѣрное, они не уходятъ до часу ночи въ первый день пріѣзда жены...

Елена Викторовна, какъ всегда, отличалась необыкновенной логичностью, и Кисляковъ, готовившій цѣлый фонтанъ жестокихъ и справедливыхъ словъ на тему о закабаленіи одного человѣка другимъ, запнулся за первое же ея возраженіе и не зналъ, что сказать.

Ему въ голову и въ сердце темной волной бросилась злоба противъ жены, и онъ, чувствуя свое безсиліе въ логикѣ и въ то же время желаніе какъ можно больнѣе уколоть ее, сказалъ:

— Я ухожу въ первый день пріѣзда жены потому, что у меня невозможныя условія для работы, потому что вмѣстѣ со мной въ комнатѣ всякія тетки и собаки!

Онъ выпалилъ это, сорвался съ мѣста и сталъ возбужденно ходить по комнатѣ. Руки у него дрожали, онъ то и дѣло проводилъ ладонью по своимъ короткимъ волосамъ, задирая ихъ назадъ.

Елена Викторовна, посмотрѣвъ на него, спокойно и твердо сказала:

— Въ этомъ ты лжешь. Полторы недѣли ты былъ безъ меня, и у тебя настолько была возможность отдыхать и работать, что пропустить одинъ вечеръ въ день моего пріѣзда для тебя не составляло бы никакой потери. Потомъ условія такія не у одного тебя, а у всѣхъ, и казнить меня за это просто нечестно и непорядочно. И не тебѣ бы мнѣ это говорить, потому что я всегда больше всего заботилась о твоей работѣ, ради этого я сама превратилась въ кухарку и судомойку,

сама стираю, штопаю твои носки. Но вѣдь ты давно уже не работаешь . . .

Кисляковъ на каждую ея фразу мысленно возражалъ ей. А относительно носковъ онъ могъ бы сказать, что если бы ея не было, онъ бы имѣлъ возможность покупать новые носки, и тогда не было бы необходимости ходить въ штопаныхъ.

— Однимъ словомъ, я знаю только одно — что въ совмѣстной жизни я утратилъ всякую возможность работы надъ собой, — сказалъ онъ, зная, что ничто не можетъ причинить такой боли и оскорбленія женѣ, какъ эта фраза.

У Елены Викторовны отъ неожиданнаго оскорбленія даже выскочилъ изъ ея свернутой въ орѣшекъ косы хвостикъ изъ волосъ и торчалъ вверхъ, качаясь при каждомъ ея движеніи, чего она не замѣчала.

— А, вотъ какъ? . . . — сказала она тихо. — Значитъ, попросту говоря, прикажите мнѣ убираться? Да? . . .

Кисляковъ, не отвѣчая, продолжалъ раздраженно ходить, а потомъ и вовсе сѣлъ къ письменному столу спиной къ женѣ. Онъ былъ доволенъ, что она сама поставила точки надъ «и», такъ какъ ему, интеллигентному человѣку, было бы неудобно сказать женѣ, чтобы она убиралась отъ него. Теперь же ему достаточно только промолчать, покрѣпче закусить губы и разъ въ жизни имѣть силу выдержать позорную и недостойную интеллигентскаго сознанія позицію до конца.

Онъ, дѣйствительно закусивъ губы, молчалъ и только возбужденно нервно крутилъ пальцами волосы надъ лбомъ.

Онъ ждалъ, что жена, не получая отвѣта, скажетъ:

«Въ такомъ случаѣ я забираю съ собой тетку, собакъ и ухожу. Я не похожа на другихъ женщинъ и сдержу свое слово: никакихъ упрековъ, никакихъ матеріальныхъ и моральныхъ претензій не предъявляю: разъ порвалась духовная связь съ человѣкомъ, мнѣ отъ него уже ничего не нужно».

Но, вопреки его ожиданіямъ, Елена Викторовна сказала нѣсколько иное:

— Ты такъ повертываешь дѣло? . . .

И такъ какъ за стѣной, въ комнатѣ мѣщанки, послышалось шуршаніе, она повторила ту же фразу тише, почти шопотомъ:

— Ты такъ повертываешь дѣло? Въ такомъ случаѣ, милый мой, я иначе поставлю вопросъ!

Хвостикъ ея дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе и, несмотря на трагичность момента, отвлекалъ вниманіе Кислякова.

— Тогда мы будемъ по-дѣловому подходить къ вопросу. Эта комната принадлежитъ мнѣ! Я не такъ была глупа, и всѣ квитанціи о квартирной платѣ предусмотрительно выписаны на мое имя. Я вносила деньги!

Теперь отъ неожиданности удара и такого оборота дѣла у Кислякова надо лбомъ тоже вскочилъ скрученный жгутикъ изъ волосъ. Онъ даже онѣмѣлъ отъ неожиданности и не находилъ, что сказать. Въ самомъ дѣлѣ, женщина, еще такъ недавно ставившая выше всего на свѣтѣ его духовную жизнь и готовая на всякія жертвы, оказывается, въ то же время соображала, что на всякій случай плату лучше вносить на свое имя . . . и теперь вышвыриваетъ его изъ комнаты вмѣстѣ съ духовной жизнью.

— Да вѣдь деньги-то были мои!?

— А, можетъ быть, мои! . . . — отвѣтила Елена Викторовна, какъ-то нагло разсѣвшись въ креслѣ.

Она даже, какъ торговка, уперла въ бокъ свою толстую, мясистую руку.

Кислякова поразило то, что изъ женщины съ высшимъ образованіемъ могла при первомъ моральномъ толчкѣ выглянуть самая отвратительная мѣщанка.

Онъ ужаснулся.

— И на этомъ основаніи, — продолжала Елена Викторовна, — я говорю совершенно отчетливо: убирайся вонъ изъ моей комнаты. Забирай свои книги, бумаги — и маршъ!

Она вдругъ встала съ кресла и начала сбрасывать со стола его книги и бумаги на полъ.

Кисляковъ почувствовалъ, что у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ, какъ тигръ, кинулся къ столу и схватилъ жену за руки. Но сейчасъ же бульдогъ бросился на защиту Елены Викторовны и вцѣпился ему въ сапогъ. Кисляковъ отбрыкнулся отъ него и сталъ оттаскивать жену отъ стола, при чемъ чувствовалъ къ ней такую острую, какъ сладострастіе, ненависть, что ему хотѣлось вывернуть и сломать ей руки.

Но она, не помня себя, отбивалась и тянулась къ столу, чтобы пустить кулакомъ наотмашь остававшуюся на краю стола кипу книгъ. И такъ какъ Кисляковъ, упершись ногой въ столъ, тянулъ ее обратно, она отмахнулась отъ него и попала ему локтемъ въ переносицу.

У него слетѣло и вдребезги разбилось пенсне, а изъ глазъ посыпался цѣлый снопъ искръ. И въ это время онъ услышалъ, какъ, шелестя развернувшимися листами, полетѣли къ двери его книги. Тутъ онъ изъ всей силы толкнулъ Елену Викторовну кулакомъ въ ея мягкую спину. Она охнула и полетѣла на диванъ, — грудью на валикъ и носомъ въ подушку.

Изъ-за ширмъ выскочила блѣдная отъ испуга тетка.

— Тетя, уйдите, — сказала спокойно Елена Викторовна, оправляя разбившуюся прическу (хвостикъ опять остался).

Тетка скрылась. Бульдогъ, наклонивъ на бокъ голову, смотрѣлъ вопросительно.

— Ты меня ударилъ... — сказала тихо, но съ грозой, Елена Викторовна.

— Нѣтъ, ты меня ударила, — отвѣтилъ Кисляковъ, зажавъ носъ платкомъ, какъ будто изъ него фонтаномъ била кровь.

— Ты меня у д а р и л ъ?... — повторила Елена Викторовна, не выражая никакой жалости, никакой заботы о его ушибленномъ носѣ. — Больше я ни одной минуты не буду жить съ тобой.

«Чудесно!» — подумалъ Кисляковъ, продолжая держать у носа платокъ и переворачивать его, точно онъ истекалъ кровью.

— Иди, куда хочешь, ищи себѣ комнату, но быть съ тобой вмѣстѣ я ни одной минуты больше не могу.

— Это ты можешь выметаться, — сказалъ онъ, нарочно употребивъ уличное слово, чтобы тѣмъ сильнѣе оскорбить жену, и въ это время опять вспомнилъ Вронскаго и Анну Каренину: «Что, если бы они такъ разговаривали во время послѣдней трагической ссоры?»

— Ахъ, подлецъ, ахъ, подлецъ, — какъ-то сосредоточенно, какъ будто все еще не вѣря самой себѣ, говорила Елена Викторовна. Ея высокая, подходившая почти къ самому подбородку грудь начала вздрагивать отъ рыданій. Она повалилась своимъ толстымъ тѣломъ на диванъ и зарыдала. Короткія толстыя ноги въ чулкахъ далеко не доставали пола. Сначала у нея были только судорожныя беззвучныя рыданія, потомъ она стала захлебываться, метаться по дивану отъ одного валика къ другому, зажимать ротъ и закусывать зубами платокъ, какъ бы показывая, что сейчасъ можетъ умереть.

А Кисляковъ подошелъ къ умывальнику и, смочивъ платокъ водой, прижалъ его обѣими руками къ носу, точно желая этимъ сказать женѣ, чтобы она не строила изъ себя жертву, когда и онъ не въ лучшемъ положеніи.

Въ то время какъ она задыхалась, ловила ртомъ воздухъ, безсильно бросивъ руки на диванъ вдоль тѣла, и вся вздрагивала съ залитымъ слезами лицомъ, Кисляковъ ходилъ по комнатѣ и мысленно говорилъ:

«Прекрасно. По крайней мѣрѣ теперь все выяснилось. Разводъ такъ разводъ».

И первое, что пришло ему въ голову при этомъ, была мысль о бульдогѣ: что теперь эту гадину онъ расподдастъ отсюда.

Ничто не приходитъ сразу. Прежде онъ безъ содроганія подумать не могъ, что между нимъ и Еленой Викторовной могутъ возникнуть когда-нибудь мѣщан-

скія пререканія о деньгахъ. Онъ боялся даже намекомъ оскорбить Елену Викторовну, сказать ей, что она живетъ на его счетъ и ему еще связываетъ свободу. А вотъ сейчасъ онъ неожиданно перешагнулъ эту черту безъ всякаго усилія и даже съ увлеченіемъ отъ жестокой борьбы.

Онъ стоялъ передъ Еленой Викторовной и съ холодной жестокостью, которой самъ въ себѣ удивлялся, смотрѣлъ на нее, какъ бы ожидая дальнѣйшихъ представленій.

Вдругъ губы Елены Викторовны, искусанныя и вспухшія, задвигались и, не вполнѣ закрываясь, нечленораздѣльно проговорили:

— Уйди... Уйди хоть на время... умоляю.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — сказалъ Кисляковъ.

Онъ взялъ фуражку и съ размаху растворилъ дверь въ коридоръ. Въ ту же минуту отъ двери отскочила тетка и зажала обѣими руками лобъ, на которомъ сразу вскочила шишка, такъ какъ она, пригнувшись, подсматривала въ замочную скважину. У противоположной стѣны коридора стояли ребята изъ отряда имени Буденнаго, а у дверей всѣхъ комнатъ — жильцы.

XLVI

Прежде ссоры съ женой протекали такимъ образомъ: въ самыхъ сильныхъ случаяхъ (когда говорилось о разводѣ, о самоубійствѣ) Ипполитъ Кисляковъ, хлопнувъ дверью, уходилъ изъ дома и не возвращался до поздней ночи, а если было у кого переночевать, оставался тамъ до утра.

Тогда Елена Викторовна начинала безпокоиться, ей приходили мысли о томъ, что онъ, можетъ быть, бросился сейчасъ съ площадки шестого этажа или подъ трамвай, и черезъ часъ къ ней принесутъ его изуродованное тѣло.

Она кидалась по всѣмъ знакомымъ, съ ужасомъ бѣгала даже на рѣку. И когда, въ послѣдней степени

тревоги, проклиная себя за свою несдержанность, находила его, то у нея уже ничего не оставалось, кромѣ радостныхъ слезъ при видѣ его живымъ и здоровымъ.

А Кисляковъ иногда даже говорилъ ей, что онъ дѣйствительно былъ недалекъ отъ самоубійства, потому что эта ссора «поразила его отсутствіемъ высшаго начала въ ихъ отношеніяхъ». И ему своимъ самоубійствомъ хотѣлось ей показать, какъ тяжело воспринялъ онъ этотъ разладъ съ ней и потерю ея любви къ нему.

На самомъ дѣлѣ онъ ни разу не былъ близокъ къ самоубійству, развѣ только для взвинчиванія самаго себя говорилъ вслухъ, идя изъ дома по улицѣ въ неизвѣстномъ направленіи:

«Вотъ брошусь съ шестого этажа, она тогда спохватится, да ужъ поздно». И тутъ начиналась жалость къ самому себѣ, а потомъ и жалость къ женѣ, къ ея отчаянію, одиночеству послѣ его смерти. Въ этотъ моментъ онъ шелъ домой и разсказывалъ женѣ о предполагавшемся самоубійствѣ для того, чтобы она на будущій разъ остереглась отъ такихъ выступленій, а кромѣ того — чтобы вызвать ея жалость къ нему и усилить примиреніе.

«Глупый! — восклицала тогда Елена Викторовна, испуганная и въ то же время счастливая отъ такой сильной его любви къ ней. — Ну развѣ такъ можно?..»

Въ этотъ вечеръ на улицѣ былъ дождь. Итти въ неизвѣстномъ направленіи было мокро. Кисляковъ, дабы не измокнуть, сталъ подъ сосѣднія ворота и рѣшилъ стоять, чтобы довести Елену Викторовну до надлежащей степени тревоги и опасеній, что онъ уже приготовляется къ прыжку съ шестого этажа. Но поднявшійся вѣтеръ началъ захлестывать дождемъ и подъ ворота, заливать за воротникъ. Тогда онъ, не зная, куда дѣваться, рѣшилъ итти домой. Это было явно преждевременно. Главнымъ образомъ потому, что у него еще продолжала кипѣть злоба противъ жены и не появилось еще жалости къ ней. Напротивъ, еще больше кипѣло раздраженіе оттого, что дождевая вода пролилась по спинѣ до пояса благодаря стоянію подъ воротами. Онъ

вернулся домой, сѣлъ за письменный столъ и уткнулся въ газеты.

Елена Викторовна вышла изъ-за ширмы съ заплаканными глазами и сказала:

— Что же, такъ у насъ будетъ безъ конца?...

— Въ чемъ дѣло? — спокойно спросилъ Кисляковъ и самъ порадовался своей закаленности и безразличію своего тона.

— Какъ «въ чемъ дѣло»!? Боже мой, что съ тобой сдѣлалось!... Вѣдь я измучилась... ты на меня не смотришь, говоришь какъ съ собакой... Чѣмъ я провинилась?

Голосъ ея дрогнулъ, у Кислякова защипало въ носу отъ невыразимой и неожиданной жалости къ женѣ.

Ему захотѣлось подойти къ женѣ, обнять ее и сказать: «Ни въ чемъ ты не провинилась, а просто чѣмъ дальше, тѣмъ больше гибнетъ моя душа. Это началось съ того самаго момента, какъ я превратилъ свою жизнь въ фальшивку и во мнѣ все остановилось. Съ этого момента я потерялъ обоняніе къ высшимъ человѣческимъ цѣнностямъ. Мнѣ стало все «все равно». Какой мнѣ смыслъ въ этихъ цѣнностяхъ, когда моя собственная цѣнность давно погибла. Я дошелъ до такого паденія, что думаю о томъ, какъ ты мнѣ дорого стоишь, и что если я избавлюсь отъ тебя, то буду имѣть возможность больше тратить на себя. Я потерялъ всякую чувствительность къ тому, что не покупается никакими деньгами: къ вѣрной, безкорыстной любви близкаго человѣка. Спаси меня, я гибну...»

Но онъ не обнялъ ее и не сказалъ этого. Сказать это про себя близкому человѣку нехватило мужества, даже въ такой просвѣтленный моментъ.

Онъ только погладилъ руку жены и сказалъ примиряюще:

— Ну, довольно...

И ждалъ, что она съ порывистой радостью отъ намѣтившагося примиренія обниметъ его. Но Елена Викторовна не обняла. Ей, столько перенесшей, хотѣлось сначала показать ему, какъ онъ былъ неправъ, какъ

безсмысленно жестокъ къ ней. И это погубило все дѣло.

— Ты помнишь, съ какимъ чувствомъ я пріѣхала? Мнѣ было невыносимо безъ тебя, я не могла думать о своемъ здоровьѣ, когда мнѣ представилось, что съ тобой здѣсь случилось несчастье.

И она, стоя посрединѣ комнаты, начала говорить, выставляя свою безкорыстную любовь къ нему и его равнодушіе.

Кислякова это задѣло.

— Ну, вотъ я п е р в ы й повернулся къ тебѣ съ добрымъ словомъ, а ты . . .

— А когда ты повернулся съ этимъ добрымъ словомъ? Когда я уже вся измучилась? . . . — сказала Елена Викторовна.

— Да, но все-таки я повернулся, а ты . . .

Елена Викторовна, зло прищуривъ глаза, смотрѣла нѣкоторое время на мужа и сказала:

— А ты представляешь себѣ дѣло такъ, что ты можешь сколько угодно быть по отношенію ко мнѣ хамомъ, молчать по цѣлымъ днямъ, а какъ только соблаговолишь милостиво простить мнѣ, — когда на самомъ дѣлѣ виноватъ ты! . . . (она даже указала на него съ видомъ обличителя пальцемъ) — то я должна сейчасъ же встать на заднія лапки и умильно улыбаться?! — сказала Елена Викторовна, присѣвъ и дѣлая руками и лицомъ сладкія ужимки.

У Кислякова мелькнула мысль, что она потому такъ дерзка, что вносила плату за квартиру на свое имя. У него потемнѣло въ глазахъ, и онъ, не помня себя, крикнулъ изо всей силы:

— Ты виновата уже тѣмъ, что живешь со мной, и я никакъ не могу отдѣлаться отъ тебя, отъ тетки и отъ собакъ!

Тутъ онъ увидѣлъ, что произошло нѣчто ужасное, непоправимое. Елена Викторовна, поднявъ надъ головой руки, точно защищаясь отъ удара, вся поблѣднѣла и смотрѣла на мужа расширенными отъ ужаса глазами. Онъ по ея виду понялъ, что поправить сказаннаго, не-

ревести его на шутку и загладить уже невозможно. Этой фразы не объяснишь и не извинишь никакой запальчивостью и раздраженіемъ.

Видя, что все равно все погибло, онъ сталъ почти кричать:

— Да, мнѣ осточертѣло жить съ тобой въ одной комнатѣ. Мнѣ надоѣла твоя вѣчная опека! Я вовсе не намѣренъ работать не разгибая спины только для того, чтобы т е б я к о р м и т ь и доставлять удовольствія. Я самъ хочу жить для себя, и мнѣ, можетъ быть, пріятнѣе кому-нибудь другому доставлять удовольствіе, чѣмъ тебѣ . . .

Онъ видѣлъ, какъ Елена Викторовна еще болѣе поблѣднѣла отъ этихъ словъ... Но онъ уже не могъ остановиться, разъ онъ выпалилъ эти невозможныя, эти ужасныя слова. Его охватило новое сладострастіе злобы, тѣмъ большее, чѣмъ сильнѣе онъ сжимался передъ этой женщиной, когда чувствовалъ себя обезоруженнымъ ея дѣйствительно самоотверженной любовью къ нему.

— Ахъ, вотъ какъ . . . — сказала тихо, едва слышно, Елена Викторовна, — я не нужна . . . Тебѣ пріятнѣе кому-то другому доставлять удовольствія, чѣмъ мнѣ. Въ этомъ, очевидно, и кроется главная причина всего...

— Думайте, какъ вамъ будетъ угодно! — сказалъ Кисляковъ и ушелъ изъ дома.

Съ этого момента событія стали развиваться съ головокружительной быстротой.

XLVII

Вернувшись на другой день со службы, Кисляковъ остолбенѣлъ.

Комната его имѣла видъ лазарета для выздоравливающихъ: около всѣхъ четырехъ стѣнъ стояли кровати. При чемъ для него была принесена его старая узенькая походная постель. Она, очевидно, для большаго униженія, была поставлена около той стѣны, въ которой находилась выходная дверь.

Оказалось, что Елена Викторовна поселила у себя пріѣхавшую изъ провинціи свою племянницу. Ея постель была поставлена на мѣстѣ кисляковской постели, у письменнаго стола. Племянницѣ (она была востроносая дѣвочка лѣтъ шестнадцати) было, очевидно, внушено, чтобы она не очень церемонилась съ дядей, такъ какъ онъ — подлецъ и въ этой комнатѣ не хозяинъ.

Матрасики собакъ размѣстились въ двухъ углахъ, при чемъ матрасикъ бульдога былъ близко отъ его постели.

Кисляковъ съ перваго же взгляда оцѣнилъ положеніе. Онъ прежде всего почувствовалъ, что началась борьба безъ всякихъ прикрасъ, и, слѣдовательно, у него теперь развязаны руки для самыхъ откровенныхъ и безцеремонныхъ дѣйствій. Спутывавшія его прежде интеллигентскія традиціи, воспоминаніе объ Аннѣ Карениной и Вронскомъ — теперь отпали.

Первое, что онъ сдѣлалъ, это поддалъ ногой бульдожій матрацъ такъ, что онъ перелетѣлъ черезъ всю комнату къ полному удовольствію собакъ, которыя неправильно оцѣнили положеніе: вообразили, что хозяинъ пришелъ въ хорошемъ настроеніи и предлагаетъ имъ игру. Но уже въ слѣдующій моментъ они поняли, чѣмъ пахнетъ эта игра и, послѣ полученнаго подъ зады пинка, въ паникѣ бросились подъ диванъ.

Кисляковъ сейчасъ же передвинулъ свою постель на мѣсто постели племянницы. Все это было сдѣлано молча, въ то время какъ Елена Викторовна стояла посрединѣ комнаты и, закусивъ отъ безсильнаго гнѣва губы, покрылась красными пятнами.

Кисляковъ рѣшилъ, что теперь идетъ соревнованіе на крѣпость нервовъ, и мысленно сказалъ себѣ:

«Черта перейдена!»

Обѣдалъ онъ теперь въ столовой, а не дома. А когда приходилъ домой, то молча садился къ письменному столу или ложился на свою постель. Теперь онъ уже не стѣснялся лежать, сколько ему хотѣлось, и даже нарочно ложился въ башмакахъ на одѣяло, чего прежде особенно не выносила Елена Викторовна.

Если онъ прежде былъ деликатенъ, ходилъ на цыпочкахъ, когда въ комнатѣ кто-нибудь спалъ или велся какой-нибудь серьезный разговоръ, то теперь онъ все дѣлалъ съ шумомъ и грохотомъ. Если онъ открывалъ буфетъ, то нарочно хлопалъ дверцами, если приходилъ поздно домой, когда уже всѣ спали, онъ нарочно зажигалъ полный свѣтъ, на который даже собаки моргали и жмурились со своихъ матрасиковъ.

Когда подавали чай, онъ садился къ письменному столу и дѣлалъ видъ, что читаетъ. Но на самомъ дѣлѣ не могъ сосредоточиться и прочесть ни одного абзаца, такъ какъ все время прислушивался къ тому, что дѣлалось за его спиной. Думалъ о томъ, съ какой, навѣрное, ненавистью смотритъ на его макушку жена, и приготовлялъ полный яда отвѣтъ на случай ея обращенія къ нему. А иногда вдругъ становилось жаль себя при мысли, что еще такъ недавно жена заботилась о немъ, всегда замѣчала малѣйшую перемѣну въ его настроеніи, и тревожно-заботливо спрашивала, что съ нимъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь непріятностей, не хочетъ ли онъ п о к у ш а т ь чего-нибудь. Теперь онъ для нея хуже собаки, — если бы даже подыхалъ съ голоду, она не пошевелится дать ему поѣсть.

Однажды у него испортились его дешевенькіе черные часы. Тогда онъ рѣшилъ взять золотые. Они всегда лежали въ правомъ верхнемъ ящикѣ комода, гдѣ хранились его вещи. Но когда онъ открылъ ящикъ комода, тамъ не оказалось ничего. И въ то время, какъ онъ стоялъ надъ ящикомъ и думалъ о той безднѣ паденія, въ какую они скатились, вошла Елена Викторовна.

— Гдѣ мои часы?

— Часы мои, а не ваши.

Онъ не нашелъ, что возразить на это, но почувствовалъ, что руки у него теперь совершенно развязаны отъ всякихъ высшихъ принциповъ. Теперь — борьба.

Елена Викторовна стала теперь болѣе тщательно одѣваться и если куда-нибудь уходила, то долго красила передъ зеркаломъ губы и пудрила носъ. Кисля-

ковъ смотрѣлъ на нее и ненавидѣлъ всѣми силами души за то, что она, воображаетъ, что еще можетъ кому-нибудь нравиться. Но у него закрадывалось ревнивое чувство отъ мысли, что она прихорашивается не для него, а для другихъ. А вѣдь сама не разъ говорила, что другіе мужчины для нея не существуютъ.

Дома же она ходила въ распахнутомъ капотѣ, съ нечесаными волосами, несмотря на то, что онъ теперь для нее былъ чужой человѣкъ.

Но главное было еще впереди. Придя одинъ разъ домой, онъ увидѣлъ, что комната раздѣлена занавѣской изъ двухъ простынь на двѣ части. При чемъ ему отгородили не половину, а почти четвертую часть. Такъ что онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ точно въ прачечной.

Обѣденный столъ на половинѣ Елены Викторовны былъ раздвинутъ на обѣ доски, и на немъ лежали выкройки, куски матеріи, а за занавѣской щебетали какія-то дамы. Очевидно, Елена Викторовна рѣшила на дѣлѣ примѣнить свои таланты.

Кисляковъ увидѣлъ, что жизнь грозитъ стать невозможной. Онъ сидѣлъ въ своемъ завѣшенномъ простынями углу, и ему раздражающе лѣзъ въ уши голосъ жены. Она, дѣлая примѣрку, оживленно говорила, смѣялась неестественно противно и угодливо, какъ смѣются, чтобы понравиться заказчицамъ.

Ему казалось, что этотъ громкій, угодливый смѣхъ былъ направленъ противъ него. Она, очевидно, хотѣла показать, что нашла выходъ и плюетъ теперь на своего мужа. Кисляковъ почувствовалъ вдругъ себя нахлѣбникомъ, котораго не боятся безпокоить громкимъ смѣхомъ и даже рады употребить всѣ средства, чтобы его выжить.

По отношенію къ нему была введена политика полнаго игнорированія: мимо него ходили, ступая на полную ногу, говорили полнымъ голосомъ, если онъ отдыхалъ послѣ обѣда. Даже тетка теперь разговаривала съ собаками не шопотомъ, а въ полный голосъ.

Елена Викторовна не только ни разу не предложила ему чаю, а даже тщательно стала запирать отъ него буфетъ, когда послѣ чаю или послѣ обѣда убирала туда посуду.

Голосъ ея теперь постоянно раздавался то въ коридорѣ, то въ кухнѣ, и если она воевала съ жильцами, то въ комнату входила разъяренная, какъ тигрица, и вульгарная, какъ торговка, уже безъ знаменитой зеленой ленты и въ старомъ капотѣ съ замаслившимися рукавами. Капотъ у нея не застегивался, и она только придерживала его рукой на толстой груди, а когда что-нибудь дѣлала, то локтемъ прихватывала правую полу, чтобы она не распахивалась.

Было жутко смотрѣть на эту женщину. Она стала корыстна, жадна, притворна, безсердечна и, когда нужно, изъ матеріальныхъ соображеній, противно льстива и угодлива.

Въ ней развилась необычайная энергія въ отстаиваніи своихъ животныхъ правъ. Въ то время какъ онъ послѣ вспышки сталъ уже сдавать, она шла все дальше въ борьбѣ. Она чувствовала и проявляла уже такую ненависть къ недавно любимому человѣку, что ему было страшно видѣть, какая сила злобы можетъ таиться въ женщинѣ.

Одинъ разъ, подойдя къ своему столу, онъ увидѣлъ прислоненную къ чернильницѣ бумажку казеннаго образца. Пробѣжавъ ея содержаніе, онъ почувствовалъ, какъ кровь отхлынула у него отъ сердца. Это было постановленіе суда о его разводѣ съ Еленой Викторовной. Она сдѣлала это, даже не увѣдомивъ его. Потомъ его вызвали въ домоуправленіе и сказали, что его бывшей женой подано заявленіе о выселеніи его изъ ея комнаты, такъ какъ онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не давалъ денегъ на квартиру, и она не намѣрена за него платить, а занятіе имъ площади мѣшаетъ ей имѣть свой заработокъ благодаря тѣснотѣ.

Потребовались всякія справки и удостовѣренія, за которыми онъ бѣгалъ весь день. Елена Викторовна тоже ходила куда-то по соотвѣтствующимъ дѣламъ и

учрежденіямъ. Пришла измученная, злая и накричала на собакъ, которыя бросились было къ ней обниматься.

А потомъ оба, — онъ за письменнымъ столомъ, а она за обѣденнымъ, — просматривали эти заготовленныя другъ противъ друга бумажки.

Территорія, занимаемая Кисляковымъ, въ то же время все уменьшалась и уменьшалась, а вещи одна за другой исчезали.

Исчезли со стола бронзовые канделябры, которые онъ купилъ, и оказались на ея комодѣ. Онъ промолчалъ. Потомъ такимъ же образомъ перемѣстилась этажерка съ фарфоромъ. Его охватилъ такой ужасъ отъ возможности безпредѣльнаго паденія человѣческаго, что онъ сжалъ голову обѣими руками. Подумать только, что вѣдь эта женщина окончила высшіе женскіе курсы, воспиталась на лучшихъ завѣтахъ русской интеллигенціи. Неужели же все это было только сверху, какъ лакъ, который стерся при первомъ случаѣ? Она, очевидно, не чувствуетъ даже никакого страданія отъ того, что дѣлаетъ вещи, которыя унизительны для интеллигентнаго человѣка.

Почему же онъ относится къ этому иначе: его охватываетъ только ужасъ отъ такого паденія. Вѣдь она все у него потаскала, осталось только кресло у письменнаго стола, а онъ ей даже ничего не сказалъ. Почему? Значитъ, есть какія-то градаціи порядочности даже въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ. Но черезъ пять минутъ засталъ Елену Викторовну за перетаскиваніемъ его кресла краснаго дерева, которое она замѣнила вѣнскимъ стуломъ.

Не отдавая себѣ отчета, а только почувствовавъ прихлынувшую къ сердцу волну крови, онъ бросился къ женѣ и сталъ у нея вырывать кресло изъ рукъ. Но она такъ вцѣпилась, что невозможно было оторвать. Онъ сталъ отрывать ея руки, а онѣ опять ловили кресло и вцѣплялись въ него. При чемъ вся эта борьба происходила въ полномъ молчаніи, только слышалось тяжелое дыханіе обоихъ.

На одинъ моментъ ему стало противно, и онъ хотѣлъ, закрывъ глаза, бѣжать отсюда, отъ жены, отъ самого себя, но въ это время Елена Викторовна укусила ему руку такъ больно, что онъ съ новымъ притокомъ злобы вырвалъ у нея кресло и такъ толкнулъ ее въ грудь, что она полетѣла на собачій матрацъ.

Когда приходили заказчицы примѣрять свои платья и раздѣвались за занавѣской, онъ нарочно вставалъ изъ-за стола и начиналъ ходить по комнатѣ. За занавѣской сейчасъ же поднимался испуганный визгъ, заказчицы хватали со стола скатерть и прикрывали ею голыя плечи.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ въ комнату пришла комиссія изъ домоуправленія для обслѣдованія жилищныхъ условій по заявленію Елены Викторовны. Комиссія установила ненормальность положенія.

Одинъ изъ членовъ комиссіи обратился къ Кисляkову:

— Гражданинъ Кисляковъ, вы бы посидѣли въ своемъ уголкѣ, пока онѣ примѣриваютъ.

— Что же мнѣ и сидѣть такъ цѣлый день?

— Тогда уѣзжайте отсюда.

— Куда? Предоставьте мнѣ помѣщеніе.

— Этого мы не можемъ.

— А я-то что же могу? Если этой г р а ж д а н к ѣ здѣсь неудобно, пусть она переѣзжаетъ.

Около открытой двери собрались жильцы всей квартиры и стояли толпой, какъ стоятъ, когда выносятъ покойника. Если подходилъ кто-нибудь новый и спрашивалъ, въ чемъ дѣло, ему говорили:

— Скандалятъ. Развелись, а разъѣхаться некуда.

Конечно, Кисляковымъ руководило не одно упрямство. Тутъ въ самомъ дѣлѣ былъ вопросъ хоть о какомъ-нибудь углѣ. Или онъ или она должны были очутиться на улицѣ. А разъ между ними шла борьба, и борьба жестокая, то о благородствѣ думать не приходилось.

Наконецъ, этотъ вопросъ разрѣшился. Въ домоуправленіи ему сказали, что комната № 9 освободи-

лась. Но прибавили, что пришла женщина съ ордеромъ изъ Цекубу, придется ей уступить, хотя, конечно, справедливость требуетъ, чтобы жильцы своего дома были удовлетворены въ первую очередь. Формально они не могутъ этого сдѣлать, если же онъ хочетъ попытаться получить комнату, то пусть дѣйствуетъ болѣе рѣшительно. Если онъ займетъ комнату раньше, того труднѣе будетъ выселить изъ нея, и эта женщина съ ордеромъ будетъ легче устранена, хотя — не навѣрное, такъ какъ это въ значительной степени зависитъ и отъ ея рѣшительности.

— Какъ только мы комнату откроемъ, такъ вы сейчасъ ставьте въ нее свои вещи. Она уже ѣдетъ сюда.

Кисляковъ, шагая черезъ три ступеньки, влетѣлъ наверхъ, выхватилъ изъ-подъ кровати свой чемоданъ и сталъ укладываться, при чемъ въ его движеніяхъ и въ лицѣ была такая спѣшка, какъ будто онъ выбирался изъ горящаго дома.

Выйдя въ коридоръ, онъ увидѣлъ, что по коридору идетъ незнакомая дама со шляпной коробкой и присматривается ко всѣмъ дверямъ.

Кисляковъ, налетѣвъ на входившаго въ коридоръ ломовика, бросился къ дверямъ освободившейся комнаты. Дама, съ перваго мгновенія сообразивъ, въ чемъ дѣло, тоже бросилась бѣгомъ, но опоздала: Кисляковъ успѣлъ забросить въ комнату свой чемоданъ и, нырнувъ подъ руку дамы, почему-то даже сѣлъ на чемоданъ, запыхавшись и весь мокрый отъ пота.

А когда дама хотѣла поставить свою коробку, онъ ловкимъ ударомъ ноги вытолкнулъ коробку за дверь и заперся на ключъ.

— Я подамъ въ судъ! — кричала за дверью дама. — Это возмутительное насиліе!

— Я же говорилъ вамъ, чтобы вы не опаздывали, — сказалъ подошедшій управдомъ.

— Это не люди, а разбойники! — продолжала кричать дама. — Я сейчасъ подамъ въ судъ.

— Самое святое дѣло, — сказалъ управдомъ, — тамъ лучше разсудятъ, а то что же мы можемъ сдѣлать,

если онъ раньше занялъ ... И потомъ въ первую очередь мы должны своихъ жильцовъ удовлетворить.

Кисляковъ, все еще сидя на чемоданѣ, прислушивался къ крику обиженной и, снявъ пенснэ, утиралъ платкомъ лобъ и вспотѣвшій бобрикъ, который торчалъ смокшимися перьями въ разныя стороны. Потомъ онъ всталъ, отъ ужаса передъ самимъ собой сжалъ голову обѣими руками, постоялъ такъ нѣкоторое время и вышелъ.

XLVIII

Уставшій, измученный борьбой послѣдняго времени, онъ шелъ по улицѣ, самъ не зная, куда. Къ Аркадію ему не хотѣлось итти, онъ рѣшилъ выждать нѣкоторое время, чтобы Тамара встревожилась его отсутствіемъ. Онъ прошелъ по бульварамъ, мимо Смоленскаго рынка, гдѣ бывшіе люди торговали старыми вещами, разрозненными сервизами, пожелтѣвшими кружевами, облѣзлыми собольими горжетками.

Это были большею частью пожилыя аристократки съ грязными руками и немытыми лицами. Такъ называемый дворянскій рядъ.

Кисляковъ невольно перешелъ на другую сторону, изъ боязни встрѣтить тутъ знакомыхъ, передъ которыми неудобно будетъ не остановиться и не выразить сочувствія (хорошенькое знакомство, если, напримѣръ, увидитъ Полухинъ).

Потомъ прошелъ на Александровскій вокзалъ и, взявъ билетъ, сѣлъ въ дачный поѣздъ.

На первой остановкѣ онъ вышелъ.

Была середина сентября. Въ воздухѣ уже чувствовался пряный запахъ осени. Кругомъ виднѣлись желтыя березовыя рощи, сонно ронявшія листья, чернѣли осеннія грязныя дороги среди убранныхъ полей и побурѣвшія ниточки полевой рябинки на межахъ.

Съ распаханныхъ крестьянскихъ загоновъ, пестрѣвшихъ разставленными по бороздамъ мѣшками, доносился крѣпкій запахъ картофельной ботвы, завядшей отъ раннихъ утренниковъ. И сырая осенняя трава,

пересыпанная желтыми листьями, стала клочковатой и жесткой.

Пахло землей и осенью.

Послѣ городского шума и сутолоки здѣсь была особенная тишина и ясность.

Кислякову показалось старнымъ, что есть эта тишина, о которой онъ какъ-то забылъ совсѣмъ.

Онъ смотрѣлъ на небо. Оно было ровное, спокойное, какое бываетъ въ тихіе осенніе дни. Въ высотѣ чуть виднѣвшейся ниткой летѣли къ югу журавли, и чуть слышно доносилось ихъ турлыканье. Кислякову вдругъ показалось, что онъ утратилъ связь съ этимъ вѣчнымъ движеніемъ жизни.

Жизнь не останавливается и непрестанно движется. Въ прошломъ году здѣсь не было этой желѣзной дороги, не было тѣхъ двухъ заводовъ съ высокими трубами, не было этого поселка, который выросъ здѣсь.

Ему вдругъ показалось, что нужно только слиться съ этой движущей и рождающейся жизнью, хотя бы въ томъ дѣлѣ, какое онъ дѣлаетъ сейчасъ съ Полухинымъ, — не спѣшить, не цѣпляться всѣми силами только за животное существованіе. Тогда все будетъ хорошо. Помнить, что вѣдь онъ — ч е л о в ѣ к ъ, что свою сущность, появившуюся на землѣ одинъ разъ въ милліоны вѣковъ, не стоитъ тратить на перебиваніе комнаты у дамы съ ордеромъ изъ Цекубу.

Проходившій мимо старичокъ съ мѣшкомъ за плечами и съ трубочкой остановился и попросилъ прикурить.

— Тихо какъ у васъ тутъ, старина, — сказалъ Кисляковъ.

— А вы сами изъ города будете? Или на дачѣ тутъ?

— Нѣтъ, просто сейчасъ на часокъ пріѣхалъ.

— Очахнуть, значитъ, немножко захотѣли?

Старикъ ушелъ, а Кисляковъ долго стоялъ на высокомъ бугрѣ. Потомъ медленно пошелъ домой въ новомъ, просвѣтленномъ настроеніи.

XLIX

Но, проходя отъ вокзала черезъ площадь, онъ вдругъ увидѣлъ Полухина, который стоялъ на остановкѣ и ждалъ трамвая.

Онъ вдругъ противъ воли, противъ сознанія почувствовалъ какую-то суету въ ногахъ. Торопливо и болѣе громко, чѣмъ это было нужно, окликнулъ Полухина, который съ удивленіемъ оглянулся и пошелъ къ нему навстрѣчу.

Кисляковъ, видя гдѣ-нибудь на улицѣ Полухина, испытывалъ большую радость, чѣмъ когда видѣлъ его въ учрежденіи, какъ будто всѣ видѣли, какъ они дружны, и могли только завидовать Кислякову.

— Ты куда направляешься? — съ радостнымъ удивленіемъ спрашивалъ Кисляковъ.

— На стадіонъ хочу проѣхать, да видишь, сколько народу, никакъ не сядешь, — сказалъ Полухинъ, показавъ на переполненные трамваи.

Живой глазъ Полухина смотрѣлъ дружески-привѣтливо, а стеклянный — неподвижно, остро и подозрительно.

— А что сегодня на стадіонѣ? — спросилъ Кисляковъ, стараясь не смотрѣть на стеклянный глазъ Полухина.

— Наши состязаются съ австрійцами.

— Тогда пройдемъ пѣшкомъ, тутъ недалеко.

Они пошли.

Когда они подошли къ стадіону, Кисляковъ взялъ Полухина подъ руку, чтобы не растеряться въ густой толпѣ, осаждавшей входъ на трибуны. При чемъ чувствовалъ еще большій приливъ дружбы и любви къ Полухину оттого, что могъ держать его подъ руку.

У Кислякова не было билета. Но Полухинъ былъ видный членъ общества, которому принадлежалъ стадіонъ.

— Это со мной, — сказалъ онъ спокойно контролеру.

Кисляковъ, войдя во дворъ стадіона и оглянувшись на осаждавшую ворота толпу, почувствовалъ свое исключительное положеніе и превосходство даже надъ тѣми, у кого былъ билетъ.

Они прошли въ правленіе за билетомъ, при чемъ Полухинъ все дѣлалъ самъ, а Кисляковъ только дожидался. И отъ этого чувствовалъ какъ бы свою близкую прикосновенность къ пролетарской организаціи. Онъ не благодарилъ суетливо Полухина, какъ своего начальника, убивавшаго его любезностью, а просто и спокойно спрашивалъ:

— Ну что, ты взялъ? Теперь можно итти?

Онъ говорилъ спокойно, а въ то же время внутри него что-то дрожало отъ необычайнаго чувства дружбы и отъ того, что онъ имѣетъ возможность принимать заботу Полухина такъ просто, какъ будто при ихъ отношеніяхъ это вполнѣ естественно.

Полухинъ часто здоровался съ какими-то партійными, очевидно — важными, лицами и, указывая на Кислякова, говорилъ имъ:

— Познакомьтесь.

Часто цѣлой группой, остановившись у барьера, они разговаривали, смѣялись, а Кисляковъ, чтобы не почувствовали въ немъ чужого, такъ какъ онъ былъ не въ курсѣ ихъ разговоровъ и не могъ принять въ нихъ свободнаго участія, отходилъ ближе къ барьеру и дѣлалъ видъ, что осматриваетъ стадіонъ.

Колоссальная постройка стадіона имѣла видъ овальнаго амфитеатра, занятаго трибунами, пестрѣвшими массой народа, флагами, красными полотнищами съ бѣлыми буквами. Виднѣлись кепки, картузы, шляпы, красные платки. А изъ проходовъ выливались все новыя и новыя толпы народа, который растекался по скамьямъ. Вниманіе всѣхъ было устремлено на гладкую зеленую лужайку овальной формы, на которой должно было происходить состязаніе, а сейчасъ доканчивали партію вторыя команды.

Всѣ входившіе, увидѣвъ бѣгущія фигуры въ синихъ рубашкахъ и красныхъ трусикахъ, тревожно спрашивали:

— Что, началось? . . .

— Нѣтъ еще, это вторыя команды, — отвѣчалъ кто-нибудь.

И спрашивающій, хотя часто и не понималъ, что такое «вторыя команды», все-таки удовлетворялся этимъ отвѣтомъ и проходилъ по рядамъ, ища своего мѣста.

— Когда же начнется-то? — нетерпѣливо спрашивали въ рядахъ.

— Сначала эти должны кончить.

— Да на что они намъ нужны? Пусть они идутъ кончать въ другое мѣсто. Намъ австрійцевъ нужно.

— Будутъ и австрійцы.

Особенное нетерпѣніе выражалъ какой-то человѣкъ въ технической фуражкѣ, который поминутно вставалъ съ своего мѣста, возмущался по поводу опозданія состязанія, потомъ опять садился и нетерпѣливо сдвигалъ на затылокъ фуражку.

Наконецъ, по всей огромной массѣ людей, сидѣвшихъ на скамьяхъ трибунъ, пробѣжалъ тревожно возбужденный шелестъ.

Кто-то крикнулъ:

— Идутъ!

Всѣ стали приподниматься и растерянно оглядываться, не зная, откуда ждать появленія командъ, а главное — иностранныхъ противниковъ.

— Гдѣ они, гдѣ?

— Вотъ, изъ тоннеля идутъ!

Показались люди въ пиджакахъ и въ пальто, съ фотографическими аппаратами.

— Да нѣтъ, это фотографы.

Вдругъ вся масса стадіона дрогнула отъ раздавшихся аплодисментовъ и рукоплесканій: изъ тоннеля легко выскочила одна фигура въ красной, потомъ въ голубой спортивной одеждѣ, въ пристегнутыхъ резин-

кой носкахъ и туфляхъ, а за ними стали легко высыпаться на зеленую лужайку остальныя. Красныя перемѣшались съ голубыми.

— Какіе наши? Красные? — послышались торопливые вопросы.

— Нѣтъ, наши голубые.

— Вотъ какъ?

Зрители переглядывались, довольные тѣмъ, что наши какъ бы изъ гостепріимства уступили пріѣзжимъ свой цвѣтъ.

Музыка заиграла тушъ. Красныя и голубыя фигуры, казавшіяся издали маленькими, почти игрушечными, стали въ кругъ посрединѣ, голубыя противъ красныхъ. И одна фигура въ голубомъ поднесла противникамъ большой букетъ цвѣтовъ. Это вызвало взрывъ аплодисментовъ со стороны безчисленныхъ зрителей (ихъ было свыше сорока тысячъ).

Вдругъ послышался знакъ команды, и голубыя фигурки отдѣлились отъ красныхъ. Однѣ побѣжали на одну половину зеленой лужайки, другія на другую.

Состязаніе началось.

Когда большой мячъ, поданный ловкимъ ударомъ съ нашей стороны, летѣлъ въ сторону австрійцевъ, всѣ съ замирающимъ дыханіемъ слѣдили, какъ за нимъ бросались красныя и голубыя фигуры, поддавали его головами, ногами, гнали по травѣ, спутывались въ толпу, и вдругъ мячъ опять вырывался и летѣлъ черезъ головы еще дальше въ сторону австрійцевъ, производя среди нихъ сумятицу и замѣшательство.

Человѣкъ въ технической фуражкѣ вскакивалъ и плачущимъ голосомъ, какимъ кричатъ борзятники при травлѣ волковъ, кричалъ:

— Хорошъ! Хорошъ! Гони!...

И когда мячъ начиналъ уже метаться между ногами вблизи вражескихъ воротъ, онъ умоляющимъ голосомъ вскрикивалъ:

— Ну! Ну!

И всѣмъ тѣломъ дѣлалъ движеніе впередъ, какъ бы внутреннимъ усиліемъ помогая своимъ.

Но когда голкиперъ противниковъ, охранявшій ворота, бросался на летѣвшій къ нему мячъ и, поймавъ его на лету, падалъ вмѣстѣ съ нимъ въ пыль животомъ, такъ какъ обѣ руки были заняты, человѣкъ въ технической фуражкѣ первый начиналъ неистово аплодировать ловкому противнику. И всѣ трибуны оглашались рукоплесканіями.

Оглянувшись безотчетно назадъ, Кисляковъ увидѣлъ секретаря ячейки Маслова. Онъ не сидѣлъ, а стоялъ въ кучкѣ людей, которымъ нехватало мѣста, у задней стѣны трибуны.

Кисляковъ оживленно кивнулъ ему головой. Но Масловъ не отвѣтилъ на его поклонъ и отвернулся. То ли онъ не замѣтилъ поклона, то ли ему не понравились, что Кисляковъ сидитъ дружески рядомъ съ Полухинымъ — было неизвѣстно. Но у Кислякова появилось непріятное, тревожное ощущеніе, онъ каждую минуту чувствовалъ, что сзади него стоитъ Масловъ и, навѣрное, теперь будетъ отмѣчать каждое его движеніе.

«Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ, что я ему поклонился? А можетъ быть — недоволенъ, что я сижу, а онъ стоитъ гдѣ-то сзади? — думалъ Кисляковъ и съ раздраженіемъ смотрѣлъ на человѣка въ технической фуражкѣ, который, вызывая улыбку у сосѣдей, каждую минуту вскакивалъ и кричалъ плачущимъ и умоляющимъ голосомъ:

— Хорошъ! Хорошъ! Гони! Ну, ну, еще!...

Онъ старался не думать о Масловѣ, но къ состязанію вдругъ потерялъ всякій интересъ.

L

Музей былъ уже совершенно реорганизованъ. Мирный этапъ революціи былъ представленъ двумя періодами — возстановительнымъ и реконструктивнымъ.

Въ одномъ залѣ были макеты новыхъ электростанцій: Волховстроя, Днѣпростроя. На свѣтящейся картѣ

отмѣчались пущенныя предпріятія, крупные заводы, были помѣщены модели многихъ изобрѣтеній, появившихся за это время.

Изъ старыхъ сотрудниковъ-интеллигентовъ осталось очень мало народа, работали большей частью новые — комсомольцы.

Придя въ музей, Кисляковъ зашелъ къ Полухину въ кабинетъ. У него былъ въ это время пріемъ. Кисляковъ молча поздоровался съ нимъ, какъ свой человѣкъ, и сѣлъ въ сторонѣ на окно.

Покуривъ, онъ хотѣлъ уходить, но Полухинъ окликнулъ его и отвелъ къ дальнему окну; посѣтители молча ждали, а онъ сталъ говорить о томъ, что ячейка, кажется, подводитъ подъ него мину, и, вѣроятно, предстоитъ борьба.

Полухинъ при этомъ крутилъ ослабѣвшую пуговицу на блузѣ Кислякова. Тотъ молча, серьезно слушалъ, въ то же время какъ бы чужими глазами отмѣчая довѣріе къ нему Полухина и его дружескій жестъ — крученіе пуговицы.

— Чего они? — спросилъ онъ, взглянувъ на Полухина.

— Не нравится, что я больно самостоятельно командую, — сказалъ Полухинъ и пошелъ къ своему столу. А Кисляковъ вышелъ изъ кабинета и пошелъ по коридору. Ожидавшіе своей очереди пріема посѣтители разступились передъ нимъ, оглядываясь на него, какъ разступаются, когда изъ кабинета выходитъ близкое начальнику лицо. И онъ какъ что-то естественное принималъ это обращенное къ нему вниманіе и, точно не замѣчая взглядовъ, пошелъ въ ячейку.

У него было возмущеніе противъ ячейки, которая затѣвала травлю противъ Полухина. «Ни минуты покоя не даютъ, — подумалъ онъ, — вѣдь человѣкъ дѣлаетъ дѣло, и дѣлаетъ прекрасно; нѣтъ, надо его копнуть, а дѣло развалить». Онъ при этомъ безпокоился не только за Полухина, — онъ могъ имѣть основаніе безпокоиться наравнѣ съ Полухинымъ и за себя въ

силу своей дружбы съ нимъ. У него поднялось раздраженіе противъ комсомольцевъ.

Но онъ съ толчкомъ въ сердцѣ вдругъ подумалъ: не потому ли Масловъ не отвѣтилъ на его поклонъ, что считаетъ его другомъ Полухина, противъ котораго онъ повелъ сейчасъ кампанію.

Войдя въ комнату ячейки, онъ засталъ тамъ цѣлое собраніе. Кто сидѣлъ въ кепкѣ за столомъ на деревянномъ диванчикѣ, кто на окнѣ, остальные просто стояли, окруживъ плотнымъ кольцомъ столъ, за которымъ сидѣлъ Масловъ.

При стукѣ двери лица повернулись къ вошедшему, и на секунду всѣ замолчали, какъ замолкаютъ, когда входитъ человѣкъ, относительно котораго не совсѣмъ увѣрены, можно ли при немъ говорить.

Прежде Кисляковъ, увидѣвъ собраніе, покраснѣлъ бы и, извинившись, закрылъ дверь и ушелъ. Но теперь онъ смѣло вошелъ, показывая всѣмъ своимъ видомъ, что онъ такой человѣкъ, при которомъ можно все говорить. Онъ подошелъ къ столу и, кивнувъ Маслову, оперся на плечо бѣлому Чурикову, дружески подмигнувъ ему.

Разговоръ въ комнатѣ снова возобновился; сначала несмѣло, потомъ, вдругъ прорвавшись, заговорило сразу много голосовъ.

Разговоръ шелъ о работѣ музея и, въ частности, о Полухинѣ. Говорили, что онъ совершенно оторвался отъ массы, ячейка для него ничто, общественной работы никакой.

— Ага, вотъ я говорилъ ему это! — громко сказалъ Кисляковъ.

И почувствовалъ, что онъ сказалъ это такъ свободно, какъ говоритъ человѣкъ, которому нечего бояться или подслуживаться.

— Я ему не одинъ разъ говорилъ, а онъ все хочетъ блеснуть передъ вами законченной работой, — продолжалъ Кисляковъ. — Онъ очень цѣнитъ васъ, вѣдь онъ и началъ съ того, что поставилъ васъ на первое мѣсто, вѣдь до него тутъ кто былъ . . .

— Намъ перваго мѣста не нужно, — сказалъ Масловъ, — намъ нужна общественность въ работѣ, а то дѣйствительно, можетъ быть, налицо цѣнные результаты въ смыслѣ дѣла, а въ смыслѣ общественности — ничего.

Кисляковъ почувствовалъ испугъ при первой половинѣ фразы, которую Масловъ сказалъ какъ-то жестко, не взглянувъ на защитника, но вторая половина — о цѣнныхъ результатахъ — заставила его облегченно перевести дыханіе: она была сказана болѣе мягко, какъ будто слова Кислякова оказали свое дѣйствіе.

— А то въ самомъ дѣлѣ, — продолжалъ Масловъ, — получается странная вещь, что интеллигентъ оказывается намъ болѣе близкимъ человѣкомъ, чѣмъ свой коммунистъ — пролетарій.

Кисляковъ при этой неожиданной фразѣ едва удержалъ лицо отъ непроизвольныхъ радостныхъ движеній, онъ только сдѣлалъ движеніе горломъ, какъ будто что-то проглотилъ. У него было такое чувство, какое бываетъ у солдата, который поймалъ на себѣ пристальный взглядъ генерала и все мучился этимъ, а потомъ со страхомъ шелъ, ожидая получить выговоръ. И вдругъ вмѣсто этого получилъ «Георгія» первой степени.

Кисляковъ про себя отмѣтилъ, что у него очень удачно вышло съ защитой Полухина, онъ даже какъ бы обвинялъ его (и потому выказалъ себя совершенно безпристрастнымъ судьей), но въ то же время сказалъ, что Полухинъ очень цѣнитъ членовъ ячейки, и этимъ нѣсколько смягчилъ ихъ враждебное настроеніе.

А главное — оказалось, что тревога была напрасна. Масловъ противъ него — Кислякова — рѣшительно ничего не имѣетъ, онъ принятъ здѣсь какъ свой человѣкъ.

Онъ хотѣлъ побѣжать къ Полухину, чтобы разсказать ему о своей удачной защитѣ его, но, подумавъ, что комсомольцы увидятъ и объяснятъ по-своему его бесѣду съ Полухинымъ, вернулся почти отъ самой двери кабинета.

LI

На главномъ участкѣ — на служебномъ — Кисляковъ чувствовалъ себя перешагнувшимъ на другой берегъ. Но оставалось еще одно узкое мѣсто — это борьба съ отрядомъ имени Буденнаго. Отрядъ, еще болѣе окрѣпшій за послѣднее время, явился неожиданной злой силой, которая поставила заслонъ для переправы Кислякова полностью на другой берегъ и держала одну его ногу все еще на старомъ берегу.

Онъ не могъ войти въ общественную жизнь дома, какъ онъ вошелъ на службѣ. Отрядъ компрометировалъ его съ неустанной энергіей. И на Кисляковѣ, благодаря разоблачительствамъ отряда, образовался налетъ «чуждаго элемента». Одно время онъ чувствовалъ себя оставленнымъ въ покоѣ. О немъ какъ будто забыли. Но это объяснялось временнымъ отвлеченіемъ вниманія отряда на свои внутреннія дѣла. Его тоже коснулось частичное разложеніе. Впервые за все время существованія отряда было произнесено въ его средѣ жуткое слово «растрата». Мѣщанкинъ сынъ Печонкинъ, стойко выдерживавшій до этого всѣ соблазны, поскользнулся... Онъ завѣдывалъ кассой отряда, и, когда навезли съ юга арбузовъ, которые лежали цѣлыми грудами на улицахъ передъ фруктовыми палатками, онъ какъ шальной ходилъ около этихъ арбузовъ. Его отуманенную голову стала преслѣдовать мысль — одному съѣсть цѣлый арбузъ, чтобы какъ слѣдуетъ наѣсться. Купленный отрядомъ вначалѣ арбузъ и съѣденный съ агитаціонной цѣлью только раздулъ тлѣвшее пламя.

Въ результатѣ этого онъ укралъ общественныя деньги, семьдесятъ копѣекъ, купилъ арбузъ и, забравшись въ самый дальній уголъ двора, тамъ прикончилъ его одинъ, какъ и было задумано.

Это было легкомысленно, глупо и, главное, сейчасъ же обнаружилось: Саня Тузиковъ наткнулся на него, когда онъ пожиралъ послѣдніе куски и выгладывалъ до бѣлаго мяса корки. Щеки у него были всѣ красныя

отъ арбузнаго сока. Онъ такъ и застылъ въ тотъ моментъ, когда взгрызся въ круглое донышко арбуза, держа его обѣими руками.

Этотъ поступокъ въ тотъ же моментъ былъ отданъ на судъ общественности.

Въ кустахъ было нѣсколько экстренныхъ засѣданій, при чемъ даже малолѣтніе, — которые пострадали всего, можетъ быть, на какую-нибудь копѣйку, — принимали самое активное участіе въ обсужденіи факта позорнаго разложенія одного изъ старѣйшихъ членовъ отряда. На мгновеніе пошатнулась у всѣхъ вѣра: кому же можно довѣрять? кому поручить кассу отряда? Массы еще были слабы по своему малолѣтству и считать въ большинствѣ случаевъ могли только до десяти.

Печонкинъ самъ, кажется, былъ убитъ своимъ проваломъ больше всѣхъ. Никто еще не видѣлъ его въ такомъ униженномъ состояніи, когда онъ клялся и божился, клялся, что это первый и послѣдній разъ. Онъ обѣщалъ немедленно покрыть растраченныя суммы. Когда у него спросили, изъ какихъ это онъ источниковъ покроетъ. Печонкинъ замялся и сказалъ, что украдетъ у матери. Всѣ были озадачены. Получился заколдованный кругъ: одинъ разъ укралъ, а теперь для исправленія своего грѣха будетъ второй разъ красть, хотя и у матери, т.-е. у чуждаго элемента. Этотъ вопросъ дебатировали на нѣсколькихъ засѣданіяхъ и все-таки не могли притти ни къ какому опредѣленному заключенію.

Наконецъ, постановили, чтобы къ кражѣ (или выемкѣ, какъ это опредѣлялъ Печонкинъ) не прибѣгать, потому что тогда вовсе не разберешься и не найдешь границы между законнымъ и незаконнымъ пополненіемъ кассы. Предложено было покрыть растрату въ разсрочку.

Отрядъ къ этому времени благодаря вступленію новыхъ членовъ увеличился количественно и получилъ большой авторитетъ среди населенія дома. Тѣмъ чувствительнѣе былъ для него неожиданный ударъ — обнаружившееся загниваніе въ самомъ сердцѣ отряда.

Отрядъ все еще не имѣлъ своей территоріи, и редакція отряда, а также вся хозяйственная часть продолжали ютиться все въ томъ же жалкомъ углу коридора квартиры № 6, не имѣя въ своемъ распоряженіи даже самой необходимой мебели.

Благодаря этому редакторская и художественная работа газеты производилась въ лежачемъ положеніи (на животѣ). При чемъ мимо нихъ ходили, перешагивая черезъ ноги редакторовъ и сотрудниковъ, наступая на листы бумаги и краски. А кромѣ того являлись собаки (дружественныя), совали носы въ тѣ же краски, разведенныя на блюдечкахъ, и ходили по разложеннымъ листамъ. Газеты часто выходили съ грязными слѣдами собачьихъ ногъ.

Пока отрядъ былъ поглощенъ ликвидаціей инцидента съ Печонкинымъ, оказалось, что за это время освободилась комната № 9, ее изъ-подъ носа у отряда, при поблажкѣ домоуправленія, захватилъ Ипполитъ Кисляковъ. И жилъ нѣсколько дней спокойно, твердо увѣренный въ своихъ правахъ.

Отрядъ поднялъ кампанію. Онъ изъ номера въ номеръ печаталъ въ своей газетѣ статьи объ условіяхъ жизни и работы отряда въ связи со смѣхотворными жилищными условіями. Напримѣръ, въ одномъ изъ номеровъ газеты было изображено «засѣданіе коллегіи редакторовъ съ участіемъ нежелательныхъ ассистентовъ»: рядомъ съ редакторами — двѣ собаки, затесавшіяся на разложенный листъ газеты. И тутъ же, тоже изъ номера въ номеръ, газета разсказывала о жизни Кислякова, живописуя ее яркими красками. Была изображена картина занятія имъ комнаты, его бѣгъ на призы съ дамой изъ Цекубу и, наконецъ, гипотеза о его будущемъ въ квартирѣ № 6: изображались уходящія въ безконечность по коридору двери и надъ каждой надпись: «Комната бывшей жены Ипполита Кислякова».

Очевидно, мысль составителей была та, что если Кисляковъ развелся и благодаря этому занялъ отдѣльную комнату, то не исключена возможность, что эта операція будетъ повторяться до безконечности. Въ то

время какъ отрядъ, общественная организація, долженъ раздѣлять свою жалкую площадь со всѣми собаками квартиры, которыя видятъ, что сидятъ на полу люди, значитъ, можно какъ угодно къ нимъ лѣзть, совать носы въ банки съ краской и ходить грязными лапами по листамъ газеты.

Газета дѣлала то, что моральныя права Кислякова слабѣли съ каждымъ днемъ въ глазахъ даже взрослаго населенія дома. Даже самъ онъ начиналъ чувствовать себя какимъ-то заклейменнымъ. Когда онъ проходилъ къ себѣ домой и слышалъ сзади себя чей-нибудь смѣхъ, ему казалось, что это смѣются надъ нимъ. Даже когда онъ только приближался къ дому, у него уже начинало ныть подъ ложечкой отъ ожиданія, какую новость преподнесетъ ему сегодня эта злая сила.

Вся его личная частная жизнь была отравлена. Онъ жилъ точно подъ стекляннымъ колпакомъ, за нимъ слѣдили въ десять глазъ, и малѣйшая его оплошность сейчасъ же отражалась въ стѣнныхъ лѣтописяхъ отряда.

Чувство непрочности и какой-то обреченности не давало ему ни желанія, ни возможности привести свое новое жилище въ благопристойный видъ... Въ самомъ дѣлѣ, если его выкурятъ въ концѣ концовъ изъ компаты, то какой смыслъ ее устраивать? И онъ ограничился только тѣмъ, что купилъ простую желѣзную кровать, столъ и два стула. Если разбивалось стекло, онъ не вставлялъ его, а только загораживалъ картонкой, оторванной отъ старой приходо-расходной книги. Каждый его шагъ въ дѣлѣ созданія уюта только вызвалъ бы новый бѣшеный походъ газеты противъ него на ту тему, что, въ то время какъ отдѣльные элементы буржуазіи утопаютъ въ роскоши, организація пресмыкается на голомъ полу, въ собачьемъ обществѣ.

И въ то время какъ на службѣ онъ былъ уже своимъ, пользовался уваженіемъ и признаніемъ, здѣсь ему приходилось молчать. Даже на службѣ онъ воздерживался сообщать о своихъ жилищныхъ неуря-

дицахъ, чтобы не скомпрометировать себя въ классовомъ отношеніи.

Онъ былъ совершенно безсиленъ бороться съ отрядомъ. И чѣмъ могъ онъ отвѣтить на ядовитыя выступленія противъ него? Жаловаться въ домоуправленіе уже пробовалъ. Не вышло. Перейти въ рукопашную и надавать затрещинъ авторамъ инсинуацій было невозможно. Подать въ судъ? На кого онъ будетъ подавать? На ребятъ, изъ которыхъ самому старшему тринадцать лѣтъ, а младшему три года? Всѣ на-смѣхъ подымутъ. А въ то же время ему было не до смѣха...

Дальше. Если даже допустить, что онъ подастъ въ судъ, развѣ къ дѣткамъ не придутъ на помощь родители и не выволокутъ на свѣтъ Божій подробности изъ его біографіи вродѣ знаменитой пирушки?

Что онъ можетъ противопоставить этому? Самое большое — фактъ присвоенія отрядомъ залетѣвшаго съ чужого двора резиноваго мяча, свидѣтелемъ чего онъ былъ самъ.

И единственно, что ему оставалось, это — итти на уступки, на подкупъ посредствомъ дружеской починки того же украденнаго мяча или предложенія якобы случайно оказавшихся въ карманѣ конфетъ. Но за этимъ зорко слѣдили старшіе члены и вожаки отряда, не позволяя падкимъ на сладкое массамъ унижаться передъ врагомъ, на котораго нужно нажимать безъ малѣйшаго послабленія.

Управдомъ, раньше изрѣдка принимавшій его сторону, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ захвата комнаты, теперь окончательно стушевался послѣ того, какъ его однажды погладили въ газетѣ. Когда Кисляковъ шелъ къ нему съ жалобой, онъ сейчасъ же дѣлалъ видъ, что занятъ, куда-то спѣшитъ. Когда Кисляковъ заставалъ его врасплохъ, онъ молча выслушивалъ его съ оскорбительнымъ безразличіемъ и даже выглядывалъ при этомъ въ окно, какъ будто проситель безконечно надоѣлъ ему.

А одинъ разъ онъ даже сказалъ:

— Знаете, что... переѣзжайте отъ насъ. Все равно вамъ тутъ не жить. Съ этими чертенятами при вашемъ положеніи бороться никакой нѣтъ возможности.

У Кислякова отъ неожиданности такого заявленія даже остановилось сердце. Онъ, возвысивъ голосъ, хотѣлъ спросить: при какомъ это его положеніи?... Но почему-то удержался отъ этого вопроса. А послѣ цѣлый день мучился оттого, что не спросилъ и этимъ далъ поводъ управдому думать, что онъ самъ хорошо знаетъ, какое его положеніе, и предпочитаетъ ужъ лучше умалчивать объ этомъ. А не рѣшился онъ спросить отъ мгновеннаго испуга, который охватилъ его при этомъ замѣчаніи управдома. Испугъ происходилъ отъ мысли, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ за нимъ числится то, чего онъ и самъ не знаетъ.

Но что?... Итти къ управдому спустя нѣкоторое время и спрашивать было уже невозможно. Приходилось, напрягши память, ходить одному и съ пожиманіемъ плечъ, съ постояннымъ сниманіемъ и надѣваніемъ пенснэ, соображать, что это можетъ быть, на что можетъ намекать управдомъ. Хорошо, если только на то, что онъ считаетъ его, какъ интеллигента, менѣе правоспособнымъ элементомъ, чѣмъ отрядъ имени Буденнаго. А если что-нибудь похуже?...

Съ этого момента при каждой встрѣчѣ съ управдомомъ онъ старался свернуть въ сторону, а если тотъ шелъ сзади — Кисляковъ испытывалъ непріятное содроганіе въ спинѣ.

Оставалось одно средство: бѣжать въ такое мѣсто, гдѣ его не знали.

Ему посчастливилось. Какимъ-то чудомъ онъ нашелъ комнату въ дальнемъ районѣ. И узкое мѣсто на фронтѣ его жизни перестало существовать.

LII

Новая комната его была за рѣкой, въ пятомъ этажѣ огромнаго дома. И первое, что онъ сдѣлалъ, — отправился въ домоуправленіе. Тамъ сидѣлъ человѣкъ въ

двубортномъ пиджакѣ, съ давно нестриженными волосами; потомъ пришли еще двое, вродѣ студентовъ или комсомольцевъ.

Бываетъ иногда, что человѣкъ какъ-то сразу свободно и естественно находитъ тонъ разговора, тонъ обращенія. Такъ случилось и здѣсь. Кисляковъ прежде всего познакомился, предложилъ папиросу и самъ почувствовалъ, что онъ говоритъ съ новыми знакомыми какъ свой человѣкъ. Нисколько не наигрывая, онъ сѣлъ на столъ, сплевывалъ, когда курилъ, давалъ прикуривать отъ своей папироски, разсказалъ о своей службѣ. Одѣтъ онъ былъ въ пальто, въ высокихъ сапогахъ и въ косовороткѣ. Онъ ихъ сталъ носить, чтобы не мозолить глаза комсомольцамъ въ музеѣ своимъ интеллигентскимъ видомъ.

Когда въ домоуправленіе вошелъ еще какой-то человѣкъ въ сапогахъ и суконномъ картузѣ, съ руками, черными отъ нефти, управдомъ сказалъ ему:

— Познакомься: товарищъ Кисляковъ. У насъ будетъ жить.

Онъ уже на другой день сталъ на «ты» со всѣмъ домоуправленіемъ. И часто про себя повторялъ: «Товарищъ Кисляковъ, т о в а р и щ ъ Кисляковъ». Эти слова звучали для него теперь, какъ музыка.

Кисляковъ заинтересовался общественной работой дома, сталъ разспрашивать, есть ли у нихъ клубъ, какія ведутся въ немъ работы, и тутъ же записался въ число членовъ-активистовъ.

И не было ничего пріятнѣе, какъ, идя по лѣстницѣ, услышать сзади себя:

— Товарищъ Кисляковъ, милый, помоги-ка вотъ тутъ разобраться.

Когда подходилъ какой-нибудь совѣтскій праздникъ, онъ дѣлалъ плакаты, рисунки, организовывалъ шествія.

Тамарѣ онъ рѣшилъ не говорить ни про разводъ, ни про переѣздъ въ новую комнату. Потому что его все-таки тревожила мысль, что она, уставъ отъ своихъ метаній, скажетъ ему въ концѣ концовъ:

«Я имѣю для тебя пріятный сюрпризъ... Расхожусь съ Аркадіемъ и переѣзжаю къ тебѣ, разъ ужъ ты изъ-за меня развелся съ своей женой». И тогда поневолѣ придется сказать, что онъ радъ и давно ждалъ этого, иначе его отношенія къ ней будутъ похожи на подлость.

Для него сейчасъ было такой пріятной новостью имѣть при себѣ цѣликомъ всѣ деньги, какія онъ получалъ на службѣ, что онъ радовался имъ какъ ребенокъ.

Но черезъ недѣлю послѣ переселенія онъ получилъ отъ Елены Викторовны письмо, въ которомъ она требовала отъ него денегъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. При чемъ предупреждала, что если онъ откажется — она подастъ на него въ судъ. Онъ сейчасъ же пошелъ въ консультацію, и ему сказали, что никакихъ денегъ онъ платить не обязанъ, такъ какъ жена сама подала заявленіе о разводѣ.

Онъ успокоенный вернулся домой, рѣшивъ, что если Елена Викторовна все-таки подастъ на него — онъ предъявитъ къ ней встрѣчный искъ на свои вещи, которыя она у него потаскала.

И тутъ же сжалъ голову обѣими руками.

ЬШ

Тамара со времени знакомства съ режиссеромъ кинофабрики стала разсѣянна, приподнято-возбуждена. Наконецъ-то мечта ея была наканунѣ своего осуществленія.

Она будетъ имѣть работу и свое мѣсто въ жизни.

Она теперь постоянно уходила на репетиціи, на вечеринки. Раздавались постоянно телефонные звонки, и если въ это время у нихъ былъ Кисляковъ, то она, оборвавъ разговоръ съ нимъ, подходила къ телефону, и начинался долгій разговоръ. Въ ней чувствовалась лихорадочная приподнятость отъ своего успѣха.

Тонъ ея былъ загадочно-кокетливый, она улыбалась, пожимала плечами, при чемъ, держа около уха одной рукой трубку телефона, другой чертила паль-

цемъ по обоямъ или покачивала ножкой. Часто громко, гораздо громче, чѣмъ это было нужно, какъ казалось Кислякову, смѣялась. И этотъ смѣхъ ея былъ ему непріятенъ, отвратителенъ. Иногда ея оживленно блестѣвшіе глаза, сосредоточенные на интересѣ къ происходящему разговору, машинально останавливались на лицѣ сидѣвшаго напротивъ Кислякова. И когда онъ дѣлалъ ей глазами знаки или показывалъ, что мысленно цѣлуетъ ее, она смотрѣла на него не отвѣчая, какъ смотрятъ на стѣну, или вовсе повертывалась къ нему бокомъ, чтобы не отвлекаться.

Кисляковъ въ послѣднее время почти никогда не заставалъ ея дома, а если заставалъ, то всегда въ тотъ моментъ, когда она собиралась уходить. Здоровалась она съ нимъ какъ-то торопливо, не глядя въ глаза.

— Ты спѣшишь?

— Да, мнѣ нужно итти на съемку . . .

— Что же, тебѣ некогда на одну минутку подойти ко мнѣ?

— Я очень волнуюсь . . . У меня болитъ голова. И потомъ: какъ ты не можешь понять, что сейчасъ рѣшается моя судьба, и я не могу быть въ спокойномъ состояніи.

Кислякову пришла мысль, что если она отошла отъ него, то это только къ лучшему, такъ какъ онъ развязался съ ней безъ всякихъ драмъ и столкновеній, потому что, кромѣ новизны, въ ней не было ничего для него привлекательнаго.

Но когда онъ представилъ себѣ, что кто-то другой можетъ обладать ею, что она къ нему будетъ радостно выбѣгать навстрѣчу или, оставшись съ нимъ наединѣ, повернется къ нему спиной и позволитъ себя цѣловать сзади въ шею, вздрагивая при этомъ съ пылающими щеками, — когда Кисляковъ представилъ себѣ это — жестокая ревность острымъ ножомъ рѣзнула ему по сердцу, и у него потемнѣло въ глазахъ. Ему показалось, что онъ въ этотъ моментъ можетъ убить, зарѣзать.

— Но ты все-таки любишь меня?

— Конечно, — отвѣтила Тамара, наматывая на палецъ ниточку.

— Тебя никто изъ мужчинъ не интересуетъ?

— Я же вообще къ мужчинамъ равнодушна, ты это знаешь.

— А почему же ты такая странная? . . .

— Потому, что меня мучитъ наша ложь.

— Что же, значитъ, надо прекратить эту ложь? — спросилъ съ забившимся сердцемъ Кисляковъ.

Тамара молчала, бросивъ ниточку и разсматривая пальцы своихъ большихъ рукъ.

— Значитъ, намъ надо разойтись?

— Я не говорю этого. Боже мой, какъ я волнуюсь. Ну, мнѣ надо итти.

Тамара слегка прикоснулась губами къ его щекѣ и, легко выскользнувъ изъ его рукъ, убѣжала изъ дома.

LIV

До перваго октября, т.-е. до дня рожденія Аркадія, оставалось три дня. Кисляковъ, измучившійся неизвѣстностью отношеній Тамары къ нему, пошелъ къ Аркадію, чтобы переговорить окончательно съ Тамарой и пойти даже вплоть до того, чтобы предложить ей обо всемъ сказать Аркадію и переѣхать къ нему въ новую комнату, такъ какъ онъ потерялъ весь покой при мысли, что Тамара можетъ ему измѣнить, хотя этого онъ не допускалъ. Она вѣдь говоритъ, что мужчины для нея безразличны, что она къ нему только чувствуетъ страсть.

Когда Кисляковъ подошелъ къ дверямъ квартиры Аркадія, онъ съ досадой услышалъ оживленные мужскіе голоса, а въ эти голоса врывались голосъ Тамары и ея смѣхъ, какимъ она смѣялась, когда бывала въ приподнятомъ настроеніи.

Онъ вошелъ и прежде всего увидѣлъ недовольное лицо Тамары, съ какимъ она вглядывалась черезъ столъ при стукѣ входной двери въ темноту передней, чтобы увидѣть, кто пришелъ.

За столомъ, заставленнымъ остатками блюдъ и наполовину опорожненными бутылками, сидѣли нѣсколько человѣкъ чужихъ мужчинъ и Аркадій. Здѣсь былъ дядя Мишукъ, который въ первый день пріѣзда привезъ Тамару въ дождь на машинѣ, потомъ Миллеръ, кинематографическій режиссеръ, отъ котораго теперь зависѣла ея карьера, и, наконецъ, высокій молодой человѣкъ въ кавказской суконной рубашкѣ съ мелкими частыми пуговками.

Тамара съ раскраснѣвшимися щеками сидѣла на диванѣ, — очевидно, пересѣвъ туда съ хозяйскаго мѣста. А мужчины оставались на стульяхъ.

Кислякова поразило выраженіе лица Тамары. Когда она увидѣла, что это онъ, у нея появилось легкое смущеніе, она на секунду потерялась и безъ всякой нужды, передвигая на столѣ бутылки и стаканы, спросила, не хочетъ ли онъ ѣсть.

Она избѣгала взглядывать на Кислякова. Онъ хотѣлъ хоть на секунду остановить на себѣ ея взглядъ, встрѣтиться взглядомъ съ ней въ упоръ и не могъ. Ея глаза встрѣчались съ нимъ только въ тотъ моментъ, когда она обращалась къ нему съ вопросомъ, и она опускала ихъ или отводила въ сторону, когда онъ отвѣчалъ ей на вопросъ.

Аркадій, уже пьяненькій, при его появленіи всталъ изъ-за стола и, не замѣчая, что ему подъ ноги попала упавшая съ колѣнъ салфетка, пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Я сегодня счастливъ! Около меня собрались всѣ мои друзья. Вотъ дядя Мишукъ, вотъ Левочка, о которыхъ ты слышалъ. Левочка сегодня пріѣхалъ изъ Смоленска. А вотъ наша судьба и наше провидѣніе — Густавъ Адольфовичъ Миллеръ, который обѣщаетъ сдѣлать изъ Тамары величайшую артистку.

— Величайшей артистка я не обѣщалъ сдѣлать, я обѣщалъ сдѣлать болшую, — сказалъ Миллеръ.

— Все равно, ты сдѣлаешь «большую», а она сама додѣлаетъ остальное, — сказалъ Аркадій. Потомъ, указывая Миллеру на Кислякова, продолжалъ: — А

это мой старѣйшій другъ. Другъ — это священное слово, котораго современность не понимаетъ. Н-не понимаетъ! Если бы такая дружба соединяла всѣхъ насъ, в с е было бы иначе.

Миллеръ со снисходительной ироніей по отношенію къ Аркадію и съ вѣжливымъ достоинствомъ къ незнакомому гостю всталъ изъ-за стола, бросивъ съ колѣнъ салфетку на столъ.

— Познакомься съ нимъ... и съ тѣми... Это рѣдкіе люди... Если бы всѣ были такіе, мы бы не погибли... Мы бы...

Аркадій сдѣлалъ какой-то неопредѣленный жестъ надъ головой и тяжело сѣлъ на свой стулъ, что-то шаря у себя на колѣняхъ, — очевидно, ища салфетку. Не найдя ея, онъ сказалъ:

— Я никогда не пилъ, а вотъ теперь запилъ. Это значитъ, что со мной дѣло кончено! Катись ужъ до конца, по-русски. Все равно н а м ъ т е п е р ь н е в с т а т ь. Я радъ хоть за нее.

Тамара каждую минуту обращалась съ какой-нибудь фразой къ Миллеру: она то вспоминала случай на съемкѣ, то спрашивала, какъ ей держаться въ томъ или иномъ мѣстѣ ея роли.

Миллеръ, потрогивая своей пухлой рукой стаканчикъ, какъ бы нѣсколько стѣснялся того приподнятаго состоянія, въ какомъ была Тамара, какъ стѣсняется учитель слишкомъ восторженнаго поклоненія со стороны своей ученицы.

Онъ старался меньше и короче встрѣчаться съ ней глазами и больше смотрѣть на стаканчикъ вина, который онъ продолжалъ потрогивать и повертывать на скатерти.

Кислякову были противны его европейская самоувѣренность, бѣлыя, рыжеватыя рѣсницы и холеное сытое лицо. Онъ былъ въ дорогомъ заграничномъ костюмѣ и, по-модному, въ туфляхъ и чулкахъ съ подобранными въ нихъ широкими штанами, въ которыхъ онъ имѣлъ видъ иностраннаго туриста. И въ этомъ костюмѣ точно сквозило европейское презрѣніе къ со-

вѣтскимъ, плохо одѣтымъ людямъ, съ почтительнымъ вниманіемъ слушавшимъ его.

Онъ, не стѣсняясь своего акцента, владѣлъ разговоромъ.

Кисляковъ сѣлъ за столъ передъ налитымъ ему стаканомъ вина и мрачно сидѣлъ молча. Онъ нарочно придалъ лицу такое выраженіе, чтобы Тамара замѣтила его настроеніе.

Дѣйствительно, она тревожно нѣсколько разъ взглядывала на него, уже сама дѣлала попытки заставить его посмотрѣть на нее. Задавала ему вопросы, но теперь уже онъ взглядывалъ на нее только въ тотъ моментъ, когда отвѣчалъ ей, и сейчасъ же отводилъ свой взглядъ. Она даже встала, подошла къ нему и была преувеличенно нѣжна, какъ она была нѣжна съ Аркадіемъ въ первое время ихъ знакомства.

Такъ какъ было очень накурено, то мужчины вышли курить въ коридоръ, чтобы можно было открыть окно въ комнатѣ.

Кисляковъ вышелъ первымъ, какъ будто боялся, чтобы Тамара не подошла къ нему. Онъ сдѣлалъ это нарочно, и она замѣтила, даже тревожно посмотрѣла ему вслѣдъ.

Въ коридорѣ зашелъ разговоръ о работѣ Миллера, объ артистической средѣ, о женщинахъ.

— Русская женщина потеряла всѣ точка опоры, — сказалъ Миллеръ. — Имѣй три пары шелковыхъ чулокъ, и ты будешь имѣть женщину, — на крайній случай еще флаконъ заграничныхъ духовъ.

Дядя Мишукъ и Левочка улыбнулись, такъ какъ имъ, очевидно, казалось неловко не соглашаться съ иностранцемъ.

— Вы пробовали? — спросилъ Левочка.

Миллеръ, затянувшись трубкой, только кивнулъ сверху внизъ головой и сказалъ:

— Достатошно было...

— Да онъ молодецъ, ей Богу, — сказалъ, весело засмѣявшись, дядя Мишукъ.

— Ну, а какъ, у вашей претеже есть несомнѣнный талантъ? — спросилъ Левочка.

Миллеръ медленно оглянулся на дверь, потомъ перевелъ свои равнодушные бѣлесые глаза на спрашивавшаго и посмотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, которое говорило, что, если бы не близость заинтересованнаго лица, онъ выразился бы о ней соотвѣтствующимъ образомъ.

— Нога хорошій... — сказалъ онъ и засунулъ трубку въ ротъ.

Левочка засмѣялся, а дядя Мишукъ опять сказалъ:

— Ей-Богу, онъ хорошій парень!

Когда всѣ вошли въ комнату, Тамара посмотрѣла на Кислякова и ушла въ спальню.

Аркадій, взявъ Миллера за пуговицу и не отпуская его отъ себя, что-то разсказывалъ ему у окна.

Кисляковъ видѣлъ взглядъ Тамары и понялъ, что она пошла съ тѣмъ, чтобы онъ пришелъ къ ней туда, но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея взгляда.

Его возмутило то, что Миллеръ сказалъ про ея ноги и про шелковые чулки. Взять бы и закатить ему пощечину. И еще больше его возмутило, что онъ не только не далъ пощечины, а даже улыбнулся, когда тотъ при этой фразѣ встрѣтился съ нимъ глазами. Улыбнулся безотчетно, какъ русскіе улыбаются изъ вѣжливости при разговорѣ гостя-иностранца.

— Ипполитъ Григорьевичъ, пойдите сюда! — послышался изъ спальни голосъ Тамары.

— Пойди, пойди, посекретничай, — сказалъ Аркадій, нетвердой рукой толкнувъ друга по направленію къ двери.

Кисляковъ пошелъ.

Тамара стояла у туалетнаго стола, около котораго только что поправляла волосы и красила губы. Она стояла спиной къ столу и лицомъ къ двери.

— Что это значитъ? Что съ тобой? — спросила она тревожнымъ шопотомъ, но въ то же время тономъ выговора.

— Ничего, — сказалъ Кисляковъ.

— Какъ «ничего»! Я же вижу.

— Ну и прекрасно, если видишь.

Она долго пристально смотрѣла прямо въ глаза Кислякову, а тотъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея взгляда, и взялъ со стола свой кинжалъ, который она брала у него вмѣсто ножницъ, когда они собирались въ театръ.

Онъ видѣлъ, что сила перемѣстилась, что теперь не онъ, а она ищетъ его взгляда, и продолжалъ быть неприступнымъ.

Тамара взяла изъ его рукъ кинжалъ и положила его на столъ.

— Это моя вещь, — сказалъ упрямо Кисляковъ и хотѣлъ его положить въ карманъ, но Тамара настойчиво взяла у него изъ рукъ и опять положила кинжалъ на столъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы ея собесѣдникъ не отвлекался.

— Въ чемъ же дѣло?

Кисляковъ посмотрѣлъ прямо ей въ глаза и сказалъ:

— Мнѣ не нравится, какъ ты себя держишь съ этимъ господиномъ, смотришь на него точно на какое-то божество.

Сочныя губы Тамары вдругъ сморщились въ улыбку. Она положила обѣ руки на плечи Кислякова и, укоризненно покачавъ головой, сказала:

— Глупый!... Да какой же ты глупый. Неужели ты могъ подумать? Ты знаешь мое отношеніе къ мужчинамъ. Ты — моя первая измѣна Аркадію... Ну, пожалуйста не порть мнѣ настроеніе, я прошу, — прибавила она другимъ тономъ.

Она то говорила Кислякову ласковыя слова, гладила его волосы, то вдругъ задумывалась о чемъ-то, потомъ, сейчасъ же спохватившись, опять становилась нѣжна.

— Я не могу безъ ужаса представить, что это животное вдругъ почувствуетъ къ тебѣ влеченіе и будетъ прикасаться къ тебѣ подъ видомъ необходимости помочь тебѣ принять нужную позу при съемкѣ. Я е г о у б ь ю тогда.

— Ты сумасшедшій! — воскликнула Тамара. — Я не позволю ему пальцемъ прикоснуться ко мнѣ.

— Когда же мы увидимся?

— Милый, я прошу у тебя срока до перваго октября. Пока все выяснится.

— Что выяснится?

— Моя с у д ь б а . . . Я очень нервничаю. Только до перваго. Это вѣдь день рожденія Аркадія.

— Да . . .

Она нѣжно прильнула къ нему своимъ бокомъ и, заглянувъ ему въ глаза, сказала:

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ пріятно, что ты меня ревнуешь . . .

Кисляковъ сдѣлалъ движеніе обнять ее, но она легко выскользнула изъ его рукъ и, приложивъ палецъ къ губамъ, указала на полуоткрытую дверь столовой.

— Ну, идемъ, а то неудобно.

Но вдругъ, какъ бы желая погасить въ немъ послѣднія подозрѣнія, повернулась къ нему и, прижавшись, быстро поцѣловала его въ губы. Потомъ поправила волосы и, заговоривъ уже полнымъ голосомъ, — какимъ говорятъ, когда входятъ въ комнату, гдѣ сидятъ другіе, — вышла впереди него въ столовую.

Миллеръ вдругъ посмотрѣлъ на свои золотые большіе часы и сказалъ, обращаясь къ Тамарѣ:

— Намъ уже пора ѣхать. Черезъ полчаса съемка.

— Я готова.

Миллеръ всталъ и попрощался. Потомъ со спокойнымъ выраженіемъ человѣка, чувствующаго свое право, подалъ Тамарѣ ея пальто. А она, надѣвая его, смотрѣла на Кислякова, и глаза ея, минуя Миллера и стоявшаго около нея Аркадія, говорили ему, что она вся его, и губы, едва замѣтно шевельнувшись, произнесли только два слова. Кисляковъ понялъ ихъ; эти слова были:

«Первое октября» . . .

Съ Аркадіемъ она даже не попрощалась.

LV

Остальные двое гостей тоже ушли. Какъ только два друга остались одни, все приподнятое оживленіе Аркадія покинуло его.

Онъ подошелъ къ столу, съ какой-то дѣловитой сосредоточенностью налилъ себѣ полный стаканъ коньяку и залпомъ выпилъ его.

— Зачѣмъ ты пьешь, — сказалъ Кисляковъ, — тебѣ же вредно.

Аркадій ничего не отвѣтилъ, только выразительно безнадежно махнулъ рукой.

— Все равно... — сказалъ онъ немного погодя, поводивъ глазами по столу, какъ бы выбирая, чѣмъ закусить. Но ничего не выбралъ и, махнувъ еще разъ рукой, отошелъ отъ стола. Онъ сѣлъ въ кресло, безсильно бросивъ руки на подлокотники, и задумался, опустивъ пьяную голову.

— Вотъ и конецъ... Она выбирается на дорогу... — сказалъ онъ минуту спустя. — У нея начинается своя жизнь. Да, другъ, тяжелѣе всего чувствовать, что тебѣ н е ч ѣ м ъ удержать около себя человѣка, котораго ты... любишь.

Онъ нѣкоторое время помолчалъ, сидя съ опущенной головой и глядя передъ собой въ полъ. Потомъ продолжалъ:

— У меня была работа, и я думалъ, что въ ней я — за надежной стѣной, что мнѣ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ тамъ, за этой стѣной, я дѣлаю дѣло, которое нужно вѣчности, которое также нужно и и м ъ, — и меня никто не могъ упрекнуть, что я относился къ нему недобросовѣстно. Но тутъ является великое искушеніе: «что же я въ концѣ концовъ дѣлаю? Я забочусь о продленіи жизни крысъ, когда самъ обреченъ... когда я работаю для чужого будущаго. Не можетъ человѣкъ работать для чужого будущаго, для чужихъ ему идей. Я давно это чувствовалъ, но скрывалъ отъ себя и больше всего о т ъ н е я. Я на несчастныхъ крысахъ рисовалъ ей перспективы оздоровленія человѣ-

чества, его побѣду надъ смертью, его могущество. Я дѣлалъ это, уже не вѣря въ свое дѣло, я пользовался своимъ дѣломъ для того, чтобы удержать ее около себя. И было время, когда она съ замираніемъ сердца слушала мои слова. Но вотъ теперь она выходитъ на свою дорогу. Она получаетъ жизнь, а я теряю послѣднія крохи жизни. Я долженъ увѣровать въ то, во что вѣрилъ до этого катаклизма, революціи: что истина не нуждается во множествѣ, она можетъ жить въ немногихъ.

Аркадій вдругъ совершенно протрезвѣлъ. Его глаза загорѣлись оживленіемъ.

— Можно ли здѣсь итти противъ теченія? И я теперь съ новой вѣрой говорю себѣ, что можно! Я дѣлаю послѣднюю ставку. И я и ты, мы когда-то вѣрили, что личность должна итти вразрѣзъ съ массой, такъ какъ масса слѣпа и консервативна, несмотря ни на какую революціонность. Для того, чтобы истина имѣла силу жизни, достаточно двухъ.

Помнишь, я тебѣ говорилъ, что такіе люди, какъ мы, которые одинаково понимаютъ, которые наиболѣе надежны, которые наиболѣе глубоко чувствуютъ всю трагедію совершающагося, — должны основать изъ себя «церковь», чтобы сохранить на землѣ хотя бы въ ничтожномъ количествѣ ту общечеловѣческую правду и истину, которую мы носимъ въ себѣ. Намъ не нужно множества, потому что множество не есть показатель истинности. Истина всегда зрѣетъ въ единицахъ и въ нихъ можетъ храниться, какъ въ ковчегѣ завѣта, пока не придутъ времена.

И ты поймешь теперь все значеніе твоей дружбы для меня. Теперь особенно, когда ея душа отъ меня отходитъ, когда ея личность начинаетъ жить самостоятельно, у меня ничего не остается кромѣ тебя. Мы съ тобой вдвоемъ затерялись въ пустынѣ, чтобы, поддерживая другъ друга, въ чистотѣ сохранить остатки человѣка для будущихъ временъ.

Ипполитъ Кисляковъ, идя отъ Аркадія, проходилъ по тому переулку, гдѣ онъ жилъ, и невольно посмотрѣлъ со страннымъ чувствомъ на свой домъ.

Съ женой онъ послѣ своего отъѣзда не видѣлся. Съ ней онъ даже не попрощался.

Проходя мимо дома, онъ не удержался и заглянулъ въ подъѣздъ. Тамъ рядомъ съ доской, на которой были написаны фамиліи квартирантовъ, висѣлъ большой листъ; на немъ были нарисованы красками картинки, карикатуры и въ верхней части листа заголовокъ:

«Стѣнгазета отряда имени Буденнаго — редакція квартира № 6, комната 9-я...»

Комната № 9 — это его бывшая комната, которую онъ вырвалъ почти изъ рукъ у дамы съ ордеромъ Цекубу и откуда его выжили самого. Онъ пошелъ дальше и опять вспомнилъ Миллера съ его бѣлыми рѣсницами и животнымъ круглымъ затылкомъ. Его, какъ иглой въ сердце, кольнула острая ревность. Это была не физическая ревность (потому что Тамара сама сказала, что она, какъ мужчину, чувствуетъ только его — Кислякова), но это была духовная ревность отъ мысли, что другой человѣкъ духовно заинтересовалъ ее больше. И кто же! Тотъ, кто съ тупымъ циничнымъ самодовольствомъ сказалъ, что русскую женщину можно купить за три пары шелковыхъ чулокъ. Кисляковъ вдругъ ощутилъ давно забытое чувство: оскорбленіе національнаго достоинства.

— Эти господа иностранцы думаютъ, что намъ теперь можно говорить что угодно, что мы...

Вдругъ онъ наткнулся на что-то, какой-то предметъ упалъ на мостовую и сейчасъ же послышалось:

— Куда тебя черти несутъ! Не видишь?

Это кричалъ торговецъ яблоками съ лотка, стоявшаго на тротуарной тумбѣ. Кисляковъ въ задумчивости налетѣлъ на этотъ лотокъ и свалилъ его вмѣстѣ съ остатками яблокъ.

— Провались ты со своими яблоками. Я за нихъ заплачу, вотъ и все. — Онъ вынулъ пять рублей и сунулъ ихъ торговцу.

Тотъ на полусловѣ оборвалъ свои ругательства и, взявъ деньги, даже снялъ шапку и поблагодарилъ.

— Кто же ее зналъ-то, — говорилъ онъ, когда Кисляковъ уже отошелъ, — вѣдь теперь какой народъ пошелъ: онъ свалитъ да еще обложитъ тебя. А этотъ, вишь, добрый человѣкъ, въ убытокъ не хочетъ вводить.

Онъ, подобравъ изъ грязи яблоки, обтеръ ихъ полой фартука и опять разложилъ на лоткѣ.

И, когда уже дѣло было сдѣлано, Кисляковъ спросилъ себя: «А почему же именно надо было отдать пять рублей, когда тамъ и яблокъ-то было всего на рублевку? Да и все равно разносчикъ опять ихъ положитъ на лотокъ?»

Отвѣта на это не нашлось.

«Эти господа думаютъ, что намъ уже можно говорить въ глаза, что угодно», продолжалъ онъ думать о Миллерѣ, шагая по темной улицѣ.

«Вотъ закатить бы ему хорошую пощечину, тогда бы онъ узналъ. И какъ это никто не нашелся ничего ему отвѣтить, — еще угодливо смѣялись. Онъ даже, кажется, самъ смѣялся изъ вѣжливости».

LVI

На третій день послѣ вечеринки у Аркадія Кисляковъ проснулся въ своей новой комнатѣ въ совершенно особенномъ настроеніи.

Во-первыхъ, сегодня было первое октября, исполнялся срокъ, поставленный Тамарой. Она просила не трогать, не разспрашивать ее ни о чемъ только три дня, такъ какъ что-то должно было рѣшиться въ ея жизни, послѣ чего ихъ отношенія, вѣроятно, будутъ продолжаться попрежнему.

Во-вторыхъ, у него съ необычайной ясностью опредѣлилась его политическая позиція: отнынѣ онъ (разъ и навсегда) дѣйствительно вѣрный другъ Полухина, и тотъ можетъ на него положиться, какъ на самого себя.

А этимъ ребятамъ изъ ячейки онъ скажетъ, что они неправы въ своемъ отношеніи къ Полухину. Онъ не

побоится заявить, что стоитъ на сторонѣ Полухина (тѣмъ болѣе, что врядъ ли они такъ сильны, какъ думаютъ).

Но, когда онъ пришелъ въ музей, его какъ обухомъ по головѣ ошарашили новостью: ячейка свалила Полухина... Ему было поставлено въ вину его индивидуальное управленіе, безъ привлеченія къ творческой работѣ молодыхъ силъ. Онъ ни разу не созвалъ ихъ, не проявилъ никакихъ коллективистическихъ навыковъ и распоряжался, какъ генералъ добраго стараго времени (Ипполитъ Кисляковъ предупреждалъ его). Обнаружился полный отходъ Полухина отъ рабочаго коллектива и полное игнорированіе предложеній ячейки.

Но каково же будетъ теперь его, Кислякова, положеніе?

Вѣдь онъ былъ правой рукой Полухина. Полухинъ вездѣ и всѣмъ говорилъ про Кислякова, что это самый цѣнный для дѣла и революціи человѣкъ. Какъ ячейка теперь посмотритъ на него, вѣрнаго товарища и друга Полухина? Можетъ быть, рѣшитъ, что вообще нужно будетъ оздоровить аппаратъ и въ первую голову пошлетъ его къ чорту вслѣдъ за ушедшимъ Полухинымъ? А чѣмъ ему можетъ помочь Полухинъ?... Ему теперь не до того, чтобы помогать другому, когда у самого непріятность. И тѣмъ не менѣе Кисляковъ рѣшилъ пойти къ нему и сказать:

«Вотъ пришло испытаніе моей вѣрности: на тебя гоненіе, и я не покидаю тебя, пойду съ тобой работать — куда хочешь».

Но дѣло въ томъ, что Полухинъ не магнатъ, имѣющій свои владѣнія, а партійный человѣкъ, котораго пошлютъ, куда найдутъ нужнымъ, и пошлютъ одного, а не со штатомъ, хотя бы въ лицѣ одного Кислякова. Такъ что практически, р е а л ь н о, испытаніе «моей вѣрности» — это полная чепуха.

А вотъ пойти въ ячейку и постараться убѣдить ребятъ, чтобы они не дѣлали глупостей, если еще не поздно, — это другое дѣло. Они скажутъ: «Ты, конечно, защищаешь его потому, что онъ твой другъ».

Тутъ можно возразить, что имъ руководитъ не дружба, отъ которой онъ ни одной минуты не думаетъ отрекаться, а просто справедливость.

Они скажутъ: «Для насъ, марксистовъ, грошъ цѣна справедливости, ради которой приходится покрывать неправильную линію руководства».

Но пойти къ нимъ непремѣнно нужно. И при этомъ нисколько не скрывать своихъ симпатій къ Полухину.

Только съ какой фразой войти? Если войти и сказать: «Вы что же, съ ума сошли — отводите хорошаго работника? . . .»

Эта фраза можетъ, пожалуй, зацѣпить ихъ самолюбіе. Они посмотрятъ на него съ оскорбительнымъ удивленіемъ и скажутъ:

«А вамъ-то какое дѣло? Вы что намъ, товарищъ или партійный, что позволяете себѣ дѣлать такія заявленія и еще въ такой формѣ?»

На это можно сказать, что, конечно, онъ считалъ себя ихъ товарищемъ: съ кѣмъ они папироски на окнѣ курили? Кого приняли въ свою среду и говорятъ ему «ты», называютъ товарищемъ Кисляковымъ?

Но папироской на нихъ, пожалуй, не подѣйствуешь и попадешь въ глупое положеніе. Тогда можно войти и иронически сказать, не напрашиваясь ни на какое товарищество:

«Здорово вы размахнулись! Такъ вы скоро, пожалуй, всѣхъ цѣнныхъ людей разгоните».

Кисляковъ по привычкѣ говорилъ это самъ съ собой вслухъ, ходя по темному коридорчику внизу около архива, гдѣ никого не было. Онъ хотѣлъ было придумать еще какую-нибудь входную фразу, но въ это время сверху показались двое техническихъ служащихъ, которые несли внизъ тяжелый ящикъ. Они даже остановились и съ удивленіемъ посмотрѣли на Кислякова, какъ будто тотъ разговаривалъ съ невидимыми духами.

Онъ покраснѣлъ и, пробѣжавъ мимо нихъ, неожиданно для себя прямо вошелъ въ комнату ячейки.

Тамъ сидѣли Чуриковъ, торопливо писавшій что-то подъ диктовку Маслова, который ходилъ по комнатѣ и ерошилъ волосы, — и еще двое комсомольцевъ.

— Здорово вы размахнулись! — сказалъ Кисляковъ, войдя въ комнату. Масловъ разсѣянно на него оглянулся.

Кисляковъ вдругъ почувствовалъ, что его фраза, разсчитанная на другую, не дѣловую обстановку, сейчасъ прозвучала нѣсколько дико, такъ какъ люди были заняты спѣшной работой.

Чуриковъ, очевидно, понялъ эту фразу не въ ироническомъ смыслѣ, а въ поощрительномъ, и сказалъ, на секунду оторвавшись отъ писанія:

— Да. Мы и сами не ожидали, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ Наполеона (такъ прозвали Полухина за его диктаторскія замашки).

Кислякову показалось невозможнымъ разъяснить, что онъ сказалъ это вовсе не въ поощрительномъ, а, наоборотъ, въ осудительномъ и ироническомъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе, что люди отнеслись къ нему съ довѣріемъ, какъ къ своему сторонникy, и неудобно было бы при такомъ ихъ отношеніи къ нему взять да сказать:

«Я не вашъ сторонникъ, а сторонникъ товарища Полухина, и вовсе не думаю васъ поощрять».

Поэтому онъ только сказалъ:

— Я тоже не ожидалъ. Ловко сработали.

— Да вѣдь ты, кажется, дружилъ съ нимъ? — спросилъ одинъ изъ комсомольцевъ.

Кисляковъ увидѣлъ, что спокойные холодные глаза Маслова при этой фразѣ остановились пристально на немъ. Онъ чувствовалъ жуткій толчокъ въ сердце, какъ будто онъ пошатнулся, стоя на краю отвѣсной пропасти. Но сейчасъ же собралъ себя отчаяннымъ усиліемъ воли и равнодушно сказалъ, пожавъ плечами:

— Что значитъ «дружилъ»?

— Постоянно былъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Постоянно... постоянно и телѣга съ лошадью бываетъ, но изъ этого еще нельзя заключить, что лошадь дружитъ съ телѣгой, — сказалъ онъ. И въ пер-

вый разъ ясно почувствовалъ, что честность мысли нарушена подъ вліяніемъ мгновенно охватившаго его непобѣдимаго животнаго страха.

Всѣ засмѣялись. А онъ при этой удачно сказавшейся фразѣ едва удержалъ свой спокойный и безразличный видъ. При этомъ онъ, не торопясь, хотя у него дрожали руки, досталъ папиросы, молча протянулъ коробку ближайшему комсомольцу, и они закурили, а Масловъ сталъ снова ходить и диктовать.

Потомъ остановился противъ Кислякова и сказалъ:

— Ты вѣдь здорово смекаешь въ дѣлѣ?

— А что? Немного есть.

— Не немного, вѣдь вся работа по твоей идеѣ проведена.

— Ну, ты ужъ з а л и в а е ш ь слишкомъ, — сказалъ Кисляковъ, выпуская дымъ колечками и разсматривая ихъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ серьезно Масловъ, — мы тебя выдвинемъ на постъ замдиректора.

Кисляковъ чуть не уронилъ папироску, такъ какъ обжегся ею, услышавъ эту фразу. И, не произнося ни слова, только утиралъ рукой обожженную губу.

— Ладно, — сказалъ равнодушно Кисляковъ, — только я одинъ работать не буду, а буду всѣхъ васъ впрягать въ дѣло.

— Это только и желательно, — сказалъ Масловъ. — Намъ Наполеоны не нужны. Ну, значитъ, рѣшено: мы выставляемъ твою кандидатуру.

— Я одно могу сказать: что если я въ дѣлѣ чего-нибудь не соображу, зато положиться на меня можешь, какъ на самого себя.

Ноги его уже не могли оставаться въ спокойномъ состояніи, онѣ стремились сорваться съ мѣста и нести его куда-то въ неопредѣленномъ направленіи. Кисляковъ, сдерживая себя и стараясь не издать какого-нибудь неожиданнаго звука горломъ отъ клокотавшаго въ немъ чувства радости жизни и признательности къ неожиданно высоко оцѣнившимъ его людямъ, вышелъ изъ комнаты ячейки.

— Подожди меня, пойдемъ вмѣстѣ, — крикнулъ ему Масловъ. Кисляковъ остановился въ коридорѣ у двери. Вдругъ на другомъ концѣ коридора онъ увидѣлъ Полухина. Вся кровь отхлынула у него отъ сердца. Самъ не понимая, почему и какъ, онъ быстро повернулся отъ него въ противоположную сторону и пошелъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто уходилъ подъ направленнымъ на него ружьемъ, которое сейчасъ выстрѣлитъ.

Полухинъ увидалъ его и крикнулъ:

— Ипполитъ!

Онъ по имени еще никогда его не называлъ. Сердце у Кислякова дрогнуло. Но въ дверяхъ уже слышны были шаги Маслова. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ призыва своего друга, и, прибавивъ шагу, бросился внизъ по лѣстницѣ.

Онъ самъ не понималъ, какъ это у него вышло. У него застыла вся кровь при мысли, что Полухинъ возьметъ его подъ руку, и въ это время выйдетъ Масловъ... И, только добѣжавъ до раздѣвальни, онъ почувствовалъ, что послѣ этого встрѣчаться съ Полухинымъ невозможно, немыслимо! Лучше провалиться сквозь землю.

LVII

Когда онъ спустился внизъ, швейцаръ Сергѣй Ивановичъ подалъ ему записку, которую, какъ онъ сказалъ, принесъ какой-то человѣкъ въ шляпѣ, при чемъ былъ «въ странномъ состояніи».

Кисляковъ развернулъ записку.

«Приходи, мнѣ необходимо немедленно видѣть тебя и переговорить. — Аркадій».

Въ краткости записки и въ ломанномъ, распадающемся почеркѣ чувствовалось что-то тревожное. Это не было похоже на простое приглашеніе. Очевидно, что-то случилось.

У Кислякова мелькнула мысль, отъ которой у него застыло и остановилось сердце, — именно — что Аркадій узналъ о его связи съ Тамарой. Возможно, что она сама, въ припадкѣ отчаянія отъ очередной неудачи,

сказала ему все? А можетъ быть, еще что-нибудь случилось. Вѣдь сегодня какъ разъ первое октября, — срокъ, поставленный Тамарой.

Но, если она сказала Аркадію обо всемъ, какъ ему смотрѣть своему другу въ глаза?

Конечно, онъ можетъ сказать:

«Да, другъ, это случилось со мной потому, что я потерялъ то, безъ чего человѣкъ не можетъ жить: высшую цѣль и смыслъ жизни. Во мнѣ сейчасъ нѣтъ ничего. Никакой святыни. Я потерялъ обоняніе. Я ухватился за эту страсть, какъ за спасеніе отъ страшной пустоты внутренней.

Я всѣми силами старался заполнить свою пустоту. Старался вѣрить и въ то, что я сейчасъ дѣлаю; мнѣ казалось, что я полюбилъ людей, съ которыми я работаю. Старался всячески усилить въ себѣ эту любовь, потому что она помогала мнѣ искренно работать и давала мнѣ возможность честности мысли. Мнѣ казалось, что я всей душой съ ними.

Но съ ними ли я? Самый страшный вопросъ для меня. Не былъ ли это страхъ вмѣсто любви? Не любилъ ли я этихъ людей только какъ своихъ спасителей отъ физической гибели? И, можетъ быть, у меня въ душѣ нѣтъ ничего, кромѣ страха гибели, нѣтъ ни къ кому никакой любви, а только боязнь, что обнаружатъ мою истинную сущность».

Онъ могъ бы еще сказать:

«Ты видишь, что моего реальнаго бытія нѣтъ, я самъ не знаю, въ чемъ я реаленъ. Въ сущности это конецъ... Ты видишь, что я, можетъ быть, болѣе несчастенъ, чѣмъ ты. Поэтому прости, если можешь».

Но это было слишкомъ большое усиліе и слишкомъ страшная вещь, чтобы раскрывать ее передъ другими, когда самъ боишься объ этомъ думать. Вѣдь только онъ одинъ знаетъ объ этомъ.

Зачѣмъ раскрывать эту послѣднюю жуткую правду?

Аркадій встрѣтилъ друга молча. Вся его большая фигура въ туфляхъ и пиджакѣ съ поднятымъ воротни-

комъ, надѣтомъ прямо на ночную сорочку, была сгорблена, какъ у больного. Взглядъ былъ мертвый, отсутствующій, какой бываетъ у человѣка послѣ похоронъ близкаго человѣка. Онъ былъ небритъ и, очевидно, не умывался. Отъ него опять пахло виномъ.

Онъ пропустилъ друга въ комнату и самъ закрылъ дверь.

Въ квартирѣ опять погасло электричество, и въ темномъ окнѣ около кресла стояла одинокая свѣча.

Въ комнатѣ былъ безпорядокъ и все было сине отъ табачнаго дыма. Всюду были набросаны и натыканы окурки — въ пепельницахъ, въ блюдцѣ со стаканомъ недопитаго холоднаго чая. На диванѣ была неубранная постель.

— Садись ... — сказалъ Аркадій глухимъ, точно простуженнымъ голосомъ. — Электричество не горитъ.

Самъ онъ все ходилъ въ туфляхъ по комнатѣ, что-то искалъ, перерывалъ лежащія на подоконникѣ газеты и все протиралъ лѣвый глазъ, какъ будто онъ плохо смотрѣлъ у него.

— Ну, ты какъ живешь? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ, все продолжая рыться и не оглядываясь на друга.

— Такъ, неважно, — сказалъ Кисляковъ, безотчетно на всякій случай стараясь преуменьшить свое благополучіе. Сердце его тревожно билось отъ ожиданія. Тамары не было ...

— Неважно, говоришь, живешь? Это ничего, поправится какъ-нибудь, что м о ж е т ъ поправиться.

И вдругъ, повернувшись къ Кислякову, Аркадій совершенно другимъ тономъ проговорилъ:

— А у меня вотъ все к о н ч е н о, братъ! ...

— Какъ «все кончено»? ... Что «кончено»? — спросилъ съ выраженіемъ тревоги и облегченія Кисляковъ, такъ какъ по обращенію Аркадія почувствовалъ, что н е о н ъ является причиной.

— Такъ ... Видишь, е я н ѣ т ъ, — сказалъ Аркадій, обведя короткимъ жестомъ комнату и указавъ на раскрытую дверь спальни.

— Гдѣ же она? — вскричалъ Кисляковъ, поблѣднѣвъ. Онъ совсѣмъ не ожидалъ, что это на него такъ подѣйствуетъ. Его, какъ острымъ ножомъ, кольнула въ сердце ревность при мысли, что его вниманіе умышленно и съ расчетомъ было усыплено этой отсрочкой на три дня.

— Гдѣ же она? — повторилъ онъ.

— Ушла... Ушла совсѣмъ.

Аркадій взялъ изъ-подъ лежавшей на столѣ газеты пачку какихъ-то писемъ и надѣлъ очки (въ этихъ очкахъ онъ вдругъ показался Кислякову старикомъ).

— Но это бы не бѣда, что ушла. У меня осталась бы моя вѣра въ человѣка. А теперь она... — онъ остановился. — Разбита вдребезги!.. — почти выкрикнулъ онъ.

Кисляковъ опять почувствовалъ, что у него похолодѣло сердце. Можетъ быть. Аркалій е г о имѣетъ въ виду?...

— Въ оставленной запискѣ она говоритъ, что полюбила одного человѣка, — сказалъ Аркадій, пригнувъ голову и посмотрѣвъ поверхъ очковъ на друга.

Кисляковъ со страшнымъ усиліемъ выдержалъ взглядъ Аркадія и уже хотѣлъ придать своему лицу выраженіе каменнаго безразличія, такъ какъ у него мелькнула мысль, что слова записки указываютъ на него.

Аркадій продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ — конечно, тотъ Миллеръ, котораго ты видѣлъ здѣсь. Этотъ Миллеръ везетъ ее сниматься въ большой картинѣ въ Одессу, а оттуда они ѣдутъ за границу. Передъ ней, наконецъ, открываются закрытыя раньше двери жизни.

Все это онъ проговорилъ какимъ-то безстрастнымъ, ровнымъ голосомъ точно читалъ протоколъ вскрытія. Но руки у него дрожали.

— Ты знаешь меня, знаешь, что въ послѣднее время я жилъ только тѣмъ, что давалъ скудныя крохи счастья другому человѣку, е й.

Онъ замолчалъ и смотрѣлъ передъ собой въ пространство. Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Кисляковъ съ бьющимся сердцемъ молча ждалъ.

— Но, — продолжалъ Аркадій, — и въ этомъ меня обокрали до конца. Остались письма ея подруги къ ней. Изъ нихъ я узналъ то, чего раньше не зналъ... И потомъ я нашелъ ея недоконченное письмо къ той же подругѣ. Я прочту... вотъ отсюда...

Онъ дрожащей рукой поправилъ очки и сталъ читать:

«Я въ Москвѣ, вопреки М. и на зло Л. Какъ я рада, что вырвалась, наконецъ, изъ этой ямы. Я подходила къ жизни съ наивной вѣрой, а къ людямъ съ безграничной довѣрчивостью. Я думала, что ихъ цѣль поддержать во мнѣ вѣру въ мое стремленіе. Они казались мнѣ такими прекрасными, интеллигентными людьми. Я говорю о М. и Л. Но и тому и другому нужно это было только для того, чтобы закружить мнѣ голову и взять меня. Это имъ и удалось, они продолжали пользоваться, сначала одинъ, потомъ другой, а потомъ и оба вмѣстѣ, когда уже меня охватило отчаяніе, и мнѣ стало все равно, лишь бы чѣмъ-нибудь забыться».

Голосъ Аркадія все больше и больше становился хриплымъ и глухимъ.

«Потомъ я пришла къ заключенію, — продолжалъ онъ читать, — что если они, эти прекрасные люди, оказались подлецами, если моя вѣра разбита, то я должна научиться смотрѣть на дѣло иначе. У меня есть оружіе, которое бьетъ навѣрняка, это моя (относительная) красота. Пусть относительная, но ея хватитъ для дѣла. Я сказала себѣ, что я стисну зубы и буду пользоваться ею для дѣла. Буду цинично, откровенно сама передъ собой называть вещи своими именами (это страшно только въ первый моментъ).

Я настояла на томъ, чтобы М. переѣхалъ въ Москву и устроилъ тамъ Аркадія. Какъ онъ хочетъ, это его дѣло. И нашелъ бы квартиру».

Аркадій остановился и долго смотрѣлъ въ сторону. Потомъ продолжалъ:

«М. этому долго противился, Л. возмущался, грозилъ, но я настояла на своемъ. Я въ Москвѣ. Я научилась просто смотрѣть на вещи. И когда получила отъ М., что мнѣ было нужно, то показала ему на дверь. Я сказала себѣ: никакихъ увлеченій, будь трезва и береги товаръ».

Въ этомъ мѣстѣ Аркадій, бросивъ письмо, быстро всталъ и, повернувшись къ окну, долго стоялъ тамъ.

Кисляковъ слушалъ письмо съ такимъ ощущеніемъ, съ какимъ подсудимый слушаетъ смертный приговоръ своимъ соучастникамъ по преступленію и каждую минуту ждетъ, что сейчасъ среди общей тишины будетъ названа и его фамилія.

Аркадій опять сѣлъ къ столу.

На лицо его было страшно смотрѣть. Ввалившіяся небритыя щеки и горящіе какимъ-то безумнымъ блескомъ глаза. Онъ продолжалъ:

«Меня познакомили съ кинорежиссеромъ, онъ оцѣнилъ меня какъ артистку кино съ большимъ будущимъ и, конечно, какъ женщину. Это въ первую голову. Я сказала себѣ: держись и береги товаръ. Когда сдѣлаетъ, тогда можетъ получить. Но это было въ первый день. Затѣмъ я почувствовала столько въ немъ нѣжности, столько деликатности и настоящей ласки, ласки, которую онъ старается скрыть отъ самого себя! Я почувствовала это и горячо благодарю судьбу за то, что она даетъ мнѣ два счастья разомъ: выходъ на просторъ жизни и . . . любовь.

Эти два субъекта, М. и Л., имѣли еще характеръ быть у насъ, обѣдали. И я, счастливая и потому не помнящая зла, забыла ихъ гнусненькую роль и . . . была съ ними мила и любезна».

Имени Ипполита Кислякова все еще не было. Каждая новая строчка заставляла его ждать, что вотъ-вотъ, сейчасъ Аркадій прочтетъ . . . Легче было сидѣть на раскаленныхъ угляхъ, чѣмъ слушать строчка за строчкой такое чтеніе . . .

«Аркадій былъ для меня милой нянькой, и, конечно, я была съ нимъ только несчастной».

По лицу Аркадія прошла судорога. Но онъ продолжалъ:

«Я ухожу со свѣтлой надеждой и съ вновь найденной вѣрой въ жизнь. Сначала мы ѣдемъ въ Одессу, потомъ уѣзжаемъ за границу на цѣлыхъ два мѣсяца.

Въ своей московской автобіографіи я упустила еще одинъ эпизодъ, который явился тоже результатомъ крайняго отчаянія и пустоты и не далъ мнѣ рѣшительно ничего. Первое время мнѣ почудилась въ немъ нѣкоторая романтика. Теперь, глядя трезвыми глазами, я вижу...»

— Здѣсь письмо обрывается, — сказалъ Аркадій, откладывая въ сторону листокъ и снимая очки.

— Все?... — взволнованно переспросилъ Кисляковъ, точно ему сказали, что приговоръ весь прочтенъ, и онъ не услышалъ своей фамиліи.

— Все, — отвѣтилъ Аркадій, сбросивъ очки на столъ и вставъ. — Чего же еще?

Онъ весь дрожалъ.

— Ты догадываешься, что М. и Л. — это дядя Мишукъ и Левочка, «лучшіе мои друзья» за время моей жизни въ Смоленскѣ... Я, конечно, всегда зналъ, что есть подлецы, такъ называемые друзья дома. И часто интеллигентные люди бывали въ этой роли. Но не теперь! Не теперь, когда нужно беречь послѣднія крохи нашей правды! А я съ ними еще о «церкви» говорилъ, какъ съ тобой. И они слушали. Они слушали! О гнусность!... И вотъ я думаю, что, можетъ быть, нашей, т.-е. общечеловѣческой, правды давно уже никакой не осталось, она давнымъ-давно сгнила.

Онъ говорилъ это, какъ въ лихорадкѣ. И уже не ходилъ, а метался по комнатѣ, какъ раненый звѣрь. И его тѣнь отъ свѣчи прыгала гигантскимъ призракомъ по стѣнамъ и потолку. На лбу выступилъ потъ, волосы были всклокочены. Иногда пламя свѣчи колебалось,

и тогда призракъ, казалось, заполнялъ своей тѣнью всю комнату.

— Ты пойми: люди, сначала одинъ, потомъ другой, приходили ко мнѣ, говорили со мной о судьбахъ «родины» (въ то же время они на отличномъ счету), ѣли мой хлѣбъ и спали (по очереди или ужъ я не знаю какъ) съ моей женой! Чего ты еще хочешь? Куда дальше можно итти?

Вѣдь если съ человѣкомъ интеллигентнымъ случилась такая вещь, онъ прежде всего долженъ спросить себя: «Что же это со мной? Я дѣлаю такую подлость и не чувствую, что это подлость. Значитъ, во мнѣ свернулся самый главный винтъ. А они, повѣрь, не чувствовали и не думали ни о какомъ винтѣ. Они оба бывали у меня въ продолженіе всей зимы. Можетъ быть, дѣлили е е по общему соглашенію... О Боже, гдѣ же мѣра низости?...

Онъ закрылъ глаза рукой, и видно было, какъ по его лицу опять прошла судорога. Потомъ продолжалъ лихорадочно, торопливо:

— Если же человѣку не приходитъ въ голову поставить себѣ этотъ страшный вопросъ, значитъ — все кончено! Все! Значитъ, это вырожденіе. Значитъ, это послѣдняя свистопляска на могилѣ собственной души.

— Ну, это ужъ ты преувеличиваешь, — сказалъ Кисляковъ.

— Какъ преувеличиваю? — вскрикнулъ съ новой силой Аркадій. Милый мой, когда въ человѣкѣ свернутъ винтъ, когда онъ потерялъ руководящее начало, какъ онъ можетъ жить? Чѣмъ? Я вотъ не могу жить моей наукой, потому что я знаю, я чувствую, что мы кончились. Будущее принадлежитъ другой расѣ. Пойми: другой расѣ... Вѣдь рабочій — это другая раса, — раса, ничего общаго съ нами не имѣющая. Это другой завѣтъ, ничего не подѣлаешь. Крысъ я еще могу омолаживать, а классъ, у котораго свернулся винтъ, омолодить нельзя, невозможно!

А такіе факты, какъ этотъ, — онъ дрожащимъ пальцемъ указалъ на письмо, — такіе факты свидѣтельствуютъ о томъ, что винтъ свернутъ, свернутъ окончательно! Я не скажу, чтобы этотъ дядя Мишукъ и этотъ Левочка были моими друзьями въ такой степени, какъ мы съ тобой. Этого, слава Богу, не было. Но всѣ же они были близкими мнѣ людьми, моими пріятелями, которыхъ я (о святая простота!) встрѣчалъ съ распростертыми объятіями. Они знали, знали, что Тамара для меня была почти единственной опорой, знали, что я любилъ ее безмѣрно, высоко, чисто, — и все-таки они... Боже, гдѣ же предѣлъ? Нѣтъ его! Понялъ? Нѣтъ предѣла! — сказалъ Аркадій, остановившись передъ другомъ и глядя на него блуждающими глазами.

— А ты ничего не замѣчалъ? — спросилъ Кисляковъ.

— Нѣтъ! Мнѣ и въ голову никогда не могло притти. Она усвоила манеру простоты обращенія съ ними. Она встрѣчала ихъ какъ близкихъ друзей, какъ своихъ родственниковъ. Она говорила имъ «ты», при встрѣчѣ цѣловалась съ ними, какъ съ братьями или друзьями дѣтства. Мнѣ только иногда казалось страннымъ, что она какъ будто пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы услать меня изъ дома, когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ. Почему-то всегда въ такихъ случаяхъ ей оказывалось необходимо сдѣлать цѣлую массу покупокъ. Но замѣчать что-нибудь я никогда не замѣчалъ. Я какъ то не зналъ практики лжи. Я самъ ложью никогда не пользовался.

Какъ бы обезсиленный, онъ сѣлъ около стола.

— Я не случайно сказалъ, — продолжалъ Аркадій, — что ни тотъ ни другой не были моими друзьями, не были въ той мѣрѣ, какъ ты. Друзьями могутъ быть многіе, но другомъ можетъ быть только одинъ. Такая дружба только тамъ, гдѣ рождаются большія идеи, гдѣ другъ является воспріемникомъ твоей идеи, творящей жизнь. Такимъ другомъ былъ и есть для меня только ты одинъ. Но мнѣ суждено было повѣрять тебѣ не идею животворящей жизни, а идею смерти.

Что же, и въ этомъ нуженъ другъ. Такъ какъ передъ лицомъ такой смерти, смерти высшаго начала, остаться одному — это ужъ слишкомъ страшно. Теперь понимаешь, чѣмъ ты являешься для меня? Моя послѣдняя опора..

Аркадій закрылъ лицо руками и сидѣлъ нѣкоторое время неподвижно, поставивъ локти на столъ.

Во всей этой сценѣ было что-то сумбурное, жуткое, то ли отъ горячечнаго вида Аркадія, то ли отъ тусклаго свѣта одинокой свѣчи на темномъ окнѣ, за которымъ вылъ и шуршалъ въ голыхъ деревьяхъ осенній вѣтеръ.

Вдругъ изъ-за рукъ, покрывавшихъ лицо Аркадія, послышался смѣхъ.

Кисляковъ вздрогнулъ отъ этого смѣха, и ему стало жутко.

Аркадій продолжалъ смѣяться. Но когда онъ открылъ лицо, то оно было похоже на безжизненную неподвижную маску. Смѣялась только нижняя часть лица.

— Сегодня день моего рожденія, первое октября... Вѣдь подумать!... сказалъ онъ. — Подумать, что изъ всѣхъ моихъ друзей только одинъ ты не былъ ея любовникомъ!... Есть отъ чего сойти съ ума. Только одинъ!...

Вдругъ въ коридорѣ послышались женскіе шаги.

Почему-то оба друга поблѣднѣли и, оглянувшись на дверь, съ безотчетнымъ ужасомъ чего-то ждали.

Дверь открылась. На порогѣ стояла Тамара. Въ опущенныхъ рукахъ она машинально держала свертокъ газетной бумаги, какъ будто ей кто-то всунулъ его въ руки и онъ такъ остался. Она стояла, прислонившись, какъ бы въ безсиліи, къ притолокѣ двери.

Всѣ трое молчали.

Наконецъ, она точно пробудившимся взглядомъ посмотрѣла на обоихъ друзей и, уронивъ свертокъ, убѣжала въ спальню.

Аркадій и Кисляковъ сидѣли неподвижно. Аркадій всталъ и, поднявъ свертокъ, развернулъ его. Въ

немъ были три пары шелковыхъ чулокъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, ничего не понимая.

Кисляковъ бросился въ спальню, но едва только онъ скрылся за дверью, какъ оттуда раздался нечеловѣческій крикъ и послышалось паденіе чего-то тяжелаго и мягкаго.

Кисляковъ выбѣжалъ обратно.

На лицѣ его былъ ужасъ. Онъ схватилъ свѣчу съ окна.

Когда они вошли въ спальню, то на полу около высокаго орѣховаго кресла съ рѣзной спинкой сидѣла, опершись обѣими руками о полъ, какъ-то странно скрючившись Тамара; изъ-подъ нея извилистымъ ручейкомъ текла кровь, образуя лужу на полу. А подъ кресломъ валялся старенькій кавказскій кинжалъ. Онъ вошелъ въ сердце подъ лѣвой грудью.

Кислякову, какъ въ бреду, вспомнилась фраза Миллера:

«Русскую женщину можно купить за три пары шелковыхъ чулокъ».

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА»

РИГА, МЕЛЬНИЧНАЯ 57

Почт. ящикъ 1044 Почт. тек. счетъ 1354

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Полное собраніе художественныхъ произведеній въ 12 томахъ.

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. Полное собраніе художественныхъ произведеній въ 12 томахъ.

Изъ отзыва *М. Алданова* („Соврем. записки" № 37).

. . . Изданіе, только что выпущенное въ Ригѣ, имѣетъ весьма большія достоинства и составляетъ серьезную заслугу изд-ва „Жизнь и Культура".

. . . Рижское издательство (ограничившее свою задачу изданіемъ однихъ художественныхъ произведеній Толстого и Достоевскаго) сдѣлало все или почти все, что въ зарубежныхъ условіяхъ можно было сдѣлать. Въ собраніе сочиненій Толстого включены и такъ называемыя „посмертныя произведенія" („Хаджи-Муратъ", „Отецъ Сергій" и др.) . . . и отрывки изъ „Петра", и варіанты „Войны и мира", и четыре начала „Декабристовъ". . .

. . . Такимъ образомъ изданіе это является самымъ полнымъ изъ всѣхъ до настоящаго времени выпущенныхъ въ Россіи и заграницей. Оно снабжено біографическимъ очеркомъ, вводной статьей, указателями, иллюстраціями и вполнѣ удовлетворительно по внѣшнему виду. . .

. . . Выборъ иллюстраціоннаго матеріала заслуживаетъ полнаго одобренія. Такъ наряду съ очень популярными снимками, въ собраніе включены нѣсколько рѣдкихъ фотографій, мало извѣстный дагерротипъ 1850-хъ годовъ „Братья Толстые", превосходный этюдъ И. Е. Рѣпина „Толстой за чтеніемъ" (въ постели) — одинъ изъ лучшихъ рисунковъ знаменитаго художника.

Собраніе сочиненій Достоевскаго . . . слѣдуетъ признать лучшимъ изъ тѣхъ, которые въ настоящее время намъ доступны. . .

Складъ изданія

А./О. ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА, Театральная 11

Цѣна каждаго собранія:

Въ переплетѣ амер. долл.	11,—	Ls 55,—
Брошюрован. „ „	8,—	„ 40,—

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА»

РИГА, МЕЛЬНИЧНАЯ 57

Почт. ящикъ 1044 Почт. тек. счетъ 1354

Принимается подписка
на полныя собранія художественныхъ произведеній

А. С. ПУШКИНА

(2 тома большого формата)

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

(2 тома большого формата)

И. С. ТУРГЕНЕВА

(10 томовъ обычнаго формата)

Въ каждое собраніе войдетъ рядъ произведеній, не включенныхъ ни въ одно изъ существующихъ изданій. При каждомъ собраніи — біографія, статья о творчествѣ, портреты, снимки, факсимиле. Все изданіе печатается на спеціально заказанной для него хорошей бумагѣ

Условія разсрочки и подписки издательствомъ высылаются по первому требованію

Пріемъ подписки: 1) въ отдѣл. изд-ва „Жизнь и Культура" при конторѣ „Сегодня", Рига, Мельничная 57 (почт. ящикъ № 1044, почт. тек. счетъ 1354) отъ 10 до 1 ч. и отъ 3 до 6½ ч, и 2) въ книжномъ магазинѣ А./О Вальтерсъ и Рапа, Рига, Театральная 11.

Уже вышли изъ печати 7 тт. сочиненій *И. С. Тургенева.* Сочиненія *М. Ю. Лермонтова* выйдутъ въ свѣтъ въ теченіе лѣта Къ печатанію сочиненій *А. С. Пушкина* будетъ приступлено осенью этого года

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА»

РИГА, МЕЛЬНИЧНАЯ 57

Почт. ящикъ 1044 Почт. тек. счетъ 1354

Читайте увлекательныя
новинки художественной литературы въ серіи

«СИНЯЯ БИБЛІОТЕКА»

Книга 1-я:	**Г. Г. Эверсъ** — „Превращенная въ мужчину“	Цѣна Ls	2,—
„ 2-я:	**А Новиковъ-Прибой** — „Соленая купель“	„ „	2,—
„ 3-я:	**Клодъ Фарреръ** — „Похоронный маршъ“. **Стефанъ Цвейгъ** — „Достоевскій“	„ „	1,—
„ 4-я:	**Глѣбъ Алексѣевъ** — „Обреченная“ (Девятнадцать писемъ женщины)	„ „	1,—
„ 5-я:	**Морисъ Декобра** — „Плѣнница д-ра Шомберга“	„ „	1,—
„ 6-я:	**П. Фрондэ** — „Богачъ на часъ“. **Е. Терстонъ** — „Двойникъ депутата“	„ „	2,—
„ 7-я:	**Тома Рока** — „Событія одного дня“	„ „	1,—
„ 8-я:	**Леонидъ Гроссманъ** — „Записки д'Аршіака“	„ „	1,—
„ 9-я:	**Морисъ Декобра** — „Зачѣмъ умирать!“	„ „	1,—

Продаются во всѣхъ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ

Складъ издан. у М. ДИДКОВСКАГО, Крѣпостная 43/45
Въ Литвѣ у А. ПТАШЕКА, Kaunas, Prezidenta g-ve 6